

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

*Светлой памяти востоковедов,
погибших в годы
Великой Отечественной войны,
посвящается*

Transactions of the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Edited
by Irina Popova

Issue No 1

Studies
of Orientalists at the time
of the Leningrad Blockade
(1941–1944)

Moscow
Vostochnaya Literatura
Publishers
2011

**Труды
Архива востоковедов
Института восточных
рукописей РАН**

Под общей редакцией
И.Ф. Поповой

Выпуск 1

Труды востоковедов
в годы блокады
Ленинграда
(1941–1944)

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2011

УДК 94
ББК 63.3
Т78

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 10-01-16153д*

Составитель и ответственный редактор
И.Ф. Попова

Рецензенты
Т.В. Ермакова, Е.Ю. Басаргина

Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 2011. — 343 с. : ил. — (Труды Архива востоковедов ИВР РАН. Вып. 1). — ISBN 978-5-02-036466-0

Первый выпуск новой серии «Труды Архива востоковедов ИВР РАН» посвящен 65-й годовщине Великой Победы. В годы Великой Отечественной войны несколько десятков сотрудников Института востоковедения, в ту пору находившегося в Ленинграде, остались в родном городе и продолжали свои научные занятия: работали над исследовательскими темами, делали сообщения и доклады, занимались составлением военных словарей и справочников, публиковали научно-популярные работы, связанные в первую очередь с задачами патриотического воспитания. Благодаря героическим усилиям этих людей удалось сохранить рукописные и книжные фонды Азиатского музея — Института востоковедения — Института восточных рукописей РАН. Чудом сохранившиеся материалы, черновики неопубликованных работ, докладов, переписка, заметки, не публиковавшиеся ранее, издаются в этом сборнике.

- © Попова И.Ф., составление, 2011
- © Институт восточных рукописей РАН, 2011
- © Редакционно-издательское оформление. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011

ISBN 978-5-02-036466-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт восточных рукописей РАН начинает издание «Трудов Архива востоковедов ИВР РАН». Архив востоковедов хранит материалы Азиатского музея, Института востоковедения АН СССР, Сектора восточных рукописей ИВ АН СССР и Ленинградского (Санкт-Петербургского) филиала ИВ РАН, официальные документы, приказы и распоряжения, протоколы заседаний, личные дела и неопубликованные материалы как сотрудников Института, так и востоковедов из других учреждений Санкт-Петербурга, России, а также ближнего и дальнего зарубежья.

В «Трудах» предполагается публиковать материалы из АВ ИВР РАН, а также из других архивных и научных учреждений, самые различные статьи, заметки и исследования по архивным материалам, персоналии, обзоры фондов и путеводители по ним.

Первый выпуск издания посвящен 65-й годовщине Великой Победы. Великая Отечественная война, составившая героическую страницу истории нашей страны, стала тяжким испытанием для коллектива Института востоковедения, в ту пору находившегося в Ленинграде. В июне 1941 г. в ИВ АН работало 130 человек, а к 1 мая 1942 г. осталось всего 27 сотрудников.

В конце июня — начале июля 1941 г. большая группа сотрудников Института вступила добровольцами в народное ополчение, а другие были призваны в ряды действующей армии. Часть сотрудников эвакуировали в Ташкент, где продолжалась научная работа коллектива, который помимо исследований выполнял большую преподавательскую работу. В эти годы в аспирантуре ИВ АН прошли подготовку многие специалисты, создавшие впоследствии национальные востоковедные школы в бывших республиках советской Средней Азии. Многие востоковеды не покинули Ленинград и продолжали здесь свои научные занятия. В отчетах за 1941 г. упоминаются сделанные ими доклады, сообщения, работа над научными темами. В план работы ИВ АН на

1942 г. было включено 20 научных тем, большинство которых являлись продолжением многолетних исследований. При этом были предусмотрены и работы оборонного характера, в том числе составление военных словарей и справочников, написание научно-популярных работ, связанных в первую очередь с задачами патриотического воспитания. Предполагавшуюся эвакуацию рукописных фондов осуществить не удалось, и в годы войны они оставались на цокольном этаже здания Библиотеки Академии наук, где тогда располагался Институт. В Ленинграде была оставлена группа по охране имущества Института, в которую первоначально входили Д.В. Семенов, А.Н. Болдырев, О.П. Петрова, В.И. Евгенова, Т.В. Михновская, А.Ф. Елкина. После смерти Д.В. Семенова 8 мая 1943 г. группу возглавил А.Н. Болдырев. Благодаря ежедневным героическим усилиям этих людей удалось сохранить рукописные и книжные фонды Азиатского музея — Института востоковедения — Института восточных рукописей РАН.

43 сотрудника Института — более трети научного состава — погибли на фронтах Великой Отечественной войны и умерли в Ленинграде в годы блокады. Многие из них ушли из жизни в первую блокадную зиму 1941–1942 гг. в самом начале своего научного пути, в расцвете творческих сил. Их чудом сохранившиеся материалы, черновики неопубликованных работ, докладов, переписка, заметки отложились в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. В настоящий сборник вошли не публиковавшиеся ранее статьи востоковедов, трудившихся в осажденном Ленинграде.

Подготовка и оформление статей настоящего издания осуществлялись с учетом правил, принятых в научно-публикационной работе (см.: Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990). Авторы предисловий к документам и публикаторы — д. филол. н. А.И. Алиева, д. филол. н. И.В. Кульганек, к.и.н. С.И. Марохонова, к.и.н. И.К. Павлова, к.и.н. Т.А. Пан, к.и.н. А.В. Попов, д.и.н. И.Ф. Попова, Е.И. Серова, к.и.н. Н.С. Смелова, Е.В. Танонова, Е.О. Шухман. Подстрочные примечания в тексте принадлежат публикаторам, если иное не оговорено особо.

И.Ф. Попова

*К столетию со дня рождения.
Светлой памяти Учителя посвящается*

А.Н. БОЛДЫРЕВ

**Журнал текущей работы и происшествий
по Институту востоковедения
Академии наук СССР**

*Предисловие и публикация
И.К. Павловой*

Аннотация: Публикуемый «Журнал текущей работы» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а, ед. хр. 811) выдающийся иранист А.Н. Болдырев вел с декабря 1943 по май 1945 г., когда был сотрудником ИВ АН и уполномоченным Ленинградской группы Института (8 мая 1943 — 25 июля 1945), оставшейся в блокаде городе. В приложения к публикации помещены три важных документа, отражающих раннюю научную и преподавательскую деятельность А.Н. Болдырева: две автобиографии и копия свидетельства об окончании университета.
Ключевые слова: иранист А.Н. Болдырев, архивные материалы, личные документы, годы блокады, первая публикация.

---

29 мая 2009 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося ираниста, заслуженного деятеля науки Таджикистана, профессора кафедры иранской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета Александра Николаевич Болдырева (29.05.1909 — 04.06.1993).

А.Н. Болдырев прожил интересную, насыщенную событиями и творческими успехами жизнь. Имя этого ученого, обладавшего энциклопедическими познаниями, тонкого знатока персидского языка, стало знаковым для многих иранистов, востоковедов, литературоведов, переводчиков ближневосточной поэзии не только в России, но и за рубежом. Александр Николаевич был заслуженно отмечен правительственными наградами¹,

---

¹ А.Н. Болдырев был награжден орденом «Знак почета», медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 95. Л. 17об.). Он был удостоен ирано-советской премии им. Фирдоуси и Государственной премии Таджикской ССР им. Абу-Али ибн-Сины. В декабре

биографические сведения о нем были опубликованы в энциклопедических изданиях². Он также был счастливым исследователем, чьи работы при жизни по достоинству оценивались специалистами. Коллеги посвящали его юбилеям научные конференции, делали доклады и сообщения, писали о нем статьи и очерки³. Ряд публикаций, касающихся его научной деятельности, появился также после его кончины⁴. А.Н. Болдырев был бессменным председателем Семинара ленинградских иранистов, собиравшегося с 1966 г. до самой смерти ученого. Но проходят годы, сменяются поколения исследователей, и тех, кто работал вместе с Александром Николаевичем, учился у него, слушал его лекции, участвовал в работе его семинара, становится все меньше и меньше.

В АВ ИВР РАН находится около 40 единиц хранения, связанных с ранним периодом деятельности А.Н. Болдырева. Эти небольшие по объему документы имеют чрезвычайно важное значение для изучения жизненного пути А.Н. Болдырева в период его становления как ученого.

В 1936 г. А.Н. Болдырев вернулся в Ленинград из Таджикистана, где работал более трех лет⁵, и поступил на работу в Отдел Востока Государственного Эрмитажа, возглавив, как было указано в его харак-

---

2010 г. правительство Республики Таджикистан наградило А.Н. Болдырева (посмертно) Государственной премией с присвоением звания лауреата премии им. Рудаки.

² Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1970. Т. 3. С. 506–507; Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М., 1987. С. 154.

³ Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию проф. А.Н. Болдырева. М., 1969; Востоковедение. № 6. Сборник научных статей, посвященных 70-летию со дня рождения А.Н. Болдырева. Л., 1979; Востоковедение. № 15. Сборник научных статей, посвященных 80-летию со дня рождения А.Н. Болдырева. Л., 1989; Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по иранистике). К 70-летию А.Н. Болдырева. Ч. II. М., 1982; *Векилов А.П.* Несколько слов о докладе А.Н. Болдырева, о нем самом и о совсем других «низамиеведах» // Литературный Азербайджан. Баку, 1992, № 5, сентябрь–октябрь. С. 122–123. *Болдырев А.Н.* Низами и его время // Литературный Азербайджан. Баку, 1992, № 5, сентябрь–октябрь. С. 124–128.

⁴ *Айни К.С.* Звезда иранистики. К 95-летию Александра Николаевича Болдырева // Ирано-славика. М., 2004, № 3. С. 24–25; *Болдырев А.Н.* Осадная запись (Блокадный дневник) / Изд. В.С. Гарбузовой и И.М. Стеблин-Каменского. СПб., 1998; *Болдырев Н.В., Болдырев Д.В.* Смысл историй и революций / Изд. А.Л. Вассоевич. М., 2001; *Векилов А.П.* Юбилей Низами в блокадном Ленинграде. СПб., 2003; *Марахонова С.И.* Институт востоковедения АН СССР в годы войны и блокады (по архивным материалам) // Письменные памятники Востока. М., 2008, № 1 (8). С. 21–35; *Стеблин И.М., Дроздов В.А.* К 100-летию А.Н. Болдырева (29.05.1909 г. — 04.06.1993 г.) // Ирано-славика. М., 2010, № 1(21). С. 9–11.

⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 96. Л. 4.

теристике, подписанной директором Эрмитажа И.А. Орбели, «отделение Передней Азии, Кавказа и Ирана после арабского завоевания». В это время было также востребовано его практическое знание языков: в 1937 г. он начал преподавать разговорный персидский и таджикский языки в Ленинградском университете. 5 июня 1937 г. А.Н. Болдырев был принят также на работу по трудовому договору в ИВ АН СССР, где приступил к подготовке к печати текста, перевода и комментариев к рукописи «Тарих-и Бадахшан». Довольно большую работу объемом 10 печатных листов он обязался завершить к 1 мая 1938 г., менее чем за год⁶.

Знакомство с рукописью и работа в прославленном Институте, несомненно, повлияли на научное мировоззрение А.Н. Болдырева. Через четыре года, 30 июня 1941 г., в стенах ИВ АН он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Фольклор и литература Бадахшана». В АВ ИВР РАН хранятся материалы, которые были им представлены к защите: анкета, автобиография, тезисы диссертации, опубликованные в июне 1941 г., копия свидетельства об окончании ЛГУ, список научных работ, включавший в то время 29 статей, характеристика с основного места работы — Эрмитажа, а также документ, на наш взгляд, уникальный — справка об освобождении от сдачи кандидатских экзаменов по языку и специальности (истории таджикской литературы) (Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 96). Изучая эти официальные справки, можно сделать вывод о том, что Александр Николаевич отличался высокой требовательностью к себе: в графе «знание языков» он указал, что персидский, французский, немецкий, английский и таджикский знает хорошо, а латынь, шведский, итальянский, узбекский — слабо⁷. Не беремся судить о «слабых» знаниях последних из перечисленных языков, но его великолепное владение персидским и немецким языками остается для нас неоспоримым. Высокий профессионализм Александра Николаевича и его компетентность дали основание директору Эрмитажа академику И.А. Орбели обратиться в Высшую аттестационную комиссию с просьбой освободить своего подопечного от сдачи экзамена кандидатского минимума по специальности. Ходатайство было удовлетворено ВАК, о чем свидетельствует приложенная к делу справка от 24 июля 1940 г. Единственным экзаменом, который ему полагалось сдать, было испытание по историческому и диалектиче-

⁶ По договору от 5 июня 1937 г. Институт обязался выплачивать Александру Николаевичу в «качестве вознаграждения» 300 руб. за один печатный лист (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 35. Л. 2–4).

⁷ Там же. Л. 2.

скому материализму, выдержанное Александром Николаевичем «успешно»⁸.

23 мая 1941 г. А.Н. Болдырев, предоставив все необходимые документы, написал в Ученый совет ИВ АН СССР заявление с просьбой допустить его к защите диссертации на присуждение ученой степени кандидата филологических наук. Защита была назначена на 16 часов понедельника 30 июня 1941 г. и состоялась в читальном зале ИВ АН. Официальными оппонентами А.Н. Болдырева были известные иранисты: член-корреспондент АН СССР Е.Э. Бертельс (1890–1957) и доктор филологических наук И.И. Зарубин (1887–1964). Защита прошла блестяще, все 14 присутствующих членов Ученого совета проголосовали за присуждение соискателю степени кандидата филологических наук⁹.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война резко изменила жизнь советских людей, нарушила их планы, перечеркнула надежды. Летом и осенью 1941 г. из Ленинграда были эвакуированы многие учреждения науки и культуры. В феврале 1942 г. был закрыт и подлежал эвакуации ЛГУ, в апреле — Эрмитаж. Александр Николаевич, несмотря на уговоры коллег, решил остаться в блокадном городе. «Я же по-прежнему тверд на позиции „не ехать“, — написал он в своей «Осадной записи»¹⁰. Это решение лишало его сразу двух, подчеркнем, любимых и важных, мест работы. Александр Николаевич отчетливо понимал это и отмечал в своем дневнике: «Так, обе мои службы уходят из-под ног»¹¹. Оставаясь в блокадном городе, он сознательно обрекал себя на испытания голодом (к этому времени у Александра Николаевича уже началась дистрофия), холодом, бомбежкой. «Оставаться в Ленинграде — крупнейшая игра ва-банк», — писал он¹². Но выбор был сделан.

Страшное время наступило в Ленинграде, ежедневно смерть уносила жизни многих людей, в том числе и оставшихся в городе востоковедов. Александр Николаевич с горечью отмечал: «Так, выдвигаюсь я в первую шеренгу иранистики»¹³. В апреле 1942 г. он был призван на службу в одну из воинских частей военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота, где с апреля по июнь 1942 г. работал переводчиком. Демобилизовавшись, Александр Николаевич, как и прежде,

---

⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 96. Л. 14.

⁹ Там же. Л. 30

¹⁰ *Болдырев А.Н.* Осадная записка. С. 57–58.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Там же. С. 69.

стремится устроиться на работу в ИВ АН, хотя у него были и другие возможности, например, в Институте русской литературы АН СССР. На 5-й день после демобилизации, указ о которой последовал 26 июня 1942 г., Александр Николаевич «определился в ИВ АН». Этого события, как он пишет, он ждал 11 лет¹⁴. В это время продолжается эвакуация учреждений АН, но Александр Николаевич остается тверд в намерении не уезжать из города. 4 июля 1942 г. он пишет в дневнике: «План таков: невыезд с Акад[емией] наук, вплоть до оставления ее»¹⁵. Через два дня ситуация разрешилась, о чем свидетельствует запись А.Н. Болдырева от 6 июля: «Я поехал в университет. Там получил свою труд книжку <...>. Поставили штамп в паспорт об увольнении <...>. Потом пошел в АН, поставил штамп о поступлении на работу, сдал труд книжку, получил служебный пропуск и узнал капитальную вещь: я оставлен при Институте востоковедения со всеми чинами и окладом, с обязанностью хранить рукописи, а через некоторое время и быть уполномоченным по ИВ, в котором сейчас пять человек. Завтра назначена приемка дел»¹⁶.

Личное дело А.Н. Болдырева в ИВ АН было начато 1 июля 1942 г., и с этого дня по 15 августа 1950 г. он оставался сотрудником Института. Это был чрезвычайно важный период в жизни ученого. 8 мая 1943 г. он становится «уполномоченным по Институту», ответственным за сохранность рукописного и архивного фондов¹⁷. Эта работа отнимает

¹⁴ Болдырев А.Н. Осадная запись. С. 119.

¹⁵ Там же. С. 120.

¹⁶ Там же. С. 121–122. В личном деле А.Н. Болдырева в АВ ИВР РАН хранится выписка из приказа № 25 от 3 июля 1942 г. о зачислении его в штат ИВ АН на должность старшего научного сотрудника с 1 июля 1942 г. с окладом 700 руб. в месяц. В деле также хранится его институтский пропуск за № 643 (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 95. Л. 1).

¹⁷ В декабре 1942 г., после эвакуации основного состава сотрудников ИВ АН в Казань и Ташкент, в Ленинграде оставалось пять человек, составивших Ленинградскую группу Института. Ее первым уполномоченным стал Д.В. Семенов (1890–1943). После его кончины 7 мая 1943 г. на следующий день — 8 мая уполномоченным был назначен А.Н. Болдырев. К этому времени в штате ИВ в Ленинграде числились три человека: А.Н. Болдырев, О.П. Петрова, В.И. Евгенова. Ленинградская группа занималась работой по консервации, охране и регулярной проверке рукописей и книжных фондов (Марахонова С.И. Институт востоковедения АН СССР в годы войны и блокады. С. 30). О работе Ленинградской группы, возглавляемой А.Н. Болдыревым, мы можем судить по архивным материалам АВ ИВР РАН: Ленинградская группа № 2211/6381. Месячные, полугодовые и годовые отчеты за 1943 г., научно-организационная переписка (АВ ИВР РАН. Ф. 152, Оп. 1а, ед. хр. 824); Планы и отчеты за 1-е полугодие 1944 г. о научно-исследовательской, издательской и хозяйственной работе ИВ (там же).

почти все его силы и время. С горечью Александр Николаевич отмечал, что ежедневные дела («мотня», как он их называл) занимают очень много времени, а «так хочется сидеть бы да и писать»¹⁸. И все же он находит время писать и работать над докторской диссертацией, посвященной истории таджикской литературы, выступать на ленинградском радио, нести ночное дежурство на крыше Радиокomiteта, шесть-восемь раз в месяц читать лекции в Доме ученых. Его сообщения по истории Ирана и современному положению стран Востока вызывали неподдельный интерес слушателей — жителей блокадного города. Тематика докладов была довольно разнообразной: «Из истории русско-иранских политических отношений в XIX в.», «Очерки культурной жизни Герата начала XVI в.» и др. А.Н. Болдырев осуществлял также культурное шефство над моряками Балтийского флота и, выступая перед ними, рассказывал о героических победах известных русских флотоводцев Ф.Ф. Ушакова, С.О. Макарова и др.

25 июля 1945 г., после возвращения из эвакуации ИВ АН в Ленинград, приказом № 27 А.Н. Болдырев был освобожден от исполнения обязанностей уполномоченного по Институту. За добросовестную работу в годы блокады, за хорошую организацию по хранению рукописного и архивного фондов ему была объявлена благодарность и выплачены премии на сумму сначала 1000, а затем — 1700 руб.¹⁹. После окончания войны Александр Николаевич продолжает работать в ИВ АН. С 11 сентября 1945 по 12 января 1946 г. он находится в научной командировке в Германии. По возвращении в Ленинград он отправляется в Баку на празднование 800-летия Низами (30 мая — 15 июня 1946 г.). 28 марта — 5 мая 1950 г. он находился в Ташкенте, где работал в книгохранилищах для сбора материала для написания книги «Мемуары Васифи»²⁰.

26 апреля 1946 г. Президиум АН СССР по ходатайству Ученого совета ИВ АН присвоил А.Н. Болдыреву звание старшего научного сотрудника, а 6 июля того же года — звание доцента²¹. Ходатайства в ВАК о присуждении этих званий А.Н. Болдыреву были подписаны членом-корреспондентом АН СССР А.А. Фрейманом (1879–1968). Одновременно с работой в АН Александр Николаевич преподает на Восточном факультете ЛГУ им. А.А. Жданова, где с 3 мая 1950 г. по со-

---

¹⁸ Болдырев А.Н. Осадная запись. С. 123.

¹⁹ Личное дело А.Н. Болдырева (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 95. Л. 50).

²⁰ Там же. Л. 55–56об.

²¹ Там же. Л. 56об.

вместительству он занимал должность заведующего кафедрой иранской филологии.

Дальнейшие события, связанные с реорганизацией и переездом ИВ в Москву, заставили Александра Николаевича перейти на полную ставку в университет. В личном деле А.Н. Болдырева в АВ ИВР хранится выписка из приказа № 37 по ИВ АН от 9 августа 1950 г. за подписью директора, доктора исторических наук, профессора С.П. Толстова (1907–1978) следующего содержания: «В связи с реорганизацией Института востоковедения освободить с 15 августа с.г. от работы в Институте старшего научного сотрудника Болдырева А.Н.»²². Здесь же имеется служебная характеристика А.Н. Болдырева, представленная для перевода в университет и подписанная секретарем парторганизации ИВ Д.И. Тихоновым (1906–1961) и председателем месткома А.Х. Рафиковым. В характеристике отмечалось: «Тов[арищ] Болдырев является крупным ученым-иранистом, одним из лучших знатоков Ирана и Таджикистана, как в области литературы и лингвистики, так и истории, археологии и искусства»²³.

Документы АВ ИВР, касающиеся жизни А.Н. Болдырева, имеют большое значение как для изучения биографии ученого, так и для истории востоковедения в целом. Публикуемый ниже «Журнал текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР» отражает важный этап в жизни А.Н. Болдырева, когда он в течение восьми лет (1942–1950) был сотрудником ИВ АН и уполномоченным Ленинградской группы (08.05.1943–25.07.1945), оставшейся в блокадном городе²⁴.

Журнал был начат 1 декабря 1943 г. и окончен 6 июля 1945 г. Трудно сказать, по какой причине Александр Николаевич начал вести свой «Журнал» только с декабря 1943 г. а не с мая того же года, когда он был назначен уполномоченным по ИВ АН. Завершение же «Журнала» связано, несомненно, с фактом освобождения А.Н. Болдырева от этой должности ввиду возвращения дирекции из эвакуации. Записи в «Журнале» сделаны в хронологическом порядке, по числам (иногда указываются и дни недели) и месяцам. Велись эти записи относительно ре-

²² Личное дело А.Н. Болдырева (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 95. Л. 57).

²³ Там же.

²⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а, ед. хр. 811. «Журнал» представляет собой школьную тетрадь в линейку с красными полями, записи занимают в ней восемь листов. Отметим, что «Журнал» А.Н. Болдырева является необходимым дополнением его «Осадной записи», опубликованной В.С. Гарбузовой и И.М. Стеблиным-Каменским в 1998 г. В «Записи» содержится много материала личного свойства, в «Журнале» же приводятся только сведения о работе Ленинградской группы.

гулярно. Записи состоят из двух-трех лаконичных фраз, отражающих наиболее важные события соответствующего дня. Александр Николаевич упоминает имена ученых-востоковедов, принимавших непосредственное участие в работе по сохранению рукописей и архивных материалов в годы блокады. Мы встречаем имена В.В. Струве (1889–1965), О.П. Петровой, В.И. Евгеновой и др. Большинство фамилий ученых и даты событий подчеркнуты красным карандашом. На плечи этих людей легла тяжелая физическая работа. Охраняя фонды, они должны были заделывать пробоины в стенах, утеплять окна, переносить на руках и разбирать книги и т.д. В «Журнале» А.Н. Болдырева при описании этой работы всегда отмечается: «сделали собственными силами». Записи А.Н. Болдырева позволяют узнать, как протекала научная жизнь Ленинградской группы, какова была тематика регулярно проводившихся научных заседаний.

В Приложениях к публикации «Журнала» мы помещаем три важных документа, отражающих раннюю научную и преподавательскую деятельность А.Н. Болдырева: две его автобиографии и копию свидетельства об окончании университета. В Приложении № 1 приводится автобиография, датированная мартом 1941 г. Она была представлена А.Н. Болдыревым при защите кандидатской диссертации и хранится в делах Ученого совета ИВР РАН (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 96. Л. 4). Приложение № 2 представляет собой автобиографию от 1 июля 1942 г., которая была написана при оформлении А.Н. Болдырева в штат ИВ АН СССР 1 июля 1942 г. Автограф А.Н. Болдырева хранится в его личном деле (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 95. Л. 4). В приложении № 3 помещено свидетельство А.Н. Болдырева об окончании университета от 7 января 1938 г. № 17 /788, нотариально заверенное 14 апреля 1941 г. В нем перечислены предметы, которые изучали тогда студенты Восточного отделения. Очевидно, эта копия документа была представлена по требованию Ученого совета АН для допуска к защите диссертации. Публикация и рассмотрение этого документа дают возможность представить уровень подготовки будущих востоковедов в те годы (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 96. Л. 7–7об.).

В примечаниях к публикуемым документам мы приводим сведения о людях, которые упоминаются в «Журнале». К сожалению, не все имена удалось пояснить, однако из этих сведений можно составить представление о научных кругах Ленинграда в годы блокады.

И.К. Павлова

<Л. 1>

**Журнал текущей работы и происшествий
по Институту востоковедения Академии наук СССР.
Начато 1 декабря 1943 г.**

Декабрь [1943 года].

1-ое [декабря]. Переведена в БАН библиотека и архив Т.А. Бурдуковой (машина от тов[арища] Махановой — Л[енинградский] Д[ом] У[ченых])²⁵.

7-ое [декабря]. В 11 ч[асов] 20 м[инут] утра. Время артобстрела. Немецкий снаряд разорвался на крыше дома № 12/14 по Биржевой линии. В помещении чит[ального] зала, магазина²⁶ тибетского кабинета выбито 18 оконных секций. Стена каталога повреждена осколком.

11-ое [декабря]. Выбитые окна заделаны своими силами фанерой и картоном.

15-ое [декабря]. Получено письмо от 29.XI.43 [г.] акад[емика] И.Ю. Крачковского, председателя Московской группы, с благодарностью за пересылку в Москву рукописи японо-русского словаря, которая дошла в полной сохранности²⁷.

²⁵ Таисия Алексеевна Бурдукова (1912–1987) — монголовед, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИВ АН (1934–1938), с 1934 г. преподаватель монгольского языка и литературы ЛГУ, дочь известного монголиста Алексея Васильевича Бурдукова (1883–1943). К началу Великой Отечественной войны семья Бурдуковых дома имела значительный архив и библиотеку. Очевидно, военная ситуация в блокадном городе заставила Таисию Алексеевну отвезти архив и книги для хранения в БАН, о чем свидетельствуют данные «Журнала» А.Н. Болдырева и его «Осадной записи» (с. 312). Однако после окончания войны Т.А. Бурдукова забрала все материалы домой, так как некоторые востоковеды, в частности И.В. Кульганек, подтверждают наличие архива и библиотеки в квартире Бурдуковых в 1970–1980-х гг. Известно также, что в конце 1970-х гг. большая часть архива семьи Бурдуковых и их книг были куплены КНИИЯЛИ в Элисте. Некоторые книги Таисия Алексеевна подарила своим студентам-монголистам ЛГУ. В конце 90-х гг. часть архивных материалов и книг Бурдуковых была подарена АВ ИВР РАН. Эта часть архива находится на стадии обработки.

²⁶ Очевидно, имеется в виду хранилище.

²⁷ По предложению Президиума АН СССР в июле 1942 г. началась подготовка к отъезду из Ленинграда сотрудников ИВ АН в Москву, Казань и Ташкент. 25 июля 1942 г. акад. И.Ю. Крачковский вылетел в Москву, где осенью 1943 г. была организована группа востоковедов (Московская группа) из сотрудников ИВ АН и др. научных учреждений (*Марахонова С.И.* Институт востоковедения. С. 28). Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) — арабист, академик (с 1921 г.), профессор, заведующий кафедрой арабской филологии ЛГУ (1944–1951), заведующий Арабским кабинетом ИВ АН (1916–1951), председатель комиссии АН по управлению ленинградскими учреждениями в годы блокады.

16-ое [декабря]. Окончена черновая разборка библиотеки Т.А. Бурдуковой.

20-ое [декабря]. Получено письмо директора ИВ акад[емика] В.В. Струве от 3 декабря [19]43 г. за № 510 по вопросу подготовки реэвакуации.

22-ое [декабря]. Окончен перенос архива Т.А. Бурдуковой в монгольский кабинет.

25-ое [декабря]. На имя директора ИВ акад[емика] В.В. Струве отправлена документация и работа для защиты в качестве диссертации на соискание кандидата филологических наук (заказной бандеролью)²⁸.

29-ое [декабря]. Произведен контрольный осмотр рукописного и архивного фонда ИВ, магазина БАН. Фонды в полном порядке.

<Л. 1об.> **Январь 1944 года.**

1-ое [января]. Получена поздравительная новогодняя телеграмма от Московской группы ИВ за подписью акад[емика] И.Ю. Крачковского.

3-ое [января]. Отправлен директору ИВ акад[емик] В.В. Струве в Ташкент отчет о работе и состоянии дел Ин[ститу]та за время: 15 октября — 31 декабря 1943 г.

18-ое [января]. Через посредство Р.Р. Орбели отправлены в Моск[овскую] группу ИВ документы, необходимые для возбуждения ходатайства о присвоении О.П. Петровой звания доцента²⁹.

21-ое [января]. 1) В присутствии комиссии МИАК³⁰ произведен контрольный осмотр рукописного и архивного фондов, также книгохранилищ. Все в порядке. В результате осмотра Комиссией составлен акт. 2) Составлен годовой отчет о работе сотрудников ИВ в Ленинграде. Один экземпляр отправлен в Ташкент, один — в Мос[ковскую] группу ИВ, один в Президиум Академии наук в Л[енингра]де М.Е. Федосееву³¹.

---

²⁸ Имеется в виду диссертация Веры Ивановны Евгеновой «Исследование магического папируса 825 Британского музея» (*Марахонова С.И.* Институт востоковедения. С. 33). Струве Василий Васильевич (1889–1965) — египтолог, академик (с 1935 г.), преподаватель ЛГУ (1916–1934), заведующий Египетским отделом Государственного Эрмитажа (1914–1933), заведующий Отделом Древнего Востока и директор ИВ АН (1941–1950), научный сотрудник ИЯМ (1946, 1950–1958).

²⁹ Орбели Русудан Рубеновна (1910–1985) — кавказовед, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИВ АН (с 1934 г.). Петрова (Соловьева) Ольга Петровна (1900–1993) — японист, кандидат филологических наук, преподаватель ЛГУ, сотрудник ИВ АН (1942–1966). 6 апреля 1943 г. О.П. Соловьева вышла замуж за археолога, научного сотрудника ИИМК В.А. Петрова и изменила фамилию (*Болдырев А.Н.* Осадная запись. С. 278).

³⁰ Очевидно, сокращенное название Московской институтской архивной комиссии.

³¹ Федосеев Михаил Евграфович — уполномоченный по ленинградским учреждениям Академии наук в годы блокады, начальник ЛАХУ АН СССР.

24-ое [января]. Получена приветственная телеграмма от ученого секретаря ИВ Д.И. Тихонова по случаю победы войск Ленинградского фронта. В.И. Евгеновой получено телеграфное подтверждение получения диссертации, высланной 25.XII.43 [г.]³².

25-ое [января]. На имя М.Е. Федосеева подана докладная записка о необходимости возбуждения ходатайства о выселении незаконно проживающих на площади, принадлежащей сотруднице ИВ, к[андидату] н[аук] Глускиной А.Е.³³.

27-ое [января]. Согласно полученного сего числа письма от А.Н. Кононова, передано в Академкнигу поручение о высылке ему в Ташкент наложенным платежом 2-х экзем[пляров] из[дания] «Грамматики турецкого языка»³⁴.

Приказ о снятии блокады Ленинграда.

28-ое [января]. В дирекцию ИВ (Ташкент) отправлена телеграмма с просьбой срочно выслать список сотрудников–участников строительства оборонительных сооружений в Ленинграде (отношение М.Е. Федосеева от 26.I. с.г.).

<Л. 2>31-ое января. Подан в ЛАХУ список сотрудников–участников оборонительных работ, в кот[орый] вошли т[оварищи] Башкиров и Пучковский (дополнительно к списку, поданному Д.В. Семеновым в 1943 г.)³⁵.

Февраль 1944 г[ода]. 3-е февраля. 1) Получено письмо от акад[емика] И.Ю. Крачковского, подтверждающее получение документов О.П. Петровой. 2) На имя М.Е. Федосеева подана докладная записка о выселении незаконно вселенных жильцов на жилплощадь ст[аршего] н[аучного] сотр[удника] ИВ Лившица И.Г.³⁶. 3) На группе историков

³² Евгенова Вера Ивановна (1898–?) — египтолог, кандидат филологических наук, перешла на работу в ИВ АН из БАН 1 мая 1941 г.

³³ Глускина Анна Евгеньевна (1904–1994) — арабист, доктор филологических наук, научный сотрудник ИВ АН (1933–1978).

³⁴ Кононов Андрей Николаевич (1906–1986) — известный тюрколог, академик (с 1974 г.), декан Восточного факультета ЛГУ (1953–1964), научный сотрудник ИВ АН (1938–1986), заведующий Тюркским кабинетом Института. С 27 июля 1943 г. он находился в Ташкенте.

³⁵ Башкиров Андрей Васильевич (1899–1976) — кандидат экономических наук, научный сотрудник ИВ АН (1936–1945). Семенов Даниил Владимирович (1890–1943) — арабист, научный сотрудник ИВ АН, в годы блокады с декабря 1942 по 07.05.1943 г. исполнял должность «уполномоченного по Институту». Пучковский Леонид Сергеевич (1899–1970) — монголист, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИВ АН (1932–1970), преподаватель ЛГУ (1945–1950).

³⁶ Лившиц Исаак Григорьевич (1896–1970) — египтолог, доктор филологических наук, научный сотрудник ИВ АН (1948–1950; 1959–1970).

А.Н. Болдыревым прочитан доклад «Из истории русско-иранских политических отношений XIX века».

5-ое [февраля]. Получена выписка-постановление Президиума [АН СССР] от 27 января 1944 г. о премировании сотрудников ИВ в Ленинграде.

7-ое [февраля]. Окончена проверка сохранной жилплощади и имущества эвакуированных сотрудников ИВ (по списку ИВ, включающему 43 адреса).

8-ое [февраля]. Совещание у М.Е. Федосеева по вопросам эвакуации. Передан список проверенных адресов сотрудников ИВ.

19-ое [февраля]. Получено письмо от Д.И. Тихонова от 4.II.44, подтверждающее получение материалов Петрушевского³⁷ и Евгеновой.

22-ое [февраля]. Окончена общая уборка всех рабочих помещений Ин[ститу]та с уплатой по счету 300 руб[лей] из средств ЛАХУ.

26-ое [февраля]. Прибывший в Ленинград директор Института востоковедения АН СССР акад[емик] В.В. Струве осмотрел помещения Института и хранения фондов архивного и рукописного.

27-ое [февраля]. В присутствии директора ИВ акад[емика] В.В. Струве в сопровождении т[оварищей] Зубова и Федосеева осмотрели помещения ИВ АН СССР. Произведено контрольное вскрытие ящика № 15 (4) с рукописями фонда «Старый» шифра С. Рукописи оказались в полной сохранности. О вскрытии ящика составлен акт.

<Л. 2об.> Март 1944 г[ода].

2-ое м[арта]. Непр[еменный] секретарь акад[емик] Бруевич³⁸ и акад[емик] В.В. Струве в сопровождении т[оварищей] Зубова и Федосеева осмотрели помещение ИВ АН СССР.

3-го [марта]. Директор ИВ АН СССР акад[емик] В.В. Струве выехал из Ленинграда в Москву и Ташкент.

7-ое [марта]. В Президиум АН СССР подана докладная записка о состоянии здания и помещений Ин[ститу]та и заним[аемой] площади сотрудников ИВ. Совещание под председательством вице-президента АН СССР акад[емика] А.А. Байкова с участием академиков АН СССР Бруевича, И.А. Орбели и тов[арища] Зубова³⁹.

---

³⁷ Петрушевский Илья Павлович (1898–1977) — иранист, доктор исторических наук, научный сотрудник ИВ АН (1935–1960), заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока Восточного факультета ЛГУ (1960–1970-е гг.).

³⁸ Бруевич Николай Григорьевич (1896–1987) — доктор технических наук, член-корреспондент (с 1939 г.), академик-секретарь Президиума АН СССР (с 1943 г.), директор Института точной механики и вычислительной техники АН.

³⁹ Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — востоковед, академик (с 1935 г.), директор ИИМК, директор Государственного Эрмитажа (1934–1951), декан Восточного

10-ое [марта]. Упол[номоченному] През[идиума] АН СССР М.Е. Федосееву подано ходатайство о вызове из Ташкента сотрудников ИВ т[оварищей] Кальянова В.И. и Ливотовой О.Э., а также докладная записка о необходимости предусмотреть штатную единицу, оклад и категорию для т[оварища] Ливотовой, каковые в настоящее время в штате отсутствуют⁴⁰.

20-ое [марта]. Посещение ИВ прибывшей из Москвы сотрудницы ИВ Н.В. Пигулевской⁴¹.

25-ое [марта]. Отправлена телеграмма В.В. Струве с просьбой разрешить вызов З.Я. Фонтон и ее дочери. (Телеграфное разрешение получено в начале мая. А[лександр] Б[олдырев]⁴²).

29-ое [марта]. Н.В. Пигулевская выехала в Москву.

30-ое [марта]. М.Е. Федосеевым получен ответ от прокурора Ленинск[ого района] (20.ИИ.43, № 47) и от РЖО Приморского р[айо]на (10.ИИ.44. № 16 (1160)) об освобождении незаконно заселенной площади Лившица и Глушкиной.

Апрель 1944 г[ода].

12-ое [апреля]. На основании телеграммы директора, акад[емика] В.В. Струве о присуждении В.И. Евгеновой Ученым советом ИВ степени кандидата филологических наук. В.И. Евгенова переведена в штат ИВ с должности младш[его] н[аучного] сотр[удника] <Л. 3> на свободную вакансию старш[его] н[аучного] сотр[удника] с окладом 900 руб[лей] с 16-го с[его] м[есяца] и одновременно обеспечена карточкой «инженера Б-НР»⁴³.

25-ое [апреля]. Осмотр книгохранилищ (маг[азина]) показал отсыревание некоторых картонных коробок с документами, вплотную припнутых к оконной стене. На консультацию вызван В.А. Петров.

факультета ЛГУ, заведующий ЛО ИВ АН СССР (1956–1961). Руководил эвакуацией, хранением и резэвакуацией в Ленинград коллекций ГЭ. Байков Александр Александрович (1870–1946) — академик (с 1932 г.), металлург, декан химического факультета ЛГУ в годы Великой Отечественной войны.

⁴⁰ Кальянов Владимир Иванович (1908–2001) — индолог, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИВ АН (1937–2001), заведующий Индийским кабинетом ИВ АН (до 1968 г.), преподаватель ЛГУ (1938–1941). Ливотова Ольга Эмануиловна — сотрудник библиотеки ИВ АН в годы блокады.

⁴¹ Пигулевская Нина Викторовна (1894–1970) — востоковед-ближневосточник, доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР, научный сотрудник ИВ АН СССР (1937–1970), заведующая кабинетом Ближнего Востока, заместитель директора (1941–1942) ИВ АН.

⁴² Фонтон Зинаида Яковлевна и ее дочь Фонтон Марина Сергеевна работали в библиотеке ИВ до эвакуации 12 июля 1942 г. Вместе с другими сотрудниками Института они были эвакуированы в Казань (Марахонина С.И. Институт востоковедения. С. 33).

⁴³ Очевидно, инженер по библиотечно-научной работе.

26-ое [апреля]. 1) Получена телеграмма о командировке в Москву сроком 15 дней для отчета на группе ИВ за подписью в[ице]-през[идента] Волгина⁴⁴.

2) Осмотрена библиотека И.Ю. Крачковского на его квартире с участием управхоза дома Ф.Е. Савченко. Никаких признаков отсыревания, плесени др. порчи не обнаружено.

28-ое [апреля]. 1) Из архивохранилища (в магазине № 1 БАН) вынесено 23 пакета с архивными фондами, замазывание места у отсыревшей части наружной стены помещения. Фонды помещены для просушки в кабинет директора ИВ.

О переносе составлен акт. Переноска осуществлена собственными силами. Вынесенные материалы просушены и продезинфицированы формалином.

2) Полученный из дирекции ИВ список на 13 сотрудников ИВ для вызова в Ленинград сокращен до 3 человек (Лившицы, асп[ирант] Максимов) ввиду отсутствия у них жилплощади.

30-ое [апреля]. Произведен опять тщательный осмотр бойлера с рукописными фондами. Осмотру подвергнуты все стены помещения, [сами] помещения, пол, все стеллажи, причем на выборку вынута из разных мест и осмотрено около 20 пачек с рукописями. Нигде никаких признаков отсыревания, плесени или иной порчи не обнаружено. Воздух в помещении сухой.

Май 1944 г[ода].

1 [мая]. Получена поздравительная телеграмма за подписью председ[ателя] Мос[ковской] гр[уппы] ИВ АН СССР акад[емика] И.Ю. Крачковского.

7 [мая]. Осмотрены архивный и рукописный фонды. В порядке.

9–21 [мая]. Командировка А.Н. Болдырева в Москву на бюро Мос[ковской] группы ИВ. Прочитано сообщение о работе ленинградских сотрудников ИВ за время <Л. Зоб.> с 1.VII. 1942 г. по 1.V. 1944 г. На группе прочитан доклад [А.Н. Болдырева] «Очерки культурной жизни Герата начала XVI века».

23 [мая]. Осмотрены архивный и рукописный фонды. Материалы в порядке. В Архиве воздух повышено влажен.

---

⁴⁴ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) — советский историк и общественный деятель, академик (с 1930 г.), непременный секретарь АН СССР (1930–1935), вице-президент АН СССР (с 1942 г.), депутат Верховного Совета РСФСР.

Июнь 1944 [года].

4 [июня]. Прибыла в командировку докторант ИВ Р.И. Рубинштейн из Москвы⁴⁵.

15 [июня]. 1) Разослано 25 писем управхозам о сохранении жил-площади сотрудников. 2) Выбыла в Москву Р.И. Рубинштейн.

17 [июня]. 1) В чит[альном] зале БАН выдана книга (синология) для занятий командированной из Москвы Л.В. Симоновской, докторанта Ин[ститу]та истории АН СССР⁴⁶. 2) На совещании у директора БАН И.И. Яковкина по известной инициативе Г.А. Кнуде решено полностью эвакуировать архивные фонды ИВ из занимаемого им помещения в другое, более надежное в смысле возможности отсыревания (быв[шая] Черницкая мастерская БАН).

20 [июня]. Совместно с К.И. Шафрановским⁴⁷ осмотрено помещение рукописного фонда. В порядке. Некоторая влажность воздуха в нижней, удаленной от окна части.

21 [июня]. Помещения рукописного и архивного фонда осмотрены проф[ессором] Фаршиковским (Русский музей), Князевым, Шафрановским. В результате осмотра составлен акт, подтверждающий необходимую эвакуацию книгохранилищ.

22 [июня]. 1) Получен отказ телефонной станции установить телефоны в ИВ. 2) Получен первый ответ на наши запросы управхозам от дан[ного] хоз[я]йст[ва] т[оварища] Пучковского.

24 [июня]. 1) Выбыла в Москву Л.В. Симоновская. 2) Составлен акт на произведение 23-го контрольного вскрытия ящика Б-25 и бойлера. 3) 30 ящиков с биб[лиотечными] карточками «первый перевод». Книги в порядке.

Июль 1944 [года].

<Л. 4> 1 [июля]. В рукописн[ом] хранилище (бойлер у маг[азина] 2) пробито вентиляционное отверстие в кирпичной кладке (замурованного) левого окна.

4 [июля]. Подготовлено помещение (бывш[ая] каборная I эт[ажа]) для архивных фондов.

⁴⁵ Рубинштейн Ревекка Ионовна (1899–1982) — египтолог, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры РСФСР (1970), научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

⁴⁶ Симоновская Лариса Васильевна (1902–1972) — китаевед, доктор исторических наук, преподаватель ЛВИ, ДВГУ, Харьковского государственного университета, исторического факультета (с 1944 г.) и ИВЯ при МГУ (1956–1972).

⁴⁷ Шафрановский Константин Илларионович (1900–1973) — библиограф, член Русского библиографического общества. В годы ВОВ работал в Ленинградской центральной библиотеке.

6 [июля]. Перенесена часть архива (тибетского фонда).

8 [июля]. 1) Окончена переноска всех архивных и рукописных фондов, хранившихся в «бойлере» магазина № 1 БАН (бригада ВВС КБФ)⁴⁸.

2) Прибыла на постоянную работу Н.В. Пигулевская.

14 [июля]. Перевезены остатки (около 50 томов) библиотеки А.А. Ромаскевича⁴⁹. За погрузку уплачено 500 руб[лей]. Составлен акт. Значительная часть книг покрыта плесенью и покоровилась.

19 [июля]. 1) Зараженные книги А.А. Ромаскевича отделены от здоровых, часть которых поднята на 5 этаж своими силами. 2) Силами всех сотрудников БАН (конвейер) на 5 этаж поднято более 400 штук кирпича для заделки бреши в тибетск[ом] каб[инете].

20 [июля]. Произведен текущий осмотр архивных и рукописных фондов. В порядке.

22 [июля]. 1) Силами сотрудников БАН поднято около 200 шт[ук] кирпича из тибетск[ого] к[абинет]а, 106 ведер кирпичного лома. 2) Вдовой млад[шего] науч[ного] сотр[удника] тур[ецкого] каб[инета] ИВ Х.М. Цовикяна⁵⁰. Е.Н. Дмитриевой сданы на врем[еенное] хранение по акту и описи личные материалы и книги Х.М. Цовикяна (помещено в Кавк[азский] каб[инет]).

26 [июля]. Старший научный сотрудник Ин[ститу]та литературы Академии наук СССР М.И. Стеблин-Каменский⁵¹ принес в дар Институту востоковедения <Л. 4об> греческий (коптский?) папирус Нового собрания.

27 [июля]. Включено электрическое освещение в 1 и 2 магазинах ИВ и нижнем рукописном хранилище (бойлера у маг[азина №] 2). За работу [уплачено] 110 руб[лей].

Август [1944 года].

1 [августа]. Включен телефон, установленный в кабинете дирекции. Стоимость работ 855 руб[лей] 39 к[опеек] и 145 руб[лей] за установку и плату за 3 мес[яца] вперед (авг[уст], сент[ябрь], окт[ябрь]). 2) Окончена выноска битого кирпича из тибетск[ого] кабинета (силами БАН [и]

---

⁴⁸ Очевидно, А.Н. Болдырев пригласил на помощь для разборки книг и рукописей кого-то из своих друзей из Краснознаменного Балтийского флота, где он сам служил некоторое время.

⁴⁹ Ромаскевич Александр Александрович (1885–1942) — иранист, профессор ЛГУ, научный сотрудник ИВ АН (1936–1942), заведующий рукописным отделом, преподаватель Петербургского — Ленинградского университета (1909–1930).

⁵⁰ Цовикян Хорен Мкртичевич (1900–1942) — тюрколог.

⁵¹ Стеблин-Каменский Михаил Иванович (1903–1981) — филолог-скандинавист, доктор филологических наук, профессор ЛГУ, близкий друг А.Н.Болдырева.

наших ученых). 3) Произведена уборка комнат дирекции (350 руб[лей]). 4) Прибыл на постоянную работу стар[ший] научн[ый] сотр[удник] Кальянов В.И.

2 [августа]. Прибыл в Ленинград акад[емик] И.Ю. Крачковский.

3 [августа]. Акад[емик] И.Ю. Крачковский, акад[емик] С.А. Козин, В.А. Крачковская посетили ИВ АН СССР⁵². Акад[емик] И.Ю. Крачковский ознакомился с состоянием кабинетов и др[угих] помещений ИВ.

10 [августа]. Акад[емик] И.Ю. Крачковский осмотрел хранение рукописных и архивных фондов.

12 [августа]. Акад[емик] И.Ю. Крачковский отбыл в Москву в 17.00 ч[асов] 00 м[инут].

14 [августа]. Согласно сообщению с Востфака ЛГУ, ректор, проф[ессор] Вознесенский⁵³ выехал в Москву с пропусками на въезд акад[емика] И.Ю. Крачковского и членов его семьи, полученными из Ленсовета.

15 [августа]. Прибыл из Москвы директор Ин[ститу]та акад[емик] В.В. Струве и ученый секретарь Д.И. Тихонов⁵⁴.

<Л. 5> 16 августа. 1) Зараженная часть биб[лиоте]ки Ромаскевича (162 кн[иги]) перенесена в помещения Лакоред⁵⁵ для дальнейшей обработки. 2) Посещение ИВ АН полковником Пайковым И.П.

17 [августа]. 1) В присутствии директора акад[емика] В.В. Струве и стар[шего] н[аучного] сотр[удника] ИВ АН В.А. Петрова произведена контрольная проверка со вскрытием трех ящиков всех фондов хранения ИВ во всех без исключения помещениях-хранилищах ИВ и БАН (см. акт). 2) Доставлено 100 книг ИВ АН из квартиры К.И. Разумовского, взятых из библиотеки ИВ АН Е.А. Разумовской⁵⁶.

⁵² Козин Сергей Андреевич (1879–1956) — монголист, академик (с 1943 г.), заведующий Филологическим кабинетом Азиатского музея ИВ АН СССР (1935–1950), преподаватель ЛГУ (1935–1950). Крачковская Вера Александровна (1884–1974) — арабист, искусствовед, доктор исторических наук, преподаватель ЛИФЛИ — ЛГУ (1935–1950), научный сотрудник ИИМК АН СССР (1941–1953). Супруга академика И.Ю. Крачковского.

⁵³ Вознесенский Александр Алексеевич (1898–1950) — профессор, ректор ЛГУ (1941–1947), министр просвещения РСФСР (1947–1948).

⁵⁴ Тихонов Дмитрий Иванович (1906–1987) — этнограф, историк Средней Азии, доктор исторических наук, научный сотрудник ИВ АН (1936–1961), ученый секретарь ИВ АН в годы ВОВ, научный сотрудник Института этнографии (1961–1976).

⁵⁵ Лаборатория консервации и реставрации документов, входящая в структуру Архива РАН.

⁵⁶ Разумовский Константин Иванович (1905–1942) — китаист, научный сотрудник ИВ АН. Разумовская Евгения Александровна (1906–1943) — арабист, научный сотрудник ИВ АН.

18 [августа]. Согласно акту от 17.VIII. с.г. и распоряжению директора, пять ящиков с рукописями 1-ой очереди перешли из ма[ази]на № 1 в помещение, необходимое БАН для дальнейшего хранения совместно с архивом ИВ АН.

22 [августа]. 1) Проведено первое научное заседание Лен[инградской] группы ИВ с докладом В.В. Струве «Хронология истории мидян в трудах Геродота». Присутствовало 25 человек. 2) Прибыл из Ташкента асп[ирант] М.К. Максимов на постоянную работу в Л[енингра]д согласно вызову.

25 [августа] В.И. Кальяновым, О.П. Петровой, А.Н. Болдыревым при участии А.И. Владимирской доставлены в ИВ АН все рукописные научные материалы, составляющие научный архив чл[ена]-корр[еспондента], проф[ессора] Н.И. Конрада⁵⁷. Архив взят на временное хранение в ИВ согласно акту и описи ввиду возникшего расхищения и гибели в квартире Н.И. Конрада, где архив находился до настоящего времени.

30 [августа]. Эшелонами из Борового прибыли академики Алексеев, Баранников и чл[ен]-корр[еспондент] Фрейман⁵⁸. <Л. 5об.> Прибыл к месту постоянной работы акад[емик] И.Ю. Крачковский.

Сентябрь [1944 года].

1 [сентября]. Обнаружена сильная течь в магазине № 1 книгохранилища.

2 [сентября]. Производилась починка крыши толем (Кальянов, Болдырев).

6 [сентября]. Академику В.М. Алексееву выдали все принадлежавшие ему лично и находившиеся на временном хранении в ИВ научные материалы (1 полутонна машина верхом).

14 [сентября]. Произведен детальный осмотр рукописн[ого] хранилища и архивохранилища. В порядке.

---

⁵⁷ Конрад Николай Иосифович (1891–1970) — японист, академик (с 1958 г.), профессор ЛГУ, научный сотрудник ИВ АН (1939–1970).

⁵⁸ Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) — известный китаевед, академик (с 1929 г.), научный сотрудник (1930–1955) ИВ АН, заведующий Китайским кабинетом ИВ АН (1930–1951), преподаватель ЛГУ (1910–1951). Баранников Алексей Петрович (1890–1952) — индолог, основатель школы изучения современных индийских языков в СССР, академик (с 1939 г.), профессор ЛГУ, директор ИВ АН (1938–1941). Фрейман Александр Арнольдович (1879–1968) — иранист, доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР (с 1928 г.), научный сотрудник ИВ АН (1934–1968), заведующий Иранским кабинетом ИВ АН (1946–1950).

16 [сентября]. Прокурору Василеостр[овского] р[айо]на (копия н[ачальни]ку РЖО) об аннулировании незаконно выданного ордера на заселение жилплощади А.К. Арендса⁵⁹.

18 [сентября]. Выехал в Москву и Ташкент директор И[нститу]та акад[демик] В.В. Струве.

23 [сентября]. Состоялось научное заседание сотрудников ИВ под председательством акад[емика] В.М. Алексеева с докладом И.Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями». Присутствовало 28 человек. Накануне доклада сотрудники ИВ произвели своими силами полную мокрую уборку рабочих комнат и коридоров И[нститу]та, причем стар[ший] [н[аучный] сотр[удник] В.И. Кальянов вымыл пол во всем главном коридоре и на первом марше лестницы.

25 [сентября]. Произведен осмотр рукописн[ого] хранилища. В порядке.

30 [сентября]. Научное заседание с докладом В.М. Алексеева «Китайская поэма „Море“ и отчет ее перевода».

<Л. 6 > **Октябрь [1944 года].**

6 октября. Во время пробного пуска воды в систему парового отопления на чердаке протекла труба, и вода залила коридор между 60 и 61 кабинетами. Осмотр книгохранилища. В порядке.

9 [октября]. Акад[емику] А.А. Фрейману доставлены 3 ящика с его научными материалами, хранившихся в ИВ с осени 1941 г. В субботу 7-го окт[ября] проф[ессор] А.А. Фрейман прочел в ИВ доклад «Иранистика в ЛГУ за 125 лет его существования».

14 [октября], суббота. Акад[емик] И.Ю. Крачковский прочел цикл докладов «На ловца и зверь бежит» из воспоминаний «Над арабскими рукописями» (продолжение).

16 [октября]. Ректор ЛГУ проф[ессор] Вознесенский вынес строгий выговор с занесением в личное дело сотрудникам ИВ, совмещающим [работу] в ЛГУ, Пигулевской, Кальянову, Болдыреву за неявку на общее собрание работников ЛГУ.

17 [октября]. Окончен подъем из маг[азина] № 1 БАН в магазин ИВ АН двадцати [ящиков] с книгами ИВ. Ящики подняты, раскрыты, содержимое расставлено своими силами, в порядке. Наукообязательства к Октябрьской годовщине.

21 [октября], суббота. Состоялось научное заседание с докладом В.А. Петрова «Результаты аналитического исследования подделок

⁵⁹ Арендс Альфред Карлович (1893–1977) — иранист, преподаватель ЛВИ (1930–1938), научный сотрудник ИВ АН (1936–1942). А.Н. Болдырев был оппонентом докторской диссертации А.К. Арендса в 1963 г.

хотанских кодексов собрания ИВ» и сообщением А.А. Фреймана о сессии Академии наук в Москве.

24 [октября]. 1) Пробита пробка парового отопления. Трубы греются нормально. 2) Ректор ЛГУ снял выговор с сотрудников ИВ (см. запись от 16 числа).

<Л. 6об.> 29 [октября]. Скончалась Анна Фоминична Елкина⁶⁰.

Ноябрь [1944 года].

4 ноября. Состоялось научное заседание с докладом акад[емика] В.М. Алексеева (автореферат московских докладов). Присутствовал прибывший из Москвы директор ИВ акад[емик] В.В. Струве.

5 [ноября]. Начаты аварийные работы по замазыванию утепленной части ИВ с привлечением работников БАН, ЛО ИВ согласно распоряжению М.Е. Федосеева.

11 [ноября]. Состоялось научное заседание in memoriam проф[ессора] Котвича⁶¹, с докладами В.М. Алексеева и М.К. Максимова.

4 [ноября]. В основном закончено зафанеривание.

15 [ноября]. Пущено паровое отопление.

18 [ноября]. Состоялось научное заседание с докладом.....⁶².

24 [ноября]. Закончено замазывание фанеры и рам (всего вставлено и замазано 209 «фанерогвоздомета»).

Декабрь [1944 года].

2 [декабря]. Включен свет. Состоялось научное заседание с докладом акад[емика] В.В. Струве «Хронология Бехистунской надписи».

<Л. 7> 6 [декабря]. Командировка А.Н. Болдырева в Москву.

9 [декабря], суббота. Научное заседание с докладом акад[емика] И.Ю. Крачковского «Арабские награды» (цитирую не точно).

15 [декабря]. Произведен осмотр рукописного [хранилища] и архивохранилища при участии В.И. Беляева⁶³.

16 [декабря], суббота. Научное заседание с докладом В.И. Беляева о работе по описанию Ташкентских рукописных фондов.

23 дек[абря], суббота. Научное заседание с докладом В.И. Беляева о неизвестном аш'аритском сочинении (название точнее см. повестку).

---

⁶⁰ Елкина Анна Фоминична работала курьером-уборщицей в ИВ АН в годы блокады.

⁶¹ Котвич Владислав Людвигович (1872–1944) — монголист, преподаватель Петербургского университета (1891–1924), директор ПИЖВЯ (1920–1922). С 1924 г. работал в Львовском университете.

⁶² Многоточие стоит в тексте А.Н. Болдырева.

⁶³ Беляев Виктор Иванович (1902–1976) — арабист, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИВ АН (1936–1959).

30 дек[абря], суббота. Научное заседание in memoriam акад[емика] П.К. Коковцова⁶⁴.

Январь 1945 [года].

6 янв[аря], субб[ота]. Научное заседание — чествование акад[емика] И.Ю. Крачковского.

13 января, суббота. Научное заседание с докладом акад[емика] А.П. Баранникова «Из Рамааны Тулсидаса».

20 января, суббота. Научное заседание с докладом В.М. Штейна «Предварительные итоги работы над Гуань-цзы»⁶⁵ и сообщением А.А. Фреймана «Об одном Ахеменидском календарном термине».

26 [января]. Два шкафа с рукописями на машине и книгами из комн[аты] издательства перенесены в Иранск[ий] каб[инет] № 54 ввиду сильной протечки крыши над издательством, обнаружившейся в последнюю оттепель.

27 [января]. Научное заседание с докладом Н.В. Пигулевской «Книга Химьяритов» и сообщением А.А. Фреймана «Еще об одном Ахеменидском календарном термине».

Февраль 1945 [года].

3 [февраля], суббота. Научное заседание с докладом О.П. Петровой «О японской транскрипции иностранных слов» и сообщением А.А. Фреймана «Незасвидетельствованные в Ахеменидских надписях на древнеперсидском языке названия четырех месяцев — 5-го, 6-го, 8-го, 11-го».

6 [февраля]. В ночь с 5-го на 6-е скончался от приступа сердечной болезни А.П. Рифтин⁶⁶.

10 [февраля], суббота. Научное заседание с докладом В.М. Алексеева «Греческий логос и китайское дао».

24 [февраля], суббота. Научное заседание с докладом акад[емика] И.Ю. Крачковского «Азиатский музей за 112 лет жизни».

25 [февраля]. Получены из Ташкента телеграммы от Ливотовой, Пучковского, Колпакчи, Троицкой⁶⁷ с выражением нежелания вос-

⁶⁴ Коковцов Павел Константинович (1861–1942) — семитолог, академик (с 1912 г.), профессор Петербургского Ленинградского университета. См. о нем в статье «Избранные письма А.Я. Борисова П.К. Коковцову» в наст. изд.

⁶⁵ Штейн Виктор Морицевич (1910–1964) — китаист, доктор экономических наук, научный сотрудник ИВ АН (1949–1953; 1955–1964).

⁶⁶ Рифтин Александр Павлович (1900–1945) — арабист и семитолог, профессор ЛГУ, декан Восточного факультета ЛГУ (1938–1945).

⁶⁷ Колпакчи Евгения Максимовна (1902–1952) — японист, доктор филологических наук, научный сотрудник ИВ АН (1942–1950). Троицкая Анна Леонидовна (1899–?) — специалист по истории и культуре Средней Азии, доктор исторических наук, научный сотрудник ИВ АН (1942–1950; 1958–1963).

пользоваться полученными ими через университет вызовами и с требованием включить их в академический реэвакуационный список. (Дальнейшие заседания см. «Научные заседания»).

Апрель [1945 года].

1 [апреля]. Подан реэвакуационный список № 2 (в Горбюро) и ходатайство о Тверитиновой⁶⁸.

12 [апреля]. В Горбюро заполнены бланки вызовов по списку № 2.

13 [апреля]. А.Н. Болдыревым и О.К. Ивановой произведен тщательный осмотр рукописных фондов в бойлерном помещении. Влажность удовлетворительная, рукописи в полной сохранности.

<Л. 7об.> 17 [апреля]. Получены из Горбюро вызовы по старому списку (16), а также вызов на А.С. Тверитинову.

Май [1945 года].

5 [мая]. Произведен осмотр рукописных и архивных фондов в низшем помещении. В порядке, однако влажность повышена.

17 [мая]. Прибыл эшелон из Ташкента с личным составом и вещами Института востоковедения.

Июнь [1945 года].

1 [июня]. Произведен осмотр рукописн[ого] хранилища и архивохранилища в низшем помещении (следов плесени и порчи не обнаружено). В рукописн[ом] хранилище отмечена повышенная влажность воздуха.

6 [июня]. Совместно с А.М. Мугиновым⁶⁹ произведен осмотр рукописн[ого] хранилища и архивохранилища. Фонды в порядке, в рукописн[ом] хранилище влажность повышена.

Конец журнала. А. Болдырев.

Приложение 1

Автобиография. Болдырев Александр Николаевич⁷⁰

Родился в 1909 г. в г. Ленинграде. Отец — научный работник, преподаватель экономических вузов в Ленинграде (умер в 1929 г.)⁷¹.

---

⁶⁸ Тверитинова Анна Степановна (1910–1973) — тюрколог, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ АН (1932–1973).

⁶⁹ Мугинов Абдулладжан Мугинович (1896–1967) — тюрколог, кандидат филологических наук, советник посольства СССР в Афганистане (1923–1924), в Иране (1929–1933), преподаватель ЛВИ (1934–1937), научный сотрудник ИВ АН (1937–1967).

⁷⁰ Автобиография была представлена А.Н. Болдыревым в Ученый совет ИВ АН СССР 18 марта 1941 г. для защиты кандидатской диссертации. Напечатана на пишущей машинке за подписью А.Н.Болдырева (АВ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 96. Л. 4).

⁷¹ Отец Александра Николаевича — Болдырев Николай Васильевич (ум. 25.09.1929) — приват-доцент кафедры философии и права Петербургского университета. После рево-

В 1927 г. я окончил 41-ую Сов[етскую] трудовую школу, в том же году поступил на восточное отделение ИЛФ Лен[инградского] гос[ударственного] университета (впоследствии ЛИЛИ, ЛИФЛИ), который окончил в 1931 г. по специальности истории персидской литературы. С 1931 по 1933 г. работал старшим ассистентом кафедры иностранных языков Лен[инградского] инженерно-экономического института им. Молотова.

С 1933 г. по конец 1936 г. работал научным сотрудником историко-лингвистического сектора Таджикистанской базы Академии наук СССР по специальности истории таджикской литературы. Одновременно в течение 1934, [19]35, [19]36 гг. читал на правах доцента (по совместительству) курсы «Истории таджикской литературы» и «Таджикского фольклора» в вечернем и дневном Педагогических институтах гор[ода] Сталинабада (в вечернем — на русском, а в дневном — на таджикском языке)⁷².

В 1936 г. принят на работу в Гос[ударственный] Эрмитаж в качестве старшего научного сотрудника Отдела Востока, где и работаю по настоящее время. С 1937 г. приглашен в качестве старшего преподавателя на Филологический факультет Ленинградского Гос[ударственного] университета, где читаю курсы персидского языка, таджикского фольклора и истории таджикской литературы.

Приложение 2

Автобиография⁷³.

Я, Болдырев Александр Николаевич, родился в гор[оде] Ленинграде в 1909 г. (29 мая). В 1927 г. окончил 41-ю Сов[етскую] трудовую школу и поступил на восточное отделение Филологического факультета Лен[инградского] гос[ударственного] университета. В 1929 г., еще обучаясь в ЛГУ, работал в качестве технического переводчика в Тресте слабых токов. Окончив в 1931 г. Университет по специальности персидского языка и истории персидской литературы, поступил на работу старшим ассистентом при кафедре иностранных языков Лен[инградского] инженерно-экономического института им. В.М. Молотова. В 1934 г. поехал по договору в г. Сталинабад Таджикской ССР

люции 1917 г. Н.В. Болдырев был вынужден покинуть Университет и работать в разных учреждениях (*Болдырев А.Н.* Осадная запись. С. 8–9).

⁷² Сталинабад — название г. Душанбе в 1929–1961 гг.

⁷³ Данная автобиография А.Н. Болдырева, написанная им собственноручно, была представлена при зачислении в штат ИВ АН СССР 1 июля 1942 г. Хранится в его личном деле (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 95. Л. 4).

для работы в Таджикской Академии наук СССР, где работал по вопросам истории и истории литературы таджиков по конец 1936 г. Затем вернулся в Ленинград для обработки накопленных материалов, повышения квалификации и подготовки диссертации и поступил старшим научным сотрудником в Отдел Востока Гос[ударственного] Эрмитажа. В 1937 г. был также принят штатным старшим преподавателем в Лен[инградский] гос[ударственный] университет, где читал курсы персидского языка, истории таджикской и персидской литературы вплоть до эвакуации университета в 1942 г. В 1941 г. защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук при ИВ АН СССР. В апреле 1942 г. мобилизован в ряды РК ВМФ, а в июне был демобилизован и с 1-го июля принят в ИВ АН СССР на должность стар[шего] научн[ого] сотрудника. Имею более 20 научных работ и большое количество журнальных, газетных статей, очерков и т.п. Состою на учете Лен[инградского] горкома писателей⁷⁴.

Ленинград, Загородный пр., [дом] 28, кв. 37.

А.Н. Болдырев

Приложение 3

Свидетельство⁷⁵

Лен[инградского] гос[ударственного] университета

Студенческого отдела от 7 января 1938 г. № 17/788.

Университетская наб[ережная], № 7/9

Выдано настоящее свидетельство гражданину Болдыреву Александру Николаевичу, родившемуся в гор[оде] Ленинграде в 1909 г. мая м[еся]ца 29 числа, в том, что, поступив в 1927 году в Ленинградский государственный университет, он окончил в 1930 г. января месяца 23 числа полный курс наук Историко-лингвистического факультета по восточному отделению специальности истории персидской литературы и что им были сданы экзамены по нижеследующим курсам и выполнены практические занятия по следующим дисциплинам:

---

⁷⁴ Так А.Н. Болдырев называет Ленинградскую организацию Союза писателей СССР (ЛОСП), которая была образована на I Всесоюзном съезде писателей в августе 1934 г. Она являлась второй по числу членов писательской организацией в стране. Резиденцией руководства ЛОСП стал Дом писателей им. В.В. Маяковского, располагавшийся по адресу ул. Воинова (ныне Шпалерная), д. 18 (Творческие организации Ленинграда. Л., 1981; *Бахтин В.С.* Обязанности жизни: Ленинградская писательская организация в дни войны // До последней минуты... Л., 1983. С. 261–283).

⁷⁵ АВ ИВР РАН. Ф.152. Оп. За, ед. хр. 96. Л. 7–7об. В тексте свидетельства, очевидно, ошибочно указан год окончания ЛГУ — 1930 (вместо 1931).

Теоретические курсы

1. История изучения Востока	зачтено
2. История Запада	зачтено
3. История России 19–20 [веков]	зачтено
4. История таджикской литературы	зачтено
5. История персидской литературы	зачтено
6. Персидские лирики	зачтено
7. Арабская каллиграфия	зачтено
8. Коран	зачтено
9. О. Хайям и его произведения	зачтено
10. Методология литературы	зачтено
11. Развитие общественных форм	зачтено
12. Персидские исторические тексты	зачтено
13. Саади и его произведения	зачтено
14. Введение в яфетидологию	зачтено
15. Шахнамэ	зачтено
16. Введение в языкознание	зачтено
17. Арабский язык	зачтено
18. Персидский язык	зачтено
19. Древнеперсидский язык	зачтено
20. Таджикский язык	зачтено
21. Средне-персидский язык	зачтено
22. Немецкий язык	зачтено
23. Английский язык	зачтено

Политические предметы

1. Государственное устройство СССР	зачтено
2. История ВКП(б)	зачтено
3. Исторический материализм	зачтено
4. Экономические политики	зачтено
5. Политическая экономика	зачтено
6. Ленинизм	зачтено
7. Национальный вопрос и национальная политика	зачтено
8. Семинарий по историческому материализму	зачтено

Военные предметы

1. Военная топография	зачтено
2. Военная администрация	зачтено
3. Военно-химическое дело	зачтено

А.Н. Болдырев

---

4. Военно-инженерное дело	зачтено
5. Стрелковое дело	зачтено
6. Артиллерийское дело	зачтено
7. Тактики	зачтено

Практические занятия

1. Практика персидского языка	зачтено
2. Семинарий по истории Халифата	зачтено

Настоящее свидетельство удостоверяется подписями и приложением печати.

И.о. директора ЛГУ	(подпись) Б. Березин.
Завед[ующий] учебной частью	(подпись) А. Комаров.
Секретарь	(подпись) Е. Щапова.

Summary

A.N. Boldyrev

The “Journal of Day-to-Day Management” and events in the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of USSR

Preface and publication by I.K. Pavlova

The “Journal of Day-to-Day Management” [Archives of Orientalists. F. 152. Inv. 1a, unit 811] was kept by the outstanding scholar, specialist in Iranian literature A.N. Boldyrev (1909–1993) from December 1943 till May 1945, when he was a researcher of the IOS and representative of the Institute in Leningrad (08.05.1943 — 25.07.1945) at the time of the Leningrad Blockade. The “Journal” and other documents published in the appendices are very important for study of A.N. Boldyrev’s biography, because in the years of work at the Academy of Science his name became throughout the academic world.

Key words: Researcher of Iranian studies A.N. Boldyrev, archival materials, personal documents, the Leningrad Blockade, the first publication.

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА А.Я. БОРИСОВА П.К. КОКОВЦОВУ

Из переписки выдающихся русских семитологов

Предисловие и публикация

Н.С. Смеловой, Е.О. Шухман

Аннотация. Публикуются избранные письма А.Я. Борисова П.К. Коковцову, хранящиеся в СПбФ АРАН, а также фрагмент письма А.Я. Борисова И.Ю. Крачковскому, посвященного памяти П.К. Коковцова и хранящегося в семейном архиве. В предисловии приведены биографические сведения об обоих ученых-востоковедах, дан обзор их разносторонней научной деятельности, которая нашла яркое отражение в письмах А.Я. Борисова. Первое письмо представляет особый интерес, так как написано на иврите и относится, по-видимому, к 1924 г. — времени прибытия А.Я. Борисова в Ленинград. В других письмах, относящихся к разному времени вплоть до конца 1930-х гг., обсуждаются различные темы в рамках основной области научных интересов обоих ученых — семитологии. Значительное внимание уделено еврейско-арабской литературе, главным образом в рукописях из собрания А. Фирковича (РНБ) и арамейской эпиграфике (надписи из Ирана и Пальмиры). Последнее письмо, адресованное И.Ю. Крачковскому, написано А.Я. Борисовым в январе 1942 г., вскоре после кончины П.К. Коковцова. В нем содержатся ценные биографические сведения о П.К. Коковцове и о самом А.Я. Борисове и раскрываются истоки их научных интересов.

Ключевые слова: А.Я. Борисов, П.К. Коковцов, переписка, семитология, еврейско-арабская литература, арамейская эпиграфика.

Институт восточных рукописей РАН на протяжении многих десятилетий хранит память о выдающихся русских семитологах — академике Павле Константиновиче Коковцове (1861–1942) и профессоре Ленинградского университета Андрее Яковлевиче Борисове (1903–1942), погибших во время блокады Ленинграда. В связи с 30-летием

их кончины 15–16 ноября 1972 г. в ЛО ИВ АН СССР состоялась мемориальная сессия, на которой ученики и коллеги П.К. Коковцова и А.Я. Борисова — сотрудники ИВ и ЛГУ — выступали с докладами по различным проблемам семитологии. Не менее значимыми были выступления с личными воспоминаниями, которые позволили слушателям в полной мере оценить масштаб личности, а также научной и общественной деятельности этих замечательных ученых¹. Без малого 40 лет спустя мы вновь обращаемся к наследию П.К. Коковцова и А.Я. Борисова — учителя и ученика, и публикация писем, хранящихся в СПбФ АРАН, является скромной данью их памяти².

Павел Константинович Коковцов родился в Павловске под Петербургом 19 июня (1 июля) 1861 г. в просвещенной дворянской семье. Его отец Константин Константинович был профессором и инспектором Императорского института инженеров путей сообщения (ныне Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения)³; брат — также инженером путей сообщения; родственником П.К. Коковцова был видный государственный деятель Российской империи, министр финансов и председатель Совета министров (1911–1914) В.Н. Коковцов (1853–1943; с 1914 г. — граф).

П.К. Коковцов по праву считается основателем петербургской школы семитологии. Будучи человеком энциклопедических знаний, он владел практически всеми семитскими языками, а также некоторыми другими восточными языками, блестяще знал литературу древнего и средневекового Востока. Как указывала Н.В. Пигулевская, фундамент этих знаний был заложен еще в университетские годы⁴. Во время обучения на факультете восточных языков Петербургского университета (1880–1884) П.К. Коковцов проходил основной курс по еврейско-арабско-сирийскому разряду под научным руководством профессоров Д.А. Хвольсона и барона В.Р. Розена, также посещал лекции по араб-

---

¹ *Елисеева Н.В.* Научная сессия памяти видных советских семитологов // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. 1973, № 4. С. 227–230.

² СПбФ АРАН. Ф. 997 (академика П.К. Коковцова). Оп. 2, ед. хр. 41. Приносим сердечную признательность дочери А.Я. Борисова — Елене Андреевне Борисовой, любезно предоставившей нам фрагмент письма А.Я. Борисова И.Ю. Крачковскому из ее семейного архива, а также М.Б. Пиотровскому и Е.Н. Мещерской за содействие данной публикации.

³ *Коковцов П.К.* Коковцов Павел Константинович // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Ч. 1. Пг., 1915. С. 326.

⁴ *Пигулевская Н.В.* Академик Павел Константинович Коковцов и его школа // Вестник Ленинградского университета. 1947, № 5. С. 106.

ско-персидско-турецко-татарскому разряду и изучал санскрит вместе с С. Ф. Ольденбургом. Фундаментальная подготовка позволила П. К. Коковцову в дальнейшем применять полученные знания для сравнительного анализа памятников письменности, принадлежащих различным культурам Востока и различным языковым группам. Выпускное сочинение П. К. Коковцова, заслужившее ему золотую медаль университета, было выполнено на тему «Халдейский перевод книги Притчей Соломоновых и его отношение к сирийскому переводу той же книги, находящемуся в Пешитте»⁵.

Вскоре после окончания университета П. К. Коковцов приступил к изучению рукописных памятников из собрания Императорской публичной библиотеки (ныне — РНБ). Его первая научная публикация была посвящена описанию сирийских и эфиопских рукописей, поступивших в ИПБ в 1883 г. в составе коллекции преосвященного Порфирия Успенского⁶. Еще со студенческих лет П. К. Коковцов, продолжая работу А. Я. Гаркави, занимался разбором Первого и Второго рукописных собраний Авраама Фирковича (1786–1874), переданных в ИПБ в 1862 и 1876 гг.⁷. Вероятно, именно при работе с рукописями этого собрания проявился особый интерес П. К. Коковцова к памятникам еврейско-арабской литературы, принадлежавшим караимским и раббанитским общинам средневекового Ближнего Востока. Язык этих памятников, выполненных в основном еврейской графикой, значительно отличался от классического арабского языка из-за включения в него многочисленных гебраизмов и отрывков на иврите⁸. Именно в коллекциях Фирковича П. К. Коковцов открыл филологическое сочинение Ибн Баруна (конец XI — начало XII в.), которому впоследствии он

⁵ Крачковский И. Ю. П. К. Коковцов в истории русского востоковедения (1861–1942) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1944. Т. III. Вып. 6. С. 276.

⁶ Коковцов П. К. Сирийские рукописи (собрание епископа Порфирия Успенского) // Отчет Публичной библиотеки за 1883 г. СПб., 1885. С. 181–185.

⁷ Подробнее об истории и составе рукописных собраний А. С. Фирковича см.: Старкова К. Б. Рукописи коллекции Фирковича Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Письменные памятники Востока. Ежегодник 1970. М., 1974. С. 165–192; Васильева О. В. «Одесское собрание» Авраама Фирковича // Российская национальная библиотека. Восточный сборник. Вып. 6. СПб., 2003. С. 12–35; Харвиайнен Т. Каирские генизы и другие источники Второго собрания Фирковича // Там же. С. 70–76.

⁸ Зайковский Б. И. Андрей Яковлевич Борисов и мутазилитские рукописи в собрании А. С. Фирковича // История в рукописях — рукописи в истории. Восточные рукописи. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 июня 2005). СПб., 2008. С. 166, сн. 7.

посвятил свой основной труд — магистерскую диссертацию, блестяще защищенную в 1893 г.⁹. Исследование еврейско-арабских рукописных памятников П.К. Коковцов продолжал на протяжении всей жизни, свидетельством чему является, в частности, его докторская диссертация, не представленная к защите, но опубликованная в 1916 г.¹⁰, а также неопубликованные труды, которые П.К. Коковцов готовил к изданию в серии «К истории средневековой еврейской филологии и еврейской арабской литературы», ныне хранящиеся в СПбФ АРАН¹¹. Несколько статей П.К. Коковцова составили также серию «Из еврейско-арабских рукописей Императорской Публичной библиотеки»¹². Впоследствии изучение рукописей из Второго собрания Фирковича и работу своего учителя в области еврейско-арабской литературы продолжил А.Я. Борисов.

Важной вехой в научном творчестве П.К. Коковцова было исследование еврейско-хазарской переписки по рукописям из собрания Фирковича (РНБ), коллекции Тейлора–Шехтера (Библиотека Кембриджского университета), а также Бодлеянской библиотеки (Оксфорд)¹³. Этой работой учителя интересовался и принимал в ней участие А.Я. Борисов, о чем свидетельствуют его открытки со ссылками на соответствующие рукописи из Публичной библиотеки, отправленные П.К. Коковцову и отложившиеся в личном фонде последнего в СПбФ АРАН¹⁴.

---

⁹ *Коковцов П.К.* К истории средневековой еврейской филологии и еврейской арабской литературы. I. Книга сравнения еврейского языка с арабским Абу Ибрагима (Исаака) Ибн Баруна, испанского еврея конца XI и начала XII века. Исследование. С приложением подлинного текста сохранившихся отрывков труда Ибн Баруна. СПб, 1893.

¹⁰ *Коковцов П.К.* К истории средневековой еврейской филологии и еврейской арабской литературы. II. Новые материалы для характеристики Иехуды Хайюджа, Самуила Нагида и некоторых других представителей еврейской филологической науки в X, XI и XII веках. Пг., 1916.

¹¹ *Орбели Р.Р.* Академик П.К. Коковцов и его рукописное наследство // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 341–359.

¹² *Коковцов П.К.* Из еврейско-арабских рукописей Императорской Публичной библиотеки. I. К литературной деятельности Самуила Нагида // Известия Императорской Академии наук, сер. VI, 1908, т. II, № 18. С. 1355–1366 (также в журнале: *Mélanges asiatiques*, t. XIII, 1908. P. 349–360); *idem.* Из еврейско-арабских рукописей Имп. Публичной библиотеки. II. К критике текста мелких произведений Ибн-Джанаха // Известия Императорской Академии наук, сер. VI, 1911, т. V, № 18. С. 1219–1236 (также в журнале: *Mélanges asiatiques*, t. XV, 1912. P. 289–306).

¹³ *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932; *он же.* Заметка о еврейско-хазарских рукописях Кембриджа и Оксфорда // Доклады Академии наук СССР, сер. В, 1926. С. 121–124.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 997. Оп. 1, ед. хр. 98. Л. 202–203.

В сферу интересов П.К. Коковцова входила также эпиграфика. Обладая обширными знаниями по семитологии и тюркологии, Коковцов продолжал изучение корпуса сиро-тюркских несторианских надгробных надписей XIII-XIV вв., открытых в Семиречье (начало исследованию этого материала положил его учитель Д.А. Хвольсон). П.К. Коковцовым были также опубликованы арамейские надписи из Нираба (VII в. до н.э.)¹⁵, некоторые еврейские надписи, а также эпиграфические памятники из Пальмиры: надгробные рельефы и надписи из катакомбы Мегарет Абу-Схейль, открытые Русским археологическим институтом в Константинополе¹⁶. Безусловной заслугой П.К. Коковцова стало приобретение Эрмитажем Пальмирского тарифа — ценнейшей мраморной плиты с текстом таможенного закона на греческом и арамейском языках (137 г.). Пальмирский тариф был открыт в 1882 г. князем С.С. Абамелек-Лазаревым, который отправил П.К. Коковцову эстампажи арамейского текста тарифа. Как явствует из частично опубликованных писем П.К. Коковцова, он был весьма обрадован этой находкой и через некоторое время, в 1899 г. обратился в Русское археологическое общество с инициативой о приобретении памятника для России. В результате в 1904 г. Пальмирский тариф был доставлен в Петербург и помещен в Эрмитаж¹⁷.

Занимаясь эпиграфикой, П.К. Коковцов обращался к изучению памятников прикладного искусства, в частности, им были исследованы и опубликованы сирийские надписи на серебряном блюде-дискосе из собрания Эрмитажа, найденном в 1897 г. близ с. Григоровского Пермской губернии. Памятник был впервые опубликован Д.А. Хвольсоном, Н.В. Покровским и Я.И. Смирновым¹⁸, а в дальнейшем привлек вни-

¹⁵ Коковцов П.К. Древнеарамейские надписи из Нираба (близ Алеппо) // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XII, 1899 (1900). С. 145–178.

¹⁶ Коковцов П.К. Новые арамейские надписи из Пальмиры // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1902. Т. VIII. Вып. 1–2. С. 302–329; *он же*. К пальмирской археологии и эпиграфике // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1902. Т. XIII. С. 277–302.

¹⁷ Письма П.К. Коковцова к С.С. Абамелек-Лазареву по поводу находки и приобретения Пальмирского тарифа ныне хранятся в РГАДА (Ф. 1252 (Абамелек-Лазаревых). Оп. 1). Фрагменты писем были опубликованы в статье: *Базиянц А.П.* Неопубликованные письма академика П.К. Коковцова С.С. Абамелек-Лазареву. (К истории Пальмирского таможенного тарифа) // *Պատմա-բանասիրական հանդես* (Историко-филологический журнал). № 1 (80). Ереван, 1978. С. 171–175. См. также: *Орбели Р.Р.* Академик П.К. Коковцов. С. 353. Письма С.С. Абамелек-Лазарева 1900–1903 гг. хранятся в фонде П.К. Коковцова в СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 2, ед. хр. 1.

¹⁸ *Хвольсон Д.А., Покровский Н.В., Смирнов Я.И.* Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае // *Материалы по археологии России*. № 22. СПб., 1899. С. 1–44.

мание критика В.В. Стасова. Один из разделов в статье Стасова, посвященный палеографии и орфографии сирийских надписей на диско-се, был написан П.К. Коковцовым, который сделал вывод о происхождении блюда из Средней Азии, подчеркнув палеографическую близость надписей на нем надписям на сиро-тюркских надгробиях из Семиречья. Он предположил, что надписи были выгравированы не сирийцем, а тюрком, отметив, что их палеография не дает достаточно материала для датировки памятника. Тем не менее П.К. Коковцов высказал мнение о том, что блюдо не может относиться к раннему Средневековью, что противоречило датировке VI в., предложенной Д.А. Хвольсоном¹⁹. На основании данных П.К. Коковцова, а также иконографического анализа блюда В.В. Стасов датировал памятник XIII–XIV вв. (Я.И. Смирнов оспорил эту датировку, отнеся блюдо к IX–X вв.)²⁰. Вопросы, связанные с исследованием так называемого «сирийского блюда», являются одной из основных тем опубликованной переписки Стасова и Коковцова²¹.

В 1903 г. П.К. Коковцов был избран действительным членом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по историко-филологическому отделению. Первоначально имея звание адъюнкта, в 1906 г. он был избран экстраординарным академиком, в 1912 г. — ординарным академиком.

Кроме того, П.К. Коковцов состоял действительным членом Императорского Русского археологического общества, Императорского Русского географического общества, Императорского общества любителей древней письменности, Императорского Православного Палестинского общества, Русского археологического института в Константинополе (РАИК) и др. Важной страницей в его деятельности была работа над переводом православного богослужения (чина литургии Иоанна Златоуста и чина крещения) на сирийский язык, выполнявшаяся в рамках Урмийской миссии — духовной миссии, учрежденной в 1898 г. с целью воссоединения с православной церковью ассирийцев-несториан (адептов Церкви Востока), живших в районе оз. Ре-

---

¹⁹ Коковцов П.К. Палеография и орфография сирийских надписей на серебряном блюде с христианскими изображениями Императорского Эрмитажа // Журнал Министерства народного просвещения, 1905. Ч. 357, январь. С. 4–14.

²⁰ Смирнов Я.И. Восточное серебро. СПб., 1909. С. 7.

²¹ Письма В.В. Стасова к П.К. Коковцову о серебряном блюде из Эрмитажа хранятся в фонде П.К. Коковцова в СПбФ АРАН. Они опубликованы: Орбели Р.Р. Письма В.В. Стасова к П.К. Коковцову // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961. С. 199–207.

зайе/Урмия в Иране и в горах вилайета Хакяри в Восточной Анатолии²².

П. К. Коковцов не только внес заметный вклад в русскую и мировую науку, но и создал школу семитологии, передав глубокие знания и привив навыки исследовательской работы своим ученикам в Петербургском/Ленинградском университете. В 1894–1929 гг. П. К. Коковцов читал лекции на Восточном факультете; в 1900 г. был назначен экстраординарным, в 1912 г. — ординарным профессором кафедры еврейской, сирийской и халдейской словесности²³. Он вел занятия по еврейскому и сирийскому языкам, читал курсы, посвященные эпиграфике, папирологии и другим памятникам семитской письменности, разработал курс ассириологии, вел семинары по чтению и толкованию Библии; кроме того, на историко-филологическом факультете он читал курс «Введение в семитологию». Среди учеников П. К. Коковцова были семитологи — гебраисты и арабисты М. Н. Соколов, А. Я. Борисов, Н. В. Юшманов, И. Н. Винников, сирологи А. П. Алявдин, Н. В. Пигулевская, ассириологи В. В. Струве, В. К. Шилейко, А. П. Рифтин, Г. В. Церетели. По словам современников, П. К. Коковцов обладал непростым характером и, будучи весьма сдержанным и даже суровым человеком, тем не менее, он был очень привязан к некоторым своим ученикам. П. К. Коковцов особо выделял Михаила Николаевича Соколова, который после окончания Московской Духовной академии учился у него в 1915–1917 гг., затем был преподавателем и заведующим кафедрой гебраистики ЛГУ, а также с 1924 г. — научным сотрудником Азиатского музея (ИВ АН СССР). Особый научный интерес для М. Н. Соколова представляло караимское рукописное наследие: в 1926/27 г. он руководил разбором и транспортировкой из Евпатории в Ленинград рукописей Караимской национальной библиотеки. Однако работа и жизнь М. Н. Соколова были трагически прерваны арестом в 1933 г., за которым последовали осуждение и отправка в БАМлаг, где он был расстрелян в 1937 г.²⁴. Также ближайшим учеником П. К. Коковцова

²² *Сергий, архим.* Литургия на древнесирийском языке. Издание Урмийской духовной миссии // Церковные ведомости. Прибавления. 1907, № 51–52. С. 2362–2364. См. также: *Стефан (Садо), игумен.* Сирийские переводы Российской Урмийской миссии // <http://www.mitropolia-spb.ru/rus/conf/bolotov2000/dokladi/stefan.html>. Материалы, связанные с этой работой П. К. Коковцова, хранятся в его фонде в СПбФ АРАН (Ф. 779. Оп. 1, ед. хр. 104).

²³ *Анфертьева А. Н.* Гебраистика и история еврейской культуры в России. Тематический указатель документов по фондам Санкт-Петербургского Архива Российской академии наук. Вып. 1. СПб., 1994. С. 11.

²⁴ *Анфертьева А. Н.* Гебраистика. С. 25–26. М. Н. Соколову уделено особое место в воспоминаниях К. Б. Старковой, которая сообщает, что после его ареста П. К. Коковцов

был А.Я. Борисов, в полной мере разделявший научные интересы учителя и продолжавший его работу во многих областях семитологии²⁵.

Андрей Яковлевич Борисов родился в с. Валговицы Ямбургского уезда Петербургской губернии²⁶ 11 (24) мая 1903 г. Род Борисовых происходил из крестьян-старообрядцев Нижегородской губернии, живших на р. Ветлуге²⁷. Детские и юношеские годы А.Я. Борисов провел в Нарве, где закончил курс гимназии. Затем он поступил в Тартуский (Дерптский) университет на филологический факультет, на котором обучался одновременно по разрядам славянских и семитских языков. В начале 1924 г. семья переехала в Ленинград, и А.Я. Борисов продолжил образование на восточном отделении Ленинградского университета под руководством П.К. Коковцова и И.Ю. Крачковского. За время обучения он очень сблизился со своими учителями, особенно с П.К. Коковцовым, от которого воспринял широкий исследовательский кругозор в области семитологии и смежных дисциплин, а также интерес к некоторым частным вопросам, связанным с еврейско-арабской философской литературой, арамейской эпиграфикой — со всем, что нашло отражение в его последующих работах. По окончании университета в 1928 г. он в течение девяти месяцев работал в качестве докторанта (практиканта) в Азиатском музее (ИВ АН СССР), а затем, с 1930 по 1933 г. — в еврейском отделе Публичной библиотеки, который покинул из-за конфликта с заведующим отделом,

---

лично написал письмо главе НКВД Г.Г. Ягоде с просьбой освободить его ученика М.Н. Соколова, а взамен, если потребуется, арестовать его самого; однако письмо было возвращено автору. См.: *Старкова К.Б.* Воспоминания о прожитом. Жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР. СПб., 2006. С. 209. См. также: *Васильков Я.В.* Только об одном востоковеде... (Гебраист Михаил Николаевич Соколов, 1890–1937) // In Memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.–СПб., 1995. С. 233–253; Соколов Михаил Николаевич (1890–1937) // *Васильков Я.В., Сорокина М.Ю.* Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003. С. 360–361.

²⁵ *Пигулевская Н.В.* Академик Павел Константинович Коковцов. С. 107, 115.

²⁶ Ныне поселок при железнодорожной станции в Кингисеппском районе Ленинградской области.

²⁷ Биография А.Я. Борисова представлена в работах: *Старкова К.Б.* Андрей Яковлевич Борисов // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. С. 8–38; она же. А.Я. Борисов и его труды по истории средневековой философии на Ближнем Востоке // *Борисов А.Я.* Материалы и исследования по истории неоплатонизма на средневековом Востоке. СПб., 2002 (Православный Палестинский сборник. Вып. 99 (36)). С. 254–255; *Васильева О.В.* Борисов Андрей Яковлевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 122–125.

гебраистом И.И. Равребе²⁸. В 1933 г. А.Я. Борисов поступил в аспирантуру при Государственном Эрмитаже по отделению культуры и искусства древнего Ирана, где учился до 1938 г. Основной специальностью он избрал пехлевийскую письменность. В этот же период он был приглашен вести курсы арабского и древнееврейского языков на кафедре семитских языков и литератур, открытой в 1933 г. при ЛИФЛИ (с 1936 г. — Филологический факультет ЛГУ). В 1937 г. он получил звание кандидата филологических наук без защиты диссертации по совокупности научных трудов. Важную роль при этом сыграл П.К. Коковцов, давший блестящий отзыв о научной работе А.Я. Борисова. В отзыве он особо отметил важные открытия, сделанные его учеником среди рукописей из Второго собрания Фирковича, главным из которых была так называемая «Теология Аристотеля». Именно этот неоплатонический текст А.Я. Борисов избрал предметом своей докторской диссертации, к подготовке которой он приступил в 1939 г., одновременно продолжая работать в Эрмитаже в должности старшего научного сотрудника.

Сфера научных интересов А.Я. Борисова была очень широка. Ему принадлежит около 40 научных работ, тематика которых отличается, пожалуй, не меньшим разнообразием, чем труды П.К. Коковцова. Среди них работы, посвященные философским и историческим сочинениям караимских и еврейско-арабских писателей, сохранившимся в рукописях из собраний Фирковича, описания мутазилитских и самаритянских рукописей, труды по филологии, исследования памятников арамейской и иранской эпиграфики и предметов материальной культуры (пальмирских, мандейских, сирийских и др.), общие работы по арабистике и иранистике²⁹.

А.Я. Борисов был также прекрасным преподавателем. Его учениками были многие выдающиеся российские востоковеды, среди них — Клавдия Борисовна Старкова. Именно благодаря ей и ее ученице Е.Н. Мещерской увидели свет многие ранее неопубликованные труды Борисова³⁰. В своей биографической книге К.Б. Старкова посвятила учителю целую главу, в которой она рассказала о детстве А.Я. Бори-

²⁸ Старкова К.Б. Воспоминания о прожитом. С. 226.

²⁹ Полный список трудов А.Я. Борисова см.: *Борисов А.Я.* Материалы и исследования. С. 250–251.

³⁰ Важнейшие работы А.Я. Борисова собраны в книге: *Борисов А.Я.* Материалы и исследования. Рец.: *Treiger A.* Andrei Iakovlevič Borisov (1903–1942) and his Studies of Medieval Arabic Philosophy // *Arabic Sciences and Philosophy*. Vol. 17. Camb., 2007. P. 159–195.

сова, о его родителях, о годах ученичества и становления его как выдающегося ученого³¹. Публикуемые письма А.Я. Борисова П.К. Коковцову также содержат множество ценных сведений об обоих востоковедах и их разносторонних научных интересах.

В личном фонде академика П.К. Коковцова в СПбФ АРАН хранится более трех тысяч писем, адресованных ему русскими и иностранными учеными. Опубликованная к настоящему времени переписка П.К. Коковцова представлена лишь письмами В.В. Стасова ученому, письмами П.К. Коковцова С.С. Абамелек-Лазареву (из собрания РГАДА) по поводу открытия Пальмирского тарифа, а также недавно опубликованными письмами П.К. Коковцова Б.А. Тураеву (из собрания Архива ГЭ) и М.Н. Соколова — учителю (из собрания СПбФ АРАН)³².

В настоящую публикацию вошли письма А.Я. Борисова П.К. Коковцову, написанные в разные годы — со времени переезда Борисова в Ленинград в 1924 г. и до конца 30-х гг. В приложении приводится фрагментарно сохранившееся письмо А.Я. Борисова И.Ю. Крачковскому, ценнейший документ, написанный вскоре после кончины П.К. Коковцова, в начале января 1942 г., и подводящий своеобразный итог многолетнему общению Андрея Яковлевича с учителем. По-видимому, письмо не было отправлено адресату³³.

В фонде П.К. Коковцова сохранилось сравнительно немного документов, связанных с научной деятельностью А.Я. Борисова, среди них — отзывы о научной работе, письма и открытки последнего. Архив А.Я. Борисова сохранился лишь частично в его семье, а также среди материалов его ученицы К.Б. Старковой, сотрудницы ЛО ИВ АН СССР (СПбФ ИВ РАН)³⁴. Среди бумаг А.Я. Борисова за редким исключением отсутствует его переписка и, в частности, не сохранились ответные письма П.К. Коковцова. В дневниках П.К. Коковцова имя А.Я. Борисова упоминается весьма редко и нет отметок о принятой корреспонденции.

Первое из посланий А.Я. Борисова представляет интерес в первую очередь как литературное произведение. Письмо не имеет обращения

---

³¹ См.: *Старкова К.Б.* Воспоминания о прожитом. С. 222–227.

³² *Клочков И.С.* Письма русских ученых Б.А. Тураеву // *Христианский Восток*. Нов. сер. Т. 4 (X). 2002. М., 2006. С. 349–350; *Васильков Я.В.* Только об одном востоковеде... С. 242–243.

³³ В личном фонде И.Ю. Крачковского в СПбФ АРАН среди писем А.Я. Борисова данное письмо не обнаружено.

³⁴ Материалы К.Б. Старковой после ее смерти в 2000 г. поступили на хранение в АВ ИВР РАН.

и даты, но, по-видимому, его следует датировать 1924 г. — годом прибытия А. Я. Борисова в Ленинград и поступления в ЛГУ. Письмо написано в изящной манере, изобилует цитатами из Библии и Талмуда, что было обусловлено, по-видимому, стремлением молодого ученого произвести благоприятное впечатление на знаменитого профессора-семиолога. Андрей Яковлевич подробно рассказывает о своем внезапно возникшем интересе к семитским языкам, об огромном числе невероятно сложных для прочтения литературных памятников, которые он изучил «без всякого учителя и руководителя и даже без словаря», подчеркивая при этом свое русское происхождение. Действительно, в традиционных еврейских семьях в то время было принято приобщать мальчиков с молодых лет к традиции и языку предков. Поэтому если бы он родился в еврейской семье, такие успехи были бы естественным продолжением домашнего воспитания. Тем удивительнее представляются достижения Андрея Яковлевича. Даже если предположить, что Борисов несколько приуменьшил срок, в течение которого он самостоятельно усвоил огромный объем информации, содержащийся в еврейской Библии и Талмуде, все же сам стиль письма обнаруживает его страстное увлечение гебраистикой и превосходное знание предмета.

Данное письмо интересно еще и тем, что уточняет фактические сведения о юности ученого. Из воспоминаний К. Б. Старковой мы узнаем, что «в Тартуской... гимназии с Андреем Яковлевичем учился мальчик Симон — еврей из хорошей семьи, очень интеллигентной, идишистского склада. Отец нанял сыну светского учителя для уроков еврейскому языку, и мальчик хорошо его освоил. Симон, видя интерес Андрея к языкам, сказал об этом отцу. Отец, узнав, что товарищ из гимназии, коренной русский, да еще из семьи одновременно революционной и раскольничьей, проявляет такой интерес к еврейскому языку, пригласил его приходить к ним заниматься. И Андрей в детстве прекрасно изучил еврейский язык»³⁵. В письме Андрей Яковлевич утверждает, что в Тарту он прибыл по окончании средней школы (гимназии) в Нарве, он начал свою деятельность там с преподавания иврита под руководством профессора А. фон Бульмеринга³⁶, который впоследствии и рекомендовал ему обратиться к П. К. Коковцову с просьбой о содействии в продолжении учебы в Ленинградском уни-

³⁵ Старкова К. Б. Воспоминания о прожитом. С. 224.

³⁶ Александр Михаэль Карл фон Бульмеринг (von Bulmerincq, 1868–1938) — теолог и востоковед, профессор Дерптского (Тартуского) университета. С 1919 г. возглавлял кафедру библеистики и семитских языков этого университета.

верситете. К моменту поступления в ЛГУ Андрей Яковлевич владел древнееврейским, арамейским, арабским, сирийским языками, а также обязательными в гимназиях греческим, латинским и церковнославянским, был прекрасно начитан в библейской, талмудической, средневековой еврейской литературе.

Второе письмо датировано 14 июля 1930 г. — временем работы А.Я. Борисова в Еврейском отделении ГПБ — и написано во время летнего пребывания ученого в Крыму. Занимая должность библиотекаря, он работал на выдаче еврейских книг и журналов. И хотя это не входило в круг его обязанностей, он также занимался описанием еврейских, еврейско-арабских и самаритянских рукописей из коллекции Фирковича в отделе рукописей ГПБ. Описание велось под наблюдением и по указаниям П.К. Коковцова, систематически посещавшего этот отдел библиотеки. Несмотря на то что фрагментарное состояние многих рукописей и недостаточная изученность самаритянской письменности весьма затрудняли работу в данной области, А.Я. Борисов с 1929 по август 1930 г. описал 91 манускрипт³⁷. Именно тогда он обнаружил среди еврейско-арабских рукописей Второго собрания Фирковича ряд фрагментов арабского подлинника сочинения Юсуфа ал-Басира «Мансури».

В начале письма А.Я. Борисов обращается к П.К. Коковцову, который должен был отправиться в научную командировку в Англию, с просьбой привезти копии нескольких листов из рукописи, хранящейся в Британском музее (ныне — в Британской библиотеке) и содержащей сочинение Юсуфа ал-Басира под названием *كتاب الاستعانة* «Китаб ал-Исти'анатун» («Книга просьбы о помощи»). П.К. Коковцов неоднократно бывал в научных командировках в Великобритании, где ему довелось работать с восточными рукописями в крупнейших библиотеках — Британского музея, Бодлеянской библиотеке, Университетской библиотеке Кембриджа. Из его собственной опубликованной записки мы знаем о работе П.К. Коковцова над рукописями еврейско-хазарской переписки в библиотеках Оксфорда и Кембриджа осенью 1922 г.³⁸ Эта работа была продолжена во время научной командировки в 1926 г.³⁹ Затем в 1928 г. П.К. Коковцов принял участие в XVII Международном конгрессе востоковедов в Окс-

---

³⁷ *Борисов А.Я.* Собрание самаритянских рукописей А. Фирковича. М.–Л., 1966. С. 60–73 (Палестинский сборник, вып. 15(78)).

³⁸ Доклад академика П.К. Коковцова о научных занятиях в Англии осенью 1922 года // *Известия АН СССР. Сер. VI.* 1923. Т. XVII, №1–18. С. 476–491.

³⁹ *Коковцов П.К.* Заметка о еврейско-хазарских рукописях. С. 121–124.

форде. Но мы не располагаем сведениями о посещении им Англии в 1930 г.

Впоследствии, в 1935 г., А.Я. Борисов опубликовал статью «Заметки о литературном наследии Юсуфа аль-Басира»⁴⁰. Однако в статье, подробно описывающей и анализирующей творчество этого ученого-мутазилиита, Андрей Яковлевич не упоминает сочинения «Китаб ал-Исти'анатун». В книге М. Штайншнайдера оно действительно упоминается в параграфе 50, посвященном Юсуфу ал-Басиру, и содержит ссылку на рукопись из Британского музея: «vielleicht Frgm. ms. Br. Mus. Or. 2569»⁴¹.

Первая часть статьи А.Я. Борисова посвящена не дошедшему до нас сочинению «Мухит», авторство которого приписывали Юсуфу ал-Басиру П. Франкль и М. Штайншнайдер. На основании анализа текста А.Я. Борисов убедительно доказал, что данное сочинение написано не Юсуфом ал-Басиром, а Абд ал-Джаббаром, виднейшим мутазилиитским автором рубежа X–XI вв., который был главным кадием в Рее и умер в 1024 г. Вторая часть статьи посвящена сочинению «ал-Мансури», упомянутому в письме. А.Я. Борисов вновь оспаривает позицию П. Франкля, М. Штайншнайдера и И.Ю. Маркона, которые считали, что книги «ал-Мансури» («Мансурова книга») и «Китаб ат-Тамйиз» («Книга различения») являются одним и тем же сочинением Юсуфа ал-Басира, лишь упоминаемым под разными названиями. А.Я. Борисов же доказывал, что это были два разных произведения. Не дошедшая до нас «Китаб ат-Тамйиз» была написана первой, затем, по настоянию одного из учеников или друзей ал-Басира, была составлена книга «ал-Мухтави». Книга «ал-Мансури» создавалась одновременно с «ал-Мухтави», так как в этих произведениях имеются перекрестные ссылки.

Далее в письме Андрей Яковлевич предложил П.К. Коковцову проект создания хрестоматии философской еврейско-арабской литературы. Поскольку в письме содержатся лишь краткие названия сочинений, которых было бы вполне достаточно для специалистов, понимающих друг друга с полуслова, нам представляется целесообразным прокомментировать состав хрестоматии, какой ее замышлял А.Я. Борисов, представив ее в виде таблицы.

⁴⁰ Борисов А.Я. Заметки о литературном наследии Юсуфа аль-Басира // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Сер. VII. № 1–4. 1935. С. 273–285.

⁴¹ Steinschneider M. Die arabische Literatur der Juden: Ein Beitrag zur Literaturgeschichte der Araber, Grossenteils aus handschriftlichen Quellen. Frankfurt a. M., 1902. S. 90.

Таблица

№	Автор	Название ⁴²	Число глав	Примечания
1.	Ал-Муккамас (المقّمص) ар-Ракки, Давид (Абу Сулейман) ибн Мерван (IX–X вв.)	«Ишрун макалат»	1 глава	В 1898 г. А.Я. Гаркави обнаружил в ИПБ 15 из 20 глав уникальной рукописи этого произведения.
2.	Исраэли, Исаак (Ицхак бен Шломо ха-Исрезли; араб.: Абу Якуб Ицхак ибн Сулейман ал-Исраэли) (Египет, около 832 — Тунис, 932)	كتاب الجواهر «Китаб ал-джавахир»	Отрывки	Подробно см. статьи А.Я. Борисова, посвященные творчеству Исаака Исраэли в: <i>Борисов А.Я. Исследования и материалы</i> . С. 117–191
3.	Саадия Гаон (Саадия бен Йосеф; араб.: Саид ал-Файюми) (Дилас, Фаюмский оазис, 892 — Багдад, 942)	كتاب الأمانات «Китаб ал-аманат ва-ли’тикад»	2 главы	Сочинение, наиболее известное под еврейским названием «Сефер эмунот ве-деот» в переводе Иехуды ибн Тиббона; закончено в 933 г.
		تفسير في كتاب المبادئ «Тафсир фи Китаб ал-Мабади»	Несколько наиболее интересных частей	Арабский перевод и комментариев на «Сефер Йецира»
4.	Юсуф ал-Басир	المحتوي «ал-Мухтави»	1 глава	Подробнее см.: <i>Борисов А.Я. Заметки о литературном наследии Юсуфа ал-Басира</i> // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М.–Л., 1935. С. 621–628
		المنصوري «ал-Мансури»	Введение; 2 главы	
5.	Ибн Габироль, Соломон (Шломо бен Иехуда; араб. Ибн Габируль Абу Айюб Сулейман ибн Яхья; лат. Avicbron) (Малага, около	«Fontis vitae»	Отрывки	Основной философский труд Ибн Габироля, известный под еврейским названием «Мекор хайим». С арабского оригинала, который не сохранился, было сделано два перевода: к XII в. был

⁴² По-арабски приводятся сокращенные названия сочинений в том виде, в каком их цитирует А.Я. Борисов; в русской транскрипции даны полные названия произведений.

Продолжение табл.

	1021/22 — Валенсия, ок. 1052/55)			осуществлен полный перевод трактата на латинский язык (Fontis vitae) и в XIII в. — перевод избранных мест на иврит, автором последнего является Шем Тов бен Иосеф ибн Фалакера (ок. 1225 — 1295)
		إصلاح الاخلاق «Китаб ислах ал-ахлак»	1 глава	Известное под еврейским названием «Тиккун миддот ха-нефеш», в переводе Иехуды ибн Тиббона (1167 г.). Сохранился также в арабском оригинале
6.	Ибн Пакуда, Бахья бен Иосеф (2-я пол. XI в., Испания)	«Китаб ал-хидайа ила «фара'ид ал-кулуб»	Часть введения; первая глава باب التوحيد; «Беседа души с разумом»	С небольшими сокращениями переведен на иврит Иехудой ибн Тиббон в 1161 г. под названием «Ховот ха-леавот» («Обязанности сердец»). Делится на десять частей
7.	Ибн Эзра, Моисей (Моше бен Яков; араб.: Абу-Харун) (Гранада, ок. 1055 — 1135)	كتاب الحديقة «Ал-макала би-л-хадика «фи ма'на-ал-маджаз ва-л-хакика»	Части	«Райский трактат о значении сокрытого и истинного смысла». Содержит большое количество цитат из трактата Ибн Габироля «Мекор хайим»
8.	Галеви, Иехуда (ха-Леви) (Тудела (?), Испания, 1075 — Египет (?), 1141)	كتاب الحجّة «Китаб ал-худджа ва-д-далил фи наср ад-дин аз-залил»	Несколько абзацев	«Книга доказательства и довода в защиту униженной веры», переведена на иврит в сер. XII в. Известна под названием «Сефер ха-кузари» («Книга хазара»), т. к. литературной канвой служит обращение в иудаизм хазарского царя
9.	Ибн Файюми, Натаниэль (Йемен, середина XII в.)	بستان العقول «Бустан ал-'укул»	Первая глава	Философский труд, написанный на иудео-арабском языке. Состоит из семи глав

Окончание табл.

10.	Аноним	مقالة الوضوح «Макалат ал-вудух»	1 глава	Трактат философского содержания на араб. яз. Рукопись находится в собрании РНБ. Анонимность автора доказана А.Я. Борисовым в его дипломной работе 1928 г.
11.	Маймонида, Моисей (Моше бен Маймон; аббр. Рамбам; араб. Абу Имран Мусса Бен Маймун ибн Абд-Алла ал-Куртуби) (Кордова, 1135 — Каир, 1204)	دلالة «Далалат ал-ха'ирин»	Вступление, 4 главы	Известно в переводе Самуила (Шмуэля бен Иехуды) ибн Тиббона (1204) под названием «Море невухим» («Путеводитель заблудших»)
		ثمانية فصول «Саманийа фусул»	1 глава	«Восемь глав», введение к комментарию на трактат «Авот»
		كتاب المنطق «Макала фи сана'ат ал-мантик»	1 глава	Терминология логики в 14 главах. Переведена на иврит Моисеем (Моше бен Шмуэлем) ибн Тиббоном (XIII в.) под названием «Милот ха-Гийон»
12.	Маймуни, Авраам (Авраам бен Моше бен Маймон) (Египет, 1186–1237)	كتاب الكفاية «Китаб ал-кифайат ал-'абидин»	1 или 2 главы	«Книга достаточности для рабов Божьих». Написана на иудео-арабском языке
13.	Танхума бен Йосеф Иерушалми (Палестина, Египет, XIII в.)		Образцы	Основной труд «Китаб ал-идшас ва-л-байан» состоит из ряда комментариев к библейским книгам с введением «Киллийат», содержащим очерки еврейской грамматики и истории филологии в Средние века. Его комментарии к книге Ионы были опубликованы П.К. Коковцовым в: <i>Коковцов П.К. Толкование Танхума из Иерусалима на книгу пророка Ионы // Сборник статей учеников профессора В.Р. Розена. СПб., 1897. С. 97–168</i>

В хрестоматии А.Я. Борисов намеревался как можно более полно использовать рукописный материал из собраний Фирковича, поскольку многие из упомянутых произведений содержатся в рукописях ГПБ. Хрестоматию, по мнению ученого, следовало бы снабдить словарем, состав которого описан в письме 2 (см. публикацию), и обзором литературы «по типу обзоров, прилагаемых к грамматикам серии *Porta linguarum orientalium*»⁴³. В этой немецкой серии были опубликованы грамматики и хрестоматии еврейского, арамейского, сирийского, самаритянского и других языков. Серия была открыта краткими справочниками Й.Х. Петермана, издававшимися в Берлине с 1840 г.⁴⁴. На грамматиках «*Porta linguarum orientalium*» воспитывались многие поколения востоковедов всего мира.

Далее в письме Андрей Яковлевич пишет о теме своей квалификационной работы. Он предполагает посвятить ее изложению главного труда арабского ученого Ибн Вахшии (Абу Бакра Мухаммада (или Ахмада) ибн Али ибн ал-Вахшийя ан-Набати 2-я пол. IX — начало X в.) — كتاب الفلاحة النبطية «Китаб ал-филаха ан-набатийя» («Книга земледелия набатеев»). Эта книга написана около 914 г., сохранилась до наших дней, и в ней изложены агрономические знания набатеев. Возможно, упоминая «историю вопроса», А.Я. Борисов имел в виду споры об авторстве данного произведения.

В самом конце письма ученый упоминает о подготовке доклада, посвященного «Книге субстанций» (كتاب الجواهر, «Китаб ал-джавахир») Исаака Израэли. Этот первый еврейский неоплатоник родился в Египте и начал медицинскую карьеру как окулист. В возрасте примерно 50 лет, он переехал в Кайруан, где изучал медицину под руководством Ицхака ибн Ирама. Позже он стал придворным лекарем у халифа Убайда ал-Махди (910–934), основателя династии Фатимидов. В средневековой Европе Исаак Израэли был известен как еврейский врач и философ; его труды были переведены на латинский язык, благодаря чему о нем знали Альберт Великий, Фома Аквинский, Венсан де Бове и другие схоласты. Израэли дал толчок развитию еврейской философии и указал путь, по которому суждено было пройти грядущим поколениям еврейских книжников. К философским сочинениям этого автора относятся: 1) «Книга определений и описаний» («Китаб ал-худуд ва-р-русум»); 2) «Книга об элементах» («Китаб ал-устукиссат»);

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 2, ед. хр. 41. Л. 4об.

⁴⁴ Первая книга серии: *Petermann J.H. Brevis linguae hebraicae grammatica, literatura, chrestomatia cum glossario. In usum praelectionum et studiorum privatorum. Berolini, 1840, 1864. (Porta Linguarum Orientalium. Pars 1).*

3) «Книга субстанций» («Китаб ал-джавахир»); 4) «Книга о духе и душе». А.Я. Борисов много занимался творчеством этого выдающегося еврейского философа. Его работа «„Книга о субстанциях“ („Китаб ал-джавахир“) Исаака Исраэли (Из рукописных материалов Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина)» издана через много лет после смерти автора в 2002 г.⁴⁵.

Третье письмо написано в доме отдыха в поселке Лыкошино на Валдае, где Андрей Яковлевич жил в июле 1934 г. Его основная тема относится к другой области научных интересов А.Я. Борисова и П.К. Коковцова — арамеоперсидской эпиграфике. В 1818 г. на юге Ирана, в нескольких километрах к северу от Персеполя, древней столицы Ахеменидов, английским путешественником сэром Робертом Кер-Портером⁴⁶ была открыта надпись, принадлежащая шаханшаху Шапуру I (241–272), второму правителю Ирана из династии Сасанидов. Надпись высечена в пещере в местности, называемой Танге-Шах Сарван (Tang-e Šāh Sarvān, или Šayk ‘Alī), близ деревни Хаджиабад (Hājīābād), от которой она получила название «Хаджиабадская надпись». Надпись выполнена на двух языках — среднеперсидском (pārsīk) и парфянском (pahlavīk) с арамейскими идеограммами (арамеограммами или гетерограммами), характерными для надписей этого времени. Палеография двух частей надписи также различна, хотя в основе обеих форм лежит арамейское письмо. Надпись датируется временем после 262 г.⁴⁷, она указывает дальность полета стрелы Шапура I, который, встав в расщелине скалы, отмеченной надписью, послал стрелу на большое расстояние; место, где стрела Шапура упала, было также отмечено условным знаком — грудой камней⁴⁸.

В XIX в. предпринимались безрезультатные попытки расшифровать надпись, и лишь в 1924 г. Э. Херцфельд опубликовал ее транс-

---

⁴⁵ Борисов А.Я. Книга о субстанциях («Китаб ал-джавахир») Исаака Исраэли (Из рукописных материалов Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) // *Борисов А.Я. Материалы и исследования*. С. 117–175.

⁴⁶ Сэр Роберт Кер-Портер (1777–1842) также известен как художник-баталист и дипломат, секретарь британского посольства в Санкт-Петербурге. Ему принадлежит описание путешествия по Востоку: *Porter R.K. Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, etc. during the Years 1817–1820*. Vol. 1–2. L., 1821–1822.

⁴⁷ Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 241, примеч. 41.

⁴⁸ Перевод надписи см.: MacKenzie D.N. Shapur's Shooting // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1978. Vol. 41. Part 3. P. 501.

крипцию⁴⁹. Эта публикация привлекла особое внимание П.К. Коковцова и А.Я. Борисова, которые обратились к исследованию обеих частей надписи. В архивном фонде Коковцова хранятся материалы для неопубликованной статьи, посвященной Хаджиабадской надписи, среди них — транскрипция среднеперсидского и парфянского текстов, обозначенных ученым как «сасано-пехлеви» и «халдео-пехлеви», их сравнительный анализ и перевод, а также фотографии надписи. Кроме того, для сравнения приводятся тексты известных двуязычных и трехязычных иранских надписей, включая надписи Накш-е Рустама (Nāqš-e Rostām) и Накш-е Раджаба (Naqš-e Rajab)⁵⁰. К сожалению, эта работа осталась неопубликованной, а первое издание полного текста Хаджиабадской надписи было осуществлено в 1945 г. Х.С. Ньюбергом, который также включил ее факсимиле в «Учебник пехлеви» 1964 г.⁵¹. Затем транскрипция текста с английским переводом была опубликована Д. Маккензи параллельно с краткой версией этой же надписи, открытой в Танг-и Бураке (Tang-i Bugāq), и пробным вариантом парфянского текста на серебряной табличке из Британского музея⁵².

Далее, обсуждая арамейские идеограммы, Андрей Яковлевич задается вопросом, существовало ли в арамейском языке слово «шеол» как наименование ада. Еврейское слово שאול (*шеол*) вошло в арамейский язык в форме שאול или שילול (*шеола*), однако в Библии 65 раз употребляется только его еврейский вариант⁵³. Слово «шеол» (𐤑𐤗𐤋) также широко распространено в сирийской христианской литературе, в первую очередь в Пешитте — сирийском переводе Ветхого и Нового Завета (напр., Лук. 16:23), а также сочинениях сирийского церковного поэта и богослова Ефрема Сирина (ок. 306 — 373) — «Нисибийских песнопениях», гимнах о Рождестве и других произведениях⁵⁴.

В последних строках письма А.Я. Борисов упоминает о трех найденных им автографах караимского писателя Али ибн Сулеймана. На

⁴⁹ Herzfeld E. Paikuli: Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire. В., 1924. Vol. 1. P. 87–98. Vol. 2. P. 209.

⁵⁰ СПбФА РАН. Ф. 779. Оп. 1, ед. хр. 18, 21.

⁵¹ Nyberg H.S. Hājjīābād-Inskriften // K. Barr and H. Eielkinde, eds. Øst og Vest: Afhandlinger tilegnede Prof. A. Christensen. Copenhagen, 1945. P. 62–74; *Idem*. A Manual of Pahlavi. Vol. I. Wiesbaden, 1964. P. 122–23.

⁵² MacKenzie D.N. Shapur's Shooting, p. 499–511. Приносим благодарность О.М. Чунаковой за ценные консультации по данному вопросу.

⁵³ 1313 'עמ. 1993. ירושלים, המלון החדש. אבן-שרון. אברהם אבן-שרון.

⁵⁴ См.: Brock S. The Luminous Eye. The Spiritual World Vision of Saint Ephrem the Syrian. Kalamazoo, 1992. P. 29–30, 92, 99; Иларион (Алфеев), еп. Христос победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции. СПб., 2005. С. 151–170.

основании данных колофонов трех рукописей из коллекции Фирковича ученый установил время и место жизни этого писателя, о котором до того фактически ничего не было известно, и исследователи лишь предполагали, что он жил в Палестине. Андрей Яковлевич опроверг эту гипотезу, установив, что Али ибн Сулейман жил в Египте в XI в. Впоследствии статья А.Я. Борисова об Али ибн Сулеймане была опубликована трудами К.Б. Старковой⁵⁵.

Вслед за третьим письмом мы публикуем заметку А.Я. Борисова, вкратце излагающую найденные им сведения об Али ибн Сулеймане, также обнаруженную в фонде П.К. Коковцова. Судя по тому, что А.Я. Борисов пишет о себе в третьем лице, эта заметка является заготовкой для письма П.К. Коковцова неизвестному ученому (возможно, П. Краусу), интересовавшемуся караимской литературой⁵⁶.

Четвертое письмо не имеет даты, но, очевидно, относится ко времени работы А.Я. Борисова в ГЭ (с 1933 по 1941 г.). В нем идет речь о пальмирском рельефе из собрания Эрмитажа, полученном в дар от патриарха Антиохийского. Это был первый опыт работы А.Я. Борисова с пальмирскими монументальными надписями, и в письме он обращается к П.К. Коковцову с просьбой помочь ему достать публикации надписей на пальмирских надгробных рельефах, в первую очередь работу М. де Вогюз, которого сам Павел Константинович называл «Нестором семитической эпиграфики». Кроме того, Андрей Яковлевич обсуждает с учителем слово, которое не может прочесть из-за незнакомства с особенностями пальмирского курсива. По-видимому, данная работа А.Я. Борисова осталась неопубликованной, поскольку она отсутствует в полном списке его публикаций, составленном К.Б. Старковой.

В этом письме Андрей Яковлевич представляет учителю свою жену, Елену Викторовну Таланову, с которой познакомился в университете в 1924 г. Е.В. Таланова была дочерью члена-корреспондента АН СССР В.В. Таланова (1871–1936), известного растениевода и селекционера. В год окончания А.Я. Борисовым университета у них родилась дочь Елена Андреевна Борисова, ныне известный историк архитектуры, автор монографий по истории русского неоклассицизма и модерна⁵⁷.

---

⁵⁵ *Борисов А.Я.* О времени и месте жизни караимского писателя Али ибн Сулеймана // Палестинский сборник. М.–Л., 1956. Вып. 2 (64–65). С. 109–114.

⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 3, ед. хр. 24/4. Л. 18.

⁵⁷ Список основных научных трудов доктора искусствоведения, научного сотрудника Государственного института искусствознания Е.А. Борисовой:

http://www.archi.ru/lib/scholar.html?id=346&fl=5&sl=4&theme_id=%25

В приписке Андрей Яковлевич также упомянул и своего друга Всеволода Николаевича Казина, талантливого ученого-китаеведа, впоследствии безвременно умершего от истощения в блокадном Ленинграде⁵⁸.

Великая Отечественная война застала А.Я. Борисова в Ташкенте, куда он отправился в командировку для изучения рукописей философского содержания на арабском и персидском языках, хранившихся в Государственной публичной библиотеке Узбекистана. Несмотря на трудное военное время, он вернулся в Ленинград, где участвовал в подготовке к эвакуации коллекций Эрмитажа. П.К. Коковцов в это время также находился в Ленинграде. В воспоминаниях И.А. Орбели есть упоминание о том, что именно А.Я. Борисов был направлен к Коковцову, с тем чтобы уговорить его выехать в эвакуацию, но, несмотря на уговоры ближайшего ученика, Павел Константинович отказался покинуть Ленинград⁵⁹. Он скончался от холода и истощения в ночь на 1 января 1942 г. 5 января А.Я. Борисов пришел проститься со своим учителем, и об этой последней встрече он эмоционально и трогательно пишет в письме И.Ю. Крачковскому.

Вскоре после смерти П.К. Коковцова его коллеги и ученики во главе с Н.В. Пигулевской приняли меры по сохранению личного архива и библиотеки ученого и в тяжелых условиях переправили все бумаги и книги в Институт востоковедения. В этой работе принимал активное участие А.Я. Борисов, который с февраля 1942 г. стал сотрудником ИВ АН. 18 мая 1942 г., еще находясь в Ленинграде, он составил план научной работы в ИВ АН, одним из пунктов которого был разбор материалов из архива покойного учителя. Кроме того, на первый год работы Борисов запланировал сбор материалов для книги «Павел Константинович Коковцов, его жизнь и труды» объемом около пяти печатных листов, в которой он предполагал дать «подробную биографию П.К. Коковцова со всесторонней оценкой его общественной, педагогической и литературно-научной деятельности на широком фоне

⁵⁸ Казин Всеволод Николаевич (1907–1942) — научный сотрудник ГЭ (1934–1942) и ИВ АН СССР, происходил из дворянской семьи, талантливый ученый — историк и лингвист, автор неопубликованных работ о точной локализации Хара-Хото и Эдзингола и истории бумажных денег в Китае, а также путеводителя по китайским залам Эрмитажа (1939). О нем см.: *Алексеев В.М.* Всеволод Николаевич Казин // *он же.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 108–110. См. также публикацию в наст. изд.

⁵⁹ *Орбели И.А.* Воспоминания студенческих лет // *Юзбашия К.Н.* Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964. С. 138.

истории русской и мировой семитологии»⁶⁰. Однако Андрею Яковлевичу не суждено было осуществить этот проект. 26 июня 1942 г. он вместе с семьей, но отдельно от коллектива сотрудников ИВ, выехал из осажденного Ленинграда⁶¹. Андрей Яковлевич расстался с женой и дочерью в Ярославле, а 10 июля 1942 г. он скорпостижно скончался от истощения и дизентерии в Орехово-Зуеве, где его сняли с поезда вместе с многими эвакуированными из Ленинграда.

П.К. Коковцов был похоронен на Волковом кладбище в Ленинграде, ныне его могила находится на академическом участке Литераторских мостков. Могила А.Я. Борисова находится на городском кладбище Орехово-Зуева.

Н.С. Смелова, Е.О. Шухман

Избранные письма А.Я. Борисова П.К. Коковцову

1⁶²

[без обращения]

אם נא מצאתי חן וחסד בעיניך, סלח נא לי את חטאתי זאת, כי העזתי פני לכתב אליך דפתרא זעירא וחסד-ענין, ולהפריעך בעבודתך הנכבדה; אולם צריך הנני להודיעך בראש מלין כי מסבות חשובות וחמורות אנסוני לעשות את המעשה המגנה הזה, ורק אחר פקפוק רב ועצום החלטתי לקחת את קולמוסי הישן ולכתוב אליך בחרט אנוש, אף-על-פי ש'ל'א לבלר ולא בן לבלר אני ומעודי לא הסכנתי למשך בשבט סופרים, לפי המליצה העתיקה. אמנם מתירא הנני פן נפגם קולמוסי מ'ר'ב הבטלה, לפי הפתגם התלמודי האומר, כי הבטלה מביאה לידי פגום גמור ומוחלט; ובכל זאת מובטח אני בכל לבי כי לא תדין אותי לכף חובה ותמחל לי את כל שגיאותי הנמצאות בשטין האלה. ואם כל מכתבי זה יהיה בעיניך כשתי-קיר תפל או כתבשיל בלי מלח, אז אל נא תשכח, בבקשתי ממך, כי לא השתמשתי בעטי ובקולמוסי כמעט במשך שנה שלמה. זאת היא ההקדמה (אוהב הנני לפטפט בלי סדר); ועכשיו אעבר אל עקר הדבר.

---

⁶⁰ *Борисов А.Я.* Материалы и исследования. С. 254–255. О проекте этой книги Андрей Яковлевич пишет в письме И.Ю. Крачковскому. По словам Е.А. Борисовой, в семейном архиве сохранились некоторые биографические материалы П.К. Коковцова, собранные А.Я. Борисовым.

⁶¹ Последняя группа сотрудников ИВ АН организовано выехала из Ленинграда 12 июля 1942 г. См.: *Марахонова С.И.* Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде в годы войны и блокады (по архивным данным) // Письменные памятники Востока. 2008, № 1 (8). С. 28.

⁶² СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 2, ед. хр. 41. Л. 17–18об.

אף אל פי שְׁכֹתֵב הנני עברית בטוב טעם ובסגנון הגון, בכל זו אינני אחד מעדת בני ישראל ואינני לא צוּרְכָא דרבנן ולא תלמיד חכם לגמרי; אני עתה — רק נַעַר רוּסִי בן עשרים שנה; כליתי את תקופת למונדי בבית הספר / התיכון בעיר נְרָהָה (אשר בארץ עֶסְטוֹנִיָה), ועָהָה באתי הָנָה, אל עיר לְעִינְגֶרְד, להאריך את למונדי באוניברסיטה המקומית. עוד בהיותי בן שש עשָׂרָה הרגשתי בנפשי תשוקה עזה ונמרצת אל הלשונות השמיות, אל ספרותן ואל תרבותן, ובאותו כַּגֵּע מצאתי ספרים נחוצים לדבר והתחלתי ללמד את השפה העברית ואת השפה הארמית. בשנה הראשונה, בלי שום מוֹכָה ומדריך ובלי שום מְלוֹן, עשיתי חיל בעבודתי זו במדָה נפלאה; לסוף השנה יכלתי לקרא את התנ"ך כמעט בלי שום עָפֹב, ביחד עם פִּירוּשֵׁי רש"י, וגם תרגומי אונקלוס ויונתן בן עזיאל היו נודעים לי. יכלתי גם לכתב בעברית הרצאות פשוטות וקלות עפ"י עיני התנ"ך; בשנה השנייה התעמקתי בכל גופי, מכף רגל ועד קדקוד, אל מעמקי ים אגדות התלמוד; בכל יום הייתי טרוד ועסוק בספרי מדרש רבה ועין יעקב ובמדרש נחומא ומכילתא ובספרים אחרים מתקופת התלמוד ועשיתי חיל רב במקצוא הזה עד שהייתי לפלא ולתִמְהוֹן בעיני כל העברים הזקנים היושבים בעירי. בימים ההם קרבתי גם אל הספרות החדשה (מתקופת ההשכלה ועד ימינו); קראתי רומנים, שירים וספורים בלי מספר, כח'ל אשר על שפת הים לר'ב; אולם מתקופת ימי הפְּינִים לא יכלתי למצא ספרים הגונים; מצאתי רק "מבחר השירה העברית בספרד" וקטעים אחדים מסְפָרוֹ / של רמב"ם "מורה נבוכים"; מצאתי עוד "חובות הלבבות" של רבינו בחיי (תרגם מעברית יהודה אבן תיבון); את הספרים האלה קראתי בעיון מופלג ובתשומת-לב יתירה; ולסוף השנה השנייה כבר יכלתי לקרא ולכתוב בעברים בלי שום עכוב ומְכֻשׁוֹל, והשפה הזאת היתה שְׁגוּרָה בפי באופן מפליא, עד שיכלתי גם לדבר בה כבאיזו שפה מְדַבְּרָת. גם בשפה ארמית מצאתי הצלחה במדָה מופלגה. ואל נא תשכח, מר פרופסור, כי בעת ההיא הייתי רק תלמידו של בית-הספר התיכון, ומלבד עסקי הנוגעים לבית הספר, הייתי מוכרח לעס'ק גם באיזו פְּרָקְטִיָא אחרת (כלומר בפשט — לעבוד עבודה קשה בפרך בטיט ובה'מר) למחית עצמי ולפרנסת בית הדל. לחמי היה צר עד מאד, ולעִתִים קרובות הייתי מסתפק רק בקב תְּרוּבִין מְעָרֵב שְׁכַת ועד ערב שבת, כמו ר' חנינא בן דוסא בזמנו. אֶלְהִין לפום צערא אגרת. לסוף השנה השנייה קבלתי תפקיד מוֹרָר מאוד — להיות מורה ומדריך לַפְרָחֵי ישראל בעיני השפה העברית. בראש השנה השלישית באתי אל דוֹרְפֵט והסְטוּדְנְטִים העברים קְדַמוּנֵי בְסֶרְ פְּנִים יְפוֹת. גם שם הייתי קְלִמֵד את הסְטוּדְנְטִים העברים לדעת את שפת אבותם ועשיתי חיל וקניתי לי שם בדרכי הזאת. פרופסור A. Bulmering בהתלהבות סמך את ידי והיה לי לעוֹזָר נְאָמֵן בעבודתי / הלמדנית; תחת הנהגתו התחלתי ללמד את השפה הערבית ואת השפה הסורית ובמשך חצי שנה כבר יכלתי לגשת אל קריאת אֶלְפָרָן בְּנוֹסַח ערבי וספרים החיצונים — בנוסח סורי. גם תחת הנהגתו של הפרופסור הנ"ל קניתי לי יְדִיעוֹת כלליות ופרטיות על אודות לשונות ארמיות שונות (לפי הספרים:

J. Petermann: *Linguae c[h]aldaicae grammatica*; idem — *Linguae samaritanae brevis grammatica*; Aug. Dalman. *Grammatik des jüdisch-palästinischen Aramäisch*; Kautsch — *Gramm. des Bibl.-Aram.*)

ועתה הנני חפץ להאריך את עבודתי באוניברסיטא המקומית; פרופ' בולמֶרִינְק נתן לי עצה — לפנות אליך, מר פרופסור, לעזרה. והנני לפי עצתו כותב לך את המכתב הזה ומבקש ממך, אם נא מצאתי חן בעיניך ואם יש לאל ידך, לעזר לי לבא אל מספר הסטודנטים. חפצתי

לבקר אותך בעצמי על אודות כל המסכות הכתובות על דפי המכתב הזה, אבל יראתי פן אפריעך בעבודתך. אל נא תשיב את פני ריקם, מר פרופסור, ועשׂה עמדי את החסד הזה.

Андрей Борисов
Здесь, Зверинская [ул.], д. 21-23, кв. 7.

Перевод⁶³

О, если обрел я благоволение и милость в глазах Ваших⁶⁴, то простите, пожалуйста, мне этот мой грех, что имею я дерзость писать Вам по столь ничтожному и пустому делу, отвлекая Вас от Вашей уважаемой работы. Однако я должен сообщить Вам вначале, что серьезные, важные причины заставили меня совершить этот неприличный поступок, и лишь после огромных и мучительных колебаний решился я взяться за свое старое перо и написать Вам⁶⁵, хотя я не являюсь ни писцом, ни сыном писца и никогда в жизни не был среди «носящих трость писца»⁶⁶, как говорит мудрое изречение. И все же я решился на это, чтобы не испортилось перо мое от множества безделья, как говорится в Талмуде, ибо безделье приводит к полному и абсолютному ничтожеству⁶⁷. Но при этом уверен я всей душой, что не осудите Вы меня и простите мне все ошибки, что имеются в этих строках. Но если сочтете Вы мое письмо пустословием, словно кушанье без соли, то, умоляю Вас, не забудьте, что не пользовался я своим пером, не брал в руки стило почти целый год. Это было вступление (ибо любитель я поразглагольствовать), а теперь перейду к сути дела.

Несмотря на то что пишу я складно и весьма цветисто, при этом не принадлежу я к еврейской общине, не воспринимаю учение из уст раввина⁶⁸ и вообще не являюсь ученым. Я пока всего лишь русский юноша двадцати лет; я закончил обучение в средней школе в городе Нарва (который находится в Эстонии), и сейчас я прибыл сюда, в город Ленинград, чтобы продолжить свое образование в местном университете. Еще когда мне было шестнадцать лет, почувствовал я сильное

---

⁶³ Перевод выполнен Е.О. Шухман.

⁶⁴ Часто употребляемое в Библии идиоматическое выражение. См., напр., Быт. 30:27.

⁶⁵ Досл.: «написать Вам „человеческим резцом“». См. Ис. 8:1.

⁶⁶ См. Суд. 5:14.

⁶⁷ См. трактат «Кетувот» 5:5.

⁶⁸ Досл.: «Тот, кого опалает огонь мудрецов» — принятое в Талмуде выражение для обозначения ученого, юноши, который воспринимает учение (Тору) непосредственно из уст своих учителей (см. трактат «Та'анит» 4).

желание и стремление к семитским языкам, к их литературе и культуре и в тот же миг отыскал необходимые книги по теме и начал изучать иврит и арамейский язык. В первый год без всякого учителя и руководителя и даже без словаря я достиг значительных успехов в своей работе удивительным образом; к концу года я мог прочитать еврейскую Библию практически без запинки, вместе с комментариями Раши⁶⁹, а также Таргумы Онкелос и Йонатан бен Узиэль⁷⁰ были мне известны. Я мог также написать небольшие простые сочинения на библейские темы. Во второй год я полностью с головой погрузился в глубины талмудической агады. Каждый день я занимался изучением Мидраш Рабба⁷¹ и Эйн Йаков⁷², а также мидрашом Танхума⁷³ и Мехильтой⁷⁴ и другими произведениями эпохи Талмуда. И преуспел в этом деле до такой степени, что вызвал потрясение и удивление среди старшего поколения евреев, живущих в нашем городе. Тогда же я приступил и к современной литературе (от эпохи просвещения (Хаскала⁷⁵))

⁶⁹ Раши (акроним словосочетания «рабби Шломо Ицхаки»; Шломо бен Ицхак; 1040–1105) — крупнейший средневековый комментатор Талмуда и один из видных комментаторов Библии; духовный вожь еврейства Северной Франции. Раши написал комментарии к большинству книг Библии, возможно, за исключением книг Иова (40:25 и далее), Ездры, Неемии и I и II книг Паралипоменон. Комментарии Раши базируются главным образом на Талмуде, Мидраше и других раввинистических источниках. Раши выбирал те толкования, которые ближе всего к буквальному пониманию библейского текста или способствуют решению трудных вопросов, порождаемых этим текстом. Своеобразна и форма комментариев Раши: часто они отступают от буквального цитирования Мидраша, чтобы облегчить его понимание и унифицировать язык толкования. Комментарии Раши к Пятикнижию — первая печатная книга на иврите, имеющая колофон с датой (Реджо-ди-Калабрия, 1475). С тех пор все издания Библии, предназначенные для евреев, печатались, как правило, с комментариями Раши. Комментарии набирались сефардским «раввинским» шрифтом, который получил поэтому название «шрифт Раши».

⁷⁰ Таргум — перевод книг Библии на арамейский язык. Таргум Онкелос — перевод Пятикнижия, приписываемый прозелиту Онкелосу (II в. н. э.), является почти буквальным переводом текста. Таргум Йонатан бен Узиэль (Псевдо-Ионатан в европейской терминологии) книг пророков представляет собой более свободный перевод текста.

⁷¹ Мидраш (от др.-евр. *дараши* — «искать», «исследовать», «истолковывать») — жанр раввинистической литературы, гомилетическое и экзегетическое толкование Библии. Мидраш Рабба — мидраш на все Пятикнижие и пять других библейских книг (Песнь Песней, Руфь, Плач Иеремии, Екклесиаст и Есфирь). Написаны на иврите и на арамейском, а иногда на смеси этих языков.

⁷² «Эйн Йаков» — антология всех талмудических преданий, составленная Йаковом ибн Хабибом, раввином и руководителем общины в Фессалонике (1445–1515).

⁷³ Мидраш Танхума — два агадических сборника толкований на Пятикнижие.

⁷⁴ «Мехильта» — мидраш к книге Исход.

⁷⁵ Хаскала (ивр. *השכלה*: «просвещение»), еврейское просвещение — движение, возникшее в среде евреев Европы во 2-й пол. XVIII в., которое выступало за адапта-

до наших дней). Я прочитал бессчетное, словно песчинки на морском берегу⁷⁶, количество романов, стихов и рассказов, однако не смог найти достойных произведений периода средневековья. Нашел лишь «Сборник еврейской поэзии в Испании» и отдельные отрывки из книги Рамбама «Море Невухим», нашел я также «Ховот ха-Левавот» Рабейну Бахая (перевод на иврит Иехуды ибн Тиббона)⁷⁷. Эти книги прочел я с большим интересом и излишней внимательностью. И к концу второго года я уже мог читать и писать на иврите легко и свободно, и этот язык стал удивительным образом привычным в моих устах, до такой степени, что я смог даже говорить на нем словно на разговорном языке. Я также удивительнейшим образом преуспел в арамейском языке. И, пожалуйста, не забудьте, господин Профессор, что в то время я был всего лишь учеником средней школы и, кроме занятий в школе, был вынужден заниматься также кое-чем другим (проще говоря, заниматься изнурительным трудом в грязи и глине), чтобы содержать себя и свой бедный дом. Пропитание мое было весьма скудным, и иногда мне приходилось довольствоваться лишь «горсткой рожков с вечера субботы до вечера субботы»⁷⁸, как в свое время Рабби Досе. Но все по страданиям и вознаграждение⁷⁹. К концу второго года я получил весьма странное предложение — стать учителем и наставником для еврейской молодежи в деле изучения языка иврит. В начале третьего года я прибыл в Дерпт⁸⁰, и еврейские студенты приняли меня весьма радушно. Там я также обучал еврейских студентов языку их предков и делал это весьма успешно и приобрел себе имя в этой сфере. Профессор А. Бульмеринг с энтузиазмом поддержал меня и всегда преданно оказывал мне содействие в моей преподавательской деятельности. Под его руководством я начал изучать арабский и сирийский языки и через полгода уже мог приступить к чтению Корана по-арабски и неканонических книг — по-сирийски. Также под руководством вышеупомянутого профессора я получил общие и частные знания о разных арамейских языках (по книгам: J. Petermann: *Linguae*

цию ценностей Просвещения, большую интеграцию в европейское общество, за повышение уровня образования в области светских наук, иврита и истории еврейского народа.

⁷⁶ Цитата: Быт. 22:17.

⁷⁷ Философский труд Бахьи ибн Пакуды «Китаб ал-хидайа ила фараид ал-кулуб».

⁷⁸ См. трактат Брахот 17. Здесь в еврейском тексте упоминается древняя мера веса сыпучих тел — *кав*, соответствующая 2,2 л.

⁷⁹ Арам., см. трактат «Авот» 5:23.

⁸⁰ Нем. Dögrt, Dögrt (1224–1893; 1918–1919), рус. Юрьев (1030–1224; 1893–1918), с 1919 г. Тарту.

c[h]aldaicae grammatica; idem — Linguae samaritanae brevis grammatica; Aug. Dalmann. Grammatik des jüdisch-palästinischen Aramäisch; Kautsch — Gramm. des Bibl.-Aram.)⁸¹.

И вот теперь я хотел бы продолжить мое обучение в местном университете. Проф. Бульмеринг дал мне совет — обратиться к Вам, господин Профессор, за помощью. И вот по его совету я пишу Вам это письмо и прошу Вас, если я обрел милость в глазах Ваших и есть сила в руке Вашей⁸², помочь мне войти в число студентов. Я очень хотел посетить Вас, чтобы лично поведать Вам все, что написано на страницах этого письма, однако побоялся помешать Вам работать. Пожалуйста, господин Профессор, не отклоняйте мою просьбу и окажите мне эту милость.

Андрей Борисов

Здесь, Зверинская [ул.], д. 21-23, кв. 7.

2⁸³

15.VI. 1930. Керчь

Многоуважаемый Павел Константинович!

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой: в Британском музее есть рукопись, в которой предположительно видят довольно значительный фрагмент كتاب الاستعانة — одного из философских сочинений Юсуфа ал-Басйра, цитируемого им в его المحتوي; рукопись, помнится, содержит более ста листов. Меня очень интересует вопрос о философском наследии ал-Басйра, и я был бы Вам очень признателен, если бы Вы, если Вам в Вашу предполагаемую поездку случится быть в Брит[анском] музее, согласились достать фотографии (белым по черному) с 4–5 листов этой рукописи, чтобы это были листы, на которых

⁸¹ *Petermann J.H.* Brevis linguae chaldaicae grammatica, litteratura, chrestomatia cum glossario. Editio secunda emendata. Carolsruhae et Lipsiae, 1872. (Porta Linguarum Orientalium. Pars II); *Idem.* Brevis linguae samaritanae grammatica, litteratura, chrestomatia cum glossario. Editio secunda emendata. Carolsruhae et Lipsiae, 1873. (Porta Linguarum Orientalium. Pars 3); *Dalman G.H.* Grammatik des jüdisch-palästinischen Aramäisch, nach den Idiomen des palästinischen Talmud und Midrasch. Lpz., 1894; *Kautsch E.* Grammatik des biblisch-aramäischen. Mit einem kritischen Erörterung der aramäischen Wörter im Neuen Testament. Lpz., 1884.

⁸² Намек на библейский стих: «Сыны и дочери твои отданы народу другому; и глаза твои смотрят в мучительном ожидании их по целым дням, и нет силы в руке твоей», Втор. 28:32.

⁸³ СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 2, ед. хр. 41. Л. 3–4об. Все письма А.Я. Борисова приводятся в современной орфографии. Имена приводятся без диакритики.

находятся начала глав или наименования каких-либо книг. За истекший год я имел много дела с фрагментами философских сочинений ал-Басира (المحتوي، المنصوري) и достаточно ознакомился с его стилем и терминологией, а потому мне весьма любопытно получить представление о характере (хотя бы только внешнем) неизвестного мне произведения этого автора. Кроме того, возможно, что, имея в руках фотографии, мне удастся установить наличие фрагментов этого произведения в 2 Собран[ии] А. Фирковича, и по новым материалам подтвердить или опровергнуть принадлежность его ал-Басиру. Полагаю, что 5 снимков стоят не так уж дорого, и меня не разорят. Об этой рукописи посмотрите у Steinschneider'a — Die arab[ische] Litteratur der Juden⁸⁴, в §, посвященном ал-Басиру (Steinschneider, если не ошибаюсь, выписывает перечень трудов ал-Басира без изменений из статьи Frankl'a — Ein mutaz[ilitischer] Kalam aus d[em] X Jahrh[undert] — в Monatsschr[ift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums] за 1878 (?) г.⁸⁵). Ссылка сделана на маленький каталог Margol[iouth]⁸⁶.

В настоящий момент я, после месячного пребывания в Батилимане (Крым, в 40 верстах от Севастополя, в 10 верстах от Байдар⁸⁷ на морском берегу) еду пароходом из Севастополя в Сочи. Переезд продолжится около 4 суток, с продолжительными остановками в портовых городах. Книг нет, и я занят размышлениями над материалами Фирковича, которые крепко сидят в моей памяти. Удастся ли мне, наконец, приступить к описанию философских фрагментов? Приеду в Ленинград — возобновлю хлопоты. На днях пришла мысль: неплохо было бы составить хрестоматию философской евр[ейско]-арабск[ой] литературы. В нее вошли бы приблизительно: 1 глава из المقصص (выбрать наиболее сохранившуюся по нашему unicum'у); отрывки из كتاب الجواهر Исаака Исаэли (тоже по фрагментам нашего unicum'a); из Саадьи — главы две из كتاب الأمانات и наиболее интересн[ые] части из تفسیر فی کتاب المبادئ; из ал-Басира — 1 глава из المحتوي, введение и главы две из المنصوري; из Ибн Габироля — отрывки из Fontis Vitae⁸⁸, сохранившиеся

⁸⁴ Steinschneider M. Die arabische Literatur der Juden. S.

⁸⁵ Frankl P.F. Ein mutazilitischer Kalâm aus dem 10. Jahrhundert als Beitrag zur Geschichte der muslimischen Religionsphilosophie nach handschriftlichen Quellen der Bibliothek in Leyden und St. Petersburg. Wien, 1872 (Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, Philologisch-Philosophische Klasse. Bd. 71).

⁸⁶ Margoliouth G. Catalogue of the Hebrew and Samaritan Manuscripts in the British Museum. Pt. 3. L., 1915. P. 198 sq.

⁸⁷ Байдар — бывш. татарская деревня на Южном берегу Крыма, в 23 км к юго-востоку от Севастополя.

⁸⁸ И главу из إصلاح الاخلاق. — Примеч. А.Я. Борисова.

в كتاب الحديقة Моисея Ибн Эзры; из Бахьи — часть введения, первая глава (باب التوحيد) и беседа души с разумом; из M[оисея] И[бн] Эзры — части كتاب الحديقة (по будущему Вашему изданию); из Иегуды га-Леви — несколько по преимуществу чисто философских абзацев из كتاب الحجّة; 1 глава из بستان العقول Натаниэля Ибн ал-Файюми; 1 гл. из مقالة ثمانية فصول; 1 гл. из دلالة; 1 гл. из مقدمة; 1 гл. из الوضوح; хорошо бы включить главу из арабского оригинала מלוח הגיון (كتاب المنطق) — по рукописям; из Авраама Маймунй — глава или две из كتاب الكفاية; из Танхума Иерушалмй — образцы его философской экзегезы; кроме того, по-маймонидовский период дополнить по материалам нашей коллекции. Текст изданных памятников давать по изданиям, но с усиленным привлечением фрагментов А. Фирковича — ad maiorem gloriam этого собрания. Хрестоматию снабдить словарем, состоящим из следующих элементов: 1) термин, его plural[is]; 2) его этимология, если возможно (напр[имер], هوى / = ὕλη); 3) эквиваленты этого термина в средневековых еврейских переводах; 4) латинский перевод; 5) специальные случаи употребления данного термина с латинским переводом. В заключение — приложить исчерпывающий обзор литературы (изданий, монографий, обзоров, пособий, статей) — по типу обзоров, прилагаемых к грамматикам серии Porta linguarum orientalium. Если бы была возможность продолжительно и более или менее надежно изучать коллекцию, я бы постепенно подготовил материал для такой хрестоматии, даже без надежды ее выпустить в свет. А составить словарь арабско-еврейско-латинской <зачеркнуто: еврейско-арабско-латинской> философской терминологии прямо необходимо, мне кажется.

Я думаю также о своей будущей квалификационной работе. Не взять ли, в качестве темы, изложение كتاب الفلاحة النبطية Ибн ал-Вахшийи, предпослав этому изложению некоторое введение («историю вопроса»)? Тема очень и очень удобная, но, к сожалению, не имеет никакого отношения к гебраистике. Других тем пока не нашел.

Я вернусь около 1-го июля и сразу займусь составлением доклада о كتاب الجواهر Исаака Ибраэли.

Желаю Вам, Павел Константинович, удачной и спокойной поездки. Надеюсь, что мое письмо застанет Вас еще в Ленинграде.

Уважающий Вас
Андрей Борисов.

3⁸⁹

14.VII.1934

Глубокоуважаемый Павел Константинович!

Я сейчас нахожусь в доме отдыха в Лыкошине, Новгородской губ[ернии]⁹⁰, где мне предстоит пробыть еще две недели. Несмотря на хорошую местность, здесь довольно скучно, так как гулять мешают постоянные дожди, а книг я с собой никаких не захватил, чтобы вполне отдохнуть. Но все же нужно было бы что-ниб[удь] взять, так как без книг очень трудно. Ваши материалы, касающиеся арамейских идеограмм в пехлевийской письменности, я оставил в городе, не успев познакомиться с ними, как следует. Но уже после беглого ознакомления с ними мне стало ясно, что если серьезно ими заняться, то потребуется много работы и результаты могут оказаться очень интересными. Между прочим, высказанное Вами соображение, что идеограмма Хаджибадской надписи 𐤏𐤍𐤏 (она встречается также в пазендском словаре, изданном Залеманом⁹¹, в виде 𐤏𐤍𐤏)⁹² = евр. 𐤒𐤐, мне теперь кажется вполне вероятным. Так как евр[ейское] 𐤒𐤐 отвечает араб[скому] حَضَّ, то приходится допустить, что евр[ейское] 𐤒, отвечающее араб[скому] ض и арамейск[ому] 𐤌, дает в арамейск[их] идеограммах пехлевийской письменности 𐬎. Мне пока удалось найти только одно еще слово, подтверждающее это предположение: идеогр[амма] 𐬎𐬀𐬎 (= 𐤒𐬀𐬎) для 𐬎𐬀𐬎. Может быть, если поискать хорошенько, то найдется еще. Что же касается окончания 𐬎 в 𐬎𐬀𐬎, то такое окончание мы находим и в ряде других идеограмм, где, казалось бы, его не должно было быть, напр[имер] 𐬎𐬀𐬎𐬀 для 𐬎𐬀𐬎. Некоторые идеограммы являются загадочными вследствие многозначности пехлевийских букв. Напр[имер], в Ваших записях находится «dama — большая река». Т[ак] к[ак] в пехлевийском письме 𐬎, 𐬀 и 𐬎 обозначаются одним знаком, то непонятное 𐬎𐬀𐬎 станет совсем понятным, если его прочесть как 𐬎𐬀𐬎. Интересна еще идеограмма для «преисподней» — šonman <исправлено на šolman>, что след[ует] читать⁹³ 𐬎𐬀𐬎𐬀. Разве⁹⁴ среди арамейцев

⁸⁹ СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 2, ед. хр. 41. Л. 9–10.

⁹⁰ Возможно, ныне дом отдыха «Радуга» в поселке Лыкошино Бологовского района Тверской области.

⁹¹ *Salemann C. Die Glossare // Salemann C. Über eine Parsenhandschrift der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg // Travaux de la 3e session du Congrès international des Orientalistes. Vol. 2. Leiden, 1878. P. 64–102.*

⁹² Это слово означает «стрела».

⁹³ Арамейское 𐤏𐬀𐬎 или 𐤏𐬀𐬎 соответствует евр. 𐤏𐬀𐬎.

⁹⁴ В авторской орфографии: «разье». Вероятно, эта особенность написания отражает произношение А.Я. Борисова.

также существовало наименование преисподней «шеолом»? Или здесь также мы имеем гебраизм? Мне известен «шеол» только из библейских текстов. М[ожет] б[ыть], он есть в старых арамейских надписях? Интересны также среди арамейских идеограмм очевидные арабизмы; каким образом они смогли проникнуть в пехлевийскую письменность? Трудно допустить, что это произошло после арабск[ого] завоевания, и еще труднее — чтобы до него. Во всяком случае, здесь много трудного.

По приезде в город думаю закончить и отделать мою заметку о трех найденных мною автографах Али бен Сулеймана.

От всей души желаю Вам здоровья и покоя.

Преданный Вам А. Борисов (подпись).

<Записка А. Я. Борисова об Али бен Сулеймане>⁹⁵

По поводу интересующей Вас статьи об Али Ибн Сулеймане должен уведомить Вас, что статья эта, к сожалению, еще не вышла и, вероятно, выйдет не скоро. Но так как Вы много занимаетесь этим каримским писателем и имеете ко всему, его касающемуся, вполне понятный особый интерес, я, с разрешения автора, сообщаю Вам здесь основные данные статьи. Среди рукописей Фирковича обнаружено 3 собственноручно написанные Али Ибн Сулейманом манускрипта, имеющие колофон со следующими данными: 1) <исправлено на: 2)> одна <исправлено на: вторая> рукопись написана названным лицом в Тиннисе (Египет) в месяце Зу-л-Хиджжа 448 г. хиджры (= февраль 1057 г. н.э.); 2) <исправлено на: 1)> вторая <исправлено на: первая> рукопись написана им же в Тиннисе (Египет) в месяце Шаввале 436 г. хиджры (= апрель 1044 <исправлено на: 1045> г. н.э.); третья рукопись написана этим же лицом в Фостате в месяце Раджабе 472 г. хиджры (=конец ноября — начало декабря 1083 <исправлено на: декабрь-январь[арь] 1080> г. хр. э.). Таким образом, выясняется, что Али Ибн Сулейман жил не в Палестине, а в Египте.

<Карандашная запись П. К. Коковцова внизу страницы: ср[а]в[ни] 1) Библиография Востока. 2) Труды Перв[ой] Сессии арабистов, стр. 112 сл.>⁹⁶.

⁹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 3, ед. хр. 24/4. Л. 18. В инвентарной описи документ озаглавлен: «Отзыв о статье А. Я. Борисова об Али ибн Сулеймане в письме к Крауссу (?). — Черновик рукой Борисова с пометками Коковцова и отд[ельный] листок с записями Коковцова».

⁹⁶ П. К. Коковцов цитирует следующие работы: *Борисов А. Я.* Об открытых в Ленинграде му'тазилитских рукописях и их значении для истории мусульманской мысли // Труды Первой сессии арабистов. 14–17 июня 1935 г. М.–Л., 1937. (Труды Института

<Карандашная запись П.К. Коковцова на отдельном листе:

Зуль-Хиджжа 446 г. х[иджры] = с 3 марта 1055 г.

Зуль-Хиджжа 448 г. х[иджры] = с 9 февр[аля] 1057 г.

Шаввал 436 г. х[иджры] = с 21 апр[еля] 1045 г.

Раджаб 472 г. х[иджры] = с 28 дек[абря] 1079 г.>⁹⁷.

4⁹⁸

Глубокоуважаемый Павел Константинович!

К большому моему огорчению, я столь долгое время лишен возможности посетить Вас и не знаю, когда наконец смогу выбраться из дому. Почти месяц я провел в больнице, в клинике, где меня подвергали всевозможным обследованиям, а когда, несколько дней тому назад, мне удалось вернуться домой, меня неожиданно свалил жестокий грипп, и сейчас я лежу дома. Однако неотложная нужда заставляет меня решиться беспокоить Вас этим письмом, которое Вам передаст моя жена Елена Викторовна Таланова. Дело в том, что мне настоятельно предлагают принять участие в сборнике, подготовляемом к изданию Эрмитажем; единственное, что я бы мог дать для этого сборника, это — описание неизданного пальмирского надгробного рельефа с эпитафией (одного из двух, пожертвованных в Эрмитаж Антиохийским патриархом; второй был описан В.К. Шилейкой⁹⁹). Статья должна быть представлена к 31/XII с.г. Для этого мне необходимо на несколько дней получить соответствующую литературу; кое-что мне удалось достать в Азиатском Музее. Я был бы Вам очень признательным, если бы Вы сочли для себя возможным переслать мне публикацию Vogüé¹⁰⁰ и имеющийся у Вас новый труд (не помню автора), в

востоковедения. Вып. 24). С. 113–125; *он же*. Му'тазилитские рукописи Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде // Библиография Востока. Вып. 8–9. М.–Л., 1935. С. 69–95.

⁹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 3, ед. хр. 24/4. Л. 19.

⁹⁸ СПбФА РАН. Ф. 779. Оп. 2, ед. хр. 41. Л. 19–19об.

⁹⁹ Шилейко Владимир (Вольдемар) Казимирович (1891–1930) — выдающийся востоковед, историк Древнего Востока (ему принадлежат важнейшие достижения в области шумерологии), ученик П.К. Коковцова и Б.А. Тураева, преподаватель ЛГУ, первый русский переводчик оригинальных шумерских и аккадских литературных текстов, эпоса о Гильгамеше (первым высказал предположение о шумерском происхождении эпоса), автор монографии «Вотивные надписи шумерийских правителей» (Пг., 1915) по материалам коллекции Н.П. Лихачева; безвременно скончался от туберкулеза.

¹⁰⁰ Ш.-Ж.-М. де Вогюэ (Charles-Jean-Melchior de Vogüé, 1829–1916), французскому дипломату и археологу, принадлежит серия работ по пальмирской эпиграфике, в част-

котором приводится перечень всех известных пальмирских надгробий. В случае, если Вам известно, что последняя книга имеется в Аз[иатском] м[узее], прошу Вас лишь сообщить мне имя ее автора. Пере-сланные Вами книги обязуюсь продержать не более 10 дней и возвра-тить в полной сохранности. При сем письме возвращаю Вам с благо-дарностью Joel'я и Рыбинского¹⁰¹.

Посылаю Вам также дублиеты фотографии и эстампажа (довольно неудачного) с «моего» пальмирского надгробия; м[ожет] б[ыть], поин-тересуетесь взглянуть на них. Мне легко удалось прочесть первое сло-во первой строки (אבל) и всю вторую строку (לבלל בלל); что же касается второго слова первой строки, идущего вслед за אבל, то оно мною не читается. Ясна лишь первая его буква ז; вторая буква на-поминает у (она написана ז = у в сирийск[ом]?), третья буква выгладит приблизительно: נ (к? п?); четвертая: ח (!?!), пятая: ש (п? л?). Не сомневаюсь, что Вы без труда прочтете это, для меня загадочное, слово. Я же решил в своей заметке прямо указать, что не могу прочесть этого слова и [способен] лишь описать и изобразить каждую его букву.

В.О. 6 линия, д. 29, кв. 28.

Искренне уважающий Вас
А. Борисов (подпись)

P.S. К сожалению, моя жена, из-за своих служебных занятий и хлоп-пот, связанных с моей болезнью, не имеет совершенно времени, и на-стоящее письмо передаст Вам знакомый мой, В.Н. Казин.

А.Б.

5¹⁰²

Дорогой Игнатий Юлианович!

Вас, вероятно, несколько удивит это письмо — прежде всего, своими размерами, а затем, когда Вы его читаете, то и содержи-ем. Но сейчас настало такое время, когда многое хочется сказать, как

ности, Note sur quelques inscriptions recueillies à Palmyre (1855), Notes d'épigraphie araméenne (1856), à Syrie centrale. Inscriptions sémitiques (1868–1877) и др.

¹⁰¹ Возможно, речь идет о монументальной работе еврейского философа и историка философии М. Жозля (*Joël M. Beiträge zur Geschichte der Philosophie*. Breslau, 1876), а также о книге профессора Киевской духовной академии В.П. Рыбинского («Самаряне. Обзор источников для изучения самарянства. История и религия самарян». Киев, 1913), отзыв о которой составил П.К. Коковцов.

¹⁰² Письмо адресовано И.Ю. Крачковскому, без даты.

перед смертью — и кто знает, может быть, действительно перед смертью. И вот, я почувствовал необходимость отбросить мою постоянную сдержанность и говорить так, как никогда бы не решился говорить в нормальное, обычное время.

Пятого числа заходил проститься с Павлом Константиновичем. В морозном кабинете, на своей постели, в черном сюртуке, который, по словам Ксении Тимофеевны¹⁰³, «он так любил», он лежал осунувшийся и позеленевший, но с таким спокойным выражением лица, что казался спящим и грезящим о чем-то мирном и светлом. Вокруг — шкафы с его любимыми книгами, его неразлучными спутниками и друзьями, такими живыми и деятельными прежде, во время моих бесчисленных шестнадцатилетних посещений их хозяина, а теперь внезапно затихшими, потерявшими душу и жизнь. Я открыл один из шкафов: в нем оказалась научная корреспонденция — в идеальном порядке ряды писем, следы богатого и широкого умственного общения с десятками ученых, имена которых для моего поколения уже представляются легендарными. На столе еще лежали его рукописи возле чернильницы — казалось, что комната незримо хранит его живое присутствие, полна его мыслями, надеждами, планами, которых у него всегда было вдоволь и в которых проявлялось его постоянное научное горение, его цельное сердце, не знавшее никакой иной любви, кроме любви к его родной науке.

Я очень хотел бы — и об этом я сказал Кс[ениии] Тимоф[еевне] — написать о нем целую книжку; не знаю, конечно, суждено ли мне осуществить это дело, и насколько я смогу справиться с такой темой — раскрыть одну из богатых и содержательных страниц из истории нашего русского востоковедения. На фоне общей научной жизни эпохи фигура П[авла] К[онстантиновича] и характеристика его научных связей и трудов должны получиться достаточно интересными и, я сказал бы, поучительными. Постоянно, приходя к нему, я наводил его на различного рода воспоминания, и многие из его рассказов запомнил, а кое-что и записал. Интересны и предки его: прадед, Матвей Григорьевич, морской офицер екатерининского времени, участник Чесменского сражения и — чем особенно гордился П[авел] К[онстантинович] — «сочинитель»: он «выдал в свет» две книги, из коих одна содержит описание Алжира, другая — описание Архипелага¹⁰⁴. В одну

---

¹⁰³ Тимофеева Ксения Тимофеевна (1863–1942) — домработница П.К. Коковцова, служившая у него на протяжении многих лет, с которой он перед смертью заключил брак.

¹⁰⁴ Коковцов Матвей Григорьевич (1745–1793) — русский путешественник, морской офицер (капитан-лейтенант, затем бригадир), участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1776–1777 гг., находясь в отряде русских военных судов в Средиземном море, посетил острова Греческого архипелага, Тунис, Алжир и составил их описание.

из поездок русской эскадры в итальянские порты, где-то, по-видимому — в Ливорно, Матвей Григорьевич встретил красивую плебейку-итальянку, на которой женился и которую привез в Петербург. От этой прабабки своей, Розы Августиновны, о которой П[авел] К[онстантинович] многое слышал со слов бабки, еще живо ее помнившей, он унаследовал, таким образом, струйку итальянской крови; бабка его, Каролина Коковцова¹⁰⁵, была немка — не прибалтийская, а настоящая, и она дала ему струйку крови немецкой. Каролина Коковцова родилась, по словам П[авла] К[онстантиновича], «вместе со столетием» — в 1800 г., а умерла как будто бы в 1896 г., в полном владении своими силами и способностями, за исключением слуха, который в последние годы ее жизни значительно притупился. И тем не менее уже с рожком, она, в сопровождении своего внука, который был с нею, по-видимому, очень дружен, ходила на концерты Антона Рубинштейна, на которых, между прочим, П[авел] К[онстантинович] познакомил ее со своим учителем, Д.А. Хвольсоном. От этих своих бабок П[авел] К[онстантинович] получил в наследство большое количество итальянских и немецких книг — изданий классиков, а также ряд сочинений, бывших в моде в конце XVIII — начале XIX столетий. От них же, вероятно, он унаследовал и свое пристрастие к итальянской опере.

Как П[авел] К[онстантинович] заинтересовался Востоком? На мой вопрос он не мог мне дать определенного ответа. Это произошло очень рано, еще на ученической скамье. Его первым учителем, научившим его еврейскому алфавиту, был его школьный товарищ, некто Идельсон, умерший, кстати, как будто бы не очень давно, уже после Октябрьской революции. Когда он был в последних классах гимназии, его отец, Константин Константинович, профессор Института путей сообщения, нашел для него среди студентов Института учителя высшего типа — Бориса Яковлевича Гиндзбурга, брата известного скульптора Ильи Гиндзбурга¹⁰⁶. С этим учителем, получившим специальное еврейское образование в Виленском раввинском училище, П[авел] К[онстантинович] начал свое ознакомление со своеобразно богатым миром Талмуда, и нужно сказать, что руководитель у него был вполне подходящий. Когда, окончив гимназию, он поступил в университет, он мог

¹⁰⁵ Коковцова (урожд. Тредер) Каролина Богдановна (1800–1896 или 1899) — жена Константина Матвеевича Коковцова (1785–1849), деда П.К. Коковцова.

¹⁰⁶ Гинцбург (Гинзбург) Илья (Элиаш) Яковлевич (1859–1939) — выдающийся скульптор-портретист, ученик М.М. Антокольского, профессор-руководитель (с 1918 г.) скульптурной мастерской Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских (ПГСХУМ), декан скульптурного факультета ВХУТЕМАСа (1921–1923). Детство и юность вместе с братом провел в Вильно.

довольно свободно читать по-древнееврейски и даже немного писать — но совершенно не знал грамматики, и Д. А. Хвольсон прежде всего предложил ему проштудировать Гезениуса¹⁰⁷. Так П[авел] К[онстантинович] вступил в научную область, на попроще которой ему предстояло успешно трудиться всю его долгую жизнь.

В этом вступлении П[авла] К[онстантиновича] в область востоковедения я вижу много общего с моим собственным вступлением в эту область, в мою научную жизнь, и это обстоятельство очень роднило и сближало меня с П[авлом] К[онстантиновичем]. Впрочем, я могу более чем он определенно указать на причину — конечно, первоначальную — моего интереса к Востоку. Происходя из старообрядческой среды «кержаков»¹⁰⁸, из крестьян дер[евни] Кучиново, бывш[его] Макарьевского уезда Нижегородской губ[ернии]¹⁰⁹, я очень рано заинтересовался древнерусской — допетровской — литературой и искусством, записывал в деревнях и на знаменитом озере Светлояре, в котором, по легенде, утонул град Китеж и которое от нашей деревни находится всего лишь в двадцати верстах, духовные стихи, разыскивал старые старообрядческие рукописи и старопечатные книги дониконовского издания и читал своему деду, Андрею Андреянову, «Катехизис» Лаврентия Зизания¹¹⁰, а также Авву Дорофея¹¹¹ и Ефрема Сири-

---

¹⁰⁷ Имеется в виду «Грамматика древнееврейского языка» немецкого семитолога Х.-Ф.-В. Гезениуса (1786–1842): *Gesenius H.F.W. Hebräische Grammatik*. Halle, 1813 (первое издание; русский перевод был выполнен профессором Петербургского университета К. А. Коссовичем).

¹⁰⁸ Кержаки — обособленная группа русских старообрядцев, первоначально проживавших в Нижегородской губернии. Получили свое название от р. Керженец, на которой с конца XVII — начала XVIII в. располагался ряд старообрядческих скитов (Керженские скиты, ныне — места паломничества староверов). После 1720-х гг. кержаки массово переселились в Пермскую губернию, откуда расселились по всей Сибири, составив ядро ее русскоязычного населения; впоследствии были в значительной мере ассимилированы другими русскими переселенцами.

¹⁰⁹ Ныне деревня Кучиново Воскресенского района Нижегородской области.

¹¹⁰ Лаврентий Зизаний (Лаврентий Тустановский; ум. после 1633) — белорусский церковный деятель, автор грамматики церковнославянского языка. «Катехизис» Зизания, представленный им в 1626 г. московскому патриарху Филарету (Романову), послужил причиной богословского диспута между автором и редакторами, в результате которого Зизаний вынужден был отказаться от ряда своих положений. «Катехизис» был напечатан с редакторскими исправлениями в 1627 г., но не имел широкого распространения.

¹¹¹ Авва Дорофей (Дорофей Газский, VI в.) — христианский подвижник и писатель, автор ряда аскетических сочинений, в числе которых поучения, послания, изречения; считается составителем сборника «Вопросо-ответы старцев Варсонофия Великого и Иоанна Пророка».

на¹¹². Уже в 11 лет я определенно решил посвятить себя изучению старой русской письменности и книжности, и надо сказать, что этот интерес сохранился у меня и по сие время в достаточно живом и жизнеспособном виде. Но, читая научную литературу в данной области, я сразу же понял, что помимо славистики, для древнерусской литературы следует близко <на этом месте письмо обрывается>.

Summary

Selected Letters of Andrei Borisov to Pavel Kokovtsov

Preface and publication by N.S. Smelova, E.O. Shukhman

The article contains a publication of selected letters of a notable Russian Semitologist Andrei Yakovlevich Borisov (1903–1942) to the Academician Pavel Konstantinovich Kokovtsov (1861–1942), Borisov's University teacher and a prominent scholar in the field of Semitic Studies. Both scholars died tragically during the Blockade of Leningrad. The preface contains biographical data and an outline of the fruitful and versatile research of both scholars, which was so vividly presented in the letters of Borisov. The first letter is probably the most interesting of all as it was written in Hebrew in a very high and elaborate style and it can be dated to 1924 when Borisov first came to Leningrad from Tartu and was aspiring to become a student of Kokovtsov at the Leningrad University. He describes dramatically his learning and his amazing achievements in reading Hebrew literature. Other letters, which are dated back up to the end of the 1930s, discuss various subjects in the general field of Semitic Studies, but mainly Judeo-Arabic literature in the manuscripts of the Firkovich Collection at the Russian National Library and the Aramaic inscriptions from ancient Iran and Palmyra. The last letter published in the article is addressed to Ignatij Yulianovich Krachkovskiy (1883–1951) and was written by Borisov in January 1942, a few days after the death of Kokovtsov and a few months before his own untimely demise. This letter contains valuable information about both Kokovtsov's and Borisov's families and early life and shows the origins of their specific interest in Semitic studies.

Key words: A.Y. Borisov, P.K. Kokovtsov, letters, Semitology, Jewish-Arabic literature, Aramaic epigraphy.

---

¹¹² Ефрем Сирин является автором циклов духовной и литургической поэзии, а также экзегетических сочинений, сохранившихся частично на сирийском языке, частично — в греческом и армянском переводах.

Ю.В. БУНАКОВ

О значении так называемой литературной революции Китая

*Предисловие и публикация
И.Ф. Поповой*

Аннотация: Публикуемая статья, написанная в 1930 г., представляет собой первое крупное исследование погибшего в годы блокады Ленинграда Юрия Владимировича Бунакова (1908–1942). Работа находится в сфере ранних интересов этого исследователя, занимавшегося в основном изучением истории китайской письменности и языка. Статья о «литературной революции» в Китае интересна как пример литературоведческого исследования 1930-х годов, когда ученые, воспитанные в традициях школы классического петербургско-ленинградского востоковедения, пытались работать в русле марксистской идеологии. Текст хранится в личном фонде Ю.В. Бунакова в АВ ИВР РАН (Ф. 84. Оп. 1, ед. хр. 88. 14 л.), публикуется впервые.

Ключевые слова: Ю.В. Бунаков, история китайской литературы, литературная революция.

Юрий Владимирович Бунаков родился 9 октября 1908 г. в семье учителя. В 1927 г. окончил трудовую школу-девятилетку в Москве и по направлению Научной ассоциации востоковедения поступил в том же году на китайский разряд Ленинградского восточного института. Это учреждение готовило преимущественно востоковедов-практиков для нужд наркомата иностранных дел, поэтому Ю.В. Бунаков, стремившийся к исследовательской работе, уже на втором курсе стал заниматься по индивидуальному учебному плану. Будучи студентом, Ю.В. Бунаков стал преподавать в том же институте китайский язык. Областью его научных интересов первоначально была история китайской литературы.

Осенью 1931 г. Ю.В. Бунаков поступил на подготовительное отделение аспирантуры АН СССР, а закончив его два года спустя, перешел на основное отделение аспирантуры. Предметом его диссертационного исследования стали термины родства в китайском языке, тема, в ту пору мало разработанная. Ю.В. Бунаков неоднократно подчеркивал необходимость не формально-лингвистического анализа терминов родства, а широкого изучения их теснейшей связи с развитием общества: «Терминология родства представляет феномен социальной жизни человечества, феномен, история которого находится в тесной связи с историей других подобных ему феноменов — брака, семьи и т.д.»¹.

Весной 1932 г. Ю.В. Бунаков, будучи аспирантом, по поручению дирекции Института книги, документа и письма приступил к изучению коллекции иньских гадательных костей, хранившейся в этом институте. Результатом его работы стала небольшая книга «Гадательные кости из Хэнани (Китай). Очерк истории и проблематики в связи с коллекцией ИКДП», опубликованная в серии «Труды Института языка и мышления АН СССР» в 1935 г. В планы Ю.В. Бунакова входило также полное издание коллекции с фотографиями и воспроизводством надписей, однако эта работа осталась незавершенной.

В 1937 г., после окончания аспирантуры Ю.В. Бунаков был принят младшим научным сотрудником на работу в Институт языка и мышления АН СССР, в том же году он приступил к преподаванию курса истории китайской письменности на восточном отделении филологического факультета ЛГУ. В апреле 1938 г. Ю.В. Бунаков особым постановлением Президиума АН СССР был переведен на работу в Институт востоковедения, где стал членом группы В.М. Алексеева, работавшей над составлением китайско-русского словаря. Состав этой группы значительно отличался от списка авторов на титульном листе словаря, увидевшего свет только в 1983–1984 гг. Наряду с Бунаковым в группу входили И.М. Ошанин, Г.Ф. Смыкалов, Л.Н. Рудов, А.А. Петров, Л.И. Думан, К.И. Разумовский, А.А. Драгунов, К.К. Флуг, В.Н. Кривцов, Н.И. Любин, Г.О. Монзелер. Работая над словарем, Ю.В. Бунаков одновременно занимался написанием разделов для справочно-информационного сборника «Китай»².

¹ Цит. по: *Васильев К.В.* Бунаков Юрий Владимирович // Книга памяти сотрудников Института востоковедения АН СССР, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в дни блокады Ленинграда. Л., 1967 (АВ ИВР РАН, б/ш. Л. 22). Очерк опубликован с сокращениями в: ППиПИКНВ. XIX научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. II. М., 1986. С. 21–23.

² Ю.В. Бунаков составил разделы «Китайская письменность», «Книгопечатание и книгоиздательское дело в Китае», «Периодическая печать в Китае», а также библиографический раздел, посвященный изданиям на европейских языках (Китай. История,

В 1930-е годы Ю.В. Бунаков интенсивно занимался историей китайской письменной культуры, регулярно излагая результаты этой работы в научных докладах. В 1940 г. он прочел доклад «Древнекитайская письменность и материалы для ее изучения». В начале 1941 г. выступил с сообщением на тему «О китайской письменности как историческом явлении и историческом источнике»³.

После начала Великой Отечественной войны Ю.В. Бунаков остался работать в ИВ АН. В армию он призван не был, хотя 30 июля 1941 г. отправился в районный военкомат Куйбышевского района г. Ленинграда и оставил там заявление следующего содержания: «Прошу использовать меня в рядах РККА по военно-учетной специальности № 25 — военного переводчика с китайского языка. Моя гражданская специальность, над которой я работаю около 15 лет, — китайская письменность. Кроме того, знаю английский язык и чешский. По-английски читаю совершенно свободно, говорю хуже. Чешский мой родной язык (по материнской линии я чех)»⁴.

В воспоминаниях Д.И. Тихонова (1906–1987) о блокаде Ленинграда есть строки: «Люди в Ленинграде в то время ходили медленно, почти не отрывая ног от земли. Особенно опасны были крутые повороты, при перемене направления человек часто падал, а подняться сил не хватало. 1 января 1942 г. Китаевед Ю.В. Бунаков пошел домой, но до дому не добрался: видимо, упал в пути и замерз»⁵.

Немногие работы Ю.В. Бунакова были опубликованы при жизни ученого. В его фонде в АВ ИВР РАН остались обширные переводы, библиографические заметки, составленные как подготовительные материалы для статей и читаемых в университете курсов истории китайского письма и эпиграфики. Многочисленные выписки, карточки и конспекты, сделанные Ю.В. Бунаковым, свидетельствуют и о скрупулезности библиографа, и о его «порывистой неаккуратности», на странное сочетание которых в его характере обратил внимание В.М. Алексеев⁶.

Текст публикуемой статьи хранится в личном фонде Ю.В. Бунакова в АВ ИВР РАН (Ф. 84. Оп. 1, ед. хр. 88) и представляет собой типо-

---

экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сб. ст. под ред. В.М. Алексеева, Л.И. Думана и А.А. Петрова. М.–Л., 1940. С. 351–426, 474–505.

³ *Васильев К.В.* Бунаков Юрий Владимирович. Л. 22.

⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 84. Оп. 1, ед. хр. 250. Л. 1.

⁵ *Тихонов Д.И.* Война и советские востоковеды в Ленинграде // Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов. 1941–1945. М., 1985. С. 46 (39–63).

⁶ *Алексеев В.М.* Юрий Владимирович Бунаков // Наука о Востоке. М., 1982. С. 110.

графские гранки на 14 продолговатых листах (20×63 см) с рукописной правкой автора. Статья была первым большим исследованием Ю.В. Бунакова, завершённым к 1930 г., но так и не вышедшим в свет. Работа интересна также как пример литературоведческого исследования 1930-х годов, когда ученые, воспитанные в традициях школы классического петербургско-ленинградского востоковедения, пытались работать в русле актуальных тогда интерпретаций марксистской идеологии.

И.Ф. Попова

О значении так называемой литературной революции Китая

<Л. 14> Литературной революцией (*вэнь-сюэ гэ-мин*) китайские и иностранные источники обычно называют борьбу за универсальный общедоступный национальный язык, в основе которого лежит литература на простонародном, разговорном языке, борьбу против классического китайского языка и засилья классицизма в литературе. Эта борьба двух языков и литератур протекала чуть ли не на всем протяжении достоверной истории Китая и особенной остроты достигла в нашем веке, в период приблизительно 1917–1920 гг., каковой собственно и называется литературной революцией. Однако в действительности это движение является гораздо более широким по своему охвату и по своей роли в истории Китая, особенно за последние 20–30 лет, и расценивать его только как кульминационный пункт <Л. 13> многовековой борьбы двух языков и литератур — значит сужать его размер и значение. Доказательству этого тезиса и посвящается настоящая статья.

I

Прежде чем переходить к изложению тех причин, которые вызвали движение литературной революции, будет уместно рассмотреть вышеупомянутую литературную борьбу двух языков и литератур Китая, борьбу, которая явилась условием взрыва литературной революции, подготовила почву для этого движения.

Известно, что уже в эпоху Хань (конец прошлой и начало нашей эры) наблюдается расхождение официального языка с тем языком, на котором говорила вся масса китайского населения. «Так, около 120 года до нашей эры, — говорит один из руководителей литературной революции, доктор Ху Ши в своей статье „The Chinese Renaissance“, —

премьер Кунь Сун-хун в докладной записке императору пишет: провозглашаемые императором указы и законы, будучи написаны изысканным стилем и содержа милостивые предписания, обычно не понимаются государственными чиновниками, которые не имеют достаточного образования для того, чтобы объяснить эти указы народу»⁷.

Мы видим, таким образом, что в Хань официальный язык становится непонятным не только для народа, но даже для низших чиновников. Чем это объясняется? Дело в том, что со времени Хань философская система конфуцианства [прочно] утверждается среди феодально-бюрократической верхушки государства, верхушки, составившейся из необходимой в феодальный период технической интеллигенции, которая в дальнейшем срослась с землевладением и через натуральную ренту получила доступ к ростовщичеству, играющему огромную роль в эпоху торгового капитала. Морально-политическая доктрина, обосновывавшая автократию — конфуцианство, — на всем протяжении китайской истории прилагала все усилия к укреплению абсолютизма и созданию обособленной касты чиновничества, своеобразной феодально-бюрократической верхушки, которую мы встречаем во все периоды китайской истории, той верхушки, которая в силу «извечных» законов управляет государством и распределением его богатств. Вполне естественно, что наравне с экономическими мероприятиями, обеспечивающими монопольное господство этой верхушки, пускались в ход также моменты и надстроечного порядка. Одним из таких моментов был официальный язык, который стал инструментом для создания литературы, замкнутой и обособленной в тематике обслуживанием узких придворных кругов, а в формальном развитии — возведением в культ подражания древним образцам. Этот язык и эта литература, удерживаясь, таким образом, на первоначальном уровне, с трудом развивались, и во всяком случае, их развитие отставало от темпа общего культурного развития Китая, что видно уже на примере Хань, когда классицизм стал непонятен даже низшему чиновничеству, не говоря уже о простом народе.

Однако поскольку официальный язык и классическая литература были непонятны народным массам, логически необходимо предположить существование такого языка и такой литературы, которые эти массы обслуживали бы. И действительно, таковыми явились простонародный разговорный язык и литература, написанная на этом языке.

---

⁷ Данное и нижеследующие высказывания не были дословно воспроизведены в известном издании Университета Чикаго: *Hu Shih. The Chinese Renaissance. The Haskell Lectures*, 1933. Chicago, 1934.

На всем протяжении истории Китая мы видим две линии в развитии языка и литературы: линию конфуцианского официального классического стиля и линию разговорного «подлого штиля» народных масс. Обе эти линии отнюдь не идут параллельно друг другу, отнюдь не сосуществуют мирно и отнюдь не характеризуются равномерным развитием. Через всю историю Китая идет ожесточенная борьба двух языков, официального и простонародного, борьба за гегемонию в обществе и литературе, борьба, обусловленная теми тенденциями, которые были заложены в их развитии. Дело в том, что, рассматривая исторический ход развития языка и литературы Китая, мы наблюдаем медленное, но верное падение вниз кривой официального стиля и еще более медленное, но и еще более верное повышение кривой разговорного языка.

Да оно и не могло быть иначе. Искусственно удерживаемый на уровне возведенных в культ образцов древности, замкнутый в обслуживании обособленной чиновничьей касты, официальный стиль не мог угнаться в своем развитии за энергичным и жизнеспособным разговорным языком. Ничем не связанный в своем развитии, изменяющийся сообразно эпохе, обслуживающий широкие народные массы и являющийся превосходным инструментом для создания общепонятной литературы, разговорный язык боролся за место под солнцем, за гегемонию в китайской литературе, отвоевывая здесь область за областью у классического стиля.

С другой стороны, конфуцианская бюрократическая верхушка прилагала все усилия для того, чтобы сохранить гегемонию официального стиля, до некоторой степени бывшего инструментом ее господства. Введение литературных экзаменов при Хань имело целью воспитать кадры, питающие бюрократическую верхушку в классическом, конфуцианском духе. Развивалась бешеная агитация против «подлого штиля», в обществе считалось неудобным сознаваться в чтении произведений на разговорном языке, крупные писатели принуждены были скрывать свое авторство в этой области. «Показательно, — пишет Ху Ши в вышеупомянутой английской статье, — что все новеллы, которые были написаны в минский период, были анонимны и что до маньчжурской династии авторы новелл не позволяли ставить на них свои имена».

Насколько велико было реакционное значение конфуцианства в этой борьбе двух языков, видно из того факта, что разговорный язык и литература на нем достигали всегда наивысшего развития и гегемонии в периоды упадка значения и влияния конфуцианства, например, в так

называемый период средневековья, в монгольскую эпоху⁸. Однако, чтобы не быть голословным, перейдем к иллюстрированию наших положений фактами истории китайской литературы.

Первоначально дифференциацию двух стилей мы наблюдаем в области поэзии. Так, уже в «Ши-цзине» наряду с придворными и религиозными гимнами мы видим чисто народную поэзию, как по содержанию, так и по форме, дух которой не могла вытравить даже обработка Конфуция. Интересно, что в построении народных песен «Ши-цзина» встречается то же противопоставление зачина, не связанного содержанием с основной мыслью песни, той части ее, которая выражает эту основную мысль, то же противопоставление, на котором построены <Л. 12> наши теперешние народные частушки. Например:

Не паши большой пашни,
Только плевелы одолеют:
Не думай о далеком человеке,
Надсадишь сердце страданиями...
(Ци, 7).

Подарила осокинку.
Не осокинка красна —
Красавицей подарена.
(Бэй, 17)⁹.

От «Ши-цзина» развитие поэзии идет по двум направлениям: по линии придворного поэтического жанра и по линии разговорной простонародной поэзии. Вылившись в эпоху первой империи (Цинь—Хань) в законченную форму литературного классицизма, жанр придворной поэзии, развиваясь и порождая мастерские произведения в стиле придворных од *фу* (Цюй Юань, Тао Цянь и т.д.), подвергается все еще сильному влиянию со стороны параллельно и самостоятельно развивавшейся народной поэзии, представителем которой может служить сборник «Гу и фу» той же эпохи. Влияние это идет как по линии содержания (в эпоху второй империи — Тан, характеризующейся сильным развитием торговых городов, к придворным мотивам примешива-

---

⁸ В наше время я вижу неразработанность вопроса о марксистской периодизации истории Китая — употребляемая здесь и ниже периодизация условна. — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

⁹ Цитирую по переводу В.П. Васильева в «Очерке истории китайской литературы» [СПб., 1880. С. 37–38]. — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

ваются мотивы новых городских прослоек — Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и и т.д.), так и по линии формы. Мы видим, как постепенно стеснительные рамки четырех слов в строке уступают место пяти- и семисловным размерам танских стихов *ши* и через сунские *цы*, не связанные количеством слов в строке, приходят к монгольским *цуй*, не связанным даже обязательной для *ши* и *цы* классической тональностью *пин-цзэ* и построенным по принципу тональности разговорного языка.

Пример дифференциации прозы особенно ярко подчеркивает выдвинутое ранее положение, [согласно которому] разговорный язык достигал наивысшего расцвета в периоды упадка конфуцианского влияния. Так, если в эпоху первой империи (Цинь–Хань) мы видели блестящее развитие классической прозы (Сыма Цянь и т.д.), то в период последующей рефеодализации, характеризующейся упадком значения конфуцианства в связи с пропагандой буддизма, ориентирующегося на широкие народные массы, мы видим быстрое развитие разговорного языка, который используется для переводов буддийских текстов. Вообще, разговорным языком как более выразительным и понятным народным массам всегда пользуются новые прогрессивные течения. Так, в сунскую эпоху, по словам Ху Ши («The Chinese <Л. 11> Renaissance»), на разговорном языке пишут неоконфуцианцы, взявшие под обстрел подлинность классических текстов, Чжу Си, Чэн Хао и другие. Им же пользуются антисунские течения позднейшего времени (Ма Цзи-лин, Янь Юань в XVII в., Гу Янь-у в XVIII и пр.).

В дальнейшем развитие прозы идет по двум направлениям, так же и развитие поэзии, причем деградация классицизма здесь еще более ощутима, чем в поэзии. Классический стиль прозы [*э*]у-ти сань-вэнь, утвержденный с первой империи Сыма Цянем, достиг своего апогея в эпоху второй империи (Тан), дав Китаю «Тан Сун ба цзя» — целую плеяду корифеев классического стиля, доведших его до совершенства. («Тан Сун ба цзя» — 8 писателей танской и сунской династий — Хань Юй, Лю Цзун-юань, Оуян Сю, Су Сюнь, Су Ши, Су Чэ, Цзэн Гун и Ван Ань-ши). В дальнейшем классический стиль совершенно не производит ничего нового и оригинального. Вся дальнейшая история этого пути развития китайской литературы есть история перепевов, компиляций и бесплодных попыток восстановить былую мощь классицизма.

С другой стороны, в ту же эпоху второй империи мы видим получившую широкое распространение танскую новеллу *чуань ци*, выросшую из средневековых новелл фантастического жанра (напр[имер], сборник «Соу шэнь цзи»), в свою очередь берущих свое начало в ми-

фах и легендах феодального периода. Сун дает нам уже новую ступень *хуа бэнь* — обрамленной новеллы, которая является переходной ступенью к дальнейшему этапу развития народной литературы — роману и драме, получившим широкое распространение в эпоху монголов.

Как и в период средневековья, монгольская эпоха характеризуется упадком влияния конфуцианства. Так, в 1237 г. был уничтожен один из оплотов конфуцианско-бюрократической верхушки — литературные экзамены. С другой стороны, для монголов, стоявших в эпоху завоевания Китая на уровне раннего феодализма, несомненно, разговорный язык был ближе и понятней, чем классический язык правящей верхушки Китая, к тому времени уже несколько раз проделавшего переход от феодализма к централизованному государству и обратно, переходы, которыми характеризуется вся история Китая. Оба эти момента обусловили быстрое укрепление разговорного языка и развитие литературы на этом языке. Монгольская эпоха совершенно заслуженно называется «Золотым веком китайского театра». В этот период появляется бесчисленное количество драматических произведений. В этот период гремят «шесть великих мастеров драмы» — Ма Чжи-юань, Бай Жэнь-фу и другие, произведения которых пользовались известностью даже в Европе. Так, одна из пьес монгольского периода «Сирота из дома Чжао» дала Вольтеру тему для его «L'Orphelin de la Chine». В монгольскую же эпоху появляются такие шедевры повествовательной литературы, как «Шуй ху чжуань» Ши Най-аня, «Си ю цзи» У Чэн-ня и др.

В дальнейшие минскую и цинскую эпохи также продолжается вышеописанная тенденция. С одной стороны, мы видим *ба гу вэнь* — четырехчленное построение [эссе] — философов в конфуцианском духе, по определению Б.А. Васильева, которые явились одним из примеров бесплодных попыток восстановления классического стиля. С другой стороны, мы видим дальнейшее развитие романа и новеллы. Так, в эту эпоху появляются «Сань го чжи» Ло Гуань-чжуна, «Жу линь вай ши» У Цзин-цзы, «Хун лоу мэн» Цао Сюэ-циня, роман, вызвавший бесчисленные подражания в китайском литературоведении, названные *хун сюэ* — школой «Хун лоу мэн», сборники новелл исторически-бытового жанра «Цзинь гу ци гуань» и «Ляо Чжай чжи и».

В таком состоянии и приходит китайская литература по двум направлениям двух борющихся течений к окончательному завершению этой борьбы, к взрыву литературной революции, утвердившему гегемонию до сих пор гонимого и презираемого «подлого штиля».

Однако, прежде чем перейти к изложению причин, вызвавших этот взрыв, уместно будет задать вопрос: чем объясняется то положение, что жизнеспособный, гибкий разговорный язык, с таким успехом обслуживавший народные и в ряде эпох все области применения языка, так долго не мог уничтожить гегемонию классического официального стиля, противоречия которого выхолостили его задолго до его падения? Дело, конечно, не в том яростном сопротивлении, которое оказывала правящая бюрократическая верхушка разговорному языку, сопротивлению, которое, конечно, имело свою долю влияния на создание вышеприведенного положения. Дело, конечно, и не в том, что до литературной революции не было сознательной защиты разговорного языка, о чем говорит Ху Ши в своих статьях. Дело в том, что на протяжении всей китайской истории официальный стиль с успехом обслуживал абсолютистско-бюрократическую верхушку, деспотически управлявшую многомиллионной народной массой. Таким образом, до самого последнего времени в Китае не было объективных условий для полной замены классического стиля разговорным языком, до самого последнего времени, пока в Китае не появился новый фактор, со всей необходимостью поставивший вопрос о языке, — фактор развития капитализма в Китае.

II

В первой главе мы видели, как многовековая борьба двух основных тенденций в развитии языка и литературы Китая подошла к нашему времени в состоянии крайнего обострения противоречий. С другой стороны, мы видели, что отсутствие объективных причин для коренного переворота обусловило то ненормальное положение, когда в течение многих веков мертвый цепко держал живого, безжизненный классицизм господствовал над полным жизненных сил разговорным языком. Вот этими объективными причинами, основным условием взрыва литературной революции и завершения многовековой борьбы, ее естественным концом и было развитие капитализма в Китае.

Проследим вкратце содержание последнего периода китайской истории. Основная черта этого периода заключается в том, что благодаря своеобразным условиям хода китайской истории процесс буржуазного переворота, начавшийся в конце XVIII в., принял необычайно затяжной и болезненный характер. Подавление крестьянского восстания тайпинов, развивавшегося на основании внутренних противоречий, плюс давление иностранной экспансии отбросили Китай в положение, близ-

кое средневековью. Так, мы видим, что уничтожение торговых центров вроде Уханя, Нанкина и других разрушило общеимперскую торговлю, процветавшую до этого, и привело к созданию местных рынков, типичных для средневековья. После тайпинов около тридцати лет в Китае господствует застой и депрессия. Однако, если, с одной стороны, мы видим, что разгром тайпинов <Л. 10> отсрочил буржуазную революцию, идущую по линии развязывания производительных сил туземной инициативой, то, с другой стороны, мы имеем насаждение капитализма извне. Империалисты делят ослабленный политически Китай на сферы влияния, появляется новый быстро растущий класс национальной буржуазии. Эта буржуазия в процессе своего развития начинает бороться с историческим анахронизмом сословной бюрократии, сгруппировавшейся вокруг трона. После временного поражения в течение «ста дней»¹⁰ бюрократия берет реванш и, направив недовольство масс в спровоцированном ею боксерском восстании против иностранцев, отодвигает на одиннадцать лет падение своей до сих пор никем еще не оспариваемой гегемонии. Однако буржуазия уже не удовлетворяется теми конституционными «завтраками», которыми бюрократия пробует укрепить свое положение, и революция 1911 г. сметает не имеющий опоры трон.

Итак, мы видим, что основным содержанием последнего периода китайской истории является борьба нового капиталистического Китая с пережитками феодализма, на смену которому он пришел. Всякий раз, когда происходит смена общественных формаций, на базе экономической борьбы этих формаций возникают надстроечные политические и культурные столкновения. Молодому классу тесно не только в рамках экономического строя предшествующей формации; он задыхается также в тисках отживших форм политических и культурных надстроек. Этот процесс мы наблюдаем и в Китае.

Прежде всего, молодой европеизирующийся капитализм Китая, бросившийся в культурную и техническую выучку на Запад, столкнулся с фактом неспособности господствующего классического стиля в языке и литературе обслужить эпоху, дать ответ на социальный заказ того времени. Несостоятельность классицизма в ту эпоху выразилась уже в неспособности дать что-либо новое и оригинальное в области классической литературы, в творческой импотентности, которая была характерна [для] одной из самых последних попыток восстановления

---

¹⁰ «Сто дней реформ» — неудачная попытка реформ в Китае (11 июня — 21 сентября 1898 г.), предпринятая сторонниками конституционной монархии во главе с Кан Ю-вэем (1858–1927).

классицизма — тунчэнской группировки¹¹, в большой степени державшейся на огромном политическом и литературном значении стоявшего во главе ее Цзэн Го-фаня. Но еще в большей степени проявилась несостоятельность классицизма на фронте переводов, на котором классический стиль оказался совершенно неспособным выполнить социальный заказ развивающегося класса и дать широким массам доступ к техническим культурным сокровищам Запада.

Мы видим, как целый ряд больших ученых, воспитанных на классицизме, берется за дело перевода иностранной литературы, и на первых порах мы видим довольно большие успехи в этой области. Так, Янь Фу переводит на классический язык Дарвина, Спенсера, Руссо, Монтексье и целый ряд других западных философов. Линь Цинь-нань дает переводы Шекспира, Сервантеса, Толстого, Диккенса и прочих корифеев западной изящной литературы, появляется замечательный в своем роде сборник переводов братьев Чжоу — «Юй вай сяо шо цзи» («Сборник иностранных новелл»). Но все эти достижения оказались втуне, ибо они были понятны лишь ограниченному кругу чиновничьей касты и прошли мимо широких масс, которыми был дан социальный заказ. Это было настолько ясно, что часть китайской интеллигенции, связавшая свою судьбу с нарождающимся классом, пришла к выводу о полной несостоятельности классицизма и подняла на щит более гибкий и дееспособный разговорный язык в качестве инструмента для создания современной оригинальной и переводной литературы. Отсюда и начинается литературная революция в общепринятом смысле этого слова: литературная революция — кульминационный пункт многовековой борьбы классического, литературного языка (называемого литературным вследствие того, что он был единственным инструментом официальной литературы) с разговорным, простонародным языком широких масс.

Однако столкновение молодого капитализма с отжившей формацией не могло ограничиться областью языка. Капиталистической Китай наткнулся на стеснительные мертвящие рамки и во всех других отраслях культуры — в семье, образовании, религии и т.д., и т.д. Ясно, что молодой революционный класс не мог мириться с этими рамками, стеснявшими его развитие. И вот за политической революцией 1911 г., обусловленной созревшей экономической почвой, разразилась рево-

¹¹ Тунчэнская школа в китайской филологии и литературе объединяла сторонников классического жанра и относилась к «школе текстов старых писем», «каноническому направлению» (*цзин сюэ*). Основные ее принципы были сформулированы Фан Бао, Лю Да-куем и Яо Маем в XVIII в.

люция культурная. Это и была так называемая литературная революция Китая.

Литературная революция выступила под основным лозунгом борьбы с классицизмом в языке, борьбы с пережитками феодализма в области литературы. Однако вокруг этих лозунгов сгруппировалась борьба с наследием феодальной эпохи и во всех остальных отраслях культуры. Прогрессивная интеллигенция ведет яростную атаку на консервативность китайской семьи, на реакционную роль конфуцианской морали, на выхолощенность классического воспитания, на ненаучность ученых спекуляций конфуцианства. Один из китайских студентов, получивших образование за границей, доктор философии Ван (Tsi C. Wang) дает характерный перечень тем, занимающих умы мыслящего Китая в то время: проблема жизни, научный метод, что есть демократия, новая мораль, новое образование, новое общество, новая религия, новая женщина, ренессанс, реконструкция, и т.д., и т.п. Ху Ши в одной из своих статей говорит: «Открывая любой журнал, опубликованный за последнее время, мы видим огромное количество проблем: проблема конфуцианства, литературной революции, национального языка, эмансипации женщины, половой морали, ритуала (религии, церемонии), образования, брака, взаимоотношения между родителями и детьми и т.д., и т.п.». Таким образом, мы ясно видим, что движение литературной революции, то движение, которое поставило лицом к лицу новое и старое, уходящее в прошлое и только что народившееся, но быстро развивающееся, это движение отнюдь не ограничивалось областью языка. Не случайно, что основной стержень в движении идет по линии борьбы за новый язык; несостоятельность классического языка в процессе исторического хода событий давно уже ощущалась. Однако вокруг этого основного стержня борьбы на фронте одной из важнейших культур- < Л. 9 > ных надстроек сконцентрировалась борьба молодого капиталистического Китая с пережитками феодализма во всех остальных отраслях культуры. Вот почему мы считаем, что расценивать движение литературной революции только как кульминационный пункт многовековой борьбы двух языков Китая — значит сузить размер и значение этого движения.

III

Теперь, когда мы выяснили исторические причины, обусловившие движение литературной революции, и наметили его основное содержание, можно перейти к детальному рассмотрению основных этапов его развития. Историю этого движения можно разбить, по нашему мне-

нию, в основном на три периода: подготовительный, первый, и второй. Займемся их последовательным исследованием.

Подготовительный период начался задолго до начала движения как такового. Это и понятно. Как взрыву политической революции предшествовал не один десяток лет упорной борьбы революционных элементов Китая с господством феодальной верхушки (период «ста дней», Сунь Ят-сен и т.д.), так и на культурном фронте борьба двух формаций началась задолго до разрешения противоречий революционными методами. Подготовительный период литературной революции можно характеризовать как период уступок, который вынужден был делать феодальный строй во всех отраслях жизни под давлением запросов развивающегося капитализма.

Одной из первых таких уступок была уступка в области языка и литературы. Развивающемуся под сильным влиянием Запада капиталистическому Китаю необходимо было ознакомиться с культурной и технической мыслью западного мира. Таким образом, классицизму, замкнувшемуся в продолжение двух последних династий в исследованиях и компиляциях наследия древности, пришлось заняться переводами сокровищ мировой науки и литературы. Выше уже был приведен краткий перечень авторов, которые были переведены в это время. Однако переводы того времени не ограничивались философской мыслью и областью литературы, в которой с такой продуктивностью работали Янь Фу и Линь Цинь-нань. Появляется целый ряд переводов по прикладным наукам, по географии, механике, химии и т.д. Сделав первый шаг, феодальный строй должен был идти дальше. То, что классический стиль был очень несовершенным инструментом для передачи своеобразной, развивавшейся по иным путям западной мысли, было настолько очевидно, что не могло не вызвать попыток усовершенствовать этот инструмент. Только так можно расценивать введение новых современных терминов в классический язык, которое практиковал весьма усиленно Лян Ци-чао. Однако этот паллиатив также не мог спасти положения, и следующей ступенью было признание рядом писателей, получивших классическое образование, того факта, что единственным инструментом, могущим создать отвечающую запросам эпохи литературу, является разговорный, а не классический литературный язык.

<Л. 8> Однако вся эта польза, которую извлекал капиталистический Китай из импортируемой западной мысли, парализовалась системой воспитания и выдвижения на руководство отдельными отраслями государственной жизни, которая процветала под покровительством

конфуцианской феодально-бюрократической верхушки. И следующим этапом уступок феодализма были уступки в системе образования и подготовки государственных кадров.

Основной путь проникновения методов европейского воспитания в Китае был таков. Ознакомившись с европейской системой образования и видя ее преимущества, китайцы обычно отправлялись за границу, чтобы детально изучить эту систему. Получив западное образование, они возвращались в Китай и работали в колледжах и школах, поставленных [по] европейскому образцу, которые открывало императорское правительство под давлением требований эпохи. Одним из таких китайцев, получивших образование за границей, [был] упоминаемый выше Ван. В своей книге «*The Youth Movement in China*»¹² он дает подробную историю этого движения, посвятив целую главу жизнеописанию первого китайца, получившего образование за границей, некоего Юн Ина, уехавшего за границу в 1847 г. По предложению этого Юн Ина, вернувшегося в Китай в 1854 г. глубоко убежденным в преимуществах западного образования, правительство в 1870 г. посылает в виде опыта 120 студентов в Соединенные Штаты, но уже в 1871 г. отзывает их обратно, испугавшись быстрого процесса их американизации. Однако уже в 1876 г. правительство посылает 48 студентов из Фучжоуского арсенала специально для изучения вопросов навигации, фортификации и кораблестроения, и затем начинается массовый «поход аргонавтов», по выражению доктора Вана.

После поражения Китая в японо-китайской войне 1894 г. молодежь устремилась в Японию, чтобы выяснить, какие причины привели ее к победе. Правда, большую часть причин они могли бы найти у себя дома, в коррупции потерявшей свое историческое значение сословной бюрократии, тем не менее в 1905 г. уже 411 китайцев окончили японские учебные заведения. Япония сделалась центром прогрессивной китайской мысли. Наравне со студентами, жаждавшими более жизненного образования, чем то, которое им предоставлялось дома, в Китае, в Японии скопляются политические эмигранты, бежавшие туда после победы реакционной клики Цы-си. Так, в Кобэ Лян Ци-чао издает газету «Новое гражданство» («Синь минь цун-бао»), а Сунь Ят-сен в Токио газету «Народ» («Минь го жи-бао»), которая имеет тираж в 150 000 экземпляров.

Однако скоро выяснилось неудобство Японии, находившейся в слишком близком территориальном соседстве с реакционным прави-

---

¹² *Wang Tsi C. The Youth Movement in China. New York, 1927.* Книга, к сожалению, оказалась для нас недоступна.

тельством Китая. Договоренность китайских властей с министерством народного образования в Токио о контроле над китайскими студентами заставила студенческую волну переселиться в Америку. Д[октор] Ван приводит следующую интересную таблицу увеличения числа китайских студентов в Америке.

1898 г.	6 человек
1905 «	106 «
1906 «	300 «
1910 «	650 «
1914 «	847 «
1918 «	1 500 «
1922 «	2 600 « и т. д.

Причины такого бурного роста количества студентов в Соединенных Штатах несомненно лежат в факте отказа С.Ш. от своей доли боксерской контрибуции и перечисления ее в фонд иностранного обучения китайцев.

Как уже было сказано, китайские студенты, получившие образование за границей, приезжая в Китай, по большей части занимались передачей полученных ими знаний тем, кто по ряду причин не мог попасть за границу. Одна из главных причин была дороговизна переезда и содержания на Западе. Большинству приходилось одновременно учиться и зарабатывать [на] пропитание. Поэтому если в эпоху Юн Ина иностранцам приходилось уговаривать китайцев, боявшихся уезжать за границу, то в 1907 г. на 13 правительственных стипендий в Нанкине было 600 претендентов. Однако постановка западного воспитания не могла иметь надлежащего стимула до тех пор, пока в Китае господствовала система выдвижения на руководящие посты за лучшее умение разбираться в классиках. И следующим шагом по пути уступок требованиям капиталистического Китая, шагом, имеющим не столько культурное, сколько огромное политическое значение, была отмена императорским эдиктом от 2 сентября 1905 г. литературных экзаменов, которые должны были держать до тех пор кандидаты на чиновничьи должности.

Итак, мы видим, что подготовительный период характеризуется медленной борьбой капиталистического и феодального Китая на культурном фронте, причем под давлением требований развивающегося капитализма феодальная верхушка принуждена сдавать позицию за позицией. Эта медленная борьба была проб[ой] сил оперяющегося капитализма, пока наконец ряд условий не поставил на очередь реши-

тельное столкновение на фронте культурных надстроек, столкновение, решившее участь господства феодальной идеологии.

IV

Не случайно начало литературной революции падает на 1915–1917 гг. Мы знаем, что этот период характеризуется бурным расцветом китайской промышленности, обусловленным европейской войной, отвлекшей все внимание западного капитала, с которым приходилось конкурировать развивающемуся китайскому. Почувствовав себя крепче и уверенней, китайский капитализм бросился в решительную атаку на пережитки феодализма в области культуры, которые все еще стояли на пути его развития. Так начался первый период литературной революции.

Как уже было отмечено, основной стержень движения пошел по линии борьбы против пережитков феодализма в области языка. Первым проявлением этой борьбы были споры, возникшие среди китайских студентов, обучавшихся в Америке, по вопросу о классическом, или литературном, и простонародном разговорном языке (*бай хуа*). Сразу же наметились две основные партии. Первая, партия защитников классического языка, говорила об огромной культуре, накопленной в этой отрасли, о культуре, которая будет выброшена на свалку, если классический язык утратит свое монопольное положение. Они признавали за разговорным языком его заслуги в области новелл, но подвергали сомнению его возможности в области поэзии и утонченной прозы. Вторая партия защищала то положение, что классический язык мертв, что он уже не в состоянии создавать живую литера- < Л. 7 > туру, обслуживать эпоху и что только разговорный язык может быть реальным инструментом для создания будущей литературы.

Перейдя в Китай, эти споры сосредоточились вокруг Пекинского национального университета, который после назначения туда ректором Цай Юань-пэя сразу же занимает позицию непримиримого противника классицизма. Особенно интенсивно ведется борьба на страницах журналов, которые появляются в это время. Роль этих журналов огромна. Они были своеобразным дискуссионным клубом, трибуной, с которой раздавались речи «за» и «против» литературной революции. Первым таким журналом, сыгравшим особенно важную роль в движении, журналом, который д[окто]р Ван вполне заслуженно называет «the epoch-making magazine» — журналом, создавшим эпоху, — был «Синь цин-нянь», что в переводе на русский язык значит «Новая

молодежь». На страницах этого журнала, впервые вышедшего в свет 15 сентября 1915 г., посылаются в 1917 г. первые декларации литературной революции: статья д[октор]а Ху Ши «Вэнь-сюэ гай-лян чу и» («Скромные заметки по поводу реформы китайской литературы») и статья Чэнь Ду-сю «Вэнь-сюэ гэ-мин лунь» («Литературная революция»), а год спустя печатается обширное исследование Ху Ши «Цзянь-шэ ды вэнь-сюэ гэмин лунь» («Творческая литературная революция»). В дальнейшем, разбирая основные фигуры движения, мы подробнее коснемся содержания этих статей, являющихся *сredo* той части студентов американских университетов, которая встала на защиту разговорного языка.

На страницах «Синь цин-нянь» появляется не только теория, но и практика разговорного языка. Так, в первом *хао* третьего цзюаня мы читаем первый опыт перевода на разговорный язык, новеллу Мопассана «Два рыбака», переведенную Ху Ши под названием «Эр юй-фу». «Синь цин-нянь» же печатает первых поэтов, пишущих на разговорном языке, Ху Ши, Шэнь Инь-мо, Лю Бай-нуна и прочих. Из своих стихов, напечатанных в этом журнале, и составил Ху Ши первый сборник стихов на разговорном языке «Чан-ши цзи» — «Опыты», [вышедший] в свет в 1928 г.

Вслед за «Синь цин-нянь» в декабре 1918 г. Чэнь Ду-сю основывает газету «Мэй чжоу пин-лунь» — «Еженедельное обозрение», а еще в сентябре этого года группа студентов Пекинского университета во главе с Фу Сы-нянем издает журнал «Синь чао» — «Новый подъем», который вскоре принимает английское название «The Renaissance».

На страницах этих журналов ведется не только борьба за живой национальный язык, за литературу на разговорном языке. Здесь как раз и проводится та атака на пережитки феодальной культуры, о которой я говорил ранее. Я уже приводил со слов Ху Ши характерный список тем, которые обсуждались на страницах китайских журналов в то время. Дополним его ссылкой на содержание «Синь цин-нянь», особенно характерное в этом отношении. Здесь мы встречаем статьи о женском равноправии, о демократии, о воспитании, об образовании, о культуре вообще, о культуре Запада и Востока, здесь мы встречаем биографии, переводы, исследования, монографии и т.д., и т.п. Вообще все, что входит в понятие Культуры, отразилось на страницах этого журнала. Характерно, что в этот период, критикуя отжившие, умирающие формы феодальной китайской культуры, «Синь цин-нянь» с надеждой и ожиданием обращает свои взоры на Запад. [Журнал] печатает статьи о бойскаутском движении как методе воспитания молоде-

жи в духе, соответствующем эпохе, на его страницах обсуждается западная философия, западная религия и т.д. Да это и понятно. Где было искать развивающемуся капиталистическому Китаю образцы нового, которые он должен был противопоставить отжившему наследию феодализма, как не у буржуазного Запада?

Вокруг журналов концентрируются силы литературной революции. Пока что это прогрессивная часть китайской интеллигенции, вскормленной на классиках, но почувствовавшей, что в протекающей на их глазах схватке двух формаций будущее — за капитализмом, и безоговорочно перешедшей на его сторону. Здесь мы видим тех ученых, которые еще в прошлом веке убедились в несостоятельности феодальной культуры перед лицом капитализма — таков Чжоу Цзо-жэнь, превосходный стилист, создавший целую школу в разговорном языке. Чжоу Цзо-жэнь, который еще на опыте сборника «Юй вай сяо-шо цзи» убедился в неспособности классического стиля быть инструментом для передачи западной мысли массам. Здесь мы видим целый ряд других представителей интеллигенции того времени — Цай Юань-пэя, ректора Пекинского национального университета, Чэнь Ду-сю, декана литературного факультета этого же Университета, Ху Ши, профессора философии там же, Цянь Сюань-туна, профессора филологии там же, Ли Да-чжао, профессора и библиотекаря университета, Лю Фу, профессора китайского языка и поэта, пишущего на *бай хуа*. Здесь же мы видим известного писателя, основателя реалистической школы Чжоу Шу-жэня, брата известного нам уже Цзо-жэня, писателя, известного более под псевдонимом Лу Синя. Остановимся подробнее на двух ярких фигурах литературной революции, сыгравших большую роль в ней и бывших представителями двух основных течений в движении.

Первой такой фигурой является Ху Ши, типичный представитель буржуазного либерализма, представитель эволюционного крыла движения. Для Ху Ши характерен упор на форму, борьба за форму народного языка, против отживших форм классицизма. В одном из первых документов литературной революции, в письме к Чэнь Ду-сю («Ци Чэнь Ду-сю»), он впервые определяет задачи литературной революции, и характерно, что пять пунктов из восьми касаются формы. Вот они:

1. Не употреблять цитат.
2. Не употреблять избитых выражений.
3. Не употреблять параллелизмов.
4. Не бояться простонародных выражений.
5. Изучать конструкцию грамматики.

Это — революция формы.

6. Не писать произведений, в которых стонут, не чувствуя боли¹³.

7. Говорить о конкретном.

8. Не подражать древним, говорить только свое.

Это — ре- <Л. 5> волюция сути[»].

В стремлении апологетизировать народный язык и простонародную литературу Ху Ши доходит до недооценки сил противоположного лагеря. Так, в статье «Цзянь-шэ ды вэнь-сюэ» гэ-мин лунь» он пишет: «Если мы посмотрим на нынешнюю литературу строгого толка, то мы убедимся, что она не стоит нападения. Древняя литература могла существовать только вследствие того, что до сих пор не существовало поистине ценной, поистине жизненной, поистине могущей создать литературу новой литературы, которую можно было бы противопоставить старой литературе. Если же будет существовать эта поистине жизненная литература, то мертвая литература естественно будет уничтожена». По мнению Ху Ши, все зло в том, что не было сознательной защиты разговорного языка в качестве инструмента, который должен создать национальный язык и общепонятную национальную литературу. Вышеупомянутая статья очень характерна для Ху Ши. Придя к выводу, что [при] наличии[и] литературы на разговорном языке нечего будет бояться мертвой литературы, которая должна будет исчезнуть, он предлагает следующий путь для создания новой литературы, путь, который состоит из трех этапов. Прежде всего, необходимо запастись соответствующим инструментом, во-вторых, изучить метод и только тогда приступить к третьему этапу — создавать новую литературу. Лучшим инструментом для создания новой литературы является разговорный язык. Задача — изучать произведения, написанные при помощи его, и больше самим писать на нем.

Недостатки метода китайской литературы заключаются прежде всего в отсутствии материала. «Материал современных китайских писателей, — с едкостью пишет Ху Ши, — заключается в трех группах: первая — чиновничий мир, вторая — проститутки и третья — общество высших классов, которое, не будучи чиновниками, на самом деле чиновники и, не будучи проститутками, на самом деле проститутки». Надо расширить границы этого материала, захватить жизнь простонародья, жизнь фабричных рабочих, рикш, кули, мелких торговцев и крестьян, использовать наблюдения и опыт и дополнить их живым,

¹³ Выпад против сентиментального течения в новой и старой китайской литературе. — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

творческим воображением. Вторым недостатком метода китайской литературы являются недостатки структуры. Современные китайские писатели не умеют выбирать нужную литературную форму, не умеют строить сюжет. Задача — идти на выучку к иностранной литературе, больше переводить западных шедевров и на них учиться высокоценному литературному методу». Итак, по мнению Ху Ши, время для создания новой литературы еще не созрело, задача переживаемого момента заключается пока в том, чтобы вести работу по подготовке к этому созданию.

Однако, с другой стороны, надо отдать справедливость Ху Ши [за то], что он сумел не совершить одной из обычных ошибок переходного времени и не свалил в кучу все наследие древности. Он совершенно правильно заявляет о том, что необходимо отделить древнюю литературу, имеющую свою историческую ценность, от позднейших извращений. Этим он избег как ошибок наших пролеткультовцев, собиравшихся уничтожить дотла наследие буржуазной культуры и на голом месте строить новую пролетарскую, так и ошибок наших писателей первых лет революции, ошибок, заключавшихся в лозунге «кузнецов» — «Во имя нашего завтра сождем Рафаэля» и в лозунге футуристов «Сбросить Пушкина с корабля современности», лозунге, в несостоятельности которого расписался в свое время Маяковский, амнистируя Рембрандта.

Другой яркой фигурой движения является Чэнь Ду-сю. Если Ху Ши можно характеризовать как умеренное крыло, как научное обоснование движения по линии его основного стержня — борьбы за разговорный язык, то Чэнь Ду-сю может быть по праву назван вождем движения, его идеологом, его руководителем.

Если Ху Ши делает упор на медленное овладение формой, то Чэнь дает задания на решительные революционные действия. «Мы боимся революции как змей и скорпионов, — пишет он в своем манифесте „Вэнь-сюэ гэ-мин лунь“, — не понимая, что она является радикальным средством продвижения прогресса, что проверено на опыте всех европейских стран». «Я высоко поднимаю знамя литературной революции, — пишет он там же, — на этом знамени написаны три великих принципа революции. Первый: ниспровергнуть лошечную, льстивую дворянскую литературу и учредить удобочитаемую, передающую чувства народную литературу. Второй: опрокинуть залежавшуюся, напыщенную классическую литературу и установить свежую, правдивую реалистическую литературу, третий: уничтожить темную, непонятную, витающую в облаках литературу и основать ясную общест-

венную социальную литературу...». Что мешает созданию этой новой понятной социальной литературы? Темные силы писателей классического и неоклассического толка. В таком случае на борьбу с ними, ураганный огонь по ним из 42-мм орудий!

Эта революционность не позволяет Чэнь Ду-сю оставаться на либеральных позициях Ху Ши. Он ищет более радикальные принципы, более радикальные действия. Так, если мы видели, что общий упор «Синь цин-нянь» был на западную европейскую и американскую капиталистическую культуру, то у Чэнь Ду-сю среди его статей 1920 г. мы встречаем следующую фразу: «Я считаю, что если мы сможем соединить русский революционный дух и немецкую технику, нам не нужен будет американский капитал». Чэнь вместе с Ли Да-чжао организует в 1919 г. Общество изучения марксизма, которое в дальнейшем реорганизуется в Киткомпартию. Он не только первый переводит на китайский язык марксистские труды, но и повсюду старается дать в своих оригинальных статьях классовый анализ. Он совершенно верно отмечает, что мертвая литература, за свержение которой он борется, это дворянско-классическая литература, по своему кругозору «не выходящая за пределы [круга] князей, влиятельных лиц, духов и магов», т.е. замкнутая, как мы уже говорили, в обслуживании правящей верхушки. Даже революционные в свое время авторы, сыгравшие большую роль в деле развития литературы, каким, например, Чэнь считает Хань Юя, также отмечены этим дворянско-классическим духом. Ясно, что для современ[ности] эта мертвая, дворянско-классическая литература не имеет никакой ценности, и нам надо яростно бороться с ней и со школой ее последышей, пытающихся восстановить классицизм.

< Л. 5 > Еще одна черта характеризует эти две яркие фигуры литературной революции: это их роль в следующем этапе движения. В то время как с развитием движения и переходом его в новую стадию, о которой будет сказано ниже, Ху Ши окончательно уходит от политической жизни и замыкается исключительно в научно-исследовательскую работу (в двадцатых годах появляется целый ряд его научных изысканий в области повествовательной литературы, разбор таких произведений, как «Хун лоу мэнь», «Си ю цзи», «Шуй ху чжуань» и т.д., биография У Цзин-цзы, автора «Жу линь вай ши», и ряд статей и книг по истории философии и литературы), то, с другой стороны, мы уже видели, что Чэнь Ду-сю является одним из организаторов Киткомпартии, в которой он долгое время был генеральным секретарем. Однако мы знаем, что за все время пребывания в Компартии Чэнь Ду-сю исповедовал последовательные меньшевистско-оппортунистические

взгляды, которым был подведен итог на проведенной в начале 1930 г. в Москве дискуссии о чэньдусюизме. Чем же в таком случае объяснить такую прогрессивную революционную роль Чэнь Ду-сю в литературной революции? Объяснение заключается в том, что меньшевик по своей сути, искренно убежденный, что только буржуазия может быть движущей силой революции, что только она может завершить ее, а не пролетариат и не крестьянство, Чэнь Ду-сю не мог не стать во главе такого ярко выраженного буржуазного движения, как литературная революция. Мы определили это движение как атаку молодого капиталистического Китая на пережитки феодализма во всех отраслях культуры. И вполне понятно, что Чэнь Ду-сю, апологетизирующий буржуазию, оказался в первых рядах этого движения. Чтобы подтвердить эту нашу мысль, приведем следующую выдержку из доклада т. Коммунара (по сокращенной стенограмме, помещенной в № 3 «Проблем Китая», с. 196–197): «Наконец, нужно остановиться на социальных корнях чэньдусюизма. Оппортунизм в рабочем движении имеет различные классовые базы. Если взять Западную Европу, то классовой основой оппортунизма служит рабочая аристократия. В такой же стране, где капитализм не был развит, где нет рабочей аристократии, там оппортунизм приобретает другую классовую основу, классовую основу мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. Так было с меньшевизмом в России, так было с чэньдусюизмом в Китае. Началась мировая война, и благодаря тому обстоятельству, что империалисты были заняты войной, промышленное развитие Китая сделало большие шаги вперед. После этого начинается период так называемого буржуазно-просветительного движения¹⁴. Одним из вождей этого буржуазно-просветительного движения был Чэнь Ду-сю. Это движение в основном сводится к тому, что европейская культура должна заменить китайскую полуфеодальную, полупатриархальную культуру. Чэнь Ду-сю был идеолог против феодальной морали и т. д. Он, материалист, стоял против идеализма конфуцианства... Несомненно, Чэнь Ду-сю имел заслуги в этом буржуазно-просветительном движении, которое играло в свое время прогрессивную роль в Китае».

Поскольку мы остановились на наиболее ярких фигурах литературной революции, не мешает сказать несколько слов о противниках этого движения.

Главным и единственным серьезным противником движения, вождем литературной контрреволюции был Линь Цинь-нань, он же Линь

---

¹⁴ Литературной революции то ж. — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

Шу. Его значение в истории литературной революции очень велико. На примере Линь Цинь-наня, так же как на примере другой яркой фигуры китайского классицизма, вождя консерватизма в литературе XIX в. Цзэн Го-фаня, можно видеть, какое влияние сильная личность может оказать на события. К XIX в. классицизм приходит уже давно мертвым, абсолютно несостоятельным перед лицом новых задач. Однако влиятельная фигура Цзэн Го-фаня, возглавлявшего одну из последних попыток восстановления классицизма — тунчэнскую группировку, отсрочила на шестьдесят лет падение *гу вэнь*, древнего стиля, и только после смерти Цзэн Го-фаня процесс распада классицизма идет ускоренным темпом. То же мы видим и с Линь Цинь-нанем. Хотя, как мы увидим позже, к 1920 г. классицизм был окончательно разбит, все же консервативные элементы не прекращали своей борьбы, группируясь вокруг влиятельной фигуры Линь Шу, и только со смертью последнего в 1924 г. окончательно распадается лагерь литературной контрреволюции. Тот факт, что как после смерти Цзэн Го-фаня, так и после смерти Линь Шу отживший классицизм не может выделить из себя смену ушедшим лидерам, в особенности характеризует яркую индивидуальность этих вождей, в течение долгого времени умевших поддерживать жизнь в разлагающемся организме.

Блестящую характеристику и литературно-критический разбор наследия этого незаурядного человека дает профессор Чжэн Чжэнь-до в 11 *хао* 15 цзюаня журнала «Сяо-шо юэ-бао» («Ежемесячник новелл») от 11 октября 1924 г. в статье, посвященной смерти Линь Цинь-наня. Известный знаток *гу вэня*, он был в числе тех писателей XIX в., которые принуждены были сделать уступку новому влиянию. Линь Цинь-нань был одним из первых переводчиков иностранной литературы на китайский язык. Но, сделав одну уступку, Линь Цинь-нань не отступал уже более от своих коренных принципов; уступив в содержании, он не давал никаких поблажек новой форме, не оставляя никаких лазеек разговорному языку, что постоянно делал Лян Ци-чао, вводя новые термины. Совершенно не зная иностранных языков, Линь Цинь-нань был принужден переводить с устным переводчиком, что было в большинстве случаев причиной тех, иногда умопомрачительных, ляпсусов, которые встречаются в его переводах. Чжэн Чжэнь-до прямо говорит, что его переводы зависели от устного переводчика; если в качестве такового попадался образованный и знающий человек, перевод был верен, попадался плохой переводчик — получался неверный и не имеющий никакой точности пересказ. Работал Линь Цинь-нань, не смотря на такого рода «пересадку», очень продуктивно. Чжэн Чжэнь-

до дает следующую справку по этому поводу: «Переводы Линь Цинь-наня, насколько известно, начиная с „Дамы с камелиями“ и до последних его переводов, в общем составляют 156 произведений. Из них 93 — [с] английских [оригиналов], 95 — французских, 19 — американских, 6 — русских и один-два — с греческого, норвежского, [бельгийского]¹⁵, шведского, испанского и японского языков. Более всего Линь Цинь-нань перевел Хаггарда — 20 произведений¹⁶. < Л. 4 > Затем идут Дюма-отец — 7 произведений, Толстой — 5 („Детство, отрочество, юность“, „Смерть Ивана Ильича“ и три сборника его новелл), Дюма-сын — 5 („Дама с камелиями“ и пр.), Диккенс — 5 („Оливер Твист“, „Жизнь и приключения Николаса Никльби“, „Домби и сын“, „Давид Копперфильд“ и пр.), Шекспир — 4 („Юлий Цезарь“, „Ричард II“, „Генрих IV“, „Генрих VI“), Вальтер Скотт — 3 („Айвенго“ и др.). Кроме этого Линь Цинь-нань перевел басни Эзопа, „Дон Кихота“ Сервантеса, „Робинзона Крузо“ Дефо, „Путешествия Гулливера“ Свифта, „Хижину дяди Тома“ Бичер-Стоу, „Девяносто третий год“ Гюго и сборник новелл Бальзака».

Мы нарочно привели весь этот длинный список, чтобы доказать заслуги Линь Цинь-наня в деле ознакомления Китая с иностранной литературой. Как указывалось выше, по той причине, что эти произведения были написаны на классическом литературном языке, они не дошли до масс, оставшись достоянием начитанной в классическом стиле интеллигентной верхушки. Вот этот момент и определил известность и влияние Линь Цинь-наня. Правильно учтя необходимость для бюрократически-начетнической верхушки Китая ознакомиться с наступающим Западом, он дал ей эту возможность, передав немало шедевров западной литературы (так же, впрочем, как и немало легкого чтения, вроде Хаггарда, не менее потребного для бюрократического мещанства) на превосходном классическом языке, которым он владел в совершенстве. И вполне понятно, что эти бюрократически-начетнические консервативные круги тесно сплотились вокруг угадавшего ответ на него Линь Цинь-наня и вокруг журналов, которые он издавал, — «Го гу» («Китайская древность») и «Го-минь» («Народ»).

Борьба против литературной революции не всегда велась честными путями, несмотря на кристальную честность в личных отношениях

---

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ За что его, кстати сказать, едко высмеял Ху Ши в том месте своей «Творческой литературной революции», где он говорит о степени важности и необходимости переводов на китайский язык иностранных произведений и отзывается о Хаггарде и иже с ним, что «такую литературу лучше не переводить». — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

вождя, которую отмечает Чжэнь Чжэн-до у консервативной группировки. Так, хорошо известна та клеветническая кампания, которая была поднята против Цай Юань-пэя и Чэнь Ду-сю во время их пребывания на официальных постах их противниками, использовавшими свою близость к правящим кругам. Однако ни честные, ни нечестные пути не могли спасти их обреченного положения. Но об этом после. Итак, если мы захотим подвести итог первому периоду литературной революции, то мы должны отметить, что это движение в тот момент еще не было массовым. Оно не выходило за пределы прогрессивно настроенной интеллигенции, связавшей свою судьбу с новым развивающимся классом. Это движение пока что насчитывает единичных представителей радикальной профессуры и студенчества, объединившихся вокруг журналов на разговорном языке. С другой стороны, характерной чертой первого периода является объединение всех прогрессивных элементов интеллигенции того времени, элементов, иногда очень далеко отстоявших друг от друга по своим религиозным, политическим и прочим убеждениям, спаянных общей идеей борьбы со всеми пережитками феодализма на фронте всего комплекса культурных надстроек. Таковы основные моменты, характеризующие содержание первого периода литературной революции.

V

Совсем другую картину мы наблюдаем во втором периоде этого движения. Он начинается знаменитым «У сы юнь-дун» («Движением 4 мая 1919 г.»). Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1927 г. определил пройденные до августа 1927 г. основные этапы китайской революции как этапы «превращения буржуазной революции в революцию буржуазно-демократическую с дальнейшей перспективой перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социальную». Одним из таких этапов и был «У сы юнь-дун». Окрепшая к этому времени буржуазия сделала первую попытку освободиться от конкуренции иностранного капитала, используя в этой борьбе еще не осознавшие себя политически массы пролетариата и крестьянства. Поводом послужило закрепление Версальским договором Циндао за Японией, захватившей в 1914 г. эту область, бывшую до того германской колонией. Как известно, это постановление вызвало бурные протесты всего Китая и повлекло за собой небывалую волну антиимпериалистического движения, принявшего широкий массовый характер. Не случайно этот этап <Л. 3 > «перерождения буржуазной революции в буржуазно-демократическую» был возглавлен буржуазной интеллигенцией того

времени, студенчеством европеизированных колледжей, разбросанных в то время по всему Китаю.

Вот что пишет об участии и роли студенчества в «Движении 4 мая» Ху Ши в статье «The [Chinese] Renaissance»: «Когда вести о полном успехе японской делегации на мирной конференции в Париже достигли Китая, вся страна вспыхнула от негодования, 4 мая пекинские студенты после массового митинга прошли процессией по улицам и устроили демонстрацию перед резиденцией японофильского министра Цао Жу-линя. Когда они узнали, что здесь происходит банкет японофильских чиновников, они вломились туда, избили и тяжело изранили Чжан Чжун-сяна, бывшего тогда [посланником в] Токио, и подожгли дом. Арест большого количества студентов и прошение об отставке ректора Национального университета Цай Юань-пэя привели к массовым протестам и демонстрациям по всей стране. Тысячи телеграмм полетели в Париж к китайской делегации с требованиями не подписывать договора, и по всем городам под руководством студентов был проведен весьма эффектный бойкот японских товаров. Центром движения был Пекин, где тысячи студентов произносили речи на улицах и площадях. 3 июня более тысячи студентов было арестовано и заключено в здание юридического факультета Национального университета, который был осажден правительственными войсками и превращен во временную тюрьму. Это привело к всеобщей забастовке во всех магазинах Шанхая и в других местностях, которая была прекращена лишь после того, как правительство в конце концов согласилось уволить трех наиболее отъявленных японофильских министров». Доктор Ван приводит следующий отрывок из дневника студента того времени в известной уже нам книге: «Утром 4 мая 1919 г. студенты 33 колледжей и школ Пекина в числе пятнадцати тысяч демонстрировали по улицам города против несправедливого решения Шаньдунского вопроса... 33 студента было арестовано во время беспорядков по поводу так называемых предателей¹⁷, и студенты отказались посещать занятия, пока их товарищи не будут освобождены. 7 мая требования студентов были удовлетворены, и с этих пор по всей стране организовались студенческие союзы. 20 мая Пекинский союз объявил всеобщую забастовку студентов Пекина, за ним последовали города Нанкин — 27 мая, Баодин — 28 мая, Аньцин — 30 мая, Ханькоу, Учан, Кайфын — 31 мая. Забастовки вспыхнули также в Фучжоу, Амое, Кантоне, Ханчжоу и других городах по всему Китаю».

---

¹⁷ Японофильских министров. — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

Во главе всего этого студенческого движения стал центр литературной революции — Пекинский национальный университет. Это было одним из моментов, обуславливавших основную черту второго периода — быстрый рост влияния разговорного языка в общекитайском масштабе. Подняв на щит лозунги антиимпериалистической борьбы, литературная революция вплотную подошла к тем массам, которые всколыхнула эта волна национально-освободительного движения, и тем самым создалась популярность лозунгов литературной революции.

Нам станут особенно понятными гигантские успехи национального языка, являющегося стержнем движения литературной революции, если мы учтем характерный момент [его] использования революционным классом, классом «для себя», классом, осуществляющим исторические задачи смены производственных отношений — каковой была буржуазия в ее борьбе с феодализмом, [против] тех классов, которым либо не суждено в их историческом развитии осуществление этой задачи — как, например, крестьянства, в качестве антипода класса феодалов, — либо тех классов, которые еще не развились до выполнения самостоятельной исторической задачи и в качестве класса «в себе» используются буржуазией в ее борьбе с феодализмом — как, например, пролетариата в эпоху ранних буржуазных революций. Этот же момент мы наблюдаем и в Китае. В период «У сы юнь-дун» буржуазия поднимает массы китайского пролетариата и крестьянства как на борьбу с пережитками феодализма, все еще существующими не только в культуре, но и в политике (дуцзюнат и т.д.), так и на борьбу с конкуренцией иностранного капитала. С этими массами надо было говорить близким и понятным им языком. Если раньше разговорный язык использовался для обучения кадров, обслуживающих развивающуюся китайскую промышленность, то теперь ему предстояла гораздо более широкая задача — дать задания, лозунги широким народным массам, поднятым национально-освободительным движением. И если ранее мы видели <Л. 2> только три журнала, издававшихся на разговорном языке, то теперь в короткий срок возникает до 400 газет и журналов типа листовок на *бай хуа* и по преимуществу заполненных лозунгами национально-освободительной борьбы. Таким образом, разговорный язык вытесняет классицизм из печати, и, наконец, постановление министерства народного просвещения в январе 1920 г. об изучении в начальных школах национального языка *го юя*, в основу которого был положен разговорный язык, подводит последнюю черту [под] многовековой борьбой двух языков Китая, возвестив миру победу разговорного языка.

Конец второго периода является концом того движения, разбор которого посвящена эта статья, движения, которое мы можем охарактеризовать как объединение всех прогрессивных элементов молодого капиталистического Китая в борьбе с пережитками феодализма в области культурных надстроек. Если эта яркая черта движения особенно ярко видна в его кульминационный период на первом этапе, то в двадцатых годах мы можем наблюдать дифференциацию до сих пор сплоченной армии, брошенной капитализмом в атаку на феодальные пережитки. Эта дифференциация отнюдь не случайна. Она является отражением и следствием такого же процесса в сфере политики, которая является базисом для дальнейших культурных надстроек. Мы знаем, что национально-освободительное движение, начавшееся общим подъемом всего Китая в 1919 г., когда, как мы уже видели, студенческие выступления поддерживали бойкот иностранных товаров и забастовки торговцев ставили требования освобождения арестованных студентов и т. д., это единое в своем первоначальном периоде национально-освободительное движение в дальнейшем дифференцируется. Буржуазия, революционная вначале и даже толкающая на путь революционных действий еще не осознавший себя как класс «для себя» пролетариат, эта буржуазия начинает пугаться своего чересчур быстро и по нежелательному для нее пути развивающегося товарища ее революционной юности и отходит вправо, сдавая свои революционные позиции. То же мы видим и в литературной революции. Так, мы имеем в это время своеобразный центр «беспартийной аполитичности» ушедших в глубь кабинетных исследований профессоров, еще в эпоху революционного подъема попахивающих реформаторским духом. В это время, например, Ху Ши пишет все свои исследования о китайской литературе, о которых говорилось выше, и такие статьи и книги, как «У ши нянь лай Чжун-го чжи взнь-сюэ» («Китайская литература за последние 5 лет»), «У ши нянь лай чжи ши-цзе чжэ-сюэ» («Всемирная философия за последние 50 лет»), «Бай хуа взнь-сюэ ши» («История литературы на разговорном языке») и т.д. Мы видим и крайнюю правую [часть]. Так, Кан Ю-вэй, в 1898 г. боровшийся за реформы, объективно направленные против монархического строя, в 1918 г. участвует в монархическом перевороте Чжан Сюня. Так, в 1927 г. мы встречаем в составе Нанкинского правительства главу Пекинского национального университета Цай Юань-пэя. Поистине, кем ты был и кем ты стал!

С другой стороны, часть профессоров идет еще дальше по революционному пути, начатому литературной революцией, связав свои судь-

бы с пролетариатом, продолжавшим нести знамя революции, преданное в 1925 г. китайской буржуазией. Так, мы уже знаем о роли Чэнь Ду-сю и Ли Да-чжао в организации Общества изучения марксизма, в дальнейшем преобразованного в Киткомпартию, «Синь цин-нянь» в этот период становится боевым органом социальной революции, посвящающим свои номера Ленину, Коминтерну и т.д. С его страниц возвещаются лозунги классовой борьбы, антиимпериалистической пропаганды и проч., и таким образом он выполняет в то время ту роль, которую в дальнейшем играет «Сян-дао» — роль центрального органа Киткомпартии.

Мы видим, что единая армия, брошенная капитализмом на борьбу с феодальными пережитками, распалась. Иначе и не могло быть. Эта армия была создана буржуазией в период своей революционной молодости и не могла существовать на том этапе, когда буржуазия утратила эту революционность. С другой стороны, потребность в этой объединенной армии отпала. Мы видели, что по линии основного стержня борьбы литературной революции, борьбы за национальный язык, победа была достигнута уже в 1920 г. Так же медленно, но верно, после упорной, но бесплодной борьбы сдает свои позиции старый феодальный Китай в быту, семье, школе, морали и прочих культурных надстройках. Этот процесс медленного проникновения европейского капиталистического быта в массы, трудности эмансипации женщины, построения новой семьи, воспитания новой морали особенно ярко видны в китайской публицистической и в особенности художественной литературе последнего десятилетия.

Единое движение 1917–1920 гг., изжив себя, переросло в этап, в новый период медленного проникновения новой культуры в толщу народных масс. Единый фронт борьбы со всеми феодальными пережитками в области культуры разбился на ряд мелких фронтов, на которых добиваются последние остатки этих феодальных пережитков. Таково развитие истории современной китайской литературы, проблема латинизации языка и т.д. Однако этот новый этап протекает уже в совершенно иных условиях, и в иной обстановке он может и должен составить предмет специального исследования, и разговор о нем не входит в задачу этой статьи.

Подведем вкратце итог. Обусловленная неспособностью классического языка (как и всего остального наследства феодализма в области культуры) обслуживать потребности развивающегося капитализма в Китае, литературная революция объединила все прогрессивные элементы того времени, направив их на уничтожение феодальных пере-

житков во всех областях культуры. В этом смысл, значение и заслуга так называемой литературной революции Китая.

Юр[ий] Бунаков.

Ленинград. Сентябрь 1930 г.

<На полях от руки приписано: Между датой и послесловием поместить «Библиографию», приложенную на отдельном листе>.

Послесловие

Ввиду того что сланная мною в сентябре 1930 г. работа вернулась ко мне для проверки перед печатью спустя почти год в июне 1931 г., я принужден написать это послесловие.

Прежде всего я должен оговориться, что статья написана по материалам до 1930 г. Отсюда понятно, что я не могу отвечать ни за фактический материал, появившийся после этого, ни за уточнения методологической установки, которые может дать углубляющаяся разработка китаеведных проблем, ни за библиографию по вопросу, за которой я не имел возможности следить регулярно в этом году. Однако, воспользовавшись тем, что статья попала ко мне накануне печати, я хочу сделать ударение на некоторых моментах, углубленных в процессе дальнейшего изучения проблем китайской лингвистики, проведенного мною за последний год.

Прежде всего необходимо связать мою работу с яфетидологией, с которой в силу разных причин я познакомился сравнительно недавно. Так, с точки зрения увязки с яфетидологией я считаю необходимым дать точное определение тем моментам, в которых, как мне кажется, мне удалось нащупать правильный яфетидологический подход, но которые я не снабдил терминами яфетидологии в силу своего незнакомства с нею. Так, несомненно, процесс многовековой борьбы двух языков — классического официального и простонародного разговорного — есть процесс диалектического роста и развития языка, процесс, одним из важнейших двигателей которого по новому учению о языке является скрещение внутри самого языка — скрещение как борьба в процессе диалектического развития между литературным языком господствующих классов и народным разговорным языком, между литературным языком феодально-бюрократической верхушки Китая и простонародным разговорным языком широких кругов китайских трудящихся масс. Затем необходимо отметить появившиеся за этот год в печати подтверждения положений моей статьи. В частности, могу указать, что мне удалось предвосхитить своей характеристикой литера-

турной революции характеристику, данную ей в параграфе первом «Резолюции по вопросу пролетарской и революционной литературы в Китае», вынесенной II международной конференцией революционных писателей.

Следующее замечание методологического порядка, долженствующее углубить понятие, в силу преимущественно литературоведческого характера статьи не затронуто там в должной мере. Надо считать крайне условным также для литературоведа употребление термина «китайский язык», а в особенности «простонародный разговорный китайский язык», ибо в употреблении этого термина сказываются пережитки буржуазного этапа в изучении китайских языков. Дело в том, что китайского живого языка как такового, как единого целого в Китае нет. В силу определенных исторических причин — деспотического характера управления господствующих группировок, монополизировавших китайскую письменность, — Китай имеет единую иероглифику. Однако единого разговорного языка широких масс в Китае не существует. Север, юг, восток и юго-восток Китая имеют совершенно самостоятельные языки. Незавершенность этого вопроса с марксистской точки зрения не дает мне возможности перечислить их, но во всяком случае пекинский и кантонский «диалекты», как их принято называть в буржуазной синологии, являются совершенно самостоятельными языками настолько же близкими и настолько же далекими друг от друга, как, например, русский, чешский и украинский и т.д. Эти языки развивались совершенно самостоятельно на всем протяжении китайской истории, однако вследствие того, что разговорным языком правящего центра Китая был северный язык, а за последние века именно пекинский, — вместе с иероглификой верхушечные слои остальных частей Китая восприняли этот язык в качестве официального разговорного языка. Отсюда громадное распространение и понимаемость пекинского языка в официальных кругах всех частей Китая. Современный Китай не только не изменил существующего положения, но даже углубил его, да он и не мог сделать иначе. Общеизвестно, основа национальной политики буржуазии — подавление всякой политической и культурной инициативы нацменьшинств, имеющей своей первоосновой стремление к экономической эмансипации, освобождению из-под гнета эксплуатации господствующего класса господствующей нации. Отсюда всяческие запрещения национальных языков, протектирование единого общего языка и т.д. Яркий пример этой буржуазной национальной политики мы видим в современном Китае. Ибо *бай хуа* и *го юй* (национальный язык, в основу которого положен

пекинский, уже несколько веков являющийся официальным разговорным языком правящих классов), поднятый на шит литературной революцией и всячески протезируемый гоминьдановским правительством, есть чисто буржуазная попытка создать искусственный национальный единый язык, долженствующий задушить рост и развитие самостоятельных национальных языков или литератур на них.

Буржуазная синология, естественно, не могла вскрыть истинное содержание термина «диалекты единого китайского языка». К сожалению, советские китаеведы еще не освободились от этого пережитка буржуазной синологии. По этой причине я счел необходимым остановиться на этом вопросе, не имеющем прямого отношения к моей литературоведческой основной статье.

И, наконец, продолжая считать правильным данное мною определение роли литературной революции, мне хотелось бы подробнее остановиться на перспективах ее завершения, перспективах роста и развития китайских языков и литератур после литературной революции, т.е. наметить те вопросы, разрабатывать которые подробно в силу отсутствия материалов я в конце своей статьи отказался. Литературная революция была буржуазной культурной революцией, обусловленной интересами и задачами буржуазии в ее борьбе с мешающими ее развитию феодальными пережитками в культурных надстройках. И как движение, обусловленное интересами буржуазии, литературная революция остановилась на том этапе, который был нужен правящим группировкам, и оказалась не в состоянии двинуть процесс роста и развития языка дальше этой границы. Развитие капитализма в Китае продиктовало настоятельную необходимость приблизить к грамотности, а через нее к западной капиталистической науке и технике гораздо большие круги, чем было нужно до проникновения в Китай капитализма и чем мог приблизить классический феодальный язык. Это обусловило кульминационный пункт литературной революции, приведшей к победе упрощенного — разговорного языка, несколько облегчившего доступ к грамотности. Однако это было пределом, нужным для буржуазии. Дальнейшее упрощение языка и подлинное приближение грамотности к широким трудящимся массам, т.е. уничтожение иероглифики, представляли вторую и последнюю трудность для изучающего в китайских языках. После краткости и лаконичности, уничтоженных введением *бай хуа*, эта задача противоречила сущности буржуазной культуры, и естественно, что литературная революция как мощное и революционное движение умерла с достижением задач, поставленных буржуазией, с победой *бай хуа*, о чем я под-

робно писал в статье. Отсюда ясно, что огромное дело приближения грамотности к широким трудящимся массам, дело уничтожения иероглифики, дело создания латинизированного алфавита не под силу отдельным обществам латинизации в гоминьдановском Китае, обществам, заскочившим дальше социального заказа господствующих классов. Эта задача может быть разрешена только через советские районы Китая и достигнет окончательного разрешения лишь с победой, которая принесет подлинную пролетарскую культуру широким трудящимся массам китайского населения.

Юр[ий] Бунаков.

Июнь 1931 г.

Summary

Y.V. Bunakov

On the meaning of the so-called “literary revolution” in China

Preface and publication by I.F. Popova

The published article, written in 1930, is the first major research by Yuri Vladimirovich Bunakov (1908–1942) who died during the Leningrad Blockade. Y.V. Bunakov mostly studied the history of Chinese writing and language, this work falls within his early research interests. The article on the “literary revolution” in China is interesting as an example of study in of literature in the 1930s, when scholars brought up in the classical Petersburg Orientalist tradition tried to develop their analysis in compliance with the mainstream interpretations of Marxist ideology which were dominant at that time. The text is kept in Y.V. Bunakov’s personal fund in the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (F. 84. Inv. 1, unit 88). It is published for the first time.

Keywords: Y.V. Bunakov, history of Chinese literature, literary revolution.

А.Н. ГЕНКО

О переводе адыгейского алфавита на русскую основу

*Предисловие и публикация
А.И. Алиевой*

Аннотация. Публикуемая статья написана выдающимся отечественным кавказоведом, специалистом по языкам Центрального и Восточного Кавказа и Закавказья А.Н. Генко (1896–1941). Наряду с многими другими его неизданными работами она хранится в АВ ИВР РАН (Ф. 74. Оп. 1, ед. хр. 117). Статья посвящена анализу проекта создания адыгейской орфографии на основе русского алфавита, опубликованного в Нальчике в 1937 г.

Ключевые слова: А.Н. Генко, кавказоведение, реформа адыгейской письменности.

Анатолий Несторович Генко родился 4 ноября 1896 г. в Петербурге в семье лесовода¹. В 1914 г. после успешного окончания гимназии поступил в Петроградский университет одновременно на два факультета (историко-филологический и Восточный) и окончил его в 1920 г. по двум специальностям — классической и армяно-грузинской филологии. С 1921 г. А.Н. Генко — научный сотрудник II разряда Института сравнительной истории, литератур и языков Запада и Востока им. А.Н. Веселовского и по совместительству — научный сотрудник Яфетического института и Российской Академии истории материальной культуры. В 1923 г. А.Н. Генко перешел на работу в Азиатский музей, где занимал должности ученого хранителя, ученого специалиста, заведующего кабинетом Кавказа и христианского Востока. С 1936 г. уче-

---

¹ *Лавров Л.И.* Памяти А.Н. Генко // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 99. М., 1972. С. 213–222.

ный заведовал также Кавказским Кабинетом Института этнографии АН СССР. Одновременно он читал курсы по языкам, истории и этнографии Кавказа в ЛГУ, ЛВИ, ЛИФЛИ.

А.Н. Генко не только вел большую педагогическую и научную работу, но и принимал активное участие в строительстве новой культуры народов Кавказа. Как член Центрального Комитета нового алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР, Генко был одним из активных создателей алфавитов для ряда прежде бесписьменных народов Кавказа, в изучение которых он внес серьезный вклад. Он увлеченно изучал языки народов Центрального и Восточного Кавказа — бацбийский (цова-тушинский), ингушский, лезгинский (его ахтынский и кубинский диалекты), табасаранский, цахурский, хиналугский — и Закавказья: грузинский, азербайджанский. Исследовал А.Н. Генко также историю, этнографию, фольклор этих народов.

Фундаментальное исследование абхазского языка обусловило необходимость обращения ученого к другим языкам абхазо-адыгской языковой семьи — сначала к адыгейскому, а затем к кабардинскому языкам.

Вот почему А.Н. Генко с особым интересом отнесся к рецензированию проекта адыгейского алфавита, который он не только положительно оценил, но и высказал ряд конструктивных предложений. Однако статья А.Н. Генко «О переводе адыгейского алфавита на русскую основу» так и осталась неопубликованной, как, впрочем, и многие другие его работы. Будет справедливо издать во всем объеме неопубликованное наследие замечательного кавказоведа XX в. — А.Н. Генко. Хотелось бы, чтобы публикация этой статьи положила начало этой непростой работе.

А.И. Алиева

О переводе адыгейского алфавита на русскую основу

< Л. 1 > I

Когда после Октябрьской революции начали получать свое практическое применение в отношении адыгейского народа принципы ленинской национальной политики, в основу возникающей адыгейской письменности был положен специально приспособленный к адыгейскому языку вариант арабского алфавита (применявшийся в Адыгее

спорадически и до Октябрьской революции, примерно с 1912–1913 гг.).

В 1927 г. этот арабизированный алфавит был заменен употребляемым по настоящее время (т.е. до 1937 г. включительно) алфавитом на латинской основе. «Латинским» этот последний алфавит мог считаться вполне условно, т.к. из 50 начертаний, в нем принятых, лишь 25 (считая в том числе *v* и *w*) могут быть причислены к нормальному латинскому типу, остальные 25 знаков представляют более или менее причудливые и оригинальные вариации латинских литер (как, например, *đ, đ, k, p, b, ʔ* и т.д.) или же нечто уже совсем не латинское (как например, *h, f, l, j, ģ* и т.д.).

Указанная многобуквенность (50 знаков алфавита) вытекала из условий самого языка (литературное наречие адыгейского языка насчитывает до 65 фонем) постольку, поскольку составители алфавита (Сиюхов С., Кубов Ш. и др.) не пожелали отступить от доктринально устанавливавшегося Комитетом нового алфавита положения — каждый фонематически самостоятельный звук языка должен иметь свое самостоятельное буквенное < Л. 2 > выражение. Провести до конца эту точку зрения, иначе говоря, создать 64 особые литеры, показалось все же переходящим границы практически допустимого, и в порядке компромисса для некоторого числа так называемых лабиализованных звуков были созданы при помощи букв *v* и *u* двойные начертания в количестве 14–28.

Помимо многобуквенности, созданный в 1927 г. алфавит страдал еще одним недостатком — игнорированием форм существовавшего уже с 1923 г. латинизированного алфавита для ближайшего родственного, вполне доступного пониманию адыгейцев кабардинского языка, что без нужды разобщало культурное строительство у этих близкородственных народов. Принципы орфографии адыгейского языка также оставались недостаточно продуманными и практически разработанными до самого последнего времени; сложная проблема так называемого отдельного слова в адыгейском языке с вытекающими из того или иного решения ее правилами слитного и раздельного написания различных элементов словосочетаний и фраз решалась различными авторами (Д. Ашхамаф, Н. Яковлев и др.), высказывавшимися по вопросам адыгейской орфографии, иначе, чем в Кабарде, и практически зачастую заведомо несостоятельным образом. Многочисленные языковые конференции и комиссии, собиравшиеся в разных городах Союза за последние 15 лет (считая с 1923 г.), не смогли преодолеть вредного разнобоя между орфографией адыгейской и кабардинской: каж-

дая сторона упорствовала в своих предвзятых решениях (со стороны Кабарды «теоретиком» выступал Т. Ворукаев).

Перечисленными недостатками, а равно и интересами сближения адыгейской письменности с общегосударственной русской, < Л. 3 > интересами повышения на этой основе издательского и школьного дела Адыгеи была вызвана постановка летом истекшего 1937 г. вопроса о желательной реформе адыгейского алфавита и письменности с переходом от латинской основы алфавита к русской.

В результате работы адыгейских областных организаций мы имеем в настоящее время опубликованный в Майкопе печатный проект адыгейской орфографии на русской основе, каковой и послужит предметом обсуждения в нижеследующих строчках.

Отвлекаясь при этом от исчерпывающей регистрации довольно многочисленных, замеченных мною более или менее злокачественных корректурных погрешностей печатного текста проекта. Наиболее злостные случаи: на стр. 20, § 17, напечатано «союзный суффикс» и «вместе с окончанием именных основ у следует писать через *йи* — вместо у следует читать *й*»; на стр. 11 напечатано: «сокращены по новому алфавиту *ǰ* и *ǧ*» — вместо *ǧ* следует читать *q*; многочисленны случаи опечаток в приводимых примерах слов, например, [на] стр. 8, § 9 *джезу*, читай *джэзу*, [на] стр. 15, § 16 *шхьакIэ*, читай *шъхьакIэ* и т.д.

II

Адыгейский проект распадается на 4 раздела: во-первых, значения и правописание букв адыгейского алфавита на русской основе; во-вторых, о слитном и раздельном написании слов и употреблении дефиса; в-третьих, правописание глаголов и имен; в-четвертых, правописание усваиваемых интернациональных, русских и других терминов.

< Л. 4 > Раздел 1 обнимает § 1–11, раздел 2 — § 12–22, раздел 3 — § 23–27 и раздел 4 — § 28–38.

В первом основном разделе проекта решается задача передать 32 буквами существующего русского алфавита 65 фонем адыгейского литературного языка. Для этой цели предлагается внести одну дополнительную литеру («в печати и на пишущей машинке эта буква имеет вид римской цифры *I* (один), а в письме — палочки, выступающей вверх из строки») в двух значениях: во-первых, самостоятельно — для передачи адыгейского согласного звука «гамзы» (т.е. гортанного смыка); во-вторых, несамостоятельно — в качестве дополнительного знака к 7 буквам (*ч, ш, л, п, т, к, ц*) для передачи так называемых смычно-

гортанных звуков адыгейского языка. Совмещение в знаке *I* двух самостоятельных значений влечет за собой некоторое неудобство — совпадение, правда в ограниченном количестве примеров, разных, различавшихся в латинском алфавите слов и словосочетаний. Сравни, например, тIэ «наша рука» (= лат. *bhe*) и «копай» (= лат. *be*); пIэ «твоя рука» (= лат. *phe*) и «место» (= лат. *pe*). Как бы то ни было, при этом условии за всеми 32 буквами оказывается возможным сохранить, в большинстве случаев, значение, присвоенное им в русском алфавите, или — что реже — значение, практически столь близкое к русскому, что различие можно по существу игнорировать (таковы 7 букв: *ы, л, ш*, частично *э, г, ь* и *ь*; из них — *э* и *г* имеют по два значения, в зависимости от различия положения, *ь* и *ь* — значение дополнительного знака, применяемого в сочетании с другими буквами для выражения девяти специфических звуков адыгейского языка).

< Л. 5 > Таким образом, с помощью ординарных букв оказываются выраженными 30 фонем адыгейского языка (а именно: выражавшиеся ранее следующими буквами латинизированного алфавита: *a, e, э, o, u, v, ye, i, b, w, ģ, d, j, z, y, k, l, m, n, p, r, s, t, f, x, c, k, ĥ, ĵ, h*); остальные 35 фонем выражаются сочетаниями букв: двойными буквами выражаются 25 фонем (а именно: прежние *з, д, г, х, q, д, z, š, L, fi, џ, d, ħ, j, ђ, р, ё, r, к, ç, dy, xv (xo), hv (hu), gv (gu), kv (ku), cv (cu)*); тройными — 10 фонем (а именно: прежние *зv (zu), гv (gu), æv (xu), qv (qu), зv (zu), šv (šu), ħv (ĥu), рv (pu), бv (bu), kv (ku)*). Буквы *e, я, ю* имеют, как и в русском, по два значения, из них основное — слоговое значение сочетания двух звуков (т.е. *e = ĭ + э; я = ĭ + а; ю = ĭ + у*); применение *ю* ограничено преимущественно усваиваемыми иноязычными терминами. Однако примеры, подобные *техъу* (стр. 9 вверху), показывают довольно существенно отличное значение буквы *e* внутри слов адыгейских сравнительно со значением ее внутри слов, усвоенных из русского. Это различие (фонетическое значение адыгейского примера можно ближе передать средствами русской орфографии, как *тьехъу*) следовало бы, пожалуй, оговорить в проекте. То же значение относится и к адыгейскому значению буквы *и* (например, *ти Ленин*, точнее передает фонетический смысл написания *тий Ленин*).

Указанным путем удастся, во-первых, сократить количество литер алфавита с употреблявшегося доселе числа 50 (собственно 49, т.к. *f* применялось только к кабардинским примерам в букваре) до 33; во-вторых, совершенно устранить разноречивость в написании усваиваемых интернациональных и русских слов между русской орфографией этих слов и орфографией адыгейской.

< Л. 6 > Заслуживает полного одобрения трезвая практичность составителей проекта, выразившаяся в том, что они не поддались искушению фонетически теоретизировать применение дополнительных знаков *ъ* и *ь* и ограничивать употребление каждого знака определенными фонетическими условиями; знаку *ъ* придается в проекте в разных сочетаниях три различных значения (а именно: в сочетаниях *гъ, къ, хъ, чъ* твердый знак означает велярность согласного, в сочетаниях *жъ, шъ* — шепелявость, в сочетании *лъ* — глухость); знаку *ь* — два значения (в сочетании *жь* мягкий знак означает мягкость согласного, в сочетании *хь* — надгортанниковый характер спиранта). В этом отношении проект счастливо избежал ненужного усложнения и безнадёжного запутывания практического вопроса теоретическими заскоками, подобными тем, что имели, к сожалению, место в ИЯМ при обсуждении весной 1936 г. аналогичного кабардинского проекта и совсем недавно, в декабре 1937 г. при обсуждении соответствующих проектов для ряда дагестанских яфетических языков.

В формулировке некоторых положений первый раздел проекта грешит все же излишним упрощенчеством: так, адыгейское *у* называется без обиняков гласным звуком (§ 8–9, § 11 сравнит[ельной] таблицы), тогда как в действительности авторам, без сомнения, хорошо известно, что буква *у* выражает в их адыгейском проекте: 1) согласный гортанный лабиализованный спирант (напр[имер], в *уан, еу*); 2) сочетание этого же спиранта с гласным *ы* (например, в *унэ, уадыг, реу*); 3) долгий гласный *у* (напр[имер], в *субъект, ударник, Ульянов*); 4) элемент лабиализации согласных (например, в *джегу, ыгу, хьандзу*); 5) сочетание элемента лабиализации согласного с последующим гласным *ы* (напр[имер], в *огьу, гун, ку*).

< Л. 7 > Аналогичное замечание можно сделать по поводу определения *и* в сравнительной таблице на стр. 10 как гласного (наряду с *й* — напечатано ошибочно *и*, — определенным как согласный).

Сохранение различия *й* и *и*, данного русским алфавитом (старые *у* и *и*), при неразличении многочисленных значений для *у* (старые *и* и *у*), к сожалению, еще более отягчает адыгейскую орфографию в труднейшем вопросе обозначения различных сочетаний гортанных спирантов *у* и *с* гласными *ь*, *е* и лабиализованными согласными. В применении *и* и *й* необходимо внести точную регламентацию, отсутствовавшую и ранее, отсутствующую и в новом проекте: почему, напр[имер], нужно писать *сыхъатыпси*, буквально «цепочка от часов» (стр. 14 вверху), но *къодый*, хотя и в том, и другом случае в конце слова слышны совершенно одинаковые звуки *ый* или *ий*. Как, например,

писать в значении «семь лучей» — *нэбзыйибл, нэбзийибл, нэбзиибл...* или в значении «он потянулся и» — *зыкъудыйи, зикъудийи* и т.п.

Совершенно умалчивает проект о двух фонемах адыгейского языка, можно полагать, ввиду их относительной редкости, именно выражаемых латинским алфавитом как *xv* (собственно *хо*) и *dj*. Следовало бы все же в примечании отметить, что такое, например, слово, как *хо*, пишется именно *шхо*; что касается *dj*, остается догадываться, что такие слова, как *Lekvandj, yebendj* и т.п., пишутся, по мысли автора проекта, *лэквандж, убэндж* и т.п., иначе говоря, что сочетание *дж* имеет два фонетически различных значения: мягкого и твердого шипящего аффриката (лат. *g* и *dj*), что необходимо было специально оговорить.

В этой связи обращает на себя внимание еще одна теоретическая непоследовательность проекта, также оправдываемая, < Л. 8 > без сомнения, интересами практической: при условии выражения *š* посредством сочетания русского *шь*, *ʃ* — посредством сочетания *жсь* и *đ* посредством сочетания *чь*, фонетически оправданным буквенным обозначением для *h* было бы не *шI*, а *шьI* (соответственно для *hʋ* не *шIу*, а *шьIу*); для *ɟ* не *дж*, а *джь*, для *ɟʋ* не *чI*, а *чьI*. Подобное торжество «теории» пришлось бы, таким образом, купить ценою создания лишних тройных сочетаний, а в одном случае (для *hʋ* = *шьIу*) даже четверного.

Оставляют нас в неизвестности составители проекта и по вопросу о том, как быть с обозначением корневых однотипных и морфологических сочетаний одинаковых звуков в тех случаях, когда соответствующие отдельные звуки выражаются сложными сочетаниями знаков; судя по формулировке § 23 («Глагольные префиксы субъекта при переходных глаголах, не имеющие огласовки и произносимые перед глухими согласными корня как: *с, н, т, ш у*, изменяются перед звонкими в звонкие: *з, б, д, у* и пишутся согласно их произношению, а перед надгортанными остаются и пишутся как *с, н, т, ш у*»). Можно было бы думать, что такие, например, слова, как: *рке* (прыгай), *рсэ* (ложь), *рјэ* (четыре), *рјэ* (десять), следует писать не *нкIэ, нIчIы* и т.д., а попросту *нкIэ, нIчIы* и т.д. Но это необходимо было сказать определенно и в 1-м разделе, оговорив, что *р, б* и т.п. выражаются двойко, иначе говоря, что *п, т* и т.д. имеют в алфавите по два значения в зависимости от сочетания выражаемых ими звуков с последующими однотипными по способу образования звуками.

Правила 2-го раздела проекта предлагают внести решительный перелом в существовавшую доселе орфографическую практику, приближая ее к нормальному типу словоразделения и, в частности, к той

системе орфографии, которая применялась искони < Л. 9 > в кабардинской письменности. Дело в том, что до самого последнего времени все авторы, писавшие по вопросам адыгейской орфографии, упорно отстаивали принципы слитного написания атрибутивных (определятельных) и детерминативных (дополнительных) сочетаний слов, на том основании, что эти сочетания представляют собою по норме адыгейского языка одно политическое и морфологическое целое. (Сравни изданную Адыгейским научно-исследовательским ин[ститу]том краеведения в 1934 г. брошюру Ашхамафа Д.А. «О принципах построения адыгейской орфографии».)

Во всех стилях речи изобилуют такие сочетания, как, например, для поэтического стиля — *фэрэхэклокъара* (собственно три слова: «породистый вороной жеребец») или для прозаического стиля *ятлонэрэильэситфпланым* (собственно три слова: «второй пятилетний план») и т.п., писавшиеся слитно. Правила § 12–14 проекта формулируют вопрос совершенно иначе, а именно таким образом: «Слова, состоящие из одних согласных или односложные, оканчивающиеся на гласный (слова типа открытого слога), всегда пишутся слитно с предшествующим словом, к которому они относятся» — «Во всех остальных случаях слова в словосочетаниях пишутся раздельно».

Очевидна неловкость и несостоятельность принятого здесь выражения: «слова, состоящие из одних согласных» — имеются в виду слова, утрачивающие² свой гласный лишь в условиях указанных сочетаний с предшествующими словами. Равно неудачно замечание, говорящее о «предшествующем слове, к которому они относятся» — как относятся? Можно ли сказать, сохраняя обычное понимание термина, что в выражении *колхозыш* слово *ш(ы)* «лошадь» «относится» к слову «колхоз», а в выражении *чъыгыжьышъхъэ* слово *шъхъэ* «голова, глава, вершина» «относится» к слову «старое дерево»? Относится ли, чтобы привести неиспользованный в проекте пример, то же слово < Л. 10 > *шъхъ(э)* в сочетании *апэрэшъхъ* (первая глава) к слову *апэрэ*? Нужно ли далее писать: *шылы* «конина» или *шы лы* (собственно «конское мясо»), *псышъхъэ* («исток реки») или *псы шъхъэ* (собств[енно] «речная вершина»), *пшыллы* «крепостной» или *пшы лы* (собств[енно] «княжий человек»), *псыхъэ* «за водой» или *псы хъэ* (собственно «чтобы воду нести») и т.д.?

Правило в принципе практически абсолютно целесообразно, но формулировать его нужно, очевидно, точнее, учитывая оба типа соче-

² Подчеркнуто А.Н. Генко.

таний: определяемое + определение и дополнение + дополняемое (сравни к формулировке правила § 1–2 в изданном Северо-Кавказским горским историко-лингвистическим ин[ститу]том в Нальчике в 1935 г. проекте «Кабардино-черкесская орфография», в составлении которого принимал некоторое участие и нижеподписавшийся).

Правило § 13 сформулировано: «Слова сложные (составные) по происхождению (если они не подходят под правило п. 12-го) пишутся слитно также и в том случае, когда они в одной из своих частей или в целом получили новое значение (в остальных случаях такие слова пишутся согласно п. 14-му, гласящему: «во всех остальных случаях слова в словосочетаниях пишутся раздельно»). Семантический критерий, вообще говоря, удачно положенный в основу правила, может послужить, как известно из практики, хорошим источником для недоразумений, как вообще, так и в особенности в условиях адыгейской письменности. Понятие новизны значения не всегда оказывается легко уловимым, таким образом, можно колебаться — писать ли *гъуч(ы)лун* < Л. 11 > («железный гвоздь») или *гъучлы лун* («деревянный колышек, клин»), сравни *пхъэлун* (собственно «деревянный колышек, клин»), *шынахьыкI* «младший брат» или *шы нахьыкI* (буквально «брат более молодой»; *шы* отдельно, вне немногих почти неразрывных сочетаний неупотребительно!), *ІэпІшьэл* «говядина» или *Іэ пІшьэ лы* (собств[енно] «скота крупного мяса») и т.п. Эти и подобные им примеры предусмотреть в общих правилах орфографии, конечно, не представляется практической возможности; задача регламентации подобных частных затруднений должна получить свое разрешение в орфографическом словаре-справочнике.

Как приведенный параграф 13, так и следующие за ним § 15–20 средактированы под несомненным влиянием соответствующих § упомянутого проекта кабардино-черкесской орфографии (сравни ук[азанное] соч[инение], § 3, 4, 5, 6, 8) и изменяют радикально господствовавшую доселе практику.

Невразумительно сформулировано примечание к § 19 — при чем здесь «хотя»? Сравни примеч[ание] 2 к § 15, где говорится: «Числительные, выражаемые цифрами, пишутся отдельно от тех слов, к которым они относятся. При этом соединительный гласный *и* пишется слитно с предшествующим ему словом, а относящиеся к цифре окончания пишутся через дефис после цифры». В этом же смысле представляется излишним обоснование правила § 15 о слитном написании числительных 100 и от 2 до 10 включительно соображением, что в адыгейском языке «эти числительные состоят из одних согласных или

одного слога, оканчивающегося на гласный, и соединяются с предшествующим словом с помощью соединительного гласного *и*» — достаточно было ссылки на правило § 12.

< Л. 12 > § 22 гласит: «Две параллельно сочетающиеся основы, в том случае, если они могут иметь общее окончание, пишутся через дефис (черточку)». Целесообразность применения дефиса в этих случаях сомнительна постольку, поскольку он обоснован морфологическим критерием общего окончания, игнорируемым, и справедливо игнорируемым, в правиле § 14, 17 и 19.

В 3-м разделе проекта обращает на себя внимание § 25, гласящий: «Временное окончание прошедшего несовершенного следует писать как *цтыгъэ*, а условного времени как *цтгъэ* — во избежание их смешения». Различное оформление окончаний прошедшего несовершенного и условного времени пытается отразить различие иного порядка, состоящего в различии ударения: в имперфекте ударение стоит на личном префиксе, тогда как в условном времени ударение всегда стоит на последнем слоге глагольной основы.

В разделе 4-м § 28, гласящий: «Усваиваемые интернациональные, русские и др. термины следует передавать, ориентируясь на их написание в русской орфографии», покрывает своим содержанием все последующие §, а именно: § 29–33 и 35, делая их по существу излишними.

Явно неудовлетворительно формулирован § 34, гласящий: «Интернациональные и русские окончания существительных: „изм“, „ист“, „ит“, „ин“, „ат“, „нат“, и русские: „а“ ударное, „ство“, „ность“, „ия“, „ие“, „ит“, „ин“, „ат“, „нат“, „а“, „ства“, „ность“, „не“, „ии“, а безударное окончание „а“ — через „э“» (сравни § 35 — «Интернациональные и русские окончания прилагательных „ний“, „ский“, „ческий“, „истский“, в < Л. 13 > случае необходимости сохранения их в адыгейском языке следует передавать через *нэ, скэ, ческа, истскэ*). (В полном, противоречии с этой формулировкой стоят такие примеры проекта, как: *рабочэ* (стр. 13 в середине), *фабрикакI* (стр. 12 вверху), *масс, касс, сумм, конъюнктур, пьес* (стр. 21), далее *станц* (стр. 23 вверху), но *станцэхэр* (стр. 13 в середине)*, *конституцие*, но *конституциякIэр* (стр. 12 вверху). Как те, так и другие примеры показывают, что — 1) ряд интернациональных и русских слов усвоен уже адыгейским языком в форме, отличной от той, которая регламентируется в § 34–35; 2) что ряд слов, оканчивающихся в русском на *а* безударное и *ия*, подчиняются фонетическим законам адыгейского языка, утрачивая *э* в открытом положении в конце слов (*станц*), но восстанавливают его в закрытом положении (*станцэхэр*) и даже заменяют его долгим *а*

(конституциякIэр). Очевидно, дело регламентации правописания ряда усвоенных слов терминов может быть дано лишь в форме особого орфографического словаря-справочника.

III

В предисловии к рассматриваемому проекту сказано: «Особое внимание было обращено также на максимальное сближение адыгейской орфографии с кабардино-черкесской». Учитывая сказанное нами выше, в разделе 2-м настоящей записки, можно признать частичную справедливость этого заявления: по вопросу слитного и раздельного написания слов адыгейский проект идет по целому ряду имевшихся ранее капитальных расхождений на радикальные уступки (см. § 13–14, 16–17, 19 адыгейского проекта). Однако дело унификации этих родственных письменностей < Л. 14 > далеко еще от желательного завершения.

Сравнивая кабардинский и адыгейский способы выражения средствами русского алфавита тождественных специфических для кабардино-адыгейского языков звуков, получаем такого рода таблицу:

№ п/п	Кабардинский алфавит		Адыгейский алфавит	
1	е	а	е	э
2	hу	,	h	І
3	J	щ	š	щъ
4	z	жь	z	жь
5	l	ль	L	ль
6	т	ш'	h	шI
7	q	кх	q	къ

На последнем примере наглядно сказывается трудность полной унификации алфавитов; этимологически адыгейскому звуку къ соответствует в подавляющем количестве примеров не тождественный фонетически кабардинский звук кх, а отличный фонетически, но совпадающий графически къ (велярный, взрывной с надгортанной экспирацией, отсутствующий в адыгейском). Не меньше затруднений представляет сопоставление шипящих спирантов. Графически совпадают в кабардинском и адыгейском алфавитах разные по фонетическому значению ш и ж (для адыгейского это твердые шипящие, для кабардинского господствующим произношением является произношение их как мягких, выражаемых в адыгейском соответственно через ш и жь).

< Л. 15 > Отмеченные различия, равно как и некоторые отличия в системе орфографии (например, кабардинцы продолжают, вопреки упомянутому проекту орфографии, писать притяжательные префиксы

отдельно, в отличие от адыгейцев, проект которых предусматривает в § 18 слитное написание), все говорят не в пользу существующей кабардинской практики. Особенно очевидным представляется это, в частности, на примерах *ль* и *э*: держась системы выражения глухого латерального спиранта *ль* составным сочетанием, имеющим совершенно иное значение в русском, кабардинцы принуждены писать: *Кремл*, *Национална*, *издателства* (см. последнее издание букваря — К.Б. АССР-м ЙЫНОВА АЛФАВИТЫМ ИЫ КОМИТЕТ. БУКВАР. КЪВАРДЕЙКАЛЬКЪАР. ГОСУДАРСТВЕННА НАЦИОНАЛНА ИЗДАТЕЛСТВА. НАЛШЫК — 1937) и не в состоянии, без насилия над собственной системой орфографии, передать правильно такие слова, как *Энгельс*, *Ильич*, *Ульянов* и т.п. Решительно ничем не мотивировано в настоящее время и полное устранение существующего в языке различия долгого и краткого звука латинского *e* (из них второй передается в адыгейском через *э*, первый через *a*); буква *э* ограничена в своем применении буквально двумя-тремя иноязычными слогами, вроде *аскимос*, *электричество*. Источником этого недоразумения послужила оставленная впоследствии идея передать звук гамзы посредством знака *э* (заменен в настоящее время апострофом, также малоудачным ввиду постоянной необходимости отрывать при письме руку).

Совершенно очевидно, что интересы дальнейшего сближения родственных письменностей настоятельно диктуют необходимость < Л. 16 > устранить указанный разнобой; не менее очевидно, что на уступки и реформу орфографии придется идти на этот раз уже не адыгейцам, сделавшим своим проектом заметный шаг к сближению, а кабардинцам.

IV

Резюмируя вышесказанное, можно сформулировать следующие три положения:

1) Опубликованный Адыгейским научно-исследовательским ин[ститу]том под редакцией Д.А. Ашхамафа проект представляет в своем основном первом разделе вполне доброкачественное, практически весьма удачное решение проблемы перевода адыгейского алфавита на русскую основу. Проект нуждается лишь в немногочисленных пояснениях и дополнениях, намеченных выше, в разделе 2-м прилагаемой записки.

2) Проект адыгейской орфографии (в узком смысле этого слова) радикально упрощает господствовавшую доселе орфографическую практику. Невозможность предусмотреть в общем проекте все частные

затруднения в слитном или раздельном написании некоторых словосочетаний, а равно и в орфографической передаче ряда усваиваемых интернациональных и русских слов, делает настоятельно необходимым издание в ближайшем будущем дополняющего и уточняющего проект орфографического словаря-справочника.

Интересы дальнейшего сближения и возможной унификации родственной адыгейской и кабардинской письменностей требуют пересмотра кабардинской орфографии под углом зрения новой адыгейской орфографии. Задача состоит при этом в том, чтобы < Л. 17 > реформировать кабардинскую орфографию в сторону возможного сближения ее с адыгейским проектом, более совершенным образом решающим задачу перевода письменности на русскую основу.

Профессор (Подпись) Генко

28 января 1938 года.

Summary

A.N. Genko

On transferring the Adygei alphabetical system to the Russian (Cyrillic) basis

Preface and publication by A.I. Alieva

The article of an outstanding scholar in Caucasian studies, a researcher of Central and Eastern Caucasian languages and languages of Transcaucasia A.N. Genko (1896–1941) is kept along with many other unpublished papers in the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (F. 74. Inv. 1, unit 117). The subject of this article is an analysis of the project of the new Adygei alphabet based on the Russian alphabet, which was published in Nalchik in 1937.

Key words: A.N. Genko, Caucasian Studies, Adygei spelling reform.

А.В. ГРЕБЕНЩИКОВ

Устав шаманской службы маньчжуров

Предисловие и публикация
Т.А. Пан

Аннотация: А.В. Гребенщиков, один из ведущих российских маньчжуроведов, оставил основополагающие труды по языку и культуре маньчжуров. Основным направлением его научной работы в последние годы жизни было изучение маньчжурского шаманизма и перевод «Утвержденного высочайшим указом Устава шаманской службы маньчжуров», изданного на маньчжурском языке в 1747 г. Перевод завершен в 1941 г., однако не был издан. В предлагаемой публикации дается отрывок из машинописной рукописи перевода, хранящегося в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 75. оп. 1, ед. хр. 72, тетрадь 1. Л. 16–28).

Ключевые слова: А.В. Гребенщиков, маньчжуры, шаманизм, «Устав шаманской службы маньчжуров», Архив востоковедов.

Развитие российского маньчжуроведения первой половины XX в. неразрывно связано с именем Александра Васильевича Гребенщикова (1880–1941), выдающегося знатока китайского и маньчжурского языков, исследователя Северной Маньчжурии, собирателя маньчжурских народных преданий. А.В. Гребенщиков продолжил традиции изучения памятников маньчжурской культуры и внес существенный вклад в исследование языка, фольклора и религии маньчжуров.

А.В. Гребенщиков родился 29 июля 1880 г. в Казани. В 1900 г. он поступил в Московский Константиновский межевой институт, а в 1902 г. переехал во Владивосток и был зачислен вольнослушателем Восточного института. В 1906 г. А.В. Гребенщиков был принят в Институт студентом четвертого курса китайско-маньчжурского разряда; он закончил институт в 1907 г. По рекомендации профессора

А.В. Рудакова (1871–1949)¹ А.В. Гребенщиков остался в институте для подготовки к преподавательской деятельности² и получения профессорского звания. В 1907–1908 гг. он изучал важнейшие труды по современному языкознанию, главным образом фонетику живых языков. Во время своих поездок в 1908–1909 гг. по деревням Маньчжурии А.В. Гребенщиков собрал бесценный материал по маньчжурскому шаманизму и маньчжурскому фольклору. Итогом этой работы стало издание «Краткого очерка образцов маньчжурской литературы» (Владивосток, 1909), а также до сих пор не утратившего научного значения труда «Маньчжуры, их язык и письменность» (Владивосток, 1912).

В 1911 г. А.В. Гребенщиков стажировался на факультете восточных языков Петербургского университета и по возвращении во Владивосток был утвержден в звании исполняющего обязанности профессора. В 1912 г. по его инициативе в Восточном институте был организован Кабинет экспериментальной фонетики, на открытии которого Александр Васильевич так определил задачи нового подразделения: «Зафиксировать маньчжурскую речь, разносторонне и в наибольшей мере (в смысле получения сырых материалов) использовать интереснейшие данные этого языка теперь, когда он оттесняется уверенным наступлением китайского языка, исследовать <...> возможно большее число представителей живой речи»³. Такой подход к маньчжурскому языку, на котором в начале XX в. еще говорили в деревнях Северо-Восточного Китая, полностью опровергал устоявшееся в академических кругах Европы (в том числе и России) мнение о том, что маньчжурский язык является мертвым. К сожалению, документов о результатах работы Кабинета экспериментальной фонетики не сохранилось, и единственное свидетельство этого направления работы А.В. Гребенщикова — две его черновые рукописи, хранящиеся в АВ ИВР РАН: «Обозрение фонетического состава маньчжурского письменного языка» и «Заметки по фонетике маньчжурского языка»⁴.

В 1918 г. А.В. Гребенщиков избран экстраординарным профессором Восточного института. С декабря 1921 г. он работал там же на кафедре языкознания, в 1922–1923 гг. преподавал на кафедре общего языкознания в Институте народного просвещения в Чите, а в 1923–1927 гг. был деканом восточного факультета Дальневосточного госу-

---

¹ Рудаков Аполинарий Васильевич — китаист, маньчжуровед. В 1906–1917 гг. являлся директором Восточного института во Владивостоке.

² Известия Восточного института. Т. 11. Приложение 1. Владивосток, 1900. С. 9–10.

³ Известия Восточного института. Т. 13. Приложение 2. Владивосток, 1912. С. 99.

⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 75. Оп. 1, ед. хр. 26, 36.

дарственного университета, в который вошел составной частью Восточный институт.

К 1932 г., когда А.В. Гребенщиков перешел на работу в Дальневосточный филиал АН СССР, он опубликовал более 50 работ по языку, культуре и литературе маньчжуров и китайцев⁵. Почти все эти труды были написаны по материалам, собранным во время девяти этнолингвистических экспедиций в Маньчжурию в 1908–1927 гг.

В 1935 г. А.В. Гребенщиков переехал из Владивостока в Ленинград и поступил на работу в Институт востоковедения АН СССР. В 1936 г. он возглавил созданную в Институте секцию маньчжуроведов в составе Китайского кабинета, в которую вошли Б.И. Панкратов (1892–1979), К.М. Черемисов (1899–1982) и В.А. Жебровский (1893–1938). Секция планировала обработать коллекции Института и опубликовать переводы маньчжурских текстов⁶. А.В. Гребенщиков вновь обратился к изучению шаманства у маньчжуров, теме, интересовавшей его еще в студенческие годы. Именно в Ленинграде он перевел на русский язык «Утвержденный высочайшим указом Устав шаманской службы маньчжур». Александр Васильевич Гребенщиков скончался в блокадном Ленинграде 15 октября 1941 г.⁷

Рукописи и материалы А.В. Гребенщикова передала в ИВ АН его вдова Н.А. Гребенщикова в декабре 1941 г. Материалы на маньчжурском языке вошли в рукописную коллекцию Института, а личные записи и тексты в транслитерации — в Архив востоковедов. В настоящий момент личный фонд Гребенщикова (Ф. 75) содержит 113 дел, причем первое поступление его материалов в Азиатский архив было зафиксировано в 1919 г.⁸ Материалы фонда содержат заметки по языку, культуре, экономике, географии Китая, полевые записи и зарисовки, сделанные во время поездок в Маньчжурию. В фонде имеются ценные записи оригинальных маньчжурских песен и текстов в русской транскрипции. По словам А.В. Гребенщикова, они, во-первых, дают

⁵ Список работ А.В. Гребенщикова приведен в «Библиографической справке, составленной Обществом востоковедения для представления А.В. Гребенщикова к работе в АН СССР» (АВ ИВР РАН. Ф. 75. Оп. 2, ед. хр. 1).

⁶ Волкова М.П. Маньчжуроведение // Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 142–148.

⁷ Волкова М.П. Гребенщиков Александр Васильевич (1880–1941 гг.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. I. М., 1986. С. 28–29.

⁸ Чугуевский Л.И. Архив востоковедов (б. Азиатский архив) // ППИПКНВ. XXIII годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. III. М., 1990. С. 34.

«характеристику некоторых данных шаманизма и, во-вторых, сводку необходимых сведений и указаний для шамана, к которому дахуры, маньчжуры в деревнях, солоны и ороконы обращаются как к духовному врачу»⁹. С этой точки зрения наиболее интересной является тетрадь, полностью посвященная текстам маньчжурских шаманских камланий. В ней также имеются ноты шаманской песни, рисунки шаманского костюма, сделанные рукой ученого¹⁰. В другой тетради представлены сказки, бытовые рассказы, песни, записанные А.В. Гребенщиковым в Айгуне и Хулгуре 22 августа — 1 сентября 1917 г. Все тексты даны на разговорном маньчжурском языке в русской транскрипции¹¹.

Самой значительной находкой А.В. Гребенщикова стали четыре списка шаманского эпоса «Предание о нишанской шаманке», записанные по его просьбе самими маньчжурами. Наиболее полный из них был опубликован М.П. Волковой в транслитерации, переводе на русский язык и факсимиле в 1961 г.¹². Остальные списки этого текста были изданы в транслитерации Дж. Стари только в 1985 г.¹³. Внимание А.В. Гребенщикова к этому тексту объясняется тем, что в начале XX в. ученый имел четкое представление об оригинальной маньчжурской литературе, которое стало общепринятым после издания данного текста. Здесь следует отметить, что начиная с конца XIX в. в европейской (в том числе российской) науке было распространено убеждение в том, что общеизвестные маньчжурские тексты являются лишь переводами с китайского языка. Именно поэтому маньчжурский текст «Предания о нишанской шаманке», найденный А.В. Гребенщиковым и изданный М.П. Волковой, стал своего рода научной сенсацией и был переведен на восемь языков¹⁴.

Центральное место в архиве А.В. Гребенщикова занимает перевод на русский язык «Утвержденного высочайшим указом Устава шаман-

---

⁹ Гребенщиков А.В. Краткий очерк образцов маньчжурской литературы. Владивосток, 1909. С. 19.

¹⁰ АВ ИВР РАН. Ф. 75. Оп. 1, ед. хр. 47. Л. 14–15.

¹¹ Там же, ед. хр. 48. См. также: Пан Т.А. Архивные материалы А.В. Гребенщикова по шаманству маньчжуров. // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Часть 3. М., 1991. С. 139.

¹² Нишань самани битхэ (Предание о нишанской шаманке). Издание текста, перевод и предисловие М.П. Волковой. М., 1961 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия, VII).

¹³ Stary G. Three Unedited Manuscripts of the Manchu Epic Tale “Nišan saman-i bithe”. Wiesbaden, 1985.

¹⁴ Stary G. A New Altaistic Science: “Nishanology” // Altaica Osloensia. Proceedings of the 32nd Meeting of the PIAC. Oslo. June 12–16, 1989. Oslo. 1991. P. 317–323.

ской службы маньчжуров», составленного в 1747 г. Перевод этого памятника письменности был основной научной темой А.В. Гребенщикова в годы его работы в стенах ИВ АН в Ленинграде. О самом этом труде можно судить по многочисленным рукописным записям и тетрадям (Ф. 75. Оп. 1, ед. хр. 19. Л. 1–39, ед. хр. 69–71), а также по чистовому машинописному варианту (Ф. 75. Оп. 1, ед. хр. 72, 73). «Устав шаманской службы маньчжуров» представляет собой правила и описание шаманских ритуалов, проводимых в Запретном городе императором или чиновниками Палаты дворцового ритуала, а также в семьях императорского рода Айсинь-Гиоро, проживавших в различных районах империи Цин. А.В. Гребенщиков был прав, называя этот текст образцом маньчжурской литературы и признавая значительное влияние китайской культуры на ритуал описываемых церемоний. «Устав шаманской службы маньчжуров» убедительно показывает, что описанные камлания были лишь частью дворцового быта, и их главное значение заключалось в проявлении уважения к народной традиции маньчжуров. Однако маньчжурские императоры уделяли этому ритуалу особое внимание, поскольку исповедание национальной религии — шаманства они считали ключевым для сохранения национального самосознания маньчжуров (наравне с обязательным знанием маньчжурского языка и умением стрелять из лука). Важность этого памятника заключается и в том, что он является самым ранним текстом, отражающим народную традицию, поскольку был создан на основе собранных императорскими чиновниками описаний шаманских камланий в деревнях Маньчжурии и сопровождающих обряд песнопений.

Труд А.В. Гребенщикова — единственный перевод этого памятника на русский язык. Ученый был непревзойденным знатоком маньчжурского языка и культурного наследия маньчжуров, и его перевод является бесценным трудом, заслуживающим полного опубликования¹⁵. Для современного читателя необычным покажется стиль русского перевода, использование христианской лексики, например, «обет» (в значении «жертвоприношение Небу»), «отходная» (камлание духам предков), «молитвословие» (шаманская песнь) и т.п. Возможно, использование церковнославянской лексики было обусловлено не только обрядовой спецификой текста, но и традициями научной литературы старой русской школы.

Ниже публикуется отрывок из перевода «Устава шаманской службы маньчжуров», завершеного А.В. Гребенщиковым в 1939 г. Пред-

¹⁵ *Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб., 2006. С. 68–78.

лагаемый текст является частью первой тетради машинописи (л. 16–28), что соответствует л. 22а–33б первой тетради маньчжурского ксилографического издания. В нем разъясняется, где и как следует проводить шаманские жертвоприношения, каким образом и где их нужно готовить, кто может проводить шаманское камлание в императорских кумирнях и храмах. При публикации сохранены авторские стиль и орфография, в круглых скобках переводчик отмечал страницу маньчжурского текста по ксилографическому изданию, в угловых скобках мы указываем лист машинописной рукописи перевода А.В. Гребенщикова.

Т.А. Пан

Публикация

<л. 16> (л. 22а) **Краткое описание старинного шаманского жертвоприношения.**

Наша маньчжурская династия, искони будучи преданной и почтительной небу, *Фучихи*¹⁶, духам умерших, впервые воздвигла шаманский храм предкам — *Тансэ* в Мукдене, чтобы приносить жертвы небу; в зале жертвоприношения предкам лицевой стороны (л. 22б) обитаемого дворца государя установили кумиры, чтобы приносить жертвы *Фучихи*, *фуса*¹⁷, духам умерших, всем *вэчку*¹⁸ — духам неба и земли. Хотя впоследствии, по сооружении жертвенников в храме, площадок для молитвословий и больших храмов предкам, небу и земле, Будде *Фучихи*, совершили каждому духу соответствующие жертвоприношения — старинные правила не изменялись: было предписано исполнение всех совокупно обычных обрядов жертвоприношения. Прегние просвещенные государи, водворив спокойствие в Срединном государстве, по приходе в его столицу продолжали в течение многих прошедших лет совершать жертвоприношения по старому исконному началу предков. Народы, принадлежащие к поколению маньчжуров, также все почитали крайне важным культ шаманских жертвоприношений.

(л. 23б) Двор государя, ваны, бэйлэ, бэйсэ и гуны совершают жертвоприношения в шаманском храме предков, оборотясь лицом к югу. Что касается титулованных маньчжуров, то каждый, делающий духам

---

¹⁶ *Фучихи* — маньчж. Будда.

¹⁷ *Фуса* — маньчж. бодхисаттва.

¹⁸ *Вэчку* — маньчж. духи.

предложение снеди, совершает шаманские жертвоприношения во внутреннем дворе жилища — также, оборотясь, лицом к югу.

Жертвоприношение по обету (*мэтэрэнги*)

Приносящие жертву по обету — все совершают жертвоприношения, установив вехи; это вообще жертвоприношения небу. Кроме этого все совершают жертвоприношения утренним *вэчку*, приносят жертву *Фучихи*, *фуса*, духам умерших предков; только вечерние *вэчку* у каждой (л. 24а) семьи неодинаковы. При разыскании первоначального источника жертвоприношений прошел год, и так как древние старцы также не осмелились решительно высказываться, поэтому и не удалось узнать [обо всем] ясно и полностью. Совершение шаманских жертвоприношений происходит или в почитание каждым своих родоначальников, а также духов земли, гор, рек, либо за их очевидно проявленное постоянное покровительство, либо за случаи скрытого оказания помощи.

(л. 24б) В семье богдохана совершают жертвоприношения ежегодно дважды — весной и осенью — в шаманском храме предкам с водружением флаговых вех; во дворце государя великому жертвоприношению с водружением флаговых вех предшествует за день-два предготовительный обряд жертвоприношения.

Обыкновенные, (*вэчэмби*) жертвоприношения духам совершаются ежедневно, за исключением дней воздержания, поста перед жертвоприношениями, когда не убивают в жертву одушевленных тварей; ежемесячно 2-го числа один раз совершают малое жертвоприношение (*мэтэмби*) небу. В каждое из времен года совершают земные поклоны духу богатства.

Царевичи (братья), которые отделились жилищами, затем царевичи, жительствующие в покоях дворца государя, если в соответствии с высочайшим указом совершают каждый месяц во дворце Кунь-нин-гун¹⁹ жертвоприношение (*вэчэмби*), то по совершении шаманского служения за богдохана, по порядку и преемственно по одному дню, совершив большое жертвоприношение кумирам, по одному дню совершают малое (*мэтэмби*) жертвоприношение небу. Царевичи, которые, еще не имея отдельных дворцов, были поселены в таких местах, как Нань-сянь-дянь, Сянь-ань-гун, — ежемесячно совершают большое жертво-

¹⁹ Дворец Кунь-нин-гун (дворец Земного спокойствия) находится во внутренней части Запретного города и является четвертым дворцом по центральной оси дворцового комплекса Гу-гун.

приношение каждый в месте своего жительства. (л. 256) Ваны, бэйлэ, бэйсэ, гуны ежегодно весной и осенью дважды поочередно, один за другим, совершают большие жертвоприношения в шаманском храме предкам *Тансэ* с установлением жертвенных вех. Кроме этого в каждом дворце [они] совершают общее жертвоприношение, предшествующее за два дня торжественному исполнению шаманского обряда самим богдоханом; ежемесячно совершают большие жертвоприношения кумирам (*вэчэмби*) и малые (*мэтэмби*) — небу.

Начиная от гунов, хэо, бэ, сановников, должностных лиц и ниже до не имеющих должностей, сверхштатных маньчжуров, каждый в своем жилище делает предложение жертвенных снедей кумирам (*вэчэмби*) или ежемесячно, или ежегодно по четырем временам года, либо в два главных (весной и осенью), либо один раз в одно из четырех времен года.

Прежде [было, что] ежегодно по весне и осени, в оба эти периода года (л. 26а), в промежутке второго и третьего месяца, после принесения жертвы с поднятием жертвенной вехи от дворца богдохана цинь-ваны и ниже их гуны, «вошедшие в восемь долей», и ниже их церемониально, по чинам, распределяясь в ряды, шеренги, утром и вечером, благоговейно совершив призывание в каждое жилище духов-*вэчэку* из Кунь-нин-гуна — в жертвенный день утром, произнеся в *Тансэ* призывания *вэчэку* с предложением им жертвенных снедей, — совершают, молитвенно призвав духов обратно в жилища, большое жертвоприношение. От настоящего преемственно согласно сему совершают жертвоприношения духам, призывая *вэчэку*. <л. 17> (л. 266) В конце месяца придворный помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс и служилый люд при этом — призывали *вэчэку* пожаловать из домов, где было последнее предложение жертвенных снедей, обратно во дворец государя. В промежутке этого, при жертвоприношениях в Кунь-нин-гуне утром совершают жертвоприношение у занавеса пред троном Будды сплошь золотой божницы, вечером у трона с занавесом на рамочной подставке (*голбонь*).

(л. 27а) Шэн-цзу, «Человеколюбивый император» (*Го-и хуванди*), в 57-й год правления «совершенного спокойствия» (*элхэ тайфинь*)²⁰ издал приказ прекратить ванам призывания духов (*вэчэку*). Ши-цзун, «Прославленный император» (*Тэмгэтулэхэ хуванди*), в первый год правления «Гармоническая правдивость» (*Хувалясунь тоб*)²¹ издал особенный указ, в силу которого во дворцах цинь-ванов с титулами

---

²⁰ В 1718 г.

²¹ В 1723 г.

тоб — «правдивый» и *ургунь* — «веселый» по одному разу были совершены жертвоприношения с призыванием духов-*вэчэку*.

(л. 27б) В некоторых домах фамильных маньчжуров при предложении жертвенных снедей духам жертвоприношения совершают женщины-шаманы, в других совершают жертвоприношения (*вэчэмби*) также мужчины-шаманы. Начиная с богдоханского дворца и ниже — потомков царственного рода в семье Гиоро, в семьях дальних Гиоро второй степени, вплоть до семейств фамильных маньчжуров исполняет жертвоприношения духам женщина-шаман. Искони жены всех прежних государей, а также ванов были возвеличены избранием в шаманы. До настоящего времени в царских дворцах обыкновенно, выбрав в шаманы из тех лиц, жен семей Гиоро, из жен-сановников, дворцовых офицеров и которые оказались достойно способными быть шаманом, им поручают совершение жертвоприношений (л. 28а). Царевичи с местопребыванием во дворце государя при повелении указом делать жертвоприношения в Кунь-нин-гуне, когда совершают жертвоприношения (*вэчэмби*), а царевичей, живущих во <л. 18> дворцах Нань-сюнь-дянь, Сянь-ань-гун и т.п. то, помимо постоянного шамана семьи Гиоро, избрав среди жен офицеров трех высших знамен, жен офицеров отдельных дворцовых рот, полуроты дворцовой стражи фамилии Гиоро, либо среди жен сановников и офицеров другой фамилии или среди жен сверхштатных (не на действительной службе в знаменах) маньчжуров тех, кого одобрили в шаманы, поручают таковым совершать жертвоприношения.

(л. 28б) Царевичи, раздельно живущие по своим домам, затем ваны, бэйлэ, бэйсэ, гуны, — каждый, избрав среди жен офицеров отдельной дворцовой роты, полуроты дворцовой стражи фамилии Гиоро, либо среди жен сановников и офицеров другой фамилии, среди жен должностных лиц сверхштатных (нечиновных) маньчжуров тех, кто рекомендован в шаманы, поручают таковым совершение жертвоприношений.

Если среди подчиненных нет шамана, то или маньчжуркам всякой подведомственной дворцовой роты, полуроты, оказав честь избрания в шаманы, поручают приносить жертвы, или, отыскав чужого ему, поручают совершение жертвоприношения.

(л. 29а) У титулованных лиц: гун, хэо, бэ, а также сановников, должностных (военных и гражданских) лиц и ниже их вплоть до сверхштатных маньчжуров — совершают обряды жертвоприношений женщины-шаманы. Вообще, коль скоро отдельно среди ближайших родственников оказался кто выбранным в шаманы, то, все от каждой

семьи, пригласив к себе, поручают ему совершение жертвоприношения духам.

Если не найдут настоящего шамана, то в каждой семье — наподобие совершения жертвоприношения настоящим шаманом — заранее приготовив жертвенные вещи (яства, вино) и возжегши курительные свечи, делает возношение вина, выполняет обряд земных поклонов глава данной семьи-дома, и заколов <л. 19> жертвенное животное, приносит в жертву мясо, и благоговейно совершает жертвоприношение духам. При наличии семей-домов, где совершаются жертвоприношения шаманами-мужчинами, выпросив себе от того или иного дома шаманамужчину, поручают ему совершать (л. 29б) жертвоприношения.

От богдоханского дома и ниже — простых потомков цинской династии, семей Гиоро и Гиоро дальней линии, вплоть до фамильных маньчжуров — все приносят в жертву свиней.

В царских дворцах ежедневно утром и вечером все приносят в жертву по две свиньи; при совершении малого жертвоприношения небу (*мэтэмби*) — одну свинью. Все от ванов и ниже стоящих по рангу, все от гунов, «вошедших в восемь долей» титулованных князей (кроме дней общих жертвоприношений с поднятием шаманской вежи, когда утром и вечером предлагают по две свиньи) — (л. 30а) все вплоть до простых потомков династии и членов клана Гиоро в обыкновенные дни жертвоприношений утром и вечером приносят в жертву по одной свинье. При малом жертвоприношении небу предлагают в жертву одну свинью.

От богдоханского дома весной и осенью (после того как совершат жертвоприношение с поднятием вежи) при совершении в течение двух дней жертвоприношения конскому духу за лошадей предлагают в жертву по две свиньи; ваны и гуны при однодневном жертвоприношении за лошадей предлагают в жертву одну свинью. При испрошении счастья предлагают в жертву двух рыб (карпа и сазана) (л. 30б). Другие маньчжурские семьи только при [испрашивании] счастья совершают именно малое жертвоприношение (*мэтэмби*).

Предлагаемое в жертву при выполнении жертвоприношений <л. 20> обоих видов (духам и небу) не одинаково: либо предлагают одну только свинью, или только одну овцу, или по одной свинье и овце, либо несколько свиней и овец, либо поросенка, гуся, рыбу. Однако, что касается церемонии вливания вина в уши жертвенной свиньи²², вар-

---

²² Перед тем как заколоть свинью в качестве жертвы, ей в ухо вливают водку: если она трясет головой, это значит, что духи принимают жертву.

ки (мяс), предложения снедей при жертвоприношениях (*вэчэмби*) — в общем, они одинаково сходны.

Государи в своих дворцах при вечерних молениях предлагали в жертву хотя бы впервые пойманного зверя, птицу или же (л. 31а) новины полученных птенцов домашней или дикой птицы, рыбу, а теперь в некоторых семьях ванов и маньчжуров при вечерних молениях приносят в жертву гуся, петуха или курицу, рыбу, вновь собранный хлеб или тому подобное.

Кроме (главных) жертвоприношений духам, небу, принесения жертв перед воткнутой веткой ивы, в молитвах о благополучии при [испрашивании] счастья, маньчжуры еще имеют [другие] жертвоприношения. Когда у детей высыпает оспа: принесение в жертву небу свиньи, хлебцев называют «давать обет ради избавления от оспы», принесение в жертву хлебцев (всякое печенье из муки) называют «приносить по обету после оспы»; принесение в жертву во время (л. 31б) вечерней темноты, снаружи западной стороны дома, маленького поросенка называют «прогнать бедствие, напасти».

В период вызревших злаков при появлении точащего их червя, засухи [маньчжуры-земледельцы], направившись <л. 21> в поля, захватив тонкие [палочки] с привязанными к ним полосками из бумаги наподобие малых знамен, приготовив пшеничную кашу или из желтого проса кашицу и взяв с собою на пашни, предлагают в жертву духам; этот обряд называют «приносить жертву [с просьбой] об урожае». Затем, после того как осенью закончат жатву злаков, приготовив хлебцы и взяв их на гумно, предлагают жертву духам, что называют «кропить гумно». Далее, принесение ночью жертвы созвездию Большой (л. 32а) Медведицы называют «совершение жертвоприношения ночью семи звездам Большой Медведицы».

К этому еще маньчжуры, живя продолжительное время по деревням, в поместьях, коль скоро желают принести жертвы духам, то в домах, в которых они помещаются, навесив новую одежду на пеньковую бечевку (делая это наподобие занавеса) так же, как при обыкновенном предложении жертвенных снедей, приносят духам в жертву вино, хлебцы и свинью. И потому «Человеколюбивый император» Шэнь-цзу, долго живя при посещении парка Чан-чунь (л. 32б) в местности Жэхэ, навесивши на вешалке-подставке занавес и расставив божницу и престол совершил жертвоприношение духам. «Божественный и пресудный повелитель», следуя дедовскому примеру, в 8-й год Цяньлун²³

²³ В 1743 г.

в Мукдене также, навесивши занавес, расставив божницу и престол, совершил жертвоприношение.

Малое жертвоприношение небу (*мэтэрэнь*): обряд, когда, отыскав только чистое и без изъяна дерево, соорудив из него веху, либо с помещенным на ней ящиком с жертвенным мясом в нем, либо привязав к ней пучок травы-соломы и купив свинью, разбрасывают пшено, хлебные зерна — (это и есть именно) совершение жертвоприношений небу.

(л. 33а) Во всех и каждой без исключения семье: ванов, бэйлэ, бэйсэ, <л. 22> гунов, потомков династии дома Гиоро, маньчжурских фамильных сановников, военных и гражданских чиновников, семьях нечиновных маньчжуров, коль скоро имеется в доме радостный случай, каждая сама по себе совершает перед кумирами обряд принесения вкладов, жертвований различного рода ценностей. Если имеется соответствующий повод молитвенного обращения к духам, также делают жертвования различных ценностей и испрашивают счастья.

В маньчжурских семьях сановников, должностных лиц до выдачи девушки [замуж], доставив из дома жениха дорогие вещи и деньги и выполнив обряд принесения их *вэчэку*, совершают шаманское жертвоприношение духам (*вэчэмби*) и небу (*мэтэмби*).

(л. 33б) Вместе с этим некоторые из маньчжуров не расставляют для *вэчэку* столов с выдвижными ящиками, а на полку божницы ставят сосуд с курительными свечами и приносят жертву.

Предложение в жертву хлебных изделий

Весной и осенью, когда во дворце совершаются главные, общие жертвоприношения с поднятием жертвенных вех, приготовив из пшеничного битого теста круглые печенье, витуши-крендели из гречневой и другой муки, жаренные в масле, предлагают их в качестве жертвенной снеди. В первый месяц нового года предлагают в качестве жертвенных снедей жаренные в масле витуши-крендели; в пятом месяце предлагают в жертву приготовленные из листьев липы хлебцы; в шестом месяце в качестве жертвенной снеди предлагают хлебцы из кунжутных листьев; в седьмом месяце предлагают в жертву хлебцы, приготовленные из новой просяной муки и испеченные (л. 34а) на паровом стане; в восьмом месяце в качестве жертвенной снеди предлагают сваренную на пару или в котле кашницу из нового мелкого, красноватого клейкого проса и продолговатые, жаренные в масле пирожки из растолченной деревянной <л. 23> колотушкой просяной муки с гороховой начинкой. Во все другие месяцы предлагают в жертву испеченные на пару хлеб-

цы. Кроме хлебцев из просяной, рисовой муки, витушей-кренделей все употребляют хлебцы, испеченные на пару. В домах ванов, также следуя этому, предлагают жертвенные снеди; в других семьях маньчжуров предложение жертвенных снейдей совершают также согласно с этим. В качестве жертвенных предложений ставят пряженые витушки из пшеничной каши, истолченной колотушкой и с примесью тянутого горохового теста; затем распаренную кашицу из мелкого, красноватого клейкого проса; сваренная каша из пшеницы нового сбора — тоже предлагается как жертвенная снедь.

(л. 34б) Далее в некоторых семействах, замесив из новины гречневой муки тесто, раскатав его катком довольно тонко и нажарив лепешки, называют это «гречневыми блинами» (*мэрэ эмпинь*), ставят [их] в жертву перед божницею *вэчэку* для принятия приготовленного духами. Маньчжуры, расселенные в различных местах южных провинций в качестве окраинных гарнизонов, вследствие отсутствия там проса все употребляют вместо него рис.

Маньчжуры, живущие в Пекине, или люди, не имеющие деревенских старост²⁴, [в]место мелкого, красноватого клейкого проса — при выгонке вина, при выпечке на пару хлебцев, блинов, при изготовлении печения из сбитого теста — используют (л. 35а) получаемый в счет жалования клейкий рис.

В богдоханских дворцах в весенний и осенний периоды года за 10 дней до совершения больших жертвоприношений с поднятием флагов, установив большие деревянные чаны, распарив в них кашицу из мелкого красноватого клейкого риса, отцедив и отжав потом жидкость от винной закваски, отстаивая и очищая, готовят жертвенное вино. При ежемесечных обыкновенных жертвоприношениях — за три дня до них, — распарив горячую кашицу <л. 24> из мелкого проса, отцедив жидкость от винной закваски и получив сладкое вино, приносят жертву (*вэчэмби*). В домах ванов (л. 35б) также гонят вино по этому образцу.

Маньчжуры гонят вино или из того же мелкого проса, или из клейкого риса. В некоторых маньчжурских семьях совершают жертвоприношение (*вэчэмби*), перегнав водку или из мелкого красноватого клейкого проса, или из мелкого проса, пшена, риса, или из зерен дурнишника. Вместе с этим маньчжуры при всяком жертвоприношении (*вэчэмби*), предлагая в качестве жертвенных снейдей вино, хлебные печенья — не пользуются покупным: все гонят и готовят дома.

²⁴ Так в тексте. — *Примеч. ред.*

При дворе богдохана в особо выстроенном здании — кухне (*амсунь и боо*) все жертвенные приношения, снеди, яства, вино и т.п., которые употребляются при ежемесячных жертвоприношениях, готовят именно в этом здании: перегонка сладкого вина, выкуривание винной закваски, изготовление муки из зерна, выпечка на пару хлебцев, разваривание гороха (красного и белого), высушивание и поджаривание гороха, бобов, валяние теста для витушек и кренделей, получение масла из жареного кунжута.

(л. 36а) Всякого рода при этом утварь, даже толчеи для обдирки круп, мельницы для муки, ручные мельницы для гороха, деревянные ставни для выпечки на пару хлеба, котлы, чаны, корыта, выдолбленные из целого дерева, ящики, плетенные из тальника мерки для хлеба, большие из прутьев корзины, деревянные ведра, коромысла (плоские, не изогнутые), решета для муки, лотки, плетенные из прутьев, — все имеют нарочитое одно назначение — удел; вещами этого года не пользуются в другом месте. В семьях ванов, в старинных родовых фамилиях маньчжуров — все также имеет свое особое одно назначение.

(л. 36б) Если имеются посредственно живущие, не как другие семьи — неимущие маньчжуры, то после того, как они заготовили <л. 25> днем до жертвоприношения жертвенные вещи, они отчищают, обмывая водой (постоянного, повседневного употребления), домашний котел, чтобы использовать его при принесении жертвы. По этой причине старейшие (уважаемые люди селения), либо соседи, либо родственники в тех домах, где готовят вещи, завладевают их котлом с тем, чтобы каждый, приготовив званый обед — закуски, кушанья, — доставил в семьи, которые приготовили жертвенные вещи. В день шаманского служения они, пригласив к себе в гости тех лиц, которые принесли кушанья, потчуют их приготовленным жертвенным мясом.

(л. 37а) Далее, так как в некоторых семьях в то время, когда было принесение жертв, не доставали годной к употреблению при этом хорошей и чистой бумаги, то в каждом доме делали сами бумагу; для этого или летний холст из пеньки или пучки конопли, раздробив битьем колотушкой, намачивали, размягчали накрошенное в воде, размешивали лопаткой, процеживали через решето подонки бумажного раствора, наваливая его на особую для этого тростниковую или бамбуковую плетенку.

Искони исполнявшиеся маньчжурами правила соблюдения предписанных воздержаний

Вэчэку ставят непременно в главном лицевом здании, обращенном на юг. При совершении жертвоприношения (*вэчэмби*) жертвенное мясо вечерних жертвоприношений (*туйбурэ яли*) по принятому обычаю выставляют наружу помещения, где выполнялось принесение жертв; мясо утром совершенных жертвоприношений, кроме кож, шкур и костей, и самую малость не выставляют наружу.

(л. 37б) Во время приема в пищу жертвенных мяс, подданные, хотя бы государи их будут посылать, не могут переступить порога дверей, пережевывая, разжеванное во рту мясо: только проглотив мясо, можно выйти за ворота здания, где совершается жертвоприношение (*вэчэмби*).

<л. 2б> В некоторых семьях жертвенное мясо (*вэчэрэ яли*) выставляют наружу; бывает также, что в некоторых семьях вообще не выставляют наружу мяс вечерних жертвоприношений (*туйбурэ яли*).

Фамильные маньчжуры, употребляющие в пищу свинину при жертвоприношениях (*вэчэмби*), совсем не едят ее при всех поминках на могилах покойников.

(л. 38а) Посему Ши-цзу, «Просвещенный император», издал особый указ, которым было определено: при совершении жертвоприношений на могилах, когда предлагают в жертву сырых быка, овцу, свинью, — заменить последнюю для жертвоприношения одним быком, двумя овцами.

Обычно в маньчжурских семьях, которые, откармливая, выращивают свиней, — не допускают их входить в ограду жертвенного здания; если свинья, вырвавшись, забежит туда, то ее закалывают и приносят в жертву (*вэчэмби*).

(л. 38б) Что касается слова *силгамби* «закалывать», то оно говорит-ся взамен «убивать» свинью; когда у нее прекратится дыхание, говорят *тэждэхэ*, т.е. «воспарила».

Жертвенные свиньи, затем все другие вещи, которые приносят в жертву при жертвоприношениях духам (*вэчэмби*) и вечерних жертвоприношениях (*туйбумби*) — все жертвенные снеди, плоды, вино и пр. — называют *шушу*.

Сжигание подвешенных бумажных денег при жертвоприношениях называют *тэждэбумби* «развеивать пепел сожженных бумажных денег как прах».

После того как произвели опаливание головы и ног свиньи, при удалении с кожи щетины не говорят *шо* (*шомби*) «отскабливай», а говорят *ваша* (*вашамби*) «скобли».

Когда в доме приготовили жертвенные снеди и если гонят вино, то не идут в места, где траур — сетование по умершим.

<л. 27> (л. 39а) Если глаз оскверняет, наносит порчу от того, что отправились по неизбежности совпавших обстоятельств, то вследствие этого не входят в дом, где совершают жертвоприношение (по покойникам): только после того, как сменится месяц — вступают [в жертвенное здание]. Либо входят в помещение по прошествии трех дней, после того как вымылись (в ванне или большом тазу) и сменили все: одежду, головные уборы.

Маньчжуры, если имеется какой-нибудь семейный траур, то, призывая *вэчэку*, вынеся божницу наружу, ставят на короткое время в другом чистом месте. Если траур у ближайших родственников — каждый из них только тогда входит, когда за большими воротами снял траур. Если [в трауре] недостаточные люди чужой семьи, то входят только тогда, когда обмыли лицо, глаза и, разжегши траву, (л. 39б) перепрыгнули через огонь.

Полку божницы *вэчэку* занавешивают красным оберточным платком, или красным шерстяным войлоком (матом из трав), или бумагой того же цвета.

В ограду жертвенного здания не входят с плетью.

В жертвенных зданиях не выставляют напоказ шелковых, атласных тканей, драгоценностей; не проливают напрасно, без причины слез; людей с не надетым [церемониальным] головным убором не впускают; не бьют, не наказывают людей; не напоминают о деле, от которого нарушается нравственное чувство, опечаливаются мысли и сердце; не произносят запретных, злых слов — ведут разговор только лишь о делах радостных и хороших.

(л. 40а) Шэн-цзу (Канси), «Человеколюбивый император», изволил сказать: «Всегдашние правила воздержания, которым следовали прежние старые люди, — строги». Ради сего Шэн-цзу в написанном возвышенно-проникновенными словами домашнем поучении повелел: «У прежних маньчжуров дела воздержания от всего <л. 28> дурного, неприличного, запрещенного — все одинаково с содержанием книг древних времен. Например, в деле различного рода выполнения запретительных предписаний, соблюдения воздержаний старые люди блюдут их ради своих сыновей и внуков (л. 40б), а эти, состарившись, сами соблюдают запретительные предписания, воздержания — ради своих сыновей и внуков. Так как вы знаете это, то непременно должны поступать сообразно с сим».

Summary

A.V. Grebenshikov

The Code of Manchu Shamanic Rites

Preface and publication by T.A. Pang

Aleksandr Vasilievich Grebenshikov (1880–1941) was one of the leading Russian specialists in the Manchu language and culture. Before World War II, during his work at the Institute of Oriental Studies, he made a full Russian translation from the Manchu language edition of “The Imperially approved Code of Manchu shamanic rites”. The typewritten manuscript and its draft are kept at the Orientalists’ Archives (F. 75. Inv. 1, unit. 72, folder 1, p. 16–28). An abstract from the first fascicle of his translation (p. 16–28) concerning the rules of shamanic sacrifices at the Manchu court is published here.

Key words: A.V. Grebenshikov, Manchu, Shamanism, the “Code of Manchu Shamanic Rites”, the Orientalists’ Archives.

П.П. ИВАНОВ

**Средняя Азия и Казахстан
во второй половине XVIII в.**

*Предисловие и публикация
Е.И. Серовой*

Аннотация: Публикуемая статья принадлежит перу Павла Петровича Иванова (1893–1942), выдающегося российского историка Средней Азии. Статья, написанная П.П. Ивановым в 1938 г., хранится в АВ ИВР РАН (Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 35. Машинопись, 16 л.). Она содержит краткий обзор политической и экономической истории Бухарского, Хивинского, Кокандского ханств Средней Азии, а также освещает некоторые вопросы истории казахского народа во второй половине XVIII в. Текст этой работы впоследствии, вероятно, лег в основу монографии П.П. Иванова «Очерки по истории Средней Азии (с XVI до середины XIX в.)», которая была опубликована лишь после смерти ученого в 1958 г. Несомненно, статья, написанная в конце 30-х гг., ввиду публикации новых исследований и материалов, требует некоторых дополнений, но благодаря четкости изложения, глубокому историческому анализу и подбору фактов она представляет большой научный интерес и в наши дни.

Ключевые слова: П.П. Иванов, Средняя Азия, Казахстан, Очерки по истории Средней Азии, Бухарское ханство, Хивинское ханство, Кокандское ханство, Бухара, Самарканд, казахи.

Материалы, посвященные жизни и деятельности выдающегося историка-востоковеда, автора многочисленных научных работ по истории Средней Азии и Ирана — Павла Петровича Иванова составили в АВ ИВР РАН фонд № 124. Некоторые статьи, входящие в состав этого фонда, никогда не публиковались и неизвестны широкому кругу читателей. При более подробном их исследовании становится очевидным, что они не утратили научной актуальности и по сей день.

П.П. Иванов родился 28 февраля 1893 г. в сибирском селе Песьяно Ишимского уезда Тобольской губернии (ныне — Тюменской обл.)¹. В 1907 г. его отец, крестьянин, перевез семью в Чимкент, где в 1910 г. П.П. Иванов окончил городское училище. В 1910–1914 гг. он обучался в Туркестанской учительской семинарии в Ташкенте. Там, благодаря влиянию наставников, в том числе директора, широко образованного востоковеда Н.П. Остроумова, у П.П. Иванова возник интерес к изучению истории Средней Азии. В семинарии П.П. Иванов изучал узбекский и персидский языки и по ее окончании два года работал учителем в русско-киргизской школе в Чимкенте. Во время Первой мировой войны в 1916 г. Иванов был призван на военную службу и в 1916–1917 гг. обучался в Ташкентском военном училище, по окончании которого в 1917 г. был отправлен на фронт. В дни Февральской революции в Калуге, где П.П. Иванов учился на военных курсах, был организован революционный комитет, в котором Павел Петрович занимал должность секретаря. После демобилизации из армии в 1918 г. он вновь приступил к работе в качестве преподавателя русско-киргизской школы. В октябре 1918 г. Иванов занимал должность заведующего Чимкентской школой второй ступени. В июле 1919 г. будущего ученого опять мобилизуют в Красную армию и назначают заведующим гарнизонными школами Ташкента. Окончательно демобилизовался П.П. Иванов в мае 1920 г.

В 1919 г. П.П. Иванов поступает в Туркестанский восточный институт в Ташкенте и оканчивает его в 1924 г. по иранскому отделению. Копия диплома, хранящаяся в его личном деле в АВ ИВР РАН², содержит список курсов, прослушанных Ивановым. В Институте он изучал языки, знание которых впоследствии помогло ему при работе с рукописными источниками по истории Средней Азии и Ирана: узбекский, арабский, персидский, иранские наречия Средней Азии. По окончании Института П.П. Иванов в течение пяти лет трудился экономистом в государственных учреждениях Ташкента и Фрунзе. К работе по специальности он смог приступить только в 1929 г., когда получил приглашение в ленинградский Восточный институт на должность доцента по кафедре истории и экономической географии Средней Азии. В том же году он начал преподавать в Ленинградском государственном университете.

¹ См. биографический очерк: *Якубовский А.Ю.* Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии // Советское востоковедение. Л., 1948. С. 313–320.

² АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 261. Л. 6.

В начале научной карьеры П.П. Иванов интересовался главным образом археологией Средней Азии. Еще в 1923 г., будучи студентом, он опубликовал две статьи, посвященные истории и археологии древнего городища Сайрам³ в сборнике «Ал-Искандерийя» в честь профессора А.Э. Шмидта⁴. Ряд небольших работ, опубликованных П.П. Ивановым в конце 20-х — начале 30-х годов, освещает вопросы, связанные с экономической географией и экономикой Средней Азии. В 1932 г. увидела свет его книга по истории горного дела в Средней Азии⁵, в 1934 г. вышла в свет статья Павла Петровича «К вопросу о древностях в верховьях р. Таласа»⁶.

22 апреля 1934 г. П.П. Иванов поступил на службу в Институт востоковедения АН СССР в должности старшего научного сотрудника. В этот период он всецело отдает себя научной работе. ИВ, с его богатейшим собранием восточных рукописей, открывает перед ним широчайшие возможности для изучения истории Средней Азии. Главные трудности в работе молодого ученого были связаны с необходимостью выявления источников среди большого количества рукописного материала на персидском и тюркском языках. И за короткий срок (восемь лет) отведенной ему судьбой научной жизни П.П. Иванову удалось сделать очень многое. В области изучения истории Средней Азии XVI–XIX вв. он выступил как исследователь-пионер⁷. В 1935 г. вышла его первая крупная работа «Очерк истории каракалпаков»⁸, в которой, опираясь на данные источников, П.П. Иванов показал основные направления кочевания каракалпаков во времена, предшествующие заселению ими низовий Амударьи. Именно Иванов впервые опроверг существовавшее

---

³ Сайрам — городище на юге Казахстана на месте средневекового города Исфиджаб, который впервые упоминается Сюань-цзаном в 629 г.

⁴ Иванов П.П. Предание о калмыцком нашествии на Сайрам // Сборник Ташкентского Восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. Таш., 1923. С. 46–56; *он же*. Сайрам (историко-археологический очерк) // Там же. 1923. С. 57–58.

⁵ Иванов П.П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Л.–М., 1932.

⁶ Иванов П.П. К вопросу о древностях в верховьях Таласа // Сборник Академии наук СССР. С.Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934. С. 241–257.

⁷ До публикации работ П.П. Иванова данному периоду были посвящены статьи: Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета // Справочная книга Самаркандской обл. на 1902 г. Вып. VII. Самарканд, 1902; Семенов А.А. К проблеме национального размежевания в Средней Азии. (Историко-этнографический очерк). Таш., 1924.

⁸ Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков // Труды Института востоковедения АН СССР. Т. VII. Материалы по истории каракалпаков. Л., 1935. С. 9–89.

в тот период в науке мнение о тождестве печенегов и каракалпаков, а также гипотезу об этническом родстве каракалпаков с ногаями. Работа получила широкую известность, в том числе и за рубежом, была переведена на турецкий язык. В 1935 г. решением Ученого совета ИВ АН на основании «Очерка» П.П. Иванову была присуждена ученая степень кандидата исторических наук⁹.

Углубляясь в исследование источников, П.П. Иванов выявляет новые сведения по экономической истории среднеазиатских народов. Итогом его работы в данной области стали две статьи: «Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии»¹⁰ и «История царствования Сейид Мухаммед-хана (1856–1865)» (перевод из рукописи «Гульшен-и девлет» Мухаммеда Риза-мираба Агехи)¹¹. Приведенные в статьях толкования ряда хозяйственных терминов, основанные на нарративных источниках и документах, стали частью терминологии исторической науки. В 1937 г. была опубликована статья П.П. Иванова «Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821–1825 гг.»¹², в которой он охарактеризовал особенности социальных движений в Средней Азии в XVI–XIX вв., а также подробно исследовал общественно-политическую и экономическую жизнь Бухарского ханства в период правления эмира Хайдара (1800–1826).

В 1938 г. вышел фундаментальный труд «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (XVI–XIX вв.)¹³, подготовку которого научный коллектив ИВ АН вел в течение двух лет. П.П. Иванов выполнил для этой работы частичный перевод с хивино-узбекского языка источников «Фирдоус ал-Икбаль» Муниса¹⁴ и «Гульшен-и Девлет» Агехи¹⁵, снабдил его подробными комментариями и осуществил научное редактирование текстов сборника. В «Материалы» также вошли переводы Иванова с персидского языка и две его вводные статьи¹⁶. В 1939 г. он публикует статью «Казахи и Кокандское ханство»¹⁷.

⁹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 261. Л. 15.

¹⁰ Известия АН СССР. ООИ. 1935, № 8.

¹¹ В сборнике «Материалы по истории каракалпаков» (ТИВ АН СССР. Т. VII. 1935).

¹² Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XXVIII. М.–Л., 1937. С. 130.

¹³ Материалы по истории туркмен и Туркмении (XVI–XIX вв.). В 2 т. // ТИВ АН СССР. Т. XXIX. Источники по истории народов СССР. М.–Л., 1938–1939 (далее — Материалы).

¹⁴ Материалы. II. С. 323–425.

¹⁵ Там же. С. 562–611.

¹⁶ *Иванов П.П.* Хивинские хроники XIX в. Муниса-Агехи как источник по истории туркмен // Материалы. II. С. 23–28; *Иванов П.П., Боровков А.К.* Несколько общих замечаний об источниках по истории туркмен в XVI–XIX вв. // Там же. С. 28–38.

¹⁷ Записки Института востоковедения АН СССР. Т. VII. 1939. С. 92–128.

В конце 1930-х гг. П.П. Иванов занимался изучением архива хивинских ханов. Многолетние усилия ученого по розыску этих материалов были вознаграждены в 1936 г., когда ему удалось обнаружить в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде документы этого архива, вывезенные по распоряжению генерала К.П. Кауфмана (1818–1882) после завоевания Хивы в 1873 г. Составленный из 120 тетрадей (дефтеров), архив содержит датированные 1820–1870 гг. записи о распределении воды среди населения, о землевладении и землепользовании, об урожае и посевах и др. Предварительные результаты исследования Архива П.П. Иванов изложил в октябре 1936 г. в докладе в ИВ АН СССР, а в 1940 г. опубликовал большую работу «Архив хивинских ханов XIX в.»¹⁸. Этот труд высоко оценили коллеги. В отзыве 1941 г. академик И.Ю. Крачковский писал: «Я имел возможность близко ознакомиться с работой П.П. Иванова „Архив хивинских ханов XIX в.“ еще во время печатания и тогда же в предисловии изложил свои соображения относительно важности открытия, сделанного П.П. Ивановым, и научного значения его исследования. После выхода в свет книги появилось большое количество критических отзывов с очень положительной оценкой труда, вышло несколько новых работ самого П.П. Иванова, которые еще отчетливее показали капитальную важность найденных и исследованных им материалов»¹⁹. За эту работу решением Ученого совета Института востоковедения АН СССР от 24 ноября 1941 г. П.П. Иванову была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

Одновременно П.П. Иванов занимается исследованием архива шейхов Джуйбари XVI в. На основании документов данного архива, а также рукописи «Матлаб ат-талибин» П.П. Иванов опубликовал монографию²⁰, в которой он исследовал формы земельных отношений в Средней Азии XVI в.

Перед самым началом Великой Отечественной войны П.П. Иванов работал над монографией «Очерки по истории Средней Азии (с XVI до середины XIX в.)»²¹, опубликованной посмертно в 1958 г. Работу по

¹⁸ *Иванов П.П.* Архив хивинских ханов XIX в. (Исследование и описание документов с историческим введением). Л., 1940.

¹⁹ АВ ИВР РАН, Ф. 152. Оп.3, ед. хр. 261. Л. 42.

²⁰ *Иванов П.П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XIX вв. М.–Л., 1954.

²¹ *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (с XVI до середины XIX в.). М., 1958. Рец.: О.Д. Чехович, Р.Г. Мукминова. О книге П.П. Иванова «Очерки по истории Средней Азии. XVI — середина XIX в.» // Известия Академии наук УзССР, 4, Таш., 1959, с. 70–73.

подготовке рукописи к печати провела вдова автора Ольга Капитоновна Иванова.

Труды П.П. Иванова положили начало всестороннему изучению в России письменных памятников по истории Средней Азии XVI–XIX вв. Павел Петрович обладал исключительной работоспособностью, мог часами просиживать за письменным столом, погруженный в изучение книг и рукописей. С большим увлечением он относился и к преподавательской деятельности. Студенты уважали его, склоняясь перед его большим научным авторитетом, охотно посещали его занятия.

Многим творческим планам ученого не суждено было сбыться, его жизнь оборвалась в самую тяжелую в истории блокадного Ленинграда зиму. П.П. Иванов скончался в ночь со 2 на 3 февраля 1942 г., в расцвете творческих сил, трех недель не дожив до 49 лет.

Публикуемая ниже статья представляет собой краткий обзор истории Средней Азии и Казахстана во второй половине XVIII в.²² Она написана П.П. Ивановым в 1938 г. и позже составила основу нескольких глав «Очерков по истории Средней Азии». Несмотря на то что Павел Петрович работал над текстом в 30-х гг., благодаря четкости изложения, глубокому историческому анализу и подбору фактов она и в наши дни представляет научный интерес.

Е.И. Серова

Средняя Азия и Казахстан во второй половине XVIII в.

<На титульном листе пометка, сделанная рукой П.П. Иванова: Для «Всемирной истории» (Новое время)>

К числу важнейших политических фактов, оказавших влияние на исторические судьбы Средней Азии во второй половине XVIII в., относится подчинение среднеазиатских ханств — Бухарского и Хивинского — Надир-шахом в 1740 г. Выдвинувшись благодаря своим военным способностям из среды кочевников туркменского племени афшар и объединив вокруг себя довольно значительные силы своих соплеменников, Надир умело использовал существовавшие среди окружающих туркменских и иранских феодалов противоречия и овладел в 1736 г. иранским престолом.

Вслед за этим «последний великий завоеватель Азии» подчинил себе Закавказье, Афганистан и дошел до Лагора и Дели в северо-

²² АВ ИВР РАН. Ф. 124. Оп. 1, ед. хр. 35. 16 л.

западной Индии, откуда вывез огромные награбленные им там сокровища (1738–1739).

Поводом к походу Надира на среднеазиатские ханства явились набеги хивинского хана Ильбарса (1728–1740) на северные окраины иранских владений. В этих набегах принимали участие также туркмены, вследствие чего их кочевья разорялись иранскими войсками еще задолго до похода Надира в Среднюю Азию. Воспользовавшись враждой между туркменами и их соседями — каджарскими племенами и курдами — Надир сумел подчинить себе Мерв и ряд других туркменских районов. Частые войны с Надиром вынудили некоторые туркменские племена покинуть свои прежние пастбища и переселиться в другие, более отдаленные от иранской границы, места. Сломив сопротивление ближайших к иранской границе туркмен, Надир выступил с войсками в 1740 г. против Бухары и Хорезма (Хивы).

Бухарское ханство занимало в рассматриваемое время довольно значительное пространство в центре Средней Азии, включая Фергану. Столицей ханства являлся город Бухара. Из других наиболее крупных городов можно отметить Самарканд. Население ханства состояло в большинстве из узбеков и таджиков. Узбеки в значительной своей части продолжали вести еще кочевой или полукочевой образ жизни и сохраняли пережитки патриархально-родового быта, хотя и в значительной мере уже пронизанного элементами феодальных отношений. Во главе каждого узбекского рода или племени стояла своя феодально-племенная знать, сосредоточивавшая в своих руках власть над землей и пастбищами и державшая в связи с этим в зависимости от себя основную массу окружающего населения. Власть бухарского хана являлась при таких условиях фиктивной.

Стремясь к расширению своего могущества, узбекские феодалы вели постоянные войны между собой, что крайне болезненно отражалось на положении широких масс населения.

Переживая, таким образом, в первой половине XVIII в. период крайней феодальной раздробленности и полного политического упадка, Бухара должна была подчиниться Надиру без сопротивления. Хан Абуль-Фейз (1711–1747), долгое время безуспешно боровшийся с враждебной ему знатью узбекских племен и совершенно обессиленный, признал себя вассалом иранского шаха и вынужден был выполнять все предъявлявшиеся ему требования.

Хивинское ханство, занимавшее небольшой сравнительно оазис в низовьях Аму-Дарьи, было отделено от остальных районов Средней Азии большими пустынными пространствами, созданными как бы са-

мой природой для защиты от внешних нападений. Население ханства состояло главным образом из узбеков и туркмен, занимавшихся частью земледелием, частью скотоводством.

В противоположность Бухарскому ханству, Хива оказала войскам Надира упорное сопротивление, хотя и не давшее положительных результатов.

Завоевав Хиву, Надир приказал казнить хана Ильбарса и посадил на его месте одного из местных царевичей. Для пополнения своего войска и во избежание возможных возмущений в завоеванной стране Надир увел из Хивы большое число годных к военному делу людей, включив их в состав своей армии, как это делалось им при завоевании и других стран.

Приказано было также освободить всех находившихся в Хивинском ханстве рабов, в большинстве иранцев, число которых доходило здесь, по некоторым данным, до 30 тыс. человек, мужчин и женщин²³. Значительная часть боеспособного элемента была выведена Надиром и из Бухарского ханства.

В число бухарских узбеков, включенных в состав иранской армии, вошел также сын бухарского аталыка (первого министра) Мухаммед Рахим из узбекского племени мангытов, явившийся впоследствии основателем новой, так называемой мангытской династии в Бухаре, о чем подробнее будет сказано ниже.

В 1746 г. против Абуль-Фейза выступил с довольно значительными силами предводитель узбекского племени кытай (кытай), владевший районом между Самаркандом и Бухарой. Потерпев ряд неудач в борьбе с восставшими, Абуль-Фейз обратился за помощью к Надиру. Высланный Надиром большой карательный отряд с артиллерией нанес поражение восставшим и преследовал их до Ферганы, всюду подавляя оппозиционные элементы.

В Хиве после ухода иранских войск возобновилась прежняя борьба между главарями узбекских племен и ханской властью, что привело, в конце концов, к полной анархии и раздроблению страны на ряд враждебных друг другу владений. Частая смена ханов, получившая впоследствии у одного из среднеазиатских историков название «игры в ханы», закончилась в шестидесятых годах XVIII в. переходом политической власти к предводителям некоторых туркменских племен, использовавшим свое господство над оседлыми районами ханства для поголовного грабежа мирного населения.

²³ Источники по этому вопросу см. в «Материалах по истории туркмен и Туркмени», изд[ание] ИВАН. Т. II. М.–Л., 1938, стр[аница]166 и след[ующие]. — *Примеч. П.П. Иванова.*

Хивинский историк рассказывает, что население начало покидать свои места и расходиться в разные страны, особенно в Бухару. В стране начался голод и появились массовые эпидемии; города и селения опустели, пашни заросли тростником. В столице ханства — Хиве — оставалось не более 10 или даже 15 семейств. Некоторые начали есть человеческое мясо. Никто не чувствовал себя в безопасности²⁴.

Борьбу за восстановление Хивинского ханства возглавлял *инак*²⁵ Мухаммед Эмин, происходивший из знати узбекского племени конграт. Опираясь на наиболее активные элементы из своих соплеменников, купечества и духовенства и используя существовавшую вражду между отдельными туркменскими племенами, Мухаммед Эмин сумел к концу своей жизни (1790 г.) уничтожить господство туркмен и восстановить в стране относительное спокойствие, жестоко подавляя всякое сопротивление со стороны враждебных феодальных групп.

Расселившееся во время смут население постепенно возвращалось на свои места. Хозяйственная жизнь страны стала восстанавливаться. Все свои мероприятия Мухаммед Эмин осуществлял как бы от имени ханов, являвшихся в действительности подставными лицами, назначавшимися и смещавшимися по воле *инака*. Таких ханов Мухаммед Эмин за время своего правления [с]менил несколько.

После смерти Мухаммеда Эмина фактически власть в Хиве перешла к его сыну Эвезу (1790–1801), так же как и его отец управлявшему страной в звании *инака*. Сын Эвеза Эльтузар (1804–1806) отказался от обычая возводить на престол подставных ханов и принял ханский титул сам. Таким образом, *инак* Мухаммед Эмин явился родоначальником хивинской династии, получившей название конгратской (кунгратской), управлявшей ханством до 1919 г.

Бухарское ханство после гибели Надира в 1717 г.²⁶ также возвращает себе независимость. Во главе правления становится уже упоминавшийся выше Мухаммед Рахим из мангытов (1747–1758), состоявший после 1740 г. в войсках Надира и незадолго до смерти последнего присланный в Бухару в качестве «главного *аталыка*»²⁷.

---

²⁴ Цитирование «Материалов по истории туркмен». Т. II, стр. 344. — *Примеч. П.П. Иванова.*

²⁵ *Инак* (тюрк., букв. «доверенное лицо») — титул, обозначавший одного из приближенных хана, придворных.

²⁶ Здесь, возможно, опечатка автора, Надир-шах умер в 1747 г.

²⁷ *Аталык* (букв. «заступающий место отца») — почетный титул, которого удостоивались в Средней Азии особо уважаемые лица.

Убив в 1747 г. Абуль-Фейза и возведя на его место подставное лицо, Мухаммед Рахим при поддержке своих соплеменников мангытов, духовенства и купечества вступает в борьбу с местными феодалами. В течение пятидесятих годов были подчинены Шахрисябз и ряд других более мелких владений, считавшихся во время правления Абуль-Фейза независимыми.

Успеху завоеваний Мухаммед Рахима отчасти способствовала усвоенная им на службе у Надира военная техника, находившаяся у местных феодалов на чрезвычайно низком уровне. В своей борьбе против феодальной раздробленности хан встретил поддержку со стороны той части населения, интересы которой нарушались почти непрерывными феодальными войнами между правителями мелких отдельных владений.

Мухаммед Рахим стремился восстановить жизнь городов, пострадавших от смут предшествовавшего периода. Бухарский историк отмечает, что при завоевании Гиссара бухарский правитель приказал переселить в Бухару, Самарканд и другие центральные города ханства всех, кто жил в тех городах раньше. В связи с этим из Гиссара было выселено 20 тыс. семейств²⁸.

В 1756 г. Мухаммед Рахим принял ханский титул, явившись, таким образом, родоначальником последней бухарской династии — мангытской, — последний представитель которой, как известно, принужден был покинуть Бухару в 1920 г.

Обширные степные пространства, расположенные к северу от среднеазиатских оазисов, были заняты казахами, разместившимися здесь еще в XVI в. Казахи занимались скотоводством, вели кочевой образ жизни и, так же как узбеки и туркмены, делились на множество различного рода племен и родов. Ряд племен и родов составляли особые объединения, называвшиеся ордами (*жуз*). Таких орд в XVIII в. было три — Большая, или Старшая, Средняя и Малая, или Младшая. Во главе каждого племени или рода стояла своя правящая верхушка, составлявшая наиболее зажиточную часть казахского общества и державшая в зависимости от себя массу кочевников.

Наряду с правителями отдельных племен среди казахов пользовались влиянием также султаны-*тöre*, считавшиеся потомками знаменитого монгольского завоевателя Чингиз-хана. Султаны составляли особого рода замкнутую аристократическую касту — «белую кость», —

²⁸ Тарих-и Рахим-хани, соч[инение] Мухаммед Вефа. Рукопись Ин[ститу]та востоковедения АН. С 527, Л. 276а и след[ующие]. — Примеч. П. П. Иванова.

противопоставлявшуюся народным массам — «черной кости». <Добавлено карандашом: Караши>.

В периоды междоусобных войн, происходивших между главарями отдельных племен на почве распределения пастбищ, некоторые из султанов захватывали в свои руки власть и [обретали] ханский титул <добавлено карандашом: формально путем их избрания>. Наибольшим значением ханская власть пользовалась среди казахов в периоды военной опасности, в остальное время она была незначительна ввиду противодействия, оказывавшегося со стороны правящей знати племен. В XVIII в. каждая из казахских орд имела своего хана. Каждый из ханов, опираясь на группу своих приверженцев из знати отдельных племен, вел войны против своих противников — ханов других орд, что в значительной степени ослабило единство и политическую мощь казахского народа. Другая причина политической слабости казахов заключалась в их экономической отсталости. Ни городских центров, ни промышленности (даже ремесленной) в казахских степях в рассматриваемое время не существовало, вследствие чего в экономическом отношении казахи целиком зависели от окружающих соседей — от России на севере, от Средней Азии на юге и Китая на востоке.

На политическую жизнь казахов XVIII в. большое влияние оказали джунгары (калмыки), завоевавшие в первой четверти названного столетия большую часть казахской территории до Ташкента включительно и заставившие казахские племена временно отойти в глубь оазисов Средней Азии и далее на северо-запад до низовьев Урала и Волги.

Джунгарское завоевание вызвало исключительное потрясение в жизни казахского народа, сохранившееся в народной памяти до самого последнего времени. Оно способствовало также обострению хозяйственного кризиса внутри отдельных казахских орд и усилило политические противоречия среди правящей знати.

Не будучи в состоянии защищаться собственными силами против джунгаров, а также враждебных ему ханов Средней и Большой Орд, хан Малой орды Абуль-хайр вступил в 1730 г. в переговоры с русским правительством о подданстве в расчете получить военную поддержку для борьбы со своими противниками. Обращение Абуль-хайра было использовано правительством Анны Иоанновны как удобный предлог для вмешательства в дела казахских степей, интерес к которым наметился в России еще при Петре Первом.

В конце пятидесятых годов XVIII в., когда Джунгарское государство было совершенно уничтожено китайскими войсками, казахи получили возможность возвратиться на свои прежние места, однако преж-

ней независимостью они уже не пользовались. Рассматривая казахов как своих подданных, царское правительство начинает постепенно подчинять их своему влиянию. В тридцатых годах XVIII в. был основан город Оренбург, явившийся уже во второй половине названного столетия крупнейшим административно-политическим и торговым центром в казахских степях. На окраинах казахской территории со стороны Урала, Сибири и Оренбурга царским правительством строится ряд крепостей, официально с целью защиты русской территории от казахских набегов, фактически для того, чтобы оттеснить казахов с севера и ограничить районы их перекочевков.

Ханы и некоторые из представителей казахской правящей знати, подкупленные наградами и подарками оренбургского генерал-губернатора, превращаются в послушное орудие царской политики, другая часть господствующего класса стремится сохранить свое прежнее влияние и вступает в борьбу с царским правительством. Усилившаяся, таким образом, борьба за власть внутри правящей знати еще более усилила отрицательные последствия царской колониальной политики и ухудшила и без того тяжелое положение широких масс кочевников, вынужденных переносить на своих плечах двойной гнет колониально-феодальной эксплуатации, особенно в Меньшей (или Младшей) орде, располагавшейся вблизи русской границы.

Значительно меньшую зависимость от колониальной политики царизма испытывали казахи Большой и Средней орд, кочевья которых располагались на значительном расстоянии от русских «укрепленных линий».

Из ханов Средней орды наибольшей популярностью во второй половине XVIII в. пользовался Аблай, опиравшийся в борьбе против колониальной политики царизма на помощь со стороны Китая. В семидесятых годах Аблай вел войны с киргизами, занимавшими тогда, как и в настоящее время, район Тяньшан[ь]ских гор до Ферганы включительно.

Большая орда занимала в рассматриваемое время район к северу и северо-востоку от Ташкента и имела непосредственное соприкосновение со среднеазиатскими ханствами. В восьмидесятых годах XVIII в. территория Большой орды была завоевана правителем Ташкента Юнус-ходжой, уничтожившим здесь ханское звание и управлявшим Большой ордой через посредство своих людей, выдвигавшихся из знати отдельных племен.

Ограничивая на этом изложение важнейших фактов из истории казахского народа во второй половине XVIII в., возвратимся теперь к дальнейшему изложению событий в Средней Азии за тот же период.

Один из преемников уже упоминавшегося выше Мухаммед Рахима, Шах-Мурад (1785–1800), присоединил к Бухаре области по левую сторону Аму-Дарьи (Балх и др.), отошедшие от Бухарского ханства со времени их завоевания Надиром в тридцатых годах XVIII в. В состав Бухарского ханства была включена также значительная часть современной Туркмении с центром в Мерве. Мерв, остававшийся после смерти Надира под властью каджарских предводителей, был завоеван Шах-Мурадом в 1785 г., причем большинство жителей города, как каджаров, так и иранцев, было переселено в Бухару, где потомки их, известные под названием ирани, живут и в настоящее время.

За время своего правления Шах-Мурад совершил ряд грабительских походов на Хорасанскую провинцию Ирана, доходя до Мешхеда включительно. Походы, оправдывавшиеся мотивами религиозного порядка («борьба с неверными-шиитами»), в действительности имели задачей захват добычи и увод пленных, продававшихся затем на среднеазиатских невольничьих рынках. Из прочих мероприятий Шах-Мурада следует отметить произведенные по его распоряжению обширные оросительные работы на Заравшане и в других районах Бухарского ханства. Правление Шах-Мурада характеризуется, между прочим, как период расцвета религиозного «просвещения» в Бухарском ханстве, когда число учащихся в высших богословских школах (медресе) доходило, по некоторым сведениям, до 30 тысяч человек.

Ко второй половине XVIII в. относится обособление Ферганы в самостоятельную политическую единицу, получившую уже в конце царствования Шах-Мурада название Кокандского ханства. Власть кокандских правителей до начала XIX в. ограничивалась одной только Ферганской долиной, притом, по-видимому, только центральной ее частью. На северо-востоке долины еще в середине XVIII в. играли главную роль киргизы, занимавшие в это время, как уже указывалось, не только северные, но и южные склоны Тяньшаня. Некоторым влиянием на ферганские дела пользовались в середине XVIII в. также казахские ханы Большой (Старшей) и Средней орд, управлявшие в это время районом Ташкента в качестве вассалов калмыцких (джунгарских) князей.

В XVIII в. в Фергане наблюдается некоторый экономический подъем, выразившийся, в частности, в расширении городской жизни и развитии шелководства, что, по-видимому, было связано отчасти с ростом торговли с Китаем (Кашгарией), а также окружающей кочевой периферией. Завершающийся в Средней Азии к концу XVIII в. процесс формирования внутреннего рынка отразился и на Фергане, где также

наблюдается укрепление связей между отдельными ранее разрозненными районами, что, в свою очередь, облегчило задачу объединения Ферганы под властью одного правителя.

Таким образом, под влиянием различного рода социально-экономических факторов в Средней Азии к концу XVIII в. происходит процесс некоторой политической консолидации, следствием чего явилось образование здесь трех централизованных феодальных деспотий, известных в литературе под названием ханств Бухарского, Хивинского и Кокандского. Следует, впрочем, отметить, что с образованием названных ханств объединение среднеазиатской территории еще не завершилось. На окраинах ханств остается ряд мелких владений, упорно защищающих свою независимость. Таков, например, Шахрисябз, вернувший себе самостоятельность вскоре после смерти Мухаммед Рахима бухарского, Арал на севере Хивинского ханства, горные владения, входящие в состав современного Таджикистана, и некоторые другие.

Слабо связана была со среднеазиатскими ханствами также кочевая периферия — туркмены на юго-западе, киргизы на северо-востоке и казахи и кара-калпаки на севере.

Процесс дальнейшего формирования среднеазиатских ханств и связанная с ним взаимная борьба местных феодалов между собой составляет основное содержание политической истории Средней Азии в первой половине XIX в.

Выше уже отмечалось, что вторая половина XVIII в. в Средней Азии характеризуется также довольно значительными экономическими сдвигами, выразившимися в общем повышении производительных сил. Постепенная ликвидация политической раздробленности, восстановление городской жизни, а также отход массы казахов в свои степи после разгрома джунгарского государства китайцами в 1755–1760 гг. способствовали восстановлению нормальной хозяйственной деятельности местного населения и укреплению экономических связей между отдельными районами. Развитие капитализма в Европе и России и постепенное распространение его на Восток также не могло не отразиться на экономике среднеазиатских ханств, вовлекавшихся в сферу международного обмена. Международный, в частности, российский рынок уже во второй половине XVIII в. начинает предъявлять довольно усиленный спрос на среднеазиатское сырье и некоторые изделия, стимулируя, таким образом, местное производство и вызывая соответствующую перестройку производственных отношений внутри местного общества, насколько это было вообще здесь возможно в условиях господства феодального способа производства. Наряду с феодалом на

фоне местной экономики выдвигается фигура торговца-ростовщика и бая, усиленно эксплуатирующих местное крестьянское и ремесленное население путем применения докапиталистических методов.

В тридцатых годах XVIII в. был основан, как уже указывалось, город Оренбург, превратившийся в главный центр торговли между Россией и Средней Азией и целиком занявший в торговом отношении место Астрахани. Основными предметами вывоза из Средней Азии во второй половине XVIII в. являются шелк и шелковые изделия, сухие фрукты и хлопчатобумажные изделия. В это же время среди российских купцов появляется заметный интерес к среднеазиатскому хлопку.

Одновременно со среднеазиатскими торговыми караванами в Оренбург стали прибывать также некоторые купцы из Кашгарии, Бадахшана и других районов, расположенных вне пределов Средней Азии. В свою очередь, некоторые из вывозившихся из России товаров, следуя транзитом через Среднюю Азию, поступали в Герат, Балх и другие области по левому берегу Аму-Дарьи, откуда они иногда достигали районов Кабула и северо-западных границ Индии.

Это обстоятельство послужило поводом к составлению в Оренбурге проекта об открытии торговли с Индией, для чего предлагалось создать особую компанию из состоятельных купцов. Проект был отклонен Сенатом как преждевременный.

Наряду с торговлей с Россией в XVIII в. продолжают развиваться торговые отношения Средней Азии с окружающими восточными странами — Ираном, Афганистаном, Кашгарией и казахскими степями. В конце XVIII в. большое торгово-экономическое значение приобретает Ташкент, являвшийся важнейшим пунктом на пути в казахские степи и в Оренбург.

Несмотря на довольно значительный размах внешней торговли, производство в Средней Азии продолжает оставаться на прежнем низком уровне. Промышленная техника не развивается, разработка горных богатств отсутствует, военная техника носит примитивный характер. В таком состоянии среднеазиатские ханства вступают в двадцатый век, явившийся, как известно, для них критическим.

В заключение остановимся на краткой характеристике народных движений, происходивших во второй половине XVIII в. в Средней Азии и Казахстане и изученных, к сожалению, пока крайне недостаточно.

В обстановке почти непрерывных войн и частой смены правителей, стремившихся в кратчайший срок обогатиться за счет массы трудящегося населения, народные восстания, разумеется, были довольно обычным явлением. Широкая волна восстаний против ханской власти

прокатывается в период правления Мухаммед Рахима и сына его эмира Даньяла (1758–1785). Бухарские историки, рассказывающие нам об этих событиях, говорят о них главным образом как об эпизодах борьбы местных феодалов против ханской власти. Однако необходимо отметить, что в своей борьбе против хана местная знать опиралась почти исключительно на крестьянские ополчения, от активности которых и зависел конечный исход борьбы. Можно, таким образом, полагать, что многие из эпизодов вооруженной борьбы в Бухарском ханстве XVIII в. содержали в себе значительные элементы крестьянских или народных движений, протекавших с участием народных масс и лишь возглавлявшихся и использовавшихся местными феодалами в своих узкоклассовых интересах. К числу такого же рода народных, в основе аграрных, движений, возникавших в результате тяжелого положения трудящихся масс, принадлежат, в частности, и туркменские восстания XVIII в., направленные против феодального гнета хивинских и иранских феодалов.

Подобный же характер носили народные восстания в Казахстане, где они также были нередко связаны с движениями, исходящими из среды правящей знати. Примером подобного рода движений может служить известное восстание одного из представителей средних правящих кругов, *батыра*²⁹ Сырыма, начавшееся в 80-х годах XVIII в. и завершившееся убийством ставленника царского правительства хана Малой орды Ишима в 1797 г.

В своей борьбе против ханской и царской власти Сырым опирался на помощь не только средних кругов правящего класса, но и на поддержку со стороны широких масс казахского народа, рассчитывавших революционным путем улучшить свое положение.

В связи с противоречивостью интересов и различием социального состава участников восстания последнее не могло достигнуть целей и было подавлено вооруженной силой.

Тяжелый гнет феодальной эксплуатации сказывался также на городском, преимущественно ремесленном, населении. В источниках содержатся указания на отдельные вспышки восстаний среди городского населения Средней Азии XVIII в., в частности, в Бухаре в последние годы правления эмира Даньяла.

²⁹ *Батыр* — у тюркских и монгольских народов этот термин первоначально обозначал человека, обладавшего физической силой и ловкостью, богатыря. Титул *батыра* впоследствии давался за воинские подвиги. В XVIII в. в Казахстане обладателями данного титула являлись представители патриархально-родовой знати.

Другое из подобного же рода ремесленных восстаний происходило в 80-х годах XVIII в. в Ташкенте, в начале правления уже упоминавшегося выше Юнуса-ходжи³⁰. Сохранившиеся предания указывают, что восстание против господства ходжей в Ташкенте сопровождалось устройством уличных баррикад и вообще носило необычайно ожесточенный характер, хотя и закончилось поражением восставших.

Характерной особенностью большинства отмеченных здесь народных и крестьянских движений является их неорганизованный стихийный характер и сепаратизм, свойственные, как известно, всем подобного рода движениям вообще.

Октябрь 1938.

Summary

P.P. Ivanov

Central Asia and Kazakhstan in the second half of the 18th century.

Preface and publication by E.I. Serova

The article is written by Pavel Petrovich Ivanov (1893–1942), an outstanding Russian historian of Central Asia. Since 1938, it is kept in the Archives of the Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (F. 124. Inv. 1, unit 35) and represents a short review of political and economic history of some Central Asian khanates, such as the Khanate of Bukhara, Khiva, Kokand. It also dwells upon some questions of the Kazakh history in the second half of the 18th century. It possibly served as a basis for the writing of several chapters of his major work *Studies on the History of Central Asia in the 16th — mid-19th cc.* which was published in 1958 after the scholar's death. Undoubtedly the article which was written in the late thirties of the last century, and now requires some additions in view of the new research and materials, but thanks to its concise language, deep historical analysis and selection of facts, it still represents great scientific interest. This is its first publication.

Key words: P.P. Ivanov, Central Asia, Kazakhstan, Studies on the History of Central Asia, the Khanate of Bukhara, the Khanate of Khiva, the Khanate of Kokand, Bukhara, Samarkand, Kazakhs.

---

³⁰ *Ходжа* — знатный человек, занимающий высокое положение в обществе, знающий Коран, умеющий читать и писать по-арабски. Титул «ходжа» передавался в Средней Азии по наследству.

В.Н. КАЗИН

«Юн-лэ да дянь»: рукопись библиотеки ЛГУ

Дипломная работа

Предисловие и публикация

И.Ф. Поповой

Аннотация: Публикуемая работа написана в 1934 г. как дипломное сочинение Всеволодом Николаевичем Казиным (1907–1942), скончавшимся в блокадном Ленинграде. Историк и лингвист В.Н. Казин в 1934–1942 г. работал в Государственном Эрмитаже, готовил экспозиции, посвященные культуре и искусству Китая, исследовал историю юаньского Китая и государства тангутов Западное Ся. Дипломная работа В.Н. Казина хранится в его личном фонде в АВ ИВР РАН (Ф. 133. Оп. 1, ед. хр. 1) и представляет собой первую научную статью на русском языке, в которой показаны подлинность и большое научное значение энциклопедии «Юн-лэ да дянь», а также описаны ее тома, хранившиеся в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского — Ленинградского государственного университета в 1912–1958 гг. В 1958 г. тома «Юн-лэ да-дянь» по решению Советского правительства были переданы КНР вместе с томами, хранившимися в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина и ЛО ИВ АН СССР. Работа В.Н. Казина была представлена к защите в 1934 г., публикуется впервые.

Ключевые слова: В.Н. Казин, китайская библиография, «Юн-лэ да дянь», библиотека ЛГУ.

Всеволод Николаевич Казин родился 11 июня 1907 г. в Петербурге в семье инженера. В 1934 г. окончил ЛИФЛИ по отделению китайского языковедения. В том же году он поступил в аспирантуру Эрмитажа, а в 1938 г. был принят на должность старшего научного сотрудника сектора Востока ГЭ. При всей широте научных интересов В.Н. Казина, поражавшего коллег феноменальной памятью и эрудицией, наиболь-

ший интерес у него вызывала история династии Юань (1271–1368) и тангутского государства Западное Ся. Среди неопубликованных работ, отложившихся в личных фондах В.Н. Казина в АВ ИВР РАН (Ф. 133) и Архиве ГЭ (Ф. 8), сохранились многочисленные выписки и черновые материалы по истории Золотой Орды и Хара-Хото, а также по истории бумажного денежного обращения и исторической библиографии Китая.

Очевиден большой вклад В.Н. Казина в создание экспозиции ГЭ по китайской культуре и искусству¹. Совместно с М.Н. Кречетовой им был составлен небольшой путеводитель по открывшейся 6 августа 1939 г. в ГЭ выставке, на которой были представлены материалы Второй Русской Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) в Дуньхуан и П.К. Козлова (1863–1935) в Ноин-Улу и Хара-Хото². Видимо, В.Н. Казин был первым отечественным востоковедом, приступившим к изучению культуры народа тангутов. Результаты своей работы он представил 27 июля 1940 г. в докладе, посвященном истории и локализации Хара-Хото. По материалам доклада посмертно была опубликована статья³.

Исследовательская и музейная работа в Эрмитаже, а также преподавательская деятельность в Академии художеств занимали все время В.Н. Казина. В.М. Алексеев, высоко ценивший его научные познания, пытался привлечь В.Н. Казина к преподаванию в ЛГУ и к работе над «Большим китайско-русским словарем», но В.Н. Казин отказался и от того, и от другого, не усматривая в этих занятиях «научности»⁴.

Очевидно, что и внешне, и в ежедневном своем поведении В.Н. Казин являл образ немного странного ученого-книжника, отрешенного от мирской суеты. Он очень живо представлен в опубликованном отзыве В.М. Алексеева⁵ и очерке Натальи Васильевны Дьяконовой (1907–1996), долгие годы проработавшей в Отделе Востока Государственного Эрмитажа и лично знавшей В.Н. Казина. Очерк был написан ею для «Книги памяти», подготовленной сотрудниками ЛО ИВ АН к 20-й годовщине Великой Победы, ранее не публиковался, и мы приводим его в Приложении к настоящей статье.

---

¹ См. [Казин В.Н.] Культура и искусство феодального Китая. 1939–1940 гг. (проблематика, путеводитель, этикетаж) // Архив ГЭ. Ф. 8, ед. хр. 7.

² Казин В.Н., Кречетова М.Н. Культура и искусство феодального Китая. Путеводитель по выставке. Л., 1939.

³ Казин В.Н. К истории Хара-Хото // Труды Государственного Эрмитажа. Т. V. Л., 1961. С. 273–285.

⁴ Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 109.

⁵ Там же. С. 108–110.

Публикуемая дипломная работа представляет собой 23 листа первого экземпляра машинописи большого формата (22×35,5 см), сшитые белыми толстыми нитками в тетрадь в синей обложке. Иероглифы вписаны от руки черными чернилами. На обложке и на титульном листе работы название энциклопедии обозначено как «Юн-ло да дянь», очевидно, под влиянием первых публикаций на европейских языках, но в самом тексте название дается, как правило, в соответствии с привычной нам русской транскрипцией: «Юн-лэ да дянь». Примечания В.Н. Казина публикуются так, как они даны в работе, — после гл. 1 и после гл. 2.

И.Ф. Попова

**«Юн-лэ да дянь»
Рукопись библиотеки ЛГУ
Дипломная работа. 1934 г.**

<Л. 2об.> В. Казин.

[Оглавление]

- 1) Описание томов «Юн-лэ да дяня», принадлежащих библиотеке ЛГУ, — стр. 2–31.
- 2) Обзор европейской литературы о «Юн-лэ да дянь» — стр. 31–38.
- 3) Тезисы к статье о «Юн-лэ да дянь» библиотеки ЛГУ — стр. 39–42.

Настоящая работа является частью очерка, посвященного китайской энциклопедии «Юн-лэ да дянь», составленной в нач[але] XV в. Это величайшее в мире сочинение (11 095 томов) никогда не было напечатано. В XVIII в. имелась только одна дефектная рукопись его, отчасти расхищенная, отчасти сгоревшая в следующем столетии. При описании одиннадцати разрозненных томов ее, находящихся в Ленинграде, я пытался дать представление о структуре и содержании «Юн-лэ да дяня» в целом. Сколько-нибудь подробной характеристики его в этом отношении нет ни в европейской, ни в китайской литературе. Оглавления «Юн-лэ да дяня», изданного в «Лянь-юнь-и цун-шу», в наших библиотеках не имеется. Эти обстоятельства могут послужить оправданием многих недостатков данной работы.

Сокращенно цитированные сочинения:

ЖМЦД = [Чжун-го жэнь мин да цы-дянь] 中國人名大辭典, [Шанхай, 1921]; цифры указывают страницу и столбец (полосу).

Giles = Н.[А.] Giles. A Chinese Biographical Dictionary, [London–Shanghai], 1898; цифра указывает номер биографии.

ЮЛДДЧЖХ = [Бэй-пин Бэй-хай ту-шу-гуань юэ кань] 北平北海圖書館月刊 (Bulletin of the Metropolitan Library), цз. 2, № 3–4; [Юн-лэ да дянь чжуань хао] 永樂大典專號; март–апр[ель], 1929 г.

Юань 考 = Юань Тун-ли 袁同禮, [Юн-лэ да дянь као] 永樂大典考 в 學衡雜誌 (The Critical Review), № 26, 19 стр.; февр[аль] 1924.

Ли Чжэн-фэнь = 李正奮, [Юн-лэ да дянь као] 永樂大典考 в [Ту-шу-гуань сюэ цзи кань] 圖書館學季刊 (Library Science Quarterly), цз. 1, № 2, стр. 215–223; июнь 1926.

<Л. 3> Сунь Чжуан = 孫壯, 永樂大典考 в ЮЛДДЧЖХ, стр. 193–213. (Собрание текстов и отдельных статей о «Юн-лэ да-дяне»; автору принадлежат только краткие замечания о внешнем виде томов и именах переписчиков).

Юань, Passages = Юань Тун-ли [袁同禮], 關於永樂大典之文獻 (Collected Passages Relating to the Yung-lo-ta-tien) в [Го-ли Бэй-пин ту-шу-гуань сюэ гуань-кань] 國立北平圖書館學館刊 (Bulletin of the National Library of Peiping), цз. 7, № 1, стр. 13–29; янв[арь]-февр[аль] 1933 [г.]. (Дополнение к предыдущей статье о составлении «Сы ку цюань шу» — ранее неизданные архивные документы).

Юань, Census = Юань Тун-ли 袁同禮, 永樂大典現存卷目表 (Census of the Extant Volumes of the Yung-lo-ta-tien), там же, стр. 103–140. (Впервые в Юань 考, также в ЮЛДДЧЖХ; печатались и отдельные дополнения).

1. Описание томов «Юн-лэ да дяня», принадлежащих библиотеке ЛГУ

§ 1. Внешнее описание¹

Размеры томов «Юн-лэ да дяня» для китайской книги очень велики (50×29,5 см). Обложка обычного типа из бумаги или материи, была для них недостаточна, переплеты поэтому сделаны из картона, снаружи оклеенного желтым шелком, причем один кусок последнего покрывает обе крышки переплета и корешок. Как замечали китайцы, это делает тома «Юн-лэ да дяня» по внешнему виду похожими на европейскую книгу. На передней доске переплета сверху приклеены два ярлыка из желтого шелка на синей подкладке, которая выступает узкой каймой в 3 мм. На левом продолговатом ярлыке (27×6,5 см) крупными знаками написано заглавие книги, а ниже в две строки и мелким шрифтом — номера первой и последней цзюани (книги) данного тома (нумерация цзюаней общая для всего сочинения). На правом, квадратном (8×8 см) ярлыке справа мелким шрифтом [указаны] рифма и ее номер (например, [цзю цзи] 九輯), а слева — номер тома,

<Л. 3об.> причем нумерация томов отдельная для каждой из 80 рифм словаря.

Бумага совершенно белая, плотная и толстая; это лучший сорт бумаги, употребляемой для живописи и каллиграфии (*сюань чжи* 宣紙)². Листы скреплены бумажными жгутиками, продернутыми через отверстия в полях листа близ корешка.

Рамка, линейки и столбец на сгибе листа не отпечатаны, а разграфлены от руки красной тушью (такой же тушью расставлены знаки препинания и написаны заглавия цитируемых сочинений). Размер пространства в рамке — 35×23 см. Сверху остаются поля в 9 см, снизу — в 5,5 см. Рамка двойная (толстая черта снаружи, тонкая внутри). Столбец на сгибе заполняют сверху вниз: широкая вертикальная полоса, «рыбий хвост» (*юй вэй* 魚尾), заглавие и номер цзюани, снова «рыбий хвост», номер листа, *юй вэй* и вертикальная полоса — все красной тушью. Каждая страница разграфлена на 8 столбцов. Основной текст написан отступя на 2,5 см от верхнего края рамки. Исключение — для некоторых заголовков и почтительных повышений знаков.

Шрифтов в основном два: 1) крупный — 14 знаков и одна строка в столбце и 2) мелкий — в столбце 2 строки по 28 знаков в каждой (очень редко — больше). Таким образом, крупный знак занимает столько же места, сколько четыре мелких. Крупным шрифтом пишутся заглавные знаки и выражения, приведенные под ними тексты — мелким. Иногда (для субкомментария, для примечаний) употребляется шрифт еще более мелкий, но с таким же числом знаков и строк в столбце, как и обычный мелкий шрифт.

Красной тушью пишутся заглавия цитируемых сочинений, имена авторов и названия династий, при которых жили последние (автор указан далеко не всегда). Если отдельные произведения (стихотворения, прозаические essays и т.п.) соединены в одном сборнике (напр[имер], [*изи*] 集), то красным пишется только заглавие последнего. Самый мелкий шрифт всегда только черный.

<Л. 4> Весь текст снабжен знаками препинания и указателями тона по углам знаков, имеющих несколько чтений; это красные кружки, судя по их совершенно одинаковой форме и размеру, поставленные штемпелем.

Первый столбец первой страницы всегда занимают заглавие и номер цзюани (крупным шрифтом, начиная от верхнего края рамки). В той же строке, ниже, шрифтом чуть более мелким — рифма и ее но-

мер. Такая же строка без указания рифмы — на последней странице цзюани*.

В одном томе переплетено чаще всего две, реже одна или три цзюани³.

В конце каждого тома имеется как бы форзац, но не во всю ширину тома, а значительно уже (16–18 см). На внутренней стороне этого форзаца внизу шесть строчек: первая и вторая — имена двух главных корректоров переписки [чжун-лу цзун-сяо-гуань] 中錄總校官; третья — корректор данного отделения переписчиков [фэнь-сяо-гуань] 分校官; четвертая — переписчик [шу-се] 書寫; пятая и шестая — ставившие знаки препинания [цюань-дянь] 圈點⁴. О компиляционных листках «Сы-ку цюань-шу», приклеенных ко внутренней стороне передней крышки переплета, см. тезисы [к настоящей работе].

В императорских книгохранилищах Пекина в один футляр (*тао* 套) вкладывалось 10 томов «Юн-лэ да дяня». Всего было более 1100 *тао*⁵. Ни одно из них, по-видимому, не уцелело. Толщина 10 томов университетской библиотеки, сохранивших переплет, 16 см; таким образом, размеры *тао* были примерно 50×30×17 см.

Общий объем «Юн-лэ да дяня», несмотря на небольшое в среднем число листов в одной цзюани (ок[оло] 22,5), был очень велик. В нем было свыше 500 000 листов, т.е. более миллиона страниц. Количество знаков превышало 300 000 000⁶.

<Л. 4об.> § 2. Тома библиотеки ЛГУ

Одиннадцать томов (бэней) рукописи «Юн-лэ да дяня», принадлежащие библиотеке ЛГУ, поступили в нее, по сообщению академика В.М. Алексеева, в 1912 году из Пекинской Духовной Миссии. В шифровой каталог ксилографов они внесены года два тому назад под шифром X 2550. Эти одиннадцать томов содержат 25 цз[юаней], и по числу последних наша библиотека занимает первое место в Европе и СССР. (В Оксфордском университете 12 томов «Юн-лэ да дяня», но только 16 цз[юаней]⁷). Тома библиотеки ЛГУ следующие:

---

* Если статьи, помещенные под одним знаком, начинаются в предшествующей цзюани, а в данной находится их продолжение, то во втором столбце (на уровне знака [дянь] 典 заглавия) пишется этот знак, а под ним мелким шрифтом заголовок статьи, когда последняя его имеет. — *Примеч. В.Н. Казина.*

№ в описании	№ цзюаней	Тон	Рифма	Том
I	538–539	<i>пин</i>	1 [дун] 東	231
II	540–541	«	« «	232
III	5296–5297	«	13 [сяо] 蕭	49
IV	5453–5454	«	14 [яо] 爻	? (наклейка с № тома утрачена)
V	10286–10287	<i>шан</i>	2 [чжи] 紙	94
VI	10309–10310	«	« «	? (то же)
VII	14053–14054	<i>цюй</i>	4 [цзи] 霽	16
VIII	18402–18403	«	18 [ян] 漾	? (№ тома стерся)
IX	21029–21031	<i>жу</i>	3 [шу] 術	? (наклейка с № тома утрачена)
X	22180–22182	«	8 [мо] 陌	(I) (нет переплета, но первый знак тома — рифма)
XI	22576–22578	«	9 [цзи] 緝	28

Как видно из настоящей таблицы, тома совершенно разрознены, и только два первых тома примыкают друг к другу. Следует указать, что в Пекинской государственной библиотеке сохранился том, непосредственно предшествующий VII, а в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне — непосредственно за ним следующий. Кроме того, сохранились другие фрагменты статей, содержащихся во II, IX и XI т[омах], хотя и отдельные от последних вследствие утраты нескольких промежуточных бэней⁸.

<Л. 5> Сохранность. Переплет утрачен у одной бэни (22180-82), у остальных томов он сохранился, но в более или менее поврежденном виде (отстал от корешка, порван на сгибе и т.д.). Обе наклейки на переплете утрачены у бэней 5453-54 и 21029-31; у 10309-10 отсутствует квадратная наклейка. От сырости с продолговатой наклейки 14053-54 и квадратной 18402-03 совершенно исчезли находившиеся на них надписи.

Компиляционные листки «Сы-ку цюань-шу» сохранились хуже (только 9 из 25); у четырех томов они совсем утрачены (18402-03, 21029-31, 22180-82, 22576-78); у пяти других осталось по одному (5296-97, 5453-54, 10286-87, 10309-10, 14053-54), только у двух бэней сохранились оба (538–539, 540–541).

Внутренних повреждений немного. 1) Восьмой лист 539-й цзюани наполовину вырван. 2) Совершенно вырваны листы 22, 24–26 из цзюани 10287. 3) У цзюани 22180 (утратившей переплет) первые четыре листа прорваны посередине. 4) Почти у всех томов поля в большей или меньшей степени повреждены грибок; у цзюаней 10309-10 верхние поля в 1934 г. пришлось отрезать, так как они превратились в сплошную рыхлую массу, и грибок грозил распространиться на текст. В настоящее время предпринимается дезинфекция всех томов.

За исключением повреждений, указанных выше (1, 2 и 3), сохранность текста отличная, тушь нисколько не побледнела. Разрушительных повреждений, каким подвергались некоторые тома Пекинской государственной библиотеки, у наших экземпляров нет⁹. В наводнение 1924 г. они подмочены не были.

Задние форзацы с именами переписчиков сохранились у всех бэней. Имена всех корректоров [цзун-сяо-гуань] 總校官 и [фэнь-сяо-гуань] 分校官, подписавших наши тома, упоминаются в «Му-цзун ши лу» 穆宗實錄 за исключением одного, Ху Чжэн-мэна 胡正蒙 (10286-7 и 10309-10), подписи которого, однако, встречаются в томах, сохранившихся в других местах. Кроме того, из 20 имен студентов, расставлявших знаки препинания [цюань-дянь цзянь-шэн] 圈點監生, четыре названы в томах, описанных <Л. 5об.> ных Сунь Чжуаном¹⁰. Два тао, в которых хранятся тома библиотеки ЛГУ, сделаны в 1932 г. по заказу зав[едующего] Восточной библиотекой Е.А. Полетаева.

§ 3. Содержание томов библиотеки ЛГУ

Чтобы дать при описании отдельных, разрозненных бэней «Юн-лэ да дяня» по возможности полное представление о структуре этой энциклопедии, я разбиваю одиннадцать наших томов на две группы. В бэнях первой группы сохранилось начало статей, относящихся к данному знаку, или даже все статьи полностью. Тома второй группы являются фрагментами больших статей энциклопедического, а не лексикографического содержания.

Общие замечания о начальных статьях

А) После заглавного знака, написанного крупным шрифтом наверху строки (иногда поднятого до верхнего края рамки), следуют без подзаголовка выписки из словарей. Все они очень кратки, т.к. китайские словари (особенно более старые, какими только и могли пользоваться составители «Юн-лэ да дяня») дают только определения значения зна-

ков почти без всякой фразеологии. Те словари, которые указывают последнюю, причисляются китайскими библиографами к энциклопедиям (*лэй-шу* 類書), например, известный конкорданс «Пэй-вэнь юнь-фу» 佩文韻府¹¹. Число словарей, из которых сделаны выписки, различно; последние занимают то неполную строку, то две-три строки, то более страницы. Выписки расположены в хронологическом порядке (по датам словарей), но порядок этот не всегда выдержан; извлечение из одного словаря может находиться иногда перед выпиской из другого, а иногда — после нее. На первом месте, однако, всегда стоит «Хун-у чжэн юнь» 洪武正韻, официальный рифмический словарь минской династии (закончен в 1375 г.)¹², который послужил канвой для расположения знаков в «Юн-лэ да дяне», делающем, однако, от него некоторые существенные отступления (о чем см. ниже). В одном случае (знак [хэ] 貉, цз. 22180) нет никаких выписок из других словарей, кроме «Хун-у чжэн юня».

<Л. 6> В) Непосредственно после словарных выписок следует палеографическая статья. Иногда она начинается с новой строки, иногда нет и тоже не имеет никакого заголовка. У двух редких знаков ([хэ] 貉 и [яо] 貉, цз. 22180) палеографические сведения совсем пропущены. Состав статьи следующий: название почерка, написанное мелким красным шрифтом под ним; крупным черным — одно или несколько начертаний данного знака; затем имя каллиграфа или название книги, откуда заимствован приведенный образец. Почерки идут в такой последовательности: *чжуань-шу* 篆書, *ли-шу* 隸書, *чжэнь-шу* 真書, *син-шу* 行書 и *цао-шу* 草書. Образцы всех почерков приводятся только при более употребительных знаках: [юн] 庸, цз. 538; [бай] 百, цз. 22180; [май] 麥, цз. 22181; [сы] 死, цз. 10309; при остальных указаны лишь некоторые, всего чаще специальные и редкие почерки (*чжуань-шу* — у 15 знаков из 17, *цао-шу* — у 12, *ли-шу* — у 10, в то время как *син-шу* только у 5, а *чжэнь-шу* — у четырех). Эти же почерки представлены и большим количеством образцов *чжуань-шу*: знак [юн] 庸 (цз. 538) — 23, а знак [сы] 死 (цз. 10309) — 22 образца; *цао-шу* и *ли-шу* — по 7–8 образцов; *син-шу* и *чжэнь-шу* — не более 3–4¹³.

Под некоторыми более редкими знаками имеются только эти две статьи, А и В ([бай] 佰, [хэ] 貉, [мо] 莫, [яо] 驕, [мо] 驀, [бай] 百 — цз. 22180), а в одном случае ([хэ] 貉, там же) только первая из них.

С) Следующая статья имеет заголовок, который пишется крупным шрифтом сверху строки; это «общее предисловие» *цзун-суй* 總叙. Оно имеется у 4 знаков из 17 ([юн] 庸, цз. 541; [хэ] 貉, цз. 10309; [май] 麥, цз. 22181). По содержанию *цзун-суй* тесно примыкает к словарным

выпискам; под этим заглавием собраны определения и описания понятия данного знака.

Примером текстов, группируемых в этой статье, могут служить для знака [сы] 死 — «Ли-цзи», 1, 2, 3: 11, 12, 14 (см. Couvreur, I: 102, 103, 104) и «Лунь-юй», IX, 11, и XI, 11 (вторая половина); [юн] 庸 — «Шу-цзин», гл. 37, 4.

<Л. боб.> Объем *цзун-суй* невелик: в наших томах от двух столбцов до четырех с лишним страниц.

Д) Следующая статья — фразеология, подбор выражений, в состав которых входит данный знак (кит[айский] термин [ши-юнь] 事韻). Она не имеет общего заголовка; каждое выражение пишется крупным шрифтом, но не с новой строки.

В наших томах фразеология отсутствует только у семи знаков из 17 (см. выше), причем все они являются или очень редкими, или просто вариантами написания других, помещенных тут же рядом. Все выражения помещаются под тем знаком, на который они оканчиваются. Это понятно, т.к. «Юн-лэ да дянь» расположен по системе рифмических словарей с фразеологией, которые в первую очередь должны были служить пособием при версификации¹⁴. Это правило нарушается очень редко: под [знаком сы] 死 в цз. 10309-10 помещено более 300 выражений, и только в восьми случаях этот знак не стоит на последнем месте, причем и тут он образует устойчивые комплексы не с последующим, а с предыдущим знаком. Под первым же знаком во всех наших томах помещено только два выражения: [юн-бао] 庸保 (цз. 541, л. 7v) и [мо-шоу] 貊獸 (цз. 22181, л. 10v), причем второй знак в последнем является лишь родовым именем нарицательным по отношению к первому.

Расположение оборотов, помещенных под одним знаком, наоборот, не производится по какому-либо формальному признаку (число знаков в выражении; один и тот же знак, предшествующий данному, и т.п.). Если знак имеет несколько различных значений, то для каждого из них образуется отдельная группа выражений. Последовательность групп — от общего, основного и обычного значения к частному, производному и редкому, внутри группы простые комплексы предшествуют более сложным выражениям. Фразы, содержащие один комплекс знаков, ста[вя]тся рядом.

Если данный предмет имеет ряд разновидностей, обозначенных особыми названиями, или ряд экземпляров, имеющих имена собственные, то все такие названия группируются вначале и предшествуют <Л. 7> общей фразеологии данного знака. Иногда эти «имена» [мин] 名

занимают несколько цзюаней. Я не знаю, отделяются ли они формально от фразеологии собственно и можно ли считать их особой статьей. В Юань, *Sensus*, [мин] 名 и [ши-юнь] 事韻 несколько раз указаны отдельно¹⁵. Обороты, относящиеся именно к данной разновидности, помещаются после ее названия; по крайней мере мы можем наблюдать это на примере знака [жун] 蓉 (цз. 540). Если короткие статьи географического (или библиографического, см. [юн] 庸, цз. 541) содержания включены в *ши-юнь*, то они помещаются в самом конце ее или в конце соответствующей группы ([жун] 蓉, цз. 540)¹⁶.

В этой статье цитируются тексты произведений, относящихся ко всем отделам и жанрам китайской литературы. Целиком переписанных глав не встречается, даже стихотворения приводятся обычно в отрывках.

Е) После фразеологии часто следует другая статья, с особым заголовком (круп[ный] черн[ый] шрифт): «стихи и проза» ([ши *вэнь*] 詩文).

Это подбор заимствованных из различных «собраний» (*цзи* 集) прозаических «опытов» (*essays*) и стихотворений, посвященных данному предмету. Если имеются только стихи или только *вэнь*, то в заголовке пишется лишь один соответствующий знак, а если и тех, и других очень много, то [данная] статья разбивается на две, причем на первом месте ставится *вэнь*.

Мы встретимся с *ши вэнь* под знаком [мо] 陌 (цз. 22180) и с *вэнь* под знаком [юн] 庸 (цз. 541)¹⁷.

Следующие статьи имеют уже чисто энциклопедический, а не словарный характер. Они очень разнообразны, и о них нам придется говорить при описании второй группы томов.

Цзюани с лексикографическими статьями (в скобках — лист и столбец).

II. 232-й том 1-й рифмы ([дун] 東), *пин шэн*. Цзюань 540: 39 листов.

Л. 1г: 頌 юн2. Словарные выписки (1г, 2). Палеография (1v, 1). Фразеология: только одно выражение [го сун] 國頌 (1v, 4).

<Л. 7об.> л. 2v: 蓉 юн2, пекинск[ое] жун2.

Словарные выписки (2г, 2). Палеография (2г, 6).

Фразеология (2v, 8): 1) Слово [фу-жун] 芙蓉 (лотос)^{17а}; 33 выражения; тексты, помещенные под первым ([му фу-жун] 木芙蓉), занимают 16 листов; под вторым ([ди фу-жун] 地芙蓉) имеется рисунок (л. 19, 1–5); затем следует ([шуй фу-жун] 水芙蓉) ряд выражений с прилагательными, обозначающими цвета, а также многочисленные поэтические обороты;

2) четыре комплекса, в которых *фу-жун* является определением к именам нарицательным географическим [чэн] 城, [юань] 苑 и т. п. (26г, 5);

3) [Нэй цун-жун] 內從蓉, другой растительный вид¹⁸ с рисунком (26v, 3);

4) 芙蓉 *гу-жун* (29г, 4)¹⁹.

География (29г, 5): 芙蓉縣 уезд Фужун: короткая выписка (один столбец) из «Цзю Тан шу».

Цзюань 541: 19 листов.

Л. 1г: 庸 юн2.

Словарные выписки (1г, 2). Палеография (2г, 5).

«Общее предисловие» *цзун сюй* 總叙(2v, 4).

Фразеология (3г, 1): 1) 30 выражений, из которых одно [юн-бао] 庸保 (7v, 8) начинается с [юн] 庸. Комплексы сгруппированы по различным значениям знака, а именно: а) основные значения [юн 庸]; б) [юн 庸] в значении [юн] 傭 [«жалованье»] ([лю-юн] 流庸 [«уходить на заработки»] и др.); с) [юн 庸] в значении «барщины» [цзу-юн] 租庸, 8v); d) [юн 庸] в значении [юн] 墉 [«крепостная стена»]; одно выражение [и цзо эр юн] 以作爾庸 (10г, 1); e) [фу-юн] 附庸, «арьер-вассалы» эпохи Чжоу (10г) с шестью чертежами (11г) и три фразы с этим термином на конце (14г);

2) четыре небольшие географические статьи (14v, 1–16г, 6): государство (княжества) Юн 庸 и Шуюн 舒庸 и уезды Шаньюн 上庸 и <Л. 8> Цзюйюн 居庸;

3) [«Чжун-юн»] 中庸 (название 28-й главы «Ли цзи», выделяемой в особую книгу в составе «Сы шу», и 8 четырехзначных выражений с 中庸 на конце (16г, 3–18г, 3). «Проза» *вэнь* 文 (18г, 4) — один прозаический отрывок. Биографии (18v, 7): [Юн ши] 庸氏 (о фамилии Юн вообще) и [Юн Шэн] 庸生 (ханьский ученый).

Несколько следующих цзюаней утрачено, но цз. 551–553 и 554–556 сохранились (см. Юань, Censu) и являются соответственно 10–15 цзюанями книги «Чжун юн». Следовательно, первой цзюанью «Чжун-юна» была цз. 542, непосредственно следующая за только что описанной. Таким образом, за биографической статьей помещался целиком переписанный и комментированный классик (ср. ниже, цз. 5296–97).

Статьи, помещенные под знаком [юн] 庸 (м. б., один «Чжун-юн»), продолжались далее 580-й цзюани.

VI. Том второй рифмы ([чжи] 紙), *шан шэн*; наклейка с номером тома утрачена.

Цзюань 10309: 29 листов.

л. 1г: 死 сы3.

Словарные выписки (1г, 1). Палеография (1v, 1).

«Общее предисловие» *цзун сюй* 總叙 (1v, 7). Фразеология (4г, 3).

В данной цзюани и следующей, являющейся непосредственным ее продолжением, содержатся более 300 выражений. Знак [сы] 死 занимал также цз. 10311-12, ныне утраченные; возможно, что и они содержали фразеологию [сы] 死. Как уже было указано, комплексы знаков и фразы в «Юн-лэ да дяне» располагаются не по каким-либо формальным признакам, а по значению. Данная статья может служить хорошим примером применения этого принципа к фразеологии знака с совершенно однородной семантикой (только одно значение).

Обороты и комплексы, обозначающие или одинаковый род, или одинаковые обстоятельства смерти, образуют <Л. 8об.> одну группу. Какого-либо общего принципа расположения групп я не мог заметить, но последовательность их не случайная: группы аналогичные примыкают друг к другу. Перечисление их всех заняло бы слишком много места, и я укажу в качестве примера лишь на один ряд этих групп. На л. 21г мы находим смерти от отравления: [ду сы] 毒死 «отравиться» (21г, 4), [инь яо эр сы] 飲藥而死 «умереть, выпив зелье» (21г, 5), [ши ма гань эр сы] 食馬肝而死 «умереть, поев лошадиной печени» (22г, 2). Затем следует удушение: [цзы цзин эр сы] 自經而死 «удавиться, повеситься» (22г, 1), [ма цзян цзяо сы] 馬韁絞死 «удавиться вожжами» (23v, 1). Затем смерть от оружия (металла): [цзы цзин эр сы, цзы вэнь эр сы] 自剄而死, 自刎而死 «зарезаться» (23v, 2 и 23v, 4); смерть от огня: [фэнь сы] 焚死 «сгореть» (25г, 3), [бай коу фэнь сы] 百口焚死 «сожжено сто человек» (25v, 7); смерть от воды: [шуй сы, ни сы] 水死, 溺死 «утонуть» (26v, 1 и 26v, 2); [дао хэ эр сы] 蹈河而死 «утопиться в реке». Чтобы сделать полным ряд пяти стихий, в самом конце цзюани добавлены выражения для дерева (и земли?) [чу шу эр сы] 觸樹而死 «удариться головой о дерево и умереть» (29г, 1) и [хуй хуай я сы] 毀壞壓死 «быть задавленным при обвале» (29г, 2). В следующей, 10310-й цзюани, находим смерть от голода [э сы] 餓死 (1г, 3), [бу ши эр сы] 不食而死 (1v, 2) и от холода [дун сы] 凍死 (2г, 1), после чего идут разные формы смертей от душевных потрясений. В конце 10310-й цз[юани] имеется большая группа выражений, означающих смерть вместо кого-либо или вместе с кем-либо: [юань дай нью сы] 願代女死 «желать умереть вместо дочери» (17v, 7), [фу фу тун сы] 夫婦同死 «муж и жена вместе умерли» (20г, 2), [юй фу тун сы] 與夫同死 «умереть вместе с мужем».

Цзюань 10310: 24 листа. Продолжение фразеологии [сы] 死 (см. выше).

Х. (1-й) том восьмой рифмы ([*мо*] 陌), *жу шэн*.

Цзюань 22180: 12 листов.

Л. 1г: 陌 *мо5*. Словарные выписки (1г, 3). Палеография (1г, 8). Фразеология (1в, 1): 18 комплексов.

<Л. 9> а) значение «межа»: [*цян-мо*] 阡陌 и восемь географических названий, где [*мо*] 陌 является именем нарицательным и стоит в конце (это статья [*мин*] 名 в зачаточном виде); б) «связка монет» — два выражения (4в); с) «переулок, дорога» — семь выражений (5в). «Стихи и проза» (*ши вэнь*) (6г, 5).

Л. 7г: 佰 *мо5*. Словарные выписки (7г, 7). Палеография (7в, 3).

Л. 7в: 貊 *мо5*. Словарные выписки (7в, 4). Палеография (8г, 2). Фразеология (8г, 4): шесть собств[енных] имен и фраз, их заключающих (названия государств этих северных племен предшествует общим выражением о них).

Л. 8в: 貉 *мо5*. Словарные выписки (8в, 6). Палеография (9г, 3).

Л. 9г: 貉 *мо5*. Выписка из словаря (9г, 5). *Цзун-суй* 總叙 «общее предисловие» (9г, 6). Фразеология (9г, 8): 4 комплекса.

Л. 9в: 貊 *мо5*. Выписки из словарей (9в, 3).

Л. 9в: 莫 *мо5*. Выписки из словарей (9в, 5). Палеография (10г, 1).

Л. 10г: 駮 *мо5*. Выписки из словарей (10г, 2). Палеография (10г, 3).

Л. 10г: 貊 *мо5*. Выписки из словарей (10г, 5). Палеография (10в, 2).

Статья [*мо-шоу*] 貊獸 с рисунком (10в, 4), изображающим этого фантастического зверя.

Л. 11в: 騫 *мо5*. Словарные выписки (11в, 4). Палеография (11в, 6).

Л. 11в: <пропуск иероглифа в тексте> *мо5*.

<Л. 9 об.> Словарные выписки (11в, 8). Палеография (12г, 3).

Цзюань 22181: 15 листов.

Л. 1г: 麥 *мо5*, пекинск[ий] *май*. Словарные выписки (1г, 2). Палеография (1г, 4). «Общее предисловие» *цзун-суй* 總叙 (1г, 8).

Фразеология (2г, 3): [*сяо-май*] 小麥 «пшеница» (есть рисунок), [*да-май*] 大麥 «ячмень» (5в 3); третья статья — [*жуй-май*] 瑞麥 [«благодатная пшеница»] (вместе с [*цзя-май*] 嘉麥, 7г, 3) представляет целый трактат о пшенице, имеющей несколько колосьев на одном стебле и считавшейся счастливым предзнаменованием. Первая часть статьи — хронологически расположенные сообщения о поднесении таких колосьев императору.

Цзюань 22182: 17 листов.

Здесь продолжается историческая часть статьи, начиная с минской династии. Последние четыре записи очень интересны: они сделаны без ссылки на какое-либо сочинение и относятся ко времени составления

«Юн-лэ да дяня» — ко второму-четвертому годам царствования Юн-лэ 永樂 (1404–1406). После хронологического обзора следуют выписки из биографий ([*ле-чжуань*] 列傳) и «собраний» [цзи] 集 (4г, 3–9г, 2). Остальную часть цзюани занимают 32 других выражения, сначала — названия различных видов и сортов злаков (большая часть), затем земледельческие операции [*чжун май*] 種麥 [«высаживать пшеницу»] (13в, 8). Среди названий одно заслуживает особого внимания, ибо текст под ним тоже не имеет указания на литературный источник и, следовательно, принадлежит самим составителям «Юн-лэ да дяня». Это [*Ми-сы-эр май*] 密斯兒麥 «пшеница Ми-сы-р» (13г, 1). В короткой заметке со слов «посланных царствующей династией» сообщается о дикорастущей пшенице в «стране Ми-сы-р». [*Ми-сы-эр*] 密斯兒 — прекрасная транскрипция для арабского Miṣr, Египет, который был известен китайцам именно под этим названием²⁰.

<Л. 10> Фрагменты энциклопедических статей.

I. 231-й том первой рифмы ([*дун*] 董), *пин шэн*. Знак 容 юн2, жун2.

Цз. 538: 18 листов. Продолжение биографий фамилии Муюн 慕蓉. Двойные фамилии, согласно общему правилу рифмических словарей, помещаются под вторым (вообще последним) их знаком. Расположены биографии в хронологическом порядке; биографии женщин помещаются в конце, после биографий мужчин; имя женщин в заголовке не указывается, дается только их титул (впереди фамилии). Фамилия, имя или титул женщин пишутся крупным шрифтом, но с новой строки не начинаются.

В данной цзюани пять биографий; они все извлечены из династических историй. Первые две — императоров династий Нань Янь 南燕 (400–410 гг. н.э.) Муюн Дэ [慕蓉] 德 (400–404 гг.) и его брата Муюн Чао [慕蓉] 超 (404–410 гг.), правивших одним из самых мелких и недолговечных государств эпохи *Ши лю го* 十六國 в Северном Китае. Они рассматриваются как узурпаторы, и потому их биография помещена не под названием их династии, а под их фамилией.

Цзюань 539: 16 листов. Лист 8 наполовину вырван. Окончание биографии Муюнов. Десять биографий мужчин (м. б., были еще другие на оторванном листе?) и шесть биографий женщин (л. 12г–16). Кроме династических историй, привлечены сочинения географические, энциклопедии («Цэ-фу юань-гуй» 冊府元龜 и др.) и надгробные надписи из различных *цзи* 集.

В ряду статей, находящихся под одним знаком, биографии, как правило, ставятся на последнем месте²¹. Настоящая цзюань тоже послед-

няя из посвященных знаку [юн] 容; следующая, 540-я цзюань тоже сохранилась у нас и описана выше.

Биографии занимают в «Юн-лэ да дяне» очень много места. Все *лечжуань* династийных историй и все виды китайской биографической литературы были распределены по фамилиям и целиком переписаны под соответствующими знаками так, что иногда для одного лица дается подряд несколько биографий по разным источникам²². Наряду с распределением по фамилиям, <Л. 10об.> сохраняются специальные группы биографий: императоров и удельных князей (под названием династий), полководцев и т.д.²³.

III. 49-й том 13-й рифмы ([сяо] 蕭), *пин шэн*.

Цзюань 5296: 21 лист. Знак [чжао] 昭. Заголовок (1г, 2): [Чжао-гун ши сы] 昭公十四, т.е. 14-я цзюань текста «Чунь цю» за царствование Чжао-гуна (541–510 гг. до н.э.). События 11-го года Чжао-гуна (531 до н.э.), начиная с 6-го параграфа ([цзе] 節) и до конца²⁴.

Цзюань 5297: 25 листов. То же, 15-я цзюань царствования Чжао-гуна. 辛未景王十五年 (1г, 3): *синь-вэй*, 15-й год Цзин-вана, 12-й год Чжао-гуна (530 г. до н.э.).

Параграфы 1–8 (до [десятого месяца зимы, дун ши юэ] 冬十月 включительно)²⁵.

Текст каждого параграфа «Чунь-цю» написан крупным черным шрифтом с новой строки. Непосредственно за ним — комментарий в следующем порядке: 1) «Ши сань цзин» — самым мелким черным шрифтом, причем заглавия и имена пишутся тоже черной, а не красной тушью, как обычно. 2) «Сань-чжуань»: «Цзо-чжуань», «Гуньян» и «Гулянь»; после каждого несколько извлечений из относящихся именно к нему позднейших комментариев. 3) И наконец, эти последние комментарии. 2) и 3) пишутся обычным черным шрифтом и с красными заголовками, но все субкомментарии к ним — самыми мелкими [шрифтами].

Все конфуцианские (и основные даосские) классики при составлении «Юн-лэ да дяня» были разбиты на главы и переписаны полностью, с большим количеством комментариев, под последним знаком названия главы. За исключением «Лунь-юя» образцы их текста имеются в уцелевших цзюанях. В частности, сохранились и другие отрывки «Чунь-цю»²⁶.

IV. Том 14-й рифмы ([яо] 交), *пин шэн*. Наклейка с номером тома утрачена.

Цзюань 5453: 22 листа. Знак 郊 *цзяо*.

Л. 1r, 2: подзаголовок мелким шрифтом: [цзяо сы шэнь вэй] 郊祀神位 — «таблицы духов при жертвоприношении Небу». Статья делится на <Л. 11> отдельные параграфы по династиям, причем каждый параграф начинается с новой строки и имеет заголовок мелким черным шрифтом. В данной цзюани — параграфы от второй ханьской династии до юаньской включительно. В последнем на листах 16–19 — четыре больших плана жертвенника Неба из «Да-чан цзи ли» 大常集禮²⁷ с указанием расположения на нем таблиц духов (один план общий и три специальных — для отдельных ступеней жертвенника). Каждый из этих чертежей занимает обе страницы листа и таким образом переплетен в согнутом пополам виде.

Цзюань 5454: 18 листов.

1) Продолжение указанной выше статьи. Династия Мин ([го чао] 國朝) (1r, 3). Заключительный параграф и толкование ([и-лунь] 議論) (3r, 2). В нем тексты обзоров ([чжи] 志) династийных историй тоже в хронологической последовательности.

2) [Цзяо сы шэнь вэй цзо-си] 郊祀神位座席 — статья о циновках у таблиц духов при жертвоприношениях Небу (11r, 2). Параграфы — от династии Чжоу до Мин и толкование ([и-лунь] 議論) в конце (15r, 7).

Из текстов, цитируемых в этих двух цзюанях, большой интерес представляют утраченные юридические памятники «Сун хуй яо» 宋會要²⁸ и «Цзин-ши да дянь» 經世大典²⁹, которыми пренебрегли компиляторы «Сы-ку цюань-шу».

Статьи о культе и обрядах занимают в «Юн-лэ да дяне» видное место³⁰. Они близко примыкают к статьям по административной организации и законодательству³¹. Для составления тех и других основным материалом служили обширные юридические своды и компиляции, которыми так богата китайская литература, а также династийные истории, особенно их обзоры ([чжи] 志). Они разбивались на статьи, посвященные отдельным правовым институтам и обрядам, и включались в энциклопедию под соответствующ[ими] знак[ами]. Положение их среди других статей того же знака установить, пользуясь Юань, Census, невозможно, т.к. все они дошли до нас во фрагментах.

V. 94-й том 2-й рифмы ([чжи] 紙), шан шэнь.

Цзюань 10286: 26 листов.

<Л. 11об.> Знак [цзы] 子. Пятая цзюань статьи — [Дао-цзя цзы шу] 道家子書 «Книги даосских философов». Восемь параграфов (черные заголовки мелким шрифтом с новой строки), посвященных отдельным даосским авторам и расположенных в хронологическом порядке. Первый — Ле-цзы 列子 (1r, 2). Последний — [Цзюй-цзы] 濂子³².

Цзюань 10287: 26 листов. Листы 22 и 24–26 совершенно вырваны. Шестая цзюань названной выше статьи. Уцелели 14 заголовков. Первый: *Хэ-гуань-цзы* 鶡冠子^[33] (1г, 3), последний — *Тянь-инь-цзы* 天隱子³⁴ ([№] 25, 22г, 8).

Помимо чисто библиографических выписок из литературных обзоров династийных историй или из отдельных каталогов, сообщающих только внешние данные о книге, сюда включены извлечения из различных сочинений и отдельные очерки, касающиеся изложенного в книге учения.

Число цитированных сочинений в статье *Ле-цзы* достигает 34, но у некоторых других ограничивается одной краткой заметкой из обозрения ([*чжи*]志). По-видимому, вся библиографическая литература для включения в «Юн-лэ да дянь» была разбита всего на несколько статей, соответствующих самым общим подразделениям китайской литературы. В Юань, *Sensus*, мы находим статьи [*Чжу цзя ши му*] 諸家詩目 «Оглавление стихотворений всех авторов» и [*Ли дай чжу ши*] 歷代諸史 «Истории всех династий»³⁵.

VII. 16-й том четвертой рифмы ([*цзи*] 霽), *цуй шэн*.

Цзюань 14053: 29 листов.

Знак *цзи* 祭. 11-я цзюань статьи *цзи вэнь* 祭文, надгробные «речи». Статья является сборником произведений этого особого жанра *гу-вэнь*. Делится на параграфы, каждый из которых содержит панегирики, посвященные лицу, стоявшему в определенном отношении к автору. В данной цзюани — это родственницы и свойственники по женской линии.

Цзюань 14054: 30 листов.

12-я цзюань той же статьи. Четыре параграфа, озаглавленных: «Учи- <Л. 12> тель» ([*сянь-шэн*] 先生), «Ученик» ([*сюэ-шэн*] 學生), «Сослуживец» ([*ляо-гуань*] 僚官) и «Друг» ([*цинью*] 親友).

VIII. Том 180-й рифмы ([ян] 漾), *цуй шэн*.

Номер тома стерся. Знак [*чжуан*] 狀.

Цзюань 18402: 21 лист.

Цзюань 18403: 16 листов. Третья и четвертая цзюани статьи — сборники другого, на этот раз официального делового жанра [*се чжуан*] 謝狀 «докладов об отставке». Деления на параграфы нет. Все авторы в наших цзюанях — сунской эпохи, за исключением первого (танского).

Включение литературного жанра под знак его названия часто встречается в «Юн-лэ да дянь». Так, вся драматическая литература оказалась переписанной под знаками [*си*] 戲 и [*цзюй*] 劇³⁶. Статьи знака [*ши*] 詩 занимали более сотни томов, по-видимому, по той же причине³⁷.

IX. Том 3-й рифмы ([шу] 術), *жу шэн*.

Наклейка с номером тома утрачена.

Знак [люй] 律; под ним были помещены (тоже полностью переписанные) сочинения одного из основных отделов буддийского канона — винайи.

Цзюань 21029: 8 листов.

Л. 1r: «Ша-ми-ни цзе цзин» 沙彌尼戒經³⁸.

Л. 3r: «Шэ-ли-фу вэнь цзин» 舍利弗問經³⁹.

Цзюань 21030: 15 листов.

Л. 1r: «Му-лянь вэнь цзе-люй-чжун у бай цин-чжун ши цзин» 目連戒律中五百輕重事經. Первая часть (13 параграфов)⁴⁰.

Цзюань 21031: 17 листов.

Л. 1r: то же, окончание (параграфы 14–17 и заключение).

Л. 3v: «Фо шо ю-по-сай у-цзе сян-цзин» 佛說優婆塞五戒相經⁴¹.

<Л. 12об.>

XI. 28-й том 9-й рифмы ([ци] 緝), *жу шэн*.

Знак [цзи] 集. Другая сутра трипитаки: «Да-фан-дэн да цзи цзин» 大方等大集經⁴².

Цзюань 22576: 10 листов.

10-я цз. названной сутры [«Хай-хуй пу-са пинь ди у чжи сань»] 海慧菩薩品第五之三 (1r, 3).

Цзюань 22577: 13 листов.

11-я цз. сутры (то же, [у чжи сы] 五之四; 1r, 3).

Цзюань 22578: 12 листов.

12-я (по Корейской трипитаке 14-я) цз. сутры [«Сюй-кун цан пу-са со вэнь пинь ди лю чжи и»] 虛空藏菩薩所問品第六之一 (1r, 3).

Пробное сличение текста сутр, содержащихся в наших томах «Юн-лэ да дяня», с Токиоской трипитакой показало, что они ближе всего к минскому изданию буддийского канона и не содержат никаких существенных отличий о нее.

Ни одна группа текстов и сочинений не была так непоследовательно и произвольно расположена в «Юн-лэ да дяне», как литература буддизма. Воспользовавшись систематическими подразделениями трипитаки, составители энциклопедии не стали даже разбивать ее на отдельные сочинения. Две из основных частей канона были переписаны целиком под знаками их названия: абхидхарма — под [лунь] 論⁴³ и винайя — под [люй] 律. Сутры ([цзин] 經) подверглись некоторой разбивке, по-видимому, тоже по отделам, а не по сочинениям. Наконец, знак, под которым переписывалась данная группа сутр, выбирал-

ся весьма произвольно, и найти данное сочинение канона в «Юн-лэ да дянь», очевидно, было весьма затруднительно⁴⁴.

В сохранившихся бэнях «Юн-лэ да дяня» встречаются и целые сочинения даосского канона⁴⁵.

<Л. 13> Примечания к Описанию томов «Юн-лэ да дяня»

¹ См. Юань 考, стр. 1–2; Сунь Чжуан, стр. 195 (только переплет, компиляционные листки «Сы-ку цюань-шу» и листки с именами переписчиков); Н. Giles в «Encyclopaedia Britannica», 11th ed. Vol. VI, стр. 230 (только размер и переплет); L. Aurousseau в [Review: Miao Ts'uan-souen 繆荃孫. — *Ts'ing Hio-pou T'ou kouan chan-pen chou-mou* 清學部圖書館善本書目 «Catalogue des ouvrages précieux de la Bibliothèque du Ministère de l'Instruction publique des Ts'ing» //] BEFEO. XII, № 9, стр. 80. Краткие замечания у Сяо Му 蕭穆 (о нем см. ЖМЦД, 1659, I), [Цзи Юн-лэ да дянь] 記永樂大典 в [Цзин-фу лэй гао] 敬孚類稿, цз. 9 (перепеч[атано] у Сунь Чжуана, стр. 205); Мяо Цюань-суня 繆荃孫 (о нем см. [Chronique //] BEFEO. IX, стр. 829), [Юн-лэ да дянь као] 永樂大典考 в [И-фэн-тан вэнь сюй цзи] 藝風堂文續集, цз. 4 (перепеч[атано] у Сунь Чжуана, стр. 213); [у] Майерса в China Review, VI, стр. 217–218. Фотографии страниц «Юн-лэ да дяня» см. ЮЛДДЧЖХ, стр. 191 и 299; также [Ту-шу-гуань сюэ цзи-кань] 圖書館學季刊, цз. 2, № 2. Полное совпадение данных этих описаний с внешним видом университетских томов «Юн-лэ да дяня» показывает подлинность последних.

² См. Юань 考, стр. 1.

³ См. Юань, Censur. Более трех цзюаней в одной бэни не встречается.

⁴ Сюй Цзе 徐階 (о нем см. Giles, 761; ЖМЦД, 791, 4), заведовавший перепиской «Юн-лэ да дяня» при Цзя-цзине 嘉靖 (1562–1567), указывает, что имена корректоров должны быть записаны в конце проверенной ими цзюани (см. [Чу ли чун лу да дянь цинь и] 處理重錄大典秦一 в [Ши цзин тан цзи] 世經堂集, цз. 6; перепеч[атано] у Юань, Passages, стр. 17).

⁵ См. [Юй чжи ши сы цзи] 御製詩四集 Цянь-луна, цз. 17 ([Хуй цзи сы ку цюань шу лян цзюй чжэ] 彙輯四庫全書聯句注); у Сунь Чжуана, стр. 201). Кроме того, Юань Гун-ли издал ([Го-ли Бэйпин ту-шу-гуань гуань-кань] 國立北平圖書館館刊, цз. 6, № 1, стр. 93–133) оглавление сохранившихся томов «Юн-лэ да дяня», составленное при компиляционных работах для «Сы-ку цюань-шу». В нем указаны первая и по-

следняя цзюани каждого десятка бэней (очень редко — [для] 8, 9, 11, 12 бэней), несомненно, оно составлено по *тао*.

<Л. 13об.>⁶. В Юань, Census, для 545-й цз. указано число листов (общая сумма — 12327 [лл.]). В наших томах 25 цз. и 490 л., итого 12817 л. в 570 цз. Таким образом, среднее число листов в цзюани — 22,6, а вероятное число листов всего «Юн-лэ да дяня» — $12817 \times 22877 : 570 = 514.411$. Полное число знаков мелкого шрифта на странице — $28 \times 16 = 448$. Считая, что пробелы, крупный шрифт, рисунки и чертежи уменьшают последнюю цифру на треть (что будет преувеличением), мы получим в среднем около 300 знаков на странице, т.е. для миллиона с лишним страниц — более 300 000 000 знаков. Lionel Giles (An Alphabetical Index to the Chinese Encyclopaedia [*Ch'in Ting Ku Chin T'u Shu Chi Ch'eng*] 欽定古今圖書集成. [London, 1911], стр. VIII–IX) определяет размеры «Ту шу цзи чэна» в 800 000 стр., но только [в] 100 000 000 знаков, т.е. в три раза меньше «Юн-лэ да дяня». «Encyclopaedia Britannica», по расчету L. Giles'a (там же), в три или четыре раза меньше «Ту шу цзи чэна». H. Giles («Encyclopaedia Britannica», 11th ed. [Vol.] VI, стр. 230) преуменьшает число страниц «Юн-лэ да дяня», принимая среднее число листов в цзюани равным 20, но преувеличивает число знаков (336 992 000), т.к. не делает скидки на пробелы, рисунки и т.п.

⁷ См. Юань, Census: цзюани 6641, 7515-16, 7677, 8021, 10135-36, 10460, 14385, 14607-22, 14627, 19735 и 20139.

⁸ См. Юань, Census, соответств[ующие] номера цзюаней.

⁹ См. L. Aurousseau, BEFEO. XII, № 9, стр. 87.

¹⁰ «Ши-цзун ши лу» 世宗實錄, цз. 512 ([о] *ши лу* минского императора Цзя-цзина, напечат[ано] у Юань, Passages, стр. 14 (о *ши лу* вообще см. L. Aurousseau, BEFEO. XII, № 9, стр. 72–75), сообщает имена корректоров, назначенных при начале переписки «Юн-лэ да дяня» (1562 г.), а «Му-цзун ши лу» 穆宗實錄, цз. 7 (напечат[ано] там же, стр. 14–15), дает список чиновников, награжденных по окончании переписки (1567 г.), но без указания их обязанностей в отношении последней. Сунь Чжуан (стр. 195) перечисляет корректоров и переписчиков четырех томов, в настоящее время находящихся в Пекинской гос[ударственной] библиотеке (цз. 3143-44, 3145-46, 3147-49 и 14380-81), а Ли Чжэн-фэнь назы- <Л. 14> вает всех корректоров, не упомянутых в «Ши-цзун ши лу», но подписи которых встречаются в уцелевших томах «Юн-лэ да дяня» (один из них отсутствует и в «Му-цзун ши лу»).

Приведу полный список лиц, названных в наших томах.

Строка	Том; чин и фамилия	Литература. Ш=Ши-цзун ши лу; М=Му-цзун ши лу
1) [<i>Чжун-лу цзун-сяо-гуань</i>] 重錄總校官	I–VI. [<i>Ши-лан (чэнь)</i>] Гао Гун 侍郎臣高拱 VII. « « [<i>Цинь Мин-лэй</i>] 秦鳴雷 VIII–XI. « « [<i>Чэнь И-циннь</i>] 陳以勤	Giles, 955; ЖМЦД, 881, 4; Ш; М; Сунь Чжуан, I–III. ЖМЦД, 830, 3; М; Сунь Чжуан IV; Ли Чжэн-фэнь ЖМЦД, 1067, 1; М; Ли Чжэн-фэнь
2) То же	I–II. [<i>Юй-дэ (чэнь)</i>] Цюй Цзин-чунь 諭德臣瞿景淳 III. Он же, но уже в чине [<i>сюэ-ши</i>] 學士 IV. [<i>Сюэ-ши (чэнь)</i>] Чэнь И-циннь 學士臣陳以勤 V–VI. « « [<i>Ху Чжэн-мэн</i>] 胡正蒙 VII–XI. « « [<i>Ван Да-жэнь</i>] 王大任	ЖМЦД, 1720, 3; М; Сунь Чжуан III См. выше Ли Чжэн-фэнь ЖМЦД 77, 1; М; Сунь Чжуан; Ли Чжэн-фэнь
3) [<i>Фэнь-сяо-гуань</i>] 分校官	I. [<i>Дзянь-тао (чэнь)</i>] У Да-жэнь 檢討臣吳大任 II. [<i>Бянь-сю (чэнь)</i>] Тао Да-линь 編修臣陶大臨 III. [<i>Сю-чжуань (чэнь)</i>] Дин Ши-мэй 修撰臣丁士美 IV. [<i>Юй-дэ (чэнь)</i>] Чжан Цзюй-чжэн 諭德臣張居正 V и VIII. [<i>Ши-ду (чэнь)</i>] Люй Минь 侍讀臣呂旻 VI. « « [<i>Ван Си-ле</i>] 王希烈 VII и IX. [<i>Бянь-сю (чэнь)</i>] Сунь Тин 編修臣孫鋌 X. [<i>Сю-чжуань (чэнь)</i>] Чжу Да-шоу 修撰臣諸大綬 XI. [<i>Бянь-сю (чэнь)</i>] Чжан Сы-вэй 編修臣張四維	Ш; М. ЖМЦД, 1108, 3; М; Ш; Сунь Чжуан I ЖМЦД, 2, 1; М; Ш; Ли Чжэн-фэнь? Giles, 41; ЖМЦД, 938, 1; М; Ш Ш; М Ш; М; Сунь Чжуан II–III М; Ли Чжэн-фэнь М ЖМЦД, 927, 2; Ш; М; Сунь Чжуан IV

4) [Шу-се] 書寫	<p>I. [Жу-ши (чэнь) Ван И-чэн] 儒士臣王以成</p> <p>II. « « [Чжан Мэн-чжэнь] 張夢禎</p> <p>III. [Бань-ши (чэнь) У Бан-янь] 辦事臣吳邦彥</p> <p>IV. [Гуань-суй-бань (чэнь) Хэ Чу] 官序班臣何初</p> <p>V и VIII. [Жу-ши (чэнь) У Цзы-сян] 儒士臣吳子像</p> <p>VI. [Жу-ши (чэнь) Тан Ин-лун] 儒士臣湯應龍</p> <p>VII. » » [Хань Цзи-жун] 韓繼榮</p> <p>VIII. См. выше (V).</p> <p>IX. [Жу-ши (чэнь) Ван Вэнь-сунь] 儒士臣汪文孫</p> <p>X. » » [Го Цзун-и] 郭宗義</p> <p>XI. » » [Лу Вань-чунь] 陸萬春</p>	
5) [Цюань-дянь цзянь-шэн (чэнь)] 圈點監生臣	<p>I. [Инь Чжи-сянь] 尹之先</p> <p>II. [Цун Чжун-ци] 叢仲楫</p> <p>III. [Лэй Чэнь-хуа] 雷辰化</p> <p>IV-V. [Чжуан Чжоу] 莊洲</p> <p>VI. [Ао Хэ] 敖河</p> <p>VII и IX. [Линь Жу-фэнь] 林汝粉</p> <p>VIII. [Цяо Чэн-хуа] 喬承華</p> <p>X. [Линь Жу-фэнь] 林汝粉</p> <p>XI. [Чжуань Дао-сюань] 傳道玄</p>	<p>Сунь Чжуан, I</p> <p>Сунь Чжуан, II-III</p>
6) То же [(чэнь)] 臣	<p>I. [Ли Мэй] 李涓</p> <p>II. [Сюй Хуан] 徐璜</p> <p>III. [Ма Цзун-сяо] 馬宗孝</p>	

	IV. [Су Гун] 蘇恭 V. [Оуян Цин] 歐陽卿 VI. [Сунь Ши-лян] 孫世良 VII. [Дун Цзы-хань] 董子翰 VIII. [Бао Цзянь-линь] 包漸林 IX. [Тан Юй] 唐虞 X. [Дун Чжун-лу] 董仲輅 XI. [Сюй Жун-сяо] 許汝孝	Сунь Чжуан, II–III Сунь Чжуан, IV
--	--	--

¹¹ См. «Сы-ку цюань-шу цзун-му» 四庫全書總目, цз. 136, л. 22v.

¹² Об официальном значении «Хун-у чжэн юня» см. «Сы-ку цюань-шу цзун-му», цз. 42, л. 26v. (в конце рецензии).

¹³ Лю Тун-сюнь 劉統勳 (о нем см. Giles, 1362; ЖМЦД, 1471, 2) очень низко оценивает образцы почерков знаменитых каллиграфов, как они воспроизведены в «Юн-лэ да дяне» (см. Указ *шан-юй* 上諭 [от] 11-го числа, 2 месяца 38 года Цянь-луна; у Сунь Чжуана, стр. 199).

<Л. 15>¹⁴. «Сы-ку цюань-шу цзун-му» в рецензии на прототип «Юн-лэ да дяня», энциклопедический словарь «Юнь-фу цюнь юй» 韻府羣玉 (XIV в., ЖМЦД, 329, 2) утверждает, что изощренность рифм, введенная в классическую поэзию Ван Ань-ши, Су Дун-по и Хуан Тин-цзянем, вызвала появление [*ши-юнь дэн ши*] 詩韻等事, т.е. рифмических словарей с фразеологией, уже весьма многочисленных во второй половине XIII века.

¹⁵ В Юань, Sensus, «названия» ([*мин*] 名) как отдельная статья, предшествующая фразеологии ([*ши-юнь*] 事韻), указаны под знаками [*тай*] 臺 (цз. 2603-04), [*цзунь*] 尊 (3584-85), [*цан*] 倉 (7511-18), [*шу*] 樹 (14536-37). Кроме того, под знаками [*по*] 陂 (2754-55), [*цунь*] 村 (3579-81) и [*дун*] 洞 (13074-75) — «названия» заменяют отсутствующую *ши-юнь* и непосредственно предшествуют «стихам и прозе» ([*ши вэнь*] 詩文). Отдельные фрагменты статьи [*мин*] 名 — под знаками [*ху*] 湖 (2260-71), [*чжэй*] 齋 (2535-40), [*мэнь*] 門 (3525-28), [*цяо*] 橋 (5416), [*тан*] 堂 (7235-42), [*лин*] 嶺 (11980-81), [*чжу*] 竹 (19865-66). Для некоторых других знаков в [Юань], Sensus, перечислены как особые статьи, по-видимому, отдельные параграфы (заголовки) статьи «названия»: [*ши*] 師 (917-922), [*лан*] 郎 (7325-29), [*цан*] 倉 (? 7506-10), [*цзин*] 京 (7701-02), [*ну*] 鋪 (14574-76), [*цзи*] 稷 ? (20424-25).

¹⁶ Фразеология ([*ши-юнь*] 事韻) встречается на каждой странице Юань, Censu; ей предшествуют, по-видимому, только «названия».

¹⁷ «Стихи в прозе» ([*ши вэнь*] 詩文) после фразеологии ([*ши-юнь*] 事韻) — см. Censu: [у] 梧 (2337), [*няо*] 鳥 (2345-46), [*шу*] 蔬 (2407), [*янь*] 燕 (4908), [*лан*] 郎 (7328-29), [*ю*] 油 (8841), [*лу*] 虜 (10876-77), [*дун*] 動 (13082), [*цзюй*] 局 (19781-82). Кроме того, см. прим. 15. Отдельные статьи *вэнь* и *ши* см. [Юань], Censu: [*шэнь*] 神 (2950-51) и [*жэнь*] 人 (3003-06). Одно *ши* [при знаках *шу*] 梳 [и *цунь*] 村. Одно *вэнь* [при знаке *си*] 檄 (20850-51). Кроме того, много отдельных фрагментов. Под [*янь*] 烟 (4908) *ши* стоит после биографий ([*син ши*] 姓氏), но здесь возможна опечатка.

<Л. 15об.>^{17a}. Лотос, *Nelumbium speciosum* (Bretschneider, [E]. *Botanicon Sinicum. Part II. [The Botany of the Chinese Classics. With Annotations, Appendix and Index by the Rev. Y. Faber. Shanghai, 1892, p.] 99*

¹⁸ *Phelipea salsa* (Bretschneider, *Botanicon Sinicum. [Vol.] II, [p.] 10*).

¹⁹ У Бретшнейдера и в трех больших европейских словарях ([S.] *Couvreur, [H.] Giles, Палладий*) первый знак и все выражение в целом отсутствует.

²⁰ Текст под заголовком [*Ми-сы-эр май*] 密斯兒麥 следующий:
國朝遣使者至密斯兒之地。云其國有清水江一道。江岸問古有人種植。今但有雜果木。其所遺小麥種。大如黃豆。常自發生。

[Перевод:] «Послы царствующей династии достигли земли *Ми-сы-р*; (они) говорят, что в этой стране есть одна река чистой воды. По берегам реки в древности были люди, возделывавшие растения, теперь (там) только разные плодовые деревья; зерна оставленной ими пшеницы величиной <пропуск в тексте> (и) всегда прорастают сами».

О китайских посольствах, достигавших Египта, «Мин ши», по-видимому, умалчивает, но имеется сообщение о египетском посольстве при Юн-лэ (Bretschneider, [E]. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. [Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century. Vol. II, 1910], стр. 308*), причем указаны две транскрипции: [*Ми-си-эр*] 密昔兒 и [*Ми-сы-эр*] 密思兒 (Мин-ши, гл. 322, л. 22; изд. 1836 г.); последняя из них только вторым знаком отличается от транскрипции «Юн-лэ да дяня». Вода Нила при разливе мутная, но чистая в остальное время года. Чжао Жу-гуа называет Нил «a river... of very clear and sweet water» (F. Hirth, W.W. Rockhill [tr.]. *Chau Ju-kua: [His work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth Centuries, entitled Chu-fan-chi. St. Petersburg, 1911] (стр. 144)*). В данном случае, м. б., подразумевается

Ваһг al-Abyaḍ — «Белый Нил»? Содержание заметки в целом может быть разъяснено только специалистом.

²¹ В Юань, Census, биографии предшествуют географическим статьям четыре раза и следуют за ним десять раз; в шести других случаях биографии стоят на последнем месте, по крайней мере среди уцелевших статей.

²² Несколько биографий одного лица, см., напр[имер], цз. 3143-44, целиком посвященные Чэнь Гуаню 陳瓘 (ЖМЦД, 1107, 2), и кроме извле- <Л. 16> чений из шести различных сочинений, содержащие по- годную биографию ([нянь-пу] 年譜), составленную его потомком (см. Чжао Вань-ли 趙萬里 в ЮЛДДЧЖХ, стр. 355).

²³ Биографии полководцев см. Юань, Census, цз. 18207-09 (знак [цзян] 將).

²⁴ См. Legge, Chinese Classics. [The *Ch'un Ts'ew with Tso Chuen*. Vol.] V, [pt.] 2. [Hong Kong, 1872], стр. 631–635.

²⁵ См. Legge, Chinese Classics. [The *Ch'un Ts'ew with Tso Chuen*. Vol.] V, [pt.] 2. [Hong Kong, 1872], стр. 635–639.

²⁶ В Юань, Census, указаны: шесть гексаграмм «И-цзина» (2409, 3008-10, 3507-08, 13876, 14998, 15140-43). Четыре главы ([нянь] 篇) «Шу-цзина» (7677, 8025-26, 13589-90, 20426-28), причем глава [Тай ши] 泰誓 помещена не под [ши] 誓, а под более характерным знаком [тай] 泰. Четыре главы ([нянь] 篇) «Ши-цзина» (661, 5268, 11903). Четыре главы ([нянь] 篇) «Ли-цзи», не считая «Чжун-юна» (7449-7462, 10483-84), причем главы [Сан фу сяо цзи] 喪服小記, [Сан да цзи] 喪大記 и [Цза цзи] 雜記 помещены не под последним знаком заглавия, а тематически — под [сан] 喪. Одна глава ([нянь] 篇) «Мэн-цзы» (6558-59), [Лян-хуй-ван] 梁惠王 — под первым знаком, м.б., потому, что все, относящееся к правителям, помещается под знаком названия их династии. Наконец, от «Чунь-цю» сохранились, кроме нашего тома, 3-я цзюань [Вэнь-гун] 文公 (3406) и 23–24-я цз. [Чжуан-гун] 莊公 (6504-05).

²⁷ У [А.] Wylie [Notes on Chinese Literature. Shanghai–London, 1867] и в ЮЛДДЧЖХ (см. прим. 28) это сочинение не упоминается.

²⁸ «Сун хуй яо», 500 цз. извлек из «Юн-лэ да дяня» Сюй Сун 徐松 (первая пол[овина] XIX в., ЖМЦД 783, 4), но издано оно не было, и местонахождение рукописи в 1929 г. при издании ЮЛДДЧЖХ, было неизвестно (см. Чжао Вань-ли 趙萬里, [Юн-лэ да дянь нэй цзи чу чжи и шу-му] 永樂大典內輯出之佚書目, ЮЛДДЧЖХ, стр. 266). В настоящее время, согласно сообщению Юань Тун-ли, готовится новое издание «Сун хуй яо», для чего будут привлечены и наши тома «Юн-лэ да дяня».

<Л. 160б.>²⁹. «Цзин-ши да дянь» 經世大典, составленный в первой пол[овине] XIV в., в целом извлечен и издан не был, но отдельные куски его опубликованы под особыми заглавиями в [Шоу-шань кэ-гэ цун-шу] 守山客閣叢書: ([Хуан Юань чжэн мянь лу] 皇元征緬錄, [Чжао бу цун-лу] 招捕總錄); в [Гуан-цан сюэ цюнь цун-шу] 廣倉學宥叢書: ([Юань Гао-ли цзи ши] 元高麗紀事, [Юань дай хуа су цзи] 元代畫塑記, [Да Юань гуань чжи цза цзи] 大元官制雜記, [Цан-ку цзи] 倉庫記, [Чжань цзи гун у цзи] 氈罽工物籍 — извлечены Вэнь Тин-ши 文廷式 (конец XII в., ЖМЦД 55, 3) и [Да Юань ма чжэн цзи] 大元馬政記, извлеченное Сюй Суном (см. примеч. 28), и в [Сюэ-тан цун-кэ] 雪堂叢刻: [Да Юань хай юнь цзи] 大元海運記, извл[еченное] Ху Цзином 胡敬 (первая пол[овина] XIX в.; ЖМЦД 696,4). См. Чжао Ван-ли, ЮЛДДЧЖХ, стр. 253, 267–268.

В библиотеке Русской Духовной Миссии в Пекине в XIX в. находилась рукопись главы «Цзин-ши да дяня», содержащей перечни почтовых станций в Китае и Монголии, откуда она поступила в Румянцевский музей (ныне Публичная библиотека им. Ленина в Москве). Бретшнейдер (Medieval Researches II, стр. 3 и сл[едующие]) издал и комментировал схематическую карту Центральной и Западной Азии, тоже извлеченную из «Цзин-ши да дяня». В недавнее время японский синолог Haneda [Тогу] (羽田亨, 1882–1955) снял копию с рукописи Румянцевского музея, и от него она поступила в [Тойо Бунко] 東洋文庫 (см. Юань, Census, цз. 19416–26). Юань Тун-ли и Чжао Вань-ли (ЮЛДДЧЖХ, стр. 247–248 и 320) ошибочно указывают, что рукопись, с которой снял копию Haneda, находится не в Румянцевском, а в Азиатском музее, где нет никаких томов «Юн-лэ да дяня»*. К сожалению, мне не удалось ознакомиться с этой рукописью.

³⁰ Статьи об обрядах — см. Юань, Census: 7378–94 ([сан] 喪), 12071–72 ([цзю] 酒), 17084–85 ([мяо] 廟), 19785–92 ([фу] 服).

³¹ Статьи по администрации, судя по Юань, Census, очень объемисты и многочисленны. См., напр[имер], [Юй-ши-тай] 御史臺 (2606–11), [цзун-ши фэн ван] 宗室封王 (6764–67) и [и-син фэн ван] 異姓封王 (6771), [чжи-фу] 知府 (10998–99), [чжу-бо] 主簿 (14607–09), [цао-юнь] 漕運 (15948–50), [цзюнь сянь] 郡縣 (2983–84) др. Подчеркнут знак, под которым помещается статья.

³² Под заголовком [Цзюй-цзы] 虞子 имеется только краткое упоминание в «Ши-цзи» ([Гоу-сян-чжуань] 苟鄉傳) с пояснением комментария [со-инь] 索隱, что [Цзюй] 劇 — фамилия автора книги.

* Один том «Юн-лэ да дяня» (цз. 13135–36) поступил в Азиатский музей позже, в 1935 г., из Дальневосточного филиала АН СССР во Владивостоке.

<Л. 17> 33. Книга этого чжоуского автора сохранилась и стоит на последнем месте в собрании [Ши цзы] 十子 «Десять философов». О сомнениях в ее подлинности см. В. Kalgren. The Authenticity of Ancient Chinese Texts в Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, № 1, 1929, стр. 167 и 169.

³⁴ Тянь-инь-цзы 天隱子 — сочинение неизвестного автора, издавалось с комментариями и предисловием шанского Сыма Чэн-чжэня 司馬承禎 (ЖМЦД, 184, 1), которому иногда приписывается и основное сочинение.

³⁵ См. Юань, Census, 10135-36 [Ли дай чжу ши] 歷代諸史, 7–8 ([Нань шу и Тан шу] 南書—唐書) и библиография династийных историй; 905-07 [Чжу цзя ши му] 諸家詩目, 1-3.

³⁶ О драме в «Юн-лэ да дяне» см. Чжао Вань-ли 趙萬里, [Цзи Юн-лэ да дянь нэй чжи си-цюй] 記永樂大典內之戲曲, ЮЛДДЧЖХ, стр. 299–319. В этой статье приведены соответствующие места из оглавления «Юн-лэ да дяня» (изд. [Лянь-юнь-и цун-шу] 連筠篲叢書), причем выясняется, что из 90 [ца-цзюй] 雜劇, переписанных в «Юн-лэ да дяне», в настоящее время сохранилось 38, а из 33 [си вэнь] 戲文 — 24. Само собою разумеется, конфуцианцы XVIII в. не сочли драматическую литературу заслуживающей извлечения для императорской коллекции.

³⁷ См. Юань, Census, цз. 895–902 ([Сун ши, Юань ши] 宋詩, 元詩 и т.п.).

³⁸ Sramañerikā-sīla (или pratimokṣa)-sūtra, правила для послушниц (См. Buniyu Nanjio. [Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka. Oxford, 1883], № 1151, [р. 254]; L. Wiegner. Bouddhisme chinois. [Extraits du Tripitaka]. T. I. Vinaya. Hinayana. [Ho-Kien-Fou], 1910, стр. 137, перевод — стр. 182–189).

³⁹ Sariputra-pariprecha-sūtra, «Сутра, [сказанная Буддой в ответ на вопросы] Шарипутры» (Buniyu Nanjio № 1152, [р. 254]; L. Wiegner, стр. 137).

⁴⁰ «Сутра, сказанная Буддой (в ответ на вопросы Маудгалья-яны о 500 мелких и важных предметах, относящихся к винайе)» (Bunjiyu Nanjio, № 1148, [р. 251]; L. Wiegner, стр. 137).

⁴¹ Buddhahāṣṭita-upāsaka-pañcasīla-rūpa-sūtra (Buniyu Nanjio, № 1114, [246]; L. Wiegner, стр. 136).

<Л. 17об.> 42. Mahāvaipulya-mahāsannipata-sūtra (Buniyu Nanjio, № 61, [р. 27]).

⁴³ См. Юань, Census, 15988-98.

⁴⁴ См., напр[имер], Юань, Census, [Гуань-дин цзин] 灌頂經 (11951-55), [Да-бао не-пань цзин] 大寶涅槃經 (3944-45), [Фо шо би-чу у фа цзин] 佛說苾芻五法經 и [Ши-фа цзин] 尸法經 (2406), [Цзинь-ган бо-жо по-ло-ми цзин] 金剛般若波羅密經 (7543) и др.

⁴⁵ См., напр[имер], под знаком [шэнь] 神 (Юань, Census, 2952-55). Отдельные главы ([лянь] 篇) «Чжуан-цзы» см. там же, цз. 8587, 15955; «Хэ-гуань-цзы» (ср. прим[ечание] 33) — цз. 19743; «Хань-фэй-цзы» — цз. 14707.

2. ЮЛДД в европейской синологической литературе

Европейская литература очень небогата сведениями о «Юн-лэ да дяне». Специальных работ, хотя бы статей, о нем не существует. Во многих общих пособиях по Китаю, по его литературе и истории можно найти краткие заметки о «Юн-лэ да дяне», но их составители довольствуются информацией, полученной из вторых или третьих рук и обычно ограничиваются указанием на колоссальный объем этого сочинения. Авторы, непосредственно черпавшие из китайской литературы, (Wylie, Meyers), основываются только на рецензии «Сы-ку цюань-шу цзун-му» и сами никогда не видели величайшей китайской энциклопедии. Единственным исключением является L. Aurousseau, который в 1912 г. ознакомился с фрагментами «Юн-лэ да дяня» в Пекине и первый избежал повторения ошибок, сделанных составителями «Сы-ку цюань-шу цзун-му».

Значение первоисточника [работы] европейских авторов имеют только относительно гибели и расхищения «Юн-лэ да дяня» (или, вернее, его остатков) при осаде посольств боксерами в 1900 г. После этого понятно, что материалом для исторической части настоящего очерка могли послужить только тексты, собранные за последние годы китайскими библиографами.

Самое раннее известное мне сообщение о «Юн-лэ да дяне» в европейской синологической литературе находится в «Histoire générale de la Chine» de Mailla (Paris, 1779. Vol. X, стр. 166).

<Л. 18> Свои сведения de Mailla, очевидно, заимствовал из тех трех исторических сочинений о минской династии, которые по указанию его редактора послужили ему источником для данного периода¹. Повидимому, ученый иезуит не имел представления о содержании «Юн-лэ да дяня», т.к. он, отмечая дату поднесения этой энциклопедии императору (11-я «луна» 1408 г.), называет ее «кодексом династии Мин» и таким образом заставляет читателя предполагать, что речь идет о

сочинении юридического содержания. Эта ошибка будет вполне понятна, если предположить, что de Mailla судил о «Юн-лэ да дяне» только по его названию². Затем автор указывает приблизительные размеры «кодекса» («11 000 томов или тетрадей, содержащих 22 900 глав») и говорит, что он был начат составлением при императоре Хун-у (?).

Ошибку Mailla повторил [P.] Peryu (см. ниже) в добавлениях к своему словарю (стр. 123), очевидно, забыв, что на стр. 95 он правильно характеризовал «Юн-лэ да дянь» как энциклопедию. [L.] Gaillard (1903)³ цитирует Mailla, уточнив указанные им цифры (по Wylie?), и уже от него эта цитата попала к [H.] Cordier⁴, который тоже не добавил никаких пояснений относительно содержания этого «кодекса».

В 1850 г. в Берлинской Академии Наук [W.] Schott доложил свой «Entwurf einer Beschreibung der chinesischen Literatur»⁵.

Несколько строк он посвящает «Юн-лэ да дяню», пользуясь «Сы-ку цюань-шу цзун-му», которое называет «Каталогом библиотеки Цяньлуна». Он знает, что «Юн-лэ да дянь» — энциклопедия, но сообщает только число ее цзюаней (с округлением: 22 870) и дает перевод заглавия (весьма спорный) «Великий архив царствования Юн-лэ».

В 1867 г. впервые вышла книга, до сих пор остающаяся самым полным обзором китайской исторической и научной литературы, существующим на европейских языках. Это «Notes on Chinese Literature» Александра Wylie, представляющее собой извлечение из «Сы-ку цюань-шу цзун-му» с некоторыми добавлениями автора. Абзац посвященный «Юн-лэ да дяню»⁶, является сжатым изложением рецензии китайской библиографии, но в нем есть сообщение, <Л. 18об.> которое показывает, что Wylie пользовался и другими источниками, а именно, он указывает, что при снятии копии в 1562–1567 гг. три листа считались нормой для переписчиков. Относительно числа копий (две) он повторяет ошибку рецензии (что противоречит только что приведенному замечанию — сто переписчиков за пять лет не успели бы изготовить два экземпляра).

С тех пор это неверное сообщение китайских библиографов не раз повторялось ([H.] Giles⁷, [W.] Grube⁸). Ответственность за другую неточность падает на самого Wylie. Указание рецензии, что число сочинений, извлеченных из «Юн-лэ да дяня» для «Сы-ку цюань-шу», равно 385, он понял в том смысле, что все эти сочинения были утрачены; в действительности же в это число входят и книги, дошедшие до XVIII в., но текст, бывший в обращении, был найден менее удовлетворительным, чем текст «Юн-лэ да дяня»⁹. Неточность эта тоже получи-

ла хождение в синологической литературе (S. Wells Williams¹⁰, Dyer Ball¹¹ и др.)

Во введении к «Notes»¹² Wylie в связи с общей историей китайской литературной традиции тоже упоминает о составлении «Юн-лэ да дяня», отмечая грандиозность этой энциклопедии.

В вышедших в 1872 г. Appendices к словарю P. Peryu имеется специальное «добавление» на 1–1/2 страницах, посвященное китайским энциклопедиям¹³. Автор, несомненно, пользовался китайскими текстами, но если и умел их читать, то делал это крайне невнимательно. Название первой редакции «Юн-лэ да дяня» («Вэнь-сянь да чэн» 文獻大成) он принял за титул, пожалованный Се Цзиню 解縉 в награду за успешное составление энциклопедии. P. Peryu, очевидно, прочел «Сы-ку [цюань-шу цзун-му] ти-яо» 四庫全書總目提要 (или другой источник) только до сообщения об окончании «Вэнь-сянь да чэна», так как считает «Юн-лэ да дянь» законченным в течение 1403–04 гг. Что эта энциклопедия никогда не была напечатана и не покидала императорских архивов и библиотек, ученый миссионер, очевидно, не подозревает, так как делает следующее в заключительное замечание: «La Bibliothèque Impériale de Paris ne la possède pas».

Через десять лет после выхода в свет книги Wylie в шестом <Л. 19> томе China Review появилась статья F.W. Mayers'a «Bibliographie of the Chinese Imperial Collections of Literature»¹⁴. Между прочим, в ней имеется большой раздел^{14a}, содержащий перевод рецензии «Сы-ку цюань-шу цзун-му» о «Юн-лэ да дяне», к сожалению, с некоторыми неточностями и пропусками. Так как европейский читатель, не синолог, может ознакомиться с названной рецензией только по этому переводу, то я укажу все его погрешности, имеющие сколько-нибудь существенное значение.

1) Mayers пропускает (стр. 216) перечень редакторов-помощников (*фу-цзун-цай* 副總裁). Этот перечень дословно заимствован составителями «Сы-ку цюань-шу цзун-му» из «Тай-цзун ши лу» <зачеркнуто: «и на основании последнего приведен у нас выше»>.

2) Опущены имена первого из ста переписчиков «Юн-лэ да дяня» при Цзя-цзине Чжэн Дао-наня 鄭道南 и главных корректоров — Гао Гуна, Чжан Цзюй-чжэна (стр. 216).

3) На стр. 216, где говорится, что «Юн-лэ да дянь» вместе с оглавлением составлял 22 937 книг (цзюаней), ошибочно переведено: «включая предисловие и посвящение оригинала» (including the original preface and dedication) вместо: «согласно предисловию и посвящению» ([*юй юань сюй юань бяо хэ*] 與原序原表合) — и в противоположность

далее приведенным неверным указаниям минских *ши лу* и «Мин ши». Предисловия в китайских книгах никогда не делятся на цзюани и не включаются в общий счет последних; кроме того, число цзюаней самого «Юн-лэ да дяня» и его оглавления в рецензии уже было указано (22 877 и 60), и сумма этих двух чисел составляет ровно 22 937, и, таким образом, для предисловия и посвящения не остается ни одной цзюани. Наконец, такая конструкция с глаголом [хэ] 合 часто встречается в «Сы-ку [цзюань-шу цзун-му] ти-яо» и не возбуждает никаких сомнений в своем значении.

4) Крайне неточно переведен цитированный по «Тай-цзун ши лу» указ о составлении «Юн-лэ да дяня», причем пропущено указание на «Хуй-си» как на один из двух прототипов составляемой энциклопедии, вместе с примечанием, что «Хуй-си» — это «Хуй-си ши юнь» (回溪史韻, стр. 216).

5) На стр. 217 многоточием отмечен пропуск нескольких строк. После указания, что книги, использованные при составлении «Юн-лэ да <Л. 19об.> дяня» для включения в словарь, то делились на отдельные абзацы, то на главы, то переписывались целиком под одним из знаков заглавия, следует продолжить: «...что совершенно не соответствует *фань ли* ([цзюань шоу фань ли] 卷首凡例)¹⁵ и резко противоречит типу построения книги. Можно предположить, что он („Юн-лэ да дянь“) первоначально был сходен с „Юнь-фу“ по построению, но все статьи его были гораздо подробнее последнего, и, таким образом, фразеология ([*ши-юнь*] 事韻), помещенная теперь на первом месте под каждым знаком, является первоначальной редакцией (словаря) (м.б., = „Вэнь-сянь да чэн“!). Так как с окончанием книги спешили, то не хватало времени делать короткие выборки, и тексты стали распределять по названиям глав, а когда поспешность еще более возросла, то стали распределять по названиям книг, и поэтому неравномерность и несвязность достигли такой степени»¹⁶.

6) Наконец, в большинстве случаев Mauers пропускает ссылки на источники, указанные в оригинале мелким шрифтом в примечаниях.

Майерс писал свою статью «на расстоянии одного броска камнем» от места хранения «Юн-лэ да дяня». Он был секретарем британского посольства, помещавшегося рядом с Хань-линь-юанем, но не мог получить к нему доступа. Со слов знакомого китайского ученого, он приводит интересные сведения об условиях хранения этой энциклопедии в его время¹⁷. <Зачеркнуто: «Это его сообщение использовано нами выше»>.

Вслед за Майерсом следует указать на труды Н. Giles'a. В «A Chinese Biographical Dictionary» (1898) в статье о Чжу Юне 朱筠 (№ 485) он,

насколько мне известно, впервые в европейской литературе освещает роль Чжу Юня, по инициативе которого из «Юн-лэ да дяня» были извлечены для «Сы-ку цюань-шу» утраченные к тому времени сочинения. В других статьях словаря¹⁸ и в «A History of Chinese Literature»¹⁹ он касается истории составления «Юн-лэ да дяня», но не дает в них ничего нового; приводимые им сведения все могли быть извлечены из Майерса. В «History» интересна цитата из письма сына автора, Lancelot Giles'a, подбравшего при пожаре Хань-линь-юаня один том «Юн-лэ да дяня».

<Л. 20> В «Encyclopaedia Britannica» (11th ed., 1910), в статье о литературе Китая, подписанной Джэйлзом²⁰, мы находим другие данные. Как год окончания «Юн-лэ да дяня» указан 1408 — согласно предисловию императора Юн-лэ (все прежние авторы следовали «Сы-ку [цюань-шу цзун-му] ти-яо»), которое основывается на «Тай-цзун ши лу»). Число участвовавших в составлении (2169 чел[овек]) понято правильно, со включением и редакторов, а не только их подчиненных рядовых сотрудников (как у Wylie); даны замечания о внешнем виде и размерах томов; приводится подсчет общего объема энциклопедии. Однако ошибочная история копии «Юн-лэ да дяня» воспроизведена в совершенно такой же форме, как и у Wylie.

Первоначально европейцы считали, что при пожаре Хань-линь-юаня погиб полный экземпляр «Юн-лэ да дяня». В анонимном примечании BEFEO за 1909 г.²¹ было указано на действительное положение дела (по Мяо Цюань-суню). Там же переданы слухи о других, якобы сохранившихся, экземплярах энциклопедии и даже о ее фрагментарном издании.

Наконец, в 1912 г. тоже в BEFEO появилась рецензия-реферат L. Augousseau на [*Цин сюэ бу ту-шу-гуань шань бэнь шу-лу*] 清學部圖書館善本書目 «Каталог ценных изданий библиотеки министерства просвещения Цинской династии», составленный Мяо Цюань-сунем²². Несколько страниц в конце рецензии (стр. 79–87) посвящены «Юн-лэ да дяню». Большую часть этой заметки (стр. 82–87) занимает обзор его томов, находившихся в то время в Пекине (четыре в названной библиотеке, 60 — в «Столичной» — [*Цзин-ши ту-шу-гуань*] 京師圖書館 и десяти, принадлежавших корреспонденту Times'a Моррису и позднее купленных, вместе со всей его библиотекой, бароном Ивасаки)²³. Для каждого тома указаны номера цюаней, знак и находящиеся под ним статьи. На содержании некоторых статей Augousseau останавливается подробнее. Очерк истории «Юн-лэ да дяня» занимает несколько строк, но совершенно точен; автор избег повторения ошибок «Сы-ку цюань-шу цзун-му».

<Л. 20об.> К сожалению, характеристика структуры энциклопедии слишком коротка и составлена в весьма общих выражениях; однако, здесь Arousseau первый разъяснил, что система рифм «Юн-лэ да дяня» не заимствована без изменений из «Хун-у чжэн юня». Значение «Юн-лэ да дяня» при составлении «Сы-ку цюань-шу» освещено правильно; однако напрасно автор [принимает] «Юн-лэ да дянь цай цзи шу» за особое *цун-шу*, в котором изданы 286 извлеченных из этой энциклопедии сочинений. Такого *цун-шу* не существует; названная книга — просто каталог выбранных для «Сы-ку цюань-шу», но [не] включенных в последнее сочинений, которые упоминаются и в «Сы-ку [цюань-шу цзун-му] ти-яо» в отделах «сохраненных заголовков» (*цунь му* 存目). Таким образом, все соображения и догадки Arousseau о связи выпуска в свет этого *цун-шу* с работами по составлению «Сы-ку цюань-шу» являются совершенно излишними.

Статья [О.] Franke, изданная в 1919 г., к сожалению, осталась для меня недоступной²⁴.

Европейцы участвовали и в собирании сведений об остатках «Юн-лэ да дяня», сохранившихся до настоящего времени. В «The New China Review» за март 1919 г. было напечатано обращение редактора (S. Couling'a) к читателям журнала с просьбой сообщать ему сведения об отдельных бэнях китайской энциклопедии. Это обращение вызвало несколько откликов, но соответствующие номера Review я тоже не мог получить в наших библиотеках²⁵.

Примечания [к главе 2. ЮЛДД в европейской синологической литературе]

¹ Там же [Histoire générale de la Chine], стр. 1–3, примечание.

² По-видимому, слово [дянь] 典 («уложение, кодекс») в применении к словарю встречается впервые в названии ЮЛДД, до того времени оно прилагалось только к юридическим сочинениям.

³ Nankin d'alors et d'aujourd'hui // Variétés sinologiques No. 23 p. 198–199.

⁴ Cordier, [H.] Histoire générale de la Chine. [Paris], 1920. Т. III, стр. 39.

⁵ Abhandlungen der Königlichcn Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philos.-histor. Klasse. 1853, стр. 293–418 (данное место — стр. 406).

<Л. 21>⁶. Стр. 148–149.

⁷ Giles, [H.] A History of Chinese Literature. [N. Y.], 1901, стр. 296.

⁸ Grube, [W.] Geschichte der chinesischen Literatur. Leipzig, 1902.

⁹ См. напр[имер] «Сы-ку [цюань-шу цзун-му] ти-яо» [四庫全書總目提要], цз. 102, четвертая рецензия ([*Хун сан и ши цо-яо*] 農桑衣食撮要) и [Чжао Вань-ли] 趙萬里, 永樂大典內輯出之佚書目 [*Юн-лэ да дянь нэй цзи и шу-му*] ([*Бэй-пин Бэй-хай ту-шу-гуань юэ кань*] 北平北海圖書館月刊, [Т.] II, [№] 3–4, стр. 253 и [*фу-лу*] 附錄 на стр. 260, 269, 278–281, 294).

¹⁰ [Wells Williams, S.]. The Middle Kingdom. [A Survey of Geography, Government, Literature, Social Life, Arts and History of the Chinese Empire and It's Inhabitants. Vol. 1–2] (издание 1883 г. и последующие), стр. 692.

¹¹ [Dyer, Ball J.]. Things Chinese or Notes on Various Subjects Connected with China]. 3d ed. [London], 1900, стр. 347.

¹² Стр. XI.

¹³ Appendice du dictionnaire français-latin-chinois de la langue mandarine parlée [...] par Paul Perny. Paris, 1872. Appendice VIII, стр. 95.

¹⁴ China Review. Vol. VI (July 1877 to June 1878), стр. 213–293 и 285–299.

^{14a} Стр. 215–218.

¹⁵ Предисловие, разделенное на параграфы и указывающее на содержание и построение книги (в противоположность [*сюй*] 序, содержащему общие рассуждения о книге и ее предмете).

¹⁶ «Сы-ку цюань-шу цзун-му», цз. 137, лист 26г.

¹⁷ Стр. 217–218.

¹⁸ № 727, 471, 2436.

¹⁹ Стр. 296.

²⁰ Том VI, стр. 230.

²¹ Том IX, стр. 829, примеч. 1.

²² BEFEO. Vol. XII, № 9, стр. 63–88.

²³ См. [Юань Тун-ли] 袁同禮, [*Юн-лэ да дянь као*] 永樂大典考 в [«Сюэ-хэн цза-чжи»] 學衡雜誌, № 26, стр. 6.

²⁴ Franke, [O.] Zwei wichtige literarische Erwerbungen des Seminars für Sprache und Kultur Chinas zu Hamburg. (Mitteilungen aus dem Seminar für etc.)

²⁵ New China Review. Vol. I, стр. 87 и 213.

<Л. 23> 3. Тезисы к статье «Юн-лэ да дянь» библиотеки ЛГУ

1. ЮЛДД — энциклопедический словарь, составленный в Нанкине в 1403–1408 гг. по указу императора Юн-лэ комиссией, число сотрудников которой превышало 2000 человек. Объем ЮЛДД — 22 937 цз[юаней], 11 095 томов.

2. Юн-лэ, захвативший престол в результате гражданской войны 1399–1402 гг., столкнулся с резкой оппозицией конфуцианского чиновничества. Крупным литературным предприятием он пытался смягчить ее и привлечь на службу новые кадры ученых.

3. ЮЛДД напечатан не был; единственная рукопись его хранилась в императорском дворце в Пекине, куда она была переведена вскоре после составления.

4. В 1565–1567 гг. с оригинальной рукописи была снята одна копия, помещенная в Хуан-ши-чэн, императорский исторический архив.

5. Известия о дальнейшей судьбе первой рукописи ЮЛДД противоречивы. Во второй половине XVIII в. составители «Сы-ку цюань-шу» могли воспользоваться только копией. В настоящее время никаких остатков оригинала не найдено.

6. Вторая рукопись в первой половине XVII в. была перемещена в Хань-линь-юань. Десятая часть ее была утрачена.

7. Значительная часть сочинений, включенных в ЮЛДД, к XVIII в. исчезла из обращения. Извлечение из него утраченных произведений впервые было произведено членами Хань-линь-юаня Цюань Цзу-ваном и Ли Фу в начале царствования Цянь-луна.

8. При составлении «Сы-ку цюань-шу» (1772–1782 гг.) по инициативе Чжу Юня было предпринято систематическое извлечение из ЮЛДД отдельных сочинений. Однако многие произведения, даже представляющие интерес для конфуцианских ученых, не были при этом затронуты. Компиляторы, просматривая ЮЛДД, по невнимательности <Л. 22об.> часто пропускали фрагменты вновь составляемых книг. Из последних далеко не все были включены в «Сы-ку цюань-шу» или напечатаны, [из-за чего] многие снова были утрачены.

9. В течение XIX в. ряд ученых извлекал из ЮЛДД сочинения или фрагменты, игнорированные составителями «Сы-ку цюань-шу».

10. Во второй половине XIX в. ЮЛДД подвергался расхищению. В 1875 г. оставалось менее 5000 томов, в 1893 — немного более 600. При пожаре Хань-линь-юаня во время осады посольств боксерами сгорели или были утеряны и эти остатки энциклопедии.

11. Разрозненные тома ЮЛДД сохранились у частных лиц и в библиотеках Китая, Японии, Соединенных Штатов и некоторых государств Европы (Англия, Германия, СССР). Сводный каталог уцелевших цюаней ЮЛДД издавался несколько раз директором Пекинской национальной библиотеки Юань Тун-ли. В издании 1933 г. перечислено 349 т[омов] (663 цз[юаней]).

12. Статьи о ЮЛДД, хотя и краткие, появляются в китайской литературе начиная с XVIII в. (Цюань Цзу-ван, «Сы-ку цюань-шу цзун-му»). В последние годы в Китае появился ряд сборников текстов и статей по истории ЮЛДД и о сохранившихся в нем текстах (Юань Тун-ли, Сунь Чжуан, Чжао Вань-ли и др.), но работы о структуре ЮЛДД как энциклопедии — отсутствуют*.

13. В библиотеке ЛГУ имеется 11 т[омов] (25 цз[юаней]) ЮЛДД, содержащих образцы всех основных типов статей этой энциклопедии. Описание этих фрагментов легло в основу настоящей работы.

14. Первоначальное и основное назначение китайских энциклопедических словарей — это пособие при версификации, поэтому они пользуются рифмической системой и комплексы знаков помещаются в них, как правило, под последним знаком, входящим в состав данного комплекса.

15. ЮЛДД расположен по системе «Хун-у чжэн юня» (1375 г.), немного измененной в сторону более консервативной и далекой от живого произношения традиции прочих рифмических словарей (80 рифм вместо 76 «Хун-у чжэн юня»).

<Л. 23> 16. В ЮЛДД нередко названия и выражения помещаются под более характерным знаком. Вследствие грамматической структуры китайского языка этот принцип противоречит предшествующему (тезис 14). Оба приема применяются составителями ЮЛДД крайне непоследовательно.

17. Под каждым знаком в ЮЛДД могут помещаться следующие статьи:

1) Словарные определения (единственная вполне обязательная статья).

2) Образцы написания знака различными почерками.

3) Общее предисловие (*цзун сюй*) — рассуждения о понятии, обозначаемом данным знаком.

4) Фразеология (*ши-юнь*) — названия и различные выражения, в состав которых входит данный знак.

5) Стихи и проза (*ши вэнь*) — стихотворения и прозаические essays о данном предмете.

6) Различные энциклопедические статьи; самые обычные — история (по династиям), главы классических книг, целые сочинения (даосские и буддийские), географические названия, биографии.

---

* Список основной литературы о ЮЛДД см.: *Попова И.Ф.* Юн-лэ да дянь // Духовная культура Китая: Энциклопедия в 5 т. [Т. 4.] Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009. С. 382.

18. ЮЛДД собственного текста не имеет (исключения оч[ень] редки). В состав его вошли, по-видимому, все произведения китайской литературы, имевшиеся в минской императорской библиотеке, которая унаследовала книжные фонды юаньской и сунской. Поэтому ЮЛДД содержит большое количество не дошедших до нас сочинений эпохи этих двух династий. (В меньшей степени танской и предшествующих ей.)

19. Принципы распределения текстов по статьям в общих чертах следующие:

1) Конфуцианские классики с комментариями, сочинения основоположников даосизма и некоторых других философов разделялись на главы и помещались под одним из знаков заглавия (чаще всего под последним).

2) Из исторической литературы *бэнь-цзы*, летописи помещались под названием династии, биографии — под соответствующими фамилиями, обзрения и юридическая литература — под названиями отдельных правовых институтов, должностей и т.п.

3) Из географических сочинений статьи об административных подразделениях — под именем собственным каждого из них (отбрасывая нарицательную приставку — *чжоу*, *сянь* и т.п.); прочие статьи (например, об озерах, горах, реках, отдельных сооружениях, как то: могилах, городских стенах и т.п.) помещались под именем нарицательным.

4) Словари вошли в состав первой статьи ЮЛДД (словарные определения).

5) Медицина — по основным категориям болезней.

6) Математика была целиком суммирована под знаком *суань* 算 («счет»).

7) Даосская и буддийская литература включалась целыми сочинениями или даже отделами соответствующего канона под одним из знаков заглавия.

8) Изящная литература (не только классическая) разбивалась отчасти по жанрам и тогда помещалась под названием последнего, отчасти по темам и в этом случае попадала в самые разнообразные отделы словаря.

20. По объему ЮЛДД является величайшим сочинением в мире (более 1 000 000 страниц и 300 000 000 знаков). Литературные предприятия такого размера в истории других феодальных государств, кроме Китая, неизвестны. В последнем ЮЛДД был в этом отношении превзойден только при составлении «Сы-ку цюань-шу», которое, однако, является не сочинением, а серийным изданием.

Приложение

Казин Всеволод Николаевич (1907–1942)*

<Л. 22> Талантливый Китаист-историк В.Н. Казин окончил в 1934 г. Ленинградский историко-философский лингвистический Институт (ЛИФЛИ) и осенью того же года был принят в аспирантуру Эрмитажа, а позднее зачислен научным сотрудником Отдела (тогда еще сектора) Востока. Человек выдающихся дарований, он был, по мнению своего учителя академика Василия Михайловича Алексева, лучшим в мировой науке наших дней знатоком китайских исторических текстов. Одаренный феноменальной памятью и глубоким, подлинно историческим мышлением, Всеволод Николаевич свободно пользовался китайскими первоисточниками, а также научной литературой на всех основных европейских языках. Он знал блестяще социальную и культурную историю любой страны, не исключая Гаити или Бретани, стран Востока и Запада с глубокой древности и до настоящего времени, художественную литературу и памятники искусства. Не менее глубоко и серьезно был он знаком и с творениями классиков марксизма, которые изучал в подлинниках, никогда не ограничиваясь лишь тем, что рекомендовалось тогдашней учебной программой.

Пожалуй, самой характерной чертой Всеволода Николаевича была его совершенно беспощадная требовательность к себе во всем, что касалось науки. Он относился строго и до щепетильности добросовестно ко всякой порученной ему работе и требовал такого же отношения от окружающих. Как ученый он ничего не принимал на веру. Многократно и детально проверял все данные, чтобы быть уверенным в основательности своих выводов.

<Л. 22об.> Это качество, несомненно, ценное для исследователя, в его жизни, оборвавшейся слишком рано, сыграло до некоторой степени роковую роль, так как завершена и опубликована им была лишь ничтожная часть того, что он мог и хотел сказать. Именно это больше всего мучило его, когда, истощенный, еле двигаясь и чувствуя близкую гибель, он еще пытался продолжать свою любимую работу в бомбоубежище Эрмитажа.

Основной темой его исследований была монгольская эпоха, изучению которой, в первую голову по китайским источникам, была посвя-

---

* Публикуется по «Книге памяти» сотрудников Института востоковедения АН СССР, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в дни блокады Ленинграда. Л., 1967 г. (АВ ИВР РАН, б/ш. Л. 22–23).

щена его кандидатская диссертация (не была защищена, осталась незаконченной, и рукопись ее утрачена). С этой темой связаны также статья «Взаимоотношения Золотой Орды и Китая», доложенная на научном заседании Отдела Востока в конце 1940 г. и вызвавшая большой интерес в среде специалистов (машинописный текст этой статьи, объемом около 1,5 п.л., хранится в архиве ИНА, фонд 133)*, блестяще выполненный перевод с китайского языка исторической хроники «Шэн-у Цинь-[чжэн]-лу» 聖武親征錄 (машинописный текст, объемом около 1 п.л. хранится там же**) и посмертно опубликованная статья «К истории Хара-Хото» (Труды Гос[ударственного] Эрмитажа. Т. V. Л., 1961, стр. 273–285).

В 1939 г. Всеволод Николаевич стал заведующим отделением Дальнего Востока и Центральной Азии Отдела Востока. В это время им была методически выработана и осуществлена впервые в Эрмитаже выставка истории и культуры Китая. Это был огромный и выполненный на самом высоком уровне научный труд. Основные его положения были изложены В.Н. Казиним в краткой заметке «Выставка культуры и искусства феодального Китая», напечатанной в первом номере «Сообщений Эрмитажа» (Л., 1940, стр. 5–6).

Вполне зрелой научной работой, представляющей неизменный интерес для специалистов, является и дипломное сочинение В.Н. Казина, представленное им при окончании ЛИФЛИ (в 1934 г.), «Юн-лэ да дянь», дающее подробное описание этого уникального литературного памятника, его историю, историю и критику его изучения в Европе и в Китае (машинописный экземпляр этого сочинения объемом около 2 п.л. хранится в Архиве ИНА, фонд 133, [ед. хр. 1]).

В повседневной жизни Всеволод Николаевич был очень своеобразным и подчас производил впечатление большого чудака, иногда он казался суровым и угрюмым, к внешности своей был совершенно невнимателен, однако все, кому довелось узнать его ближе, все его товарищи и однокашники знали отлично его остроумие, доброту и чуткость ко всему подлинно прекрасному. Эти качества привлекали к нему молодежь и подростков, с которыми он находил общий язык, быть может, потому, что был с ними всегда искренен и говорил как с равными, щедро делясь огромными знаниями и духовным богатством, которыми владел.

---

* Точное название текста: «Взаимоотношения Золотой Орды с Китаем и Монголией» (Стенограмма доклада // АВ ИВР РАН. Ф. 133. Оп. 1, ед. хр. 3. 21 л.).

** Там же. Оп. 1, ед. хр. 5 (27 л.).

Смерть этого необыкновенного человека и блестящего ученого, едва лишь вступившего на порог своей творческой жизни, безусловно, одна из самых тяжелых утрат, понесенных нашим коллективом в страшную зиму ленинградской блокады.

И сейчас, и, наверное, еще много лет спустя, перечитывая те немногочисленные строки, которые Всеволод Николаевич нам оставил, или встречая <Л. 23> пометки, сделанные на полях принадлежавших ему книг, мы будем пользоваться его наблюдениями и следовать его мыслям.

Н.В. Дьяконова

Summary

V.N. Kazin

“Yong-le da dian” the manuscript from the Library of the Leningrad State University. Graduate thesis

Preface and publication by I.F. Popova

The work published here had been written in 1934 as a diploma paper by Vsevolod Nikolaevich Kazin, who died during the Leningrad Blockade. V.N. Kazin was a historian and linguist. He worked at the State Hermitage in 1934–1942, where he prepared expositions on culture and art of China and studied history of China under the Yuan dynasty and history of the Tangut State Western Xia. V.N. Kazin’s thesis is kept in his personal fund in the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (F. 133. Inv. 1, unit 1, f. 23). It appears to be the first academic article in Russian where the authenticity and true scientific value of the encyclopedia *Yong-le da dian* had been shown and where its volumes stored in the Library of the Oriental Faculty of the Petersburg–Leningrad State University in 1912–1958 are described. It is published for the first time.

Key words: V.N. Kazin, Chinese bibliography, “Yong-le da dian”, Library of the Leningrad State University.

В.Е. КРАСНОДЕМБСКИЙ

Ведда

Предисловие и публикация

Е.В. Таноновой¹

Аннотация: Валерий Евгеньевич Краснодембский (1907–1942) — талантливый ученый-индолог, первый в нашей стране специалист по языку маратхи, погиб весной 1942 г. от последствий пережитой в Ленинграде блокадной зимы уже на пути в эвакуацию. Публикуемая статья В.Е. Краснодембского представляет собой одно из первых доступных русскоязычному читателю описаний племени ведда, автохтонного населения о-ва Цейлон. Эту работу В.Е. Краснодембский готовил к изданию в двухтомнике «Очерки по этнографии народов зарубежных стран» в середине 30-х годов, но по неизвестным причинам она осталась неопубликованной. Статья, набранная на печатной машинке, с рукописными пометами автора, хранится в личном фонде В.Е. Краснодембского в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 92. Оп. 1, ед. хр. 4).

Ключевые слова: В.Е. Краснодембский, изучение маратхи в России, первый словарь языка маратхи, ведда, Цейлон.

Валерий Евгеньевич Краснодембский родился 2 (15) декабря 1907 г. в Кагуле Бессарабской губернии. Отец, Евгений Георгиевич Краснодембский (1883–1943), происходил из обедневшего польского шляхетского рода. Семейное предание гласит, что Евгений Георгиевич, молодцеватый красавец, выиграл пари, что женится на Елене Степановне Стояновой (1889–1943), невесте с солидным приданым, брак с которой можно было считать большой удачей для потомка разорившегося дворянского рода. В семье безоговорочное главенство принадлежало мужу, пользовавшемуся беспрекословным обожанием своей жены. Мяг-

---

¹ Выражаю искреннюю благодарность д.и.н., в.н.с. МАЭ Нине Георгиевне Краснодембской за помощь в подготовке публикации.

кий, спокойный, «домашний» характер Елены Степановны прекрасно дополнял и уравновешивал вспыльчивый, задиристый и временами заносчивый нрав супруга. В этом браке помимо Валерия Евгеньевича родился еще один сын, Георгий Евгеньевич (1913–1962). В 1905 г. глава семейства окончил Юридический факультет Одесского (Новороссийского) университета. Сначала семья проживала по месту службы Евгения Георгиевича в форте Александровский (Закаспийская обл. Туркестанского генерал-губернаторства), а затем переехала в г. Андижан (Ферганская обл. того же генерал-губернаторства). Во время Первой мировой войны Евгений Георгиевич был призван в армию, получил тяжелое ранение в ногу, чреватое ампутацией, но стараниями преданной жены, которая нашла знающего врача-костоправа, ногу удалось сохранить. На память об этом ранении осталась небольшая хромота.

В Андижане прошло детство братьев Краснодарских. Они росли среди образованных людей, семья пользовалась в городе большим уважением. Отец преподавал русский язык и литературу в школе № 2, где учились оба его сына. Братья сильно различались и характером, и внешностью. Старший брат, яркий брюнет со жгучими черными глазами, пошел в мать Елену Степановну, болгарку по национальности, светловолосый Георгий унаследовал фенотип отца-поляка. В отличие от живого и бойкого Георгия, любимца отца, старший Валерий был спокойным ребенком, равнодушным к мальчишеским шалостям, которым он предпочитал уединенное, вдумчивое общение с книгой. С раннего детства он проявлял большие способности к языкам и к окончанию в 1925 г. девятилетней школы без труда овладел несколькими языками, среди которых были узбекский и персидский. Видимо, интерес к языкам стал определяющим в выборе профессии. Валерий Евгеньевич решает ехать учиться языкам не куда-нибудь поближе к отчему дому, в Ташкент или Одессу, а в Ленинград, культурный центр страны, где у семьи не было никаких знакомых. В 1926 г. Валерий Евгеньевич поступает в ЛВИ им. Енукидзе на индийское отделение, где приступает к изучению языков маратхи, хинди и урду.

В университетах и Академии наук дореволюционной России разговорные языки Индии почти не изучались, и в центре научных интересов была санскритология. Со времени открытия Факультета восточных языков в Петербургском университете в 1855 г. ведущие ученые-индологи К.А. Коссович и И.П. Минаев ратовали за введение в учебную программу преподавания живых индийских языков, прежде всего

хиндустани, но их усилия были тщетны². Лишь после Октябрьской революции в программу некоторых учебных учреждений Ленинграда были включены новоиндийские языки, в частности Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ), где преподавали видные востоковеды: индологи С.Ф. Ольденбург, А.П. Баранников, тибетолог-санскритолог А.И. Востриков, иранист Е.Э. Бертельс, тюрколог А.Н. Самойлович, монголовед В.А. Казакевич, китаевед В.М. Алексеев, японист Н.И. Конрад, маньчжуровед П.И. Воробьев и др.

Заслуга организации изучения новых индоарийских языков в Ленинграде принадлежит профессору Алексею Петровичу Баранникову (1890–1952), который преподавал в ЛИЖВЯ в 1921–1936 гг. и заведовал кафедрой индийской филологии ЛГУ в 1922–1952 гг. А.П. Баранников воспитал плеяду блестящих учеников, к которым, наряду с В.М. Бескровным (1908–1978), А.С. Зиминным (1880–1942) и М.Н. Сотниковым, также учившимися в ЛИЖВЯ, принадлежал В.Е. Краснодембский.

Во время учебы в ЛВИ (ЛИЖВЯ) Валерий Евгеньевич снимал 16-метровую комнату в 4-комнатной квартире по адресу ул. Б. Разночинная, д. 19-б, кв. 39. Эта квартира, а точнее, две ее комнаты, стала ленинградским адресом всей семьи Краснодембских вплоть до начала 60-х гг. Сначала, в 1930 г., после окончания школы к старшему брату приехал Георгий, который хотел поступить на филологический факультет ЛГУ. Но в ту пору преимущественным правом поступления в вузы пользовалась рабоче-крестьянская молодежь, и Георгию Евгеньевичу, потомку дворянской фамилии, дорога в университет была закрыта. Он пошел учиться на инженерные курсы и всю жизнь проработал инженером-путейцем сначала в Желдорпроекте, а потом в Ленгипротрансе. Затем последовал переезд матери, пожелавшей навестить сыновей и помочь им обустроить свой быт. Во время своего пребывания в Ленинграде Елена Степановна получила от мужа письмо, из которого следовало, что он полюбил другую женщину, гораздо моложе себя, и желает соединить с нею жизнь. Это письмо стало для Елены Степановны, горячо любившей мужа, большим ударом. Впоследствии Евгений Георгиевич продал имущество в Андижане и уехал с молодой женой в неизвестном направлении. Родственники навсегда утратили с ним связь и более не имели никаких сведений о его судьбе. Лишь десятилетия спустя после окончания войны стало известно, что Евгений

---

² Подробнее об истории становления новоиндийской филологии в России XIX в. см.: Бескровный В.М. Из истории изучения живых индийских языков в России в XIX веке // Вестник Ленинградского университета. 1957, № 8. С. 37–50.

Георгиевич скончался в 1943 г. и был похоронен в г. Джамбуле. Елена Степановна, по свидетельству родственников, всю жизнь продолжала любить мужа и с трепетом ожидала от него хоть какой-то весточки.

После окончания курса в 1930 г. по специальности «индолог-лингвист Валерий Евгеньевич был направлен на работу в Узбекистан на рабочий факультет³ при Туркестанском государственном университете. Узбекский рабфак открылся одновременно с ТГУ в 1920 г. В этот период рабфак имел особое положение среди других семи факультетов университета, поскольку являлся учебно-вспомогательным учреждением, готовившим в высшую школу трудящуюся молодежь Узбекистана. Валерий Евгеньевич работал на рабфаке Первого Среднеазиатского Государственного университета (переименован в 1923 г.) в мае–августе 1930 г.

В октябре 1930 г. молодой специалист был призван на военную службу в Красную Армию в команду одногодичников-курсантов. После увольнения в запас в октябре 1931 г. он вернулся в Ленинград, где в ноябре 1931 — мае 1932 г. служил помощником ученого секретаря Института языка и мышления АН.

17 августа 1932 г. В.Е. Краснодембского приняли на работу в ЛВИ, сначала на должность каталогизатора индийского и афганского отделов библиотеки, а 21 ноября 1932 г. он стал ассистентом института, преподавателем языков маратхи и хиндустани. 20 августа 1935 г. квалификационная комиссия утвердила В.Е. Краснодембского в должности доцента кафедры индийских языков ЛВИ, предложив ему представить к июлю 1936 г. диссертацию на степень кандидата наук.

Валерий Евгеньевич стоял у истоков преподавания маратхи в нашей стране. Хотя первый в России очерк грамматики этого языка опубликовал профессор Московского университета П.Я. Петров (1814–1875), полноценное исследование и преподавание маратхи началось только в ходе получившего широкий размах изучения новых индоарийских языков под началом проф. А.П. Баранникова. Алексей Петрович был преподавателем маратхи в ЛВИ у В.Е. Краснодембского, но главной его специализацией был язык хинди (хиндустани) и его диалекты. В условиях малой изученности новоиндийских языков требовалось создать начальные пособия, грамматические очерки и

---

³ Рабочий факультет, или рабфак, — специальные курсы для рабоче-крестьянской молодежи, желавшей получить высшее образование, но не обладавшей достаточным для этого уровнем общеобразовательной подготовки. В соответствии с постановлением Наркомата просвещения от 11 сентября 1919 г. «Об организации рабочих факультетов», такие курсы в 1920-х — середине 1930-х гг. готовили рабочих и крестьян в вузы.

словари по основным языкам (хинди, бенгали, маратхи). Выполняя это указание своего наставника, Валерий Евгеньевич проявил большой интерес к лингвистике, к которой тяготел до конца жизни. За годы работы в Институте (ЛВИ был упразднен 1 июля 1938 г.) он издал «Маратско-русский и русско-маратский словарь»⁴, первый подобный словарь языка маратхи. Издание имело целью дать студентам начальных курсов знание основных общественно-политических и бытовых терминов, позволяющих понимать простые тексты. Валерий Евгеньевич принял большое участие и в работе над изданием первого учебника языка маратхи (Л., 1934–1935), вышедшего под редакцией А.П. Баранникова.

В 1933 г. В.Е. Краснодембский поступил на работу по совместительству в Институт антропологии и этнографии АН (ИАЭ АН)⁵. 15 декабря его зачислили научным сотрудником 2-го разряда в Кабинет Индии, Индонезии и Дальнего Востока, которым заведовал В.А. Чаттопадхья (1880–1937)⁶, а с 1 марта 1934 г. перевели в категорию научных сотрудников 1-го разряда. В институте в этот период разрабатывались темы, связанные с этнографией Индии, первобытными верованиями, народными формами религий, театром, семьей и браком, а также с проблематикой малых народов и племен⁷. Это было время изоляции отечественных ученых, оторванных от европейского научного сообщества и лишенных возможности полевых исследований изучаемых народов. В ИАЭ Валерий Евгеньевич изучает музейные коллекции, связанные с Индией, и водит экскурсии по музею. Работая в институте и занимаясь кабинетной этнографией, В.Е. Краснодембский увлекается изучением племен индийского ареала и решает приступить к написанию кандидатской диссертации по профильной для ИАЭ теме «Социальная структура племен мунда (разложение родового строя)». В рамках данной темы ученый подготовил две боль-

---

⁴ Краснодембский В.Е. Маратско-русский и русско-маратский словарь. Л.: Ленинградский восточный институт им. Енукидзе, 1935.

⁵ Институт антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР был создан в 1933 г. на базе Музея антропологии и этнографии (МАЭ) и стал исследовательским учреждением в составе МАЭ.

⁶ Чаттопадхья, Вирендрнат Агарнатович — советский индолог индийского происхождения. Помимо этнографии Индии занимался преподаванием индийских языков (урду, хинди, телугу) в ЛВИ и ЛГУ. Арестован летом 1937 г., 2 сентября 1937 г. приговорен ВК ВС СССР к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день.

⁷ Подробнее о развитии этнографической индологии см.: Краснодембская Н.Г. Этнографическая индология в Петербурге // Россия — Индия: перспективы регионального сотрудничества (г. Санкт-Петербург). М., 2000. С. 48–62.

шие статьи «Термины родства у племен мунда» и «Брак и семья у племен мунда», а также очерки о племенах кхаси и ведда. Статьи планировалось опубликовать в двухтомнике «Очерки по этнографии народов зарубежных стран». В АВ ИВР РАН сохранились протоколы заседаний редакционной коллегии под председательством Д.А. Ольдерогге⁸, на которых обсуждались эти работы Валерия Евгеньевича. По неизвестным причинам их публикация так и не состоялась. Предполагалось, что статьи в переработанном виде станут главами диссертации. Это были первые большие работы на русском языке по этнографии австроазиатских племен мунда.

Научным куратором Валерия Евгеньевича стал В.А. Чаттопадхьяя, который, оценивая работу своего подопечного, писал в октябре 1936 г.: «С дальнейшим усвоением теоретических вопросов этнографии и литературы по Индии он, несомненно, сможет стать ценным специалистом в своей области <...>. Он имеет очень хорошее знание языков хиндустани, маратхи, английского и персидского и, кроме того, читает по-немецки и по-французски»⁹.

В 1934 г. учитель Валерия Евгеньевича А.П. Баранников приглашает его преподавать маратхи и хинди, а также историю и географию Индии на историко-филологическом факультете ЛГУ¹⁰. В 1937 г. А.П. Баранников, который в тот период также заведовал Новоиндийским кабинетом¹¹ ИВ АН, считая, что призвание его ученика отнюдь не этнография, выступает с предложением о переводе В.Е. Краснодарского из ИАЭ в штат сотрудников ИВ АН. В заявлении по этому поводу А.П. Баранников, в частности, писал: «К сожалению, в Новоиндийском кабинете до сих пор не представлен маратский язык и его литература, которые представляют глубокий научный интерес и имеют большое политическое значение <...>. В силу этого считаю в высшей степени целесообразным привлечь к работе в Новоиндийском кабинете для работы над русско-маратским словарем доц[ен-

⁸ Ольдерогге, Дмитрий Алексеевич (1903–1987) — один из основателей отечественной африканистики, этнограф, историк и лингвист. Заведовал отделом этнографии Африки в МАЭ РАН, с 1945 г. возглавлял кафедру африканистики в ЛГУ.

⁹ Решетов А. М. Отдание долга // Этнографическое обозрение, № 2. М., 1995. С. 40–62.

¹⁰ В 1919 г. Восточный факультет Петроградского университета был расформирован, и востоковедные дисциплины преподавались на исторических и филологических отделениях университета вплоть до воссоздания Восточного факультета в 1944 г.

¹¹ Новоиндийский кабинет был выделен А.П. Баранниковым из Индо-тибетского кабинета ИВ, руководимого Ф.И. Щербатским, в конце 1936 г. Сделано это было для оживления работы в области новоиндийской филологии. В результате Индо-тибетский кабинет в 1937 г. был расформирован.

та] В.Е. Краснодембского, который в настоящее время состоит научным сотрудником в МАЭ. В МАЭ В.Е. Краснодембский изолирован от индологической среды и работает в области этнографии. Привлечение его в состав сотрудников Новоиндийского кабинета весьма полезно не только для Кабинета, но и для самого В.Е. Краснодембского, так как таким образом открываются большие перспективы для его научного роста»¹². В научной характеристике Краснодембского проф. Баранников дает высокую оценку своему протеже: «Прекрасная подготовка В.Е. Краснодембского, его большая эрудиция в разных областях индологии и прекрасное знание языков, как восточных (маратский, урду, хинди, персидский, санскрит), так и западных (английский, французский), ставят В.Е. Краснодембского в разряд ценных и весьма талантливых молодых ученых»¹³.

Предложение А.П. Баранникова поддержал директор ИВ, академик В.В. Струве. 1 ноября 1937 г. В.Е. Краснодембского приняли на его последнее место работы в Новоиндийский кабинет ИВ на должность младшего научного сотрудника с ученым званием доцента. Следует отметить, что, перейдя на службу в ИВ, В.Е. Краснодембский не прерывал отношений с коллегами из ИАЭ, сохранив с ними тесные творческие и личные связи. Так, он преподавал индийские языки аспиранту ИАЭ, в будущем известному этнографу, специалисту по кастовой системе Индии М.К. Кудрявцеву (1911–1992), который сохранил о В.Е. Краснодембском самые теплые воспоминания. Именно Михаил Константинович впоследствии способствовал посмертной публикации статьи В.Е. Краснодембского об индуизме в сборнике трудов Государственного музея истории религий (ГМИР)¹⁴.

Центральной темой исследований сотрудников Новоиндийского кабинета стала подготовка словарей по основному новым индийским языкам, что выразилось в составлении картотек словарей, в первую очередь хинди-русского, которым занимался в основном В.М. Бескровный. Свою лепту в эту работу вносил и сам А.П. Баранников, который дополнял картотеку лексикой «Рамаяны»¹⁵. Начав работать в ИВ, Валерий Евгеньевич присоединился к коллегам в этой кропотли-

---

¹² АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед.хр. 336 (Личное дело Краснодембского В.Е.). Л. 24.

¹³ Там же. Л. 33.

¹⁴ *Краснодембский В.Е.* Индуизм // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 1. М.–Л., 1957. С. 263–281.

¹⁵ Подробнее о работе индийского сектора в ИВ — ЛО ИВ см.: *Зограф Г.А.* Новоиндийская филология // Азиатский Музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 260–269.

вой работе. Помимо картотеки хинди-русского словаря он также занимался составлением картотек маратхско-русского и (совместно с В.М. Бескровным) урду-русского словарей. Работа над урду-русским словарем увенчалась успехом, но книга вышла в свет уже после кончины В.Е. Краснодембского, в 1951 г.¹⁶ Василий Матвеевич Бескровный выплатил гонорар, причитающийся Валерию Евгеньевичу за работу над словарем, его вдове.

Поступив на службу в ИВ АН, В.Е. Краснодембский изменил тему диссертационного исследования. Она стала соответствовать направлению лингвистической работы, которой он теперь занимался в институте. Работу над диссертацией на тему «Флексия и анализ в маратском языке», как и над новым, расширенным маратхско-русским словарем, ему не суждено было закончить.

Между тем семья Краснодембских росла. Братья женились примерно в одно и то же время, около 1938 г. Георгий Евгеньевич познакомился со своей будущей женой, Антониной Максимовной Лазинцевой (1913–2003), когда они вместе работали в Военспецстрое. Валерий Евгеньевич женился на Валерии Евгеньевне Краховецкой (1912–2002), работавшей в профсоюзе Академии наук. Шутники-друзья познакомили их друг с другом из-за одинаковых имен и отчеств и схожести фамилий. У обоих супругов это был второй брак. Первый брак В.Е. Краснодембского с Александрой Иосифовной Карандашевой (около 1935 г.), работником БАН, продлился совсем недолго. По словам родственников Валерия Евгеньевича, они сохранили добрые отношения, Александра Иосифовна поддерживала бывшего мужа, принося ему продукты, когда тот остался один в блокадном городе. Валерия Евгеньевна, человек необычной и тяжелой судьбы, ранее была замужем за инженером-геологом и жила с ним на Дальнем Востоке, имела обширные знакомства в связи с работой мужа, в том числе и среди дипломатов иностранных консульств. В дальнейшем этот факт сыграл роковую роль в судьбе Валерии Евгеньевны и близких ей людей.

После женитьбы Валерий Евгеньевич с женой проживали отдельно от родственников, сначала снимая жильё. Незадолго до войны молодой семье выделили крошечную комнатку в 4 кв. м, чему они были несказанно рады. Георгий Евгеньевич с женой Антониной Максимовной и матерью Еленой Степановной жили теперь уже в двух комнатах все той же квартиры на Б. Разночинной. Семья Краснодембских часто

¹⁶ Бескровный В.М., Краснодембский В.Е. Урду-русский словарь. М., 1951.

собиралась вместе на традиционные воскресные обеды, Валерий Евгеньевич любил навещать семью младшего брата. Жили довольно бедно, как многие в то время, но весело и душа в душу, строя планы на будущее и споря, в чьей семье первым появится наследник. Постепенно жизнь налаживалась. Вскоре в семье Георгия Евгеньевича родилась дочь Нина. Теплые отношения полного взаимопонимания установились у Валерия Евгеньевича с невесткой Антониной Максимовной. Будучи прекрасной рассказчицей и обладая отличной памятью, Антонина Максимовна впоследствии с удовольствием делилась с близкими своими воспоминаниями о девере, не упуская малейших деталей.

Доходы семьи позволили снять на лето дачу в Шапках. Именно там в воскресенье 22 июня 1941 г. Краснодембских застигла весть о начале войны. Георгий Евгеньевич был сразу призван на службу в железнодорожные войска. А семью В.Е. Краснодембского постигло неожиданное горе: в первые дни войны Валерия Евгеньевна была арестована как японская шпионка. Больше супругам не суждено было встретиться. Валерия Евгеньевна в то время ожидала ребенка, и это добавляло главе семьи тревоги о жене, он очень переживал о том, как она перенесет пребывание в тюрьме в своем положении. К несчастью, Валерий Евгеньевич ничего не узнал о судьбе своего первенца.

В.Е. Краснодембский в июле 1941 г. разрывался между работами по рытью окопов, на которых были заняты все ленинградцы, и выстаиванием в бесконечных тюремных очередях в тщетной надежде получить разрешение на краткое свидание с женой или хотя бы передать ей что-нибудь съестное. А между тем положение в городе с продовольствием все ухудшалось. Антонина Максимовна вспоминала, как незадолго до эвакуации деверь умолял ее как можно скорее уезжать из города, спасти дочку, пока не поздно. Сам Валерий Евгеньевич считал себя не вправе уехать, так как в тюрьме оставалась беременная жена, которую нельзя было оставить. 19 июля 1941 г. Антонина Максимовна вместе со свекровью и маленькой дочкой покинула Ленинград, эвакуировавшись в Томск.

Валерий Евгеньевич провел самую тяжелую первую блокадную зиму в Ленинграде. Несомненно, в тяготах блокадного существования его поддерживала теплившаяся надежда на скорую встречу с женой, ведь он по-прежнему обивал пороги тюрем. Как выяснилось позже, Валерию Евгеньевну почти сразу после ареста отправили в лагерь в Минусинском районе Красноярского края. В довольно оптимистичных и бодрых письмах родным, относящимся к этому периоду, Валерий

Евгеньевич пишет, что занят на окопных работах за городом, но надеется вернуться к преподаванию в ЛГУ («вероятно, буду одну неделю преподавать, а другую — копать»), что занимается научной работой дома («почти всю научную работу я делаю дома (в Институте холоднее) поэтому я иногда и не хожу в Инст[итут] вовсе или только захожу ненадолго»), не жалуется ни на голод, ни на холод («я живу, как и все ленинградцы, к счастью, у меня есть дрова и у меня тепло и уютно. Большим достижением является то, что я получил рабочую карточку на продукты <...> для меня это большой праздник»). Даже в это голодное время Валерий Евгеньевич остается верен своим научным интересам, занимается поиском интересных книг и выменивает их на свой мизерный паек. В феврале 1942 г. в его письмах появляются тревожные нотки, но все с тем же поразительным для того страшного времени оптимизмом: «До последнего времени я, слава богу, не болел и держался крепко; сейчас вот в последние дни стала появляться слабость; исхудал очень здорово <...> Но теперь я подправляюсь!!! А в ближайшее время, я уверен, в Ленинграде наступит улучшение. Одним словом, я не падаю духом»¹⁷. Во всех трудностях блокадного существования только мысль о родных и надежда на встречу поддерживают Валерия Евгеньевича: «Так хочется встретиться всем вместе, зажить снова нормальной жизнью. Увижу ли я Леру? <...> Живу только надеждами на лучшее будущее для всех нас (вместе со всей страной) и на свидание со всеми моими дорогими и близкими»¹⁸.

В феврале 1942 г. Валерий Евгеньевич решил эвакуироваться в Саратов вместе со штатными сотрудниками ЛГУ, где он продолжал преподавать. Удивительно, но есть свидетель его отъезда из Ленинграда, который много времени спустя после окончания войны при случайной встрече с племянницей В.Е. Краснодембского Ниной Георгиевной рассказал, какое сильное впечатление произвел на него Валерий Евгеньевич, выделявшийся из толпы изможденных голодом и болезнями ленинградцев горящим взглядом глубоко сидящих черных глаз и каким-то потусторонним видом. Валерий Евгеньевич уже был тяжело, неизлечимо болен тяжелой формой туберкулеза, прогрессировавшего из-за крайней истощенности организма. В дороге ему стало совсем плохо, и в начале марта 1942 г. В.Е. Краснодембского сняли с поезда в Пензе.

¹⁷ Из истории Кунсткамеры, 1941–1945 / Под ред. А.С. Мыльникова. Сост., авт. вступ. ст. В.Н. Вологодина. СПб., 2003. С. 57.

¹⁸ Письма В.Е. Краснодембского предоставлены Ниной Георгиевной и Станиславом Валерьевичем Краснодембскими из личных архивов.

Там ученого положили в местную больницу и лечили от дистрофии, как казалось, довольно успешно. В своем последнем письме брату, датированном 2 мая 1942 г., Валерий Евгеньевич пишет, что понемногу поправляется от сильного истощения, но много писать еще не может. Письмо наполнено повседневными заботами, и ничто в нем не говорит о предчувствии близкой кончины. Но это была лишь краткая ремиссия, которая бывает у неизлечимо больного человека перед неизбежным концом.

В эти последние дни жизни Валерий Евгеньевич не был одинок, его постоянно навещала Галина Салмина, студентка ЛГУ, жившая в Пензе. Она приносила нехитрую домашнюю снедь, которая казалась истощенному больному бесценным даром. Валерий Евгеньевич был безмерно благодарен Г. Салминой за заботу: «...как приятно в чужом городе встретить такого человека; приятно сознавать, что и тебе в определенные дни что-то принесут, а в воскресенье зайдут поболтать». При этом, как оказалось, они не были знакомы до этой встречи. Таково было повсеместное отношение к ленинградцам, поезжа с эвакуированными часто встречали все жители какого-либо города, и каждый был рад поделиться с оголодавшими людьми всем, что у него было. Галина Салмина, узнав от главврача, что некий ленинградец, преподаватель университета, снят с проходившего поезда и находится в местной больнице, стала регулярно навещать его. Именно она сообщила о скороблестившей смерти В.Е. Краснодембского 16 мая 1942 г. его младшему брату Георгию. В письме от 18 мая 1942 г. Г. Салмина пишет: «Окончательно погубил Валерия Евгеньевича, очевидно, плеврит туберкулезного характера. Плеврит начался уже в больнице после простуды. Перед этим же заболеванием Ваш брат начинал оправляться от ленинградских трудностей, от истощения. Уже начинал вставать, ходить. Но в больнице простудили его, начался кашель, очень высокая температура. Затем опять кажущееся выздоровление. И внезапная смерть. Смерть была очень быстрая и легкая...»¹⁹. В следующем письме от 21 мая 1942 г. Г. Салмина пишет о похоронах Валерия Евгеньевича 20 мая 1942 г., а также о том, что «...могилу хорошо заметили, так что в случае, [если] приедет кто-либо из родных, найти можно...»²⁰. Семья Салминых не только похоронила Валерия Евгеньевича, но и трогательно сохранила, а затем передала родственникам кое-что из личных вещей В.Е. Краснодембского, а также вещи его жены, кото-

---

¹⁹ Из истории Кунсткамеры, 1941–1945. С. 58.

²⁰ Там же. С. 59.

рые он вез с собой в эвакуацию, то ли ввиду того, что они напоминали о любимом человеке, то ли для того, чтобы сберечь эти вещи для нее.

10 января 1942 г. Валерия Евгеньевна Краснодембская родила сына Станислава в лагере под Минусинском. Едва оправившуюся после родов, одетую в летнюю одежду, в которой она была в момент ареста, с грудным сыном на руках, ее определили на вольное поселение в с. Ярцево Красноярского края, направив на лесоповал. По милости судьбы и добрых людей Валерия Евгеньевна не умерла от холода, голода и непосильного труда. Ее устроили на службу в контору, и она смогла выходить сына. В 1946 г. Валерия Евгеньевна с сыном вышли на поселение с запрещением проживать в крупных городах. Только в 1958 г., после реабилитации, Валерия Евгеньевна и Станислав Валерьевич вернулись в Ленинград и воссоединились с семьей.

В.Е. Краснодембский прожил всего 34 года, слишком короткую жизнь для любого человека, а для ученого-востоковеда — в особенности, поскольку знания и мастерство обретаются годами труда. Однако он успел и за короткое время сделать очень много, составив словари двух языков, маратхи и урду, которые только начинали тогда изучать. По свидетельству коллег, хорошо знавших Валерия Евгеньевича, он обладал поистине энциклопедическими знаниями, его научные интересы были разносторонними, и с кончиной Краснодембского индология потеряла ученого, который со временем мог бы стать ее ведущим представителем. Все отмечают поразительную работоспособность Валерия Евгеньевича, его преданность науке. Он постоянно был занят самообразованием и совершенствовался в любимом деле: читал книги по специальности, брал переводы на дом, засиживаясь над ними до поздней ночи. Даже в гостях не сидел без дела — перебирал карточки со словами, заучивая их наизусть.

Тяжелая ответственность — стоять у истоков науки, сознавая, как строго тебя будут судить потомки. Автор этих строк, индолог по образованию, в конечном счете преемник той научной традиции в индологической школе, основы которой заложил в том числе и Валерий Евгеньевич. По нашему мнению, не только научное знание, но и причастность непрерывной научной традиции передает преподаватель ученику.

Наша задача состояла в том, чтобы собрать воедино разрозненные сведения о Валерии Евгеньевиче, которые появлялись в различных небольших публикациях, посвященных памяти погибших в войну сотрудников ЛГУ и МАЭ. Каждому, кто когда-либо бывал в ИВР РАН, бросается в глаза доска с именами сотрудников ИВ АН, погибших в

годы Великой Отечественной войны. Имени В.Е. Краснодембского нет на этой скорбной доске, хотя именно ИВ АН был последним местом его работы. Считается, что человек жив, пока живет память о нем. Валерий Евгеньевич принадлежал трагическому поколению, которое почти все пало жертвой войны. Главная цель данной публикации, равно как и других статей этого сборника, — оживить и укрепить память об ученом-востоковеде, сыне, брате, муже и отце, чья жизнь оборвалась в самом начале пути.

Публикуемая статья создана в период работы Валерия Евгеньевича в Кунсткамере и является результатом его этнографических изысканий.

Е.В. Танонова

Ведда

Ведда — небольшое племя Цейлона, стоящее на пути к вымиранию или ассимиляции, считается одним из самых примитивных племен мира. Ведда ассимилируются с соседними сингальцами²¹ и, частично, с тамилами. Процесс этот начался несколько столетий тому назад, что подтверждается тем, что ведда давно потеряли свой язык и говорят на сингальском в несколько измененной фонетически и грамматически форме. Для ведда, живущих оседлой жизнью (а их большинство), браки с сингальцами являются обыденным явлением, и среди них редко встречаются представители характерного антропологического типа ведда во всей его чистоте. Что еще важнее, ведда, живущие в таких деревнях, утратили почти все прежние характерные черты как хозяйственной жизни, так и социальной структуры. Ведда, ведущих полукочевой образ жизни и сохранивших от прошлого племенные обычаи и физический тип, осталось лишь несколько десятков.

Территория расселения ведда — это восточная часть Цейлона, включающая большую часть Восточной провинции, часть провинций Ува и Центральной. В прошлом, как показывают исторические и археологические данные, эта территория была значительно шире и охватывала целиком провинции Ува, Северную и Центральную. В еще более отдаленные времена весь Цейлон принадлежал ведда, так как сингальцы и тамилы — выходцы [из] материк[овой] Индии. Западной границей является центральный горный массив Цейлона; прилегающие районы довольно гористы, здесь сохранились более примитивные группы племени. Восточной границей является побережье Ин-

---

²¹ В настоящее время по-русски принят этноним «сингалы».

дийского океана; на побережье особенно чувствуется влияние сингалцев.

Эта территория является самой глухой местностью на Цейлоне, ее не пересекает ни одна железная дорога, через нее проходит не более двух колесных дорог.

Весь район покрыт лесами, но характер лесов и рельеф местности очень разнообразны. Ближе к горам — скалистые холмы, пересеченные лесистыми долинами, изобилующими дичью; в других местах — густые джунгли; далее — леса из высоких деревьев без кустарника и с большими травянистыми полянами; местами (ближе к морю) — леса с заболоченными участками.

Антропологический тип ведда резко отличается от типа соседних с ними сингалцев. Ведда — низкого роста; по данным Саразина²², средний рост мужчин — 155,3 см, женщин — 143,3 см. По форме черепа — длинноголовые; средний головной индекс — 70,5. Нос широкий, но не в такой степени, как у примитивных племен Южной и Центральной Индии. Губы довольно широкие, но не сильно выдаются вперед. Надбровные дуги сильно развиты; глаза сидят глубоко. Волосы волнистые, иногда почти курчавые; ведда их не стригут. Цвет кожи очень разнообразен, наиболее обычный — черно-коричневый; нередко встречаются красноватые, бронзовые оттенки коричневого, а иногда даже желтовато-коричневый.

Многие авторы указывали на сходство ведда с примитивными племенами Южной Индии, так называемыми «до-дравидийцами» (напр[имер], курумба, ирула). Сходство это, действительно, настолько велико, что многих ведда по фотографии можно принять за кого-либо из этих племен.

На этом основании создана теория о принадлежности всех этих племен к веддоидному расовому типу, широко распространенному в очень отдаленную эпоху в большей части Южной Индии; некоторые ученые предполагают, что он распространялся на север до нижнего течения Инда.

На Цейлоне находят большое количество каменных орудий, приписываемых ведда, так как сингалцы и тамилы в эпоху переселения на Цейлон уже не пользовались каменными орудиями. Почти все орудия (наконечники стрел, скребки, топоры и др.) сделаны из кварца; Сара-

---

²² Пауль Саразин (Paul Benedikt Sarasin, 1856–1929) — немецко-швейцарский ученый-натуралист, организовавший научную экспедицию на Сулавеси. Автор ряда работ, посвященных древней истории Цейлона, его флоре и фауне.

зин относит их к позднему палеолиту, Зелигман²³ — к неолиту. Много орудий находят в пещерах, служивших жилищем ведда, но немало их находят в лесах на поверхности земли или в самом верхнем ее слое, что показывает на их очень небольшую древность.

Первые достоверные исторические сообщения о ведда рисуют их очень примитивным племенем. В книге, изданной в 1681 г.²⁴, говорится, что ведда разделяются на «диких» и более цивилизованных. «Дикие» живут в лесах вдали от всех остальных людей; единственным их занятием является охота, собирание меда и съедобных растений; они не имеют никакого земледелия. Они обменивают вяленое мясо оленя, мед и воск на наконечники стрел, топоры, ткани и посуду, но даже для этого обмена, если возможно, не вступают в сношения с иноплеменниками. Кнох²⁵ рассказывает, что ведда заказывали кузнецу наконечники для стрел следующим образом: они вешали ночью в его мастерской мясо и оставляли листья, вырезанные в форме нужных наконечников; кузнец, выполнив заказ, оставлял наконечники там же.

По описанию этого же автора, бывшего лично в лесах ведда, ведда не имели хижин; они жили в пещерах или спали под деревьями; для того чтобы услышать приближение диких зверей, они раскладывали вокруг дерева сухие ветви.

В настоящее время почти не осталось ведда, не занимающихся земледелием. Зелигман пишет, что он видел четыре таких семьи и слышал еще о двух, все они живут в районах, богатых дичью; в таких районах до середины [XIX] века совершенно не было земледелия [Seligmann, 1911, с. 7].

---

²³ Зелигман (Seligmann Charles Gabriel, 1873–1940) — английский этнолог и антрополог, занимавшийся изучением примитивных племен Папуа–Новой Гвинеи.

²⁴ Кнох Robert. An Historical Relation of the Island Ceylon in the East Indies. L., 1681. — Примеч. В.Е. Краснодембского.

²⁵ Роберт Нокс (1641–1720) — английский моряк, работавший на Ост-Индскую компанию. Во время экспедиции в Персию в 1658 г. его корабль попал в шторм, и его отнесло к о-ву Цейлон, где команда во главе с капитаном попала в плен к королю Канди Раджасимхе II. После 19 лет плена Ноксу с одним из матросов удалось бежать и сесть на английский корабль, доставивший их в Лондон в 1680 г. Во время этого путешествия Нокс работал над рукописью указанной книги, которая была издана на следующий год и приобрела широкую известность, повлияв на творчество Д. Дефо. Принято считать, что Нокс был одним из прототипов его героя Робинзона Крузо. Данный труд Р. Нокса был переведен на русский язык д.и.н. Н.Г. Краснодембской, см.: Нокс Роберт. Историческая повесть о Цейлоне. XVII век. СПб., 2008.

Продуктов земледелия никогда не хватает на прокормление, и все «лесные» ведда половину года ведут более или менее бродячий образ жизни, занимаясь охотой и собирательством.

Главной дичью являются олень и обезьяна, мясо которой ведда особенно любят. Затем идут дикий кабан, медведь, заяц и мелкие животные, включая крысу; птица, в частности, павлин, наконец, немалое значение имеет крупная ящерица.

В настоящее время ведда чаще пользуются на охоте ружьем, чем луком и стрелами. Собственное ружье имеют немногие ведда; нередко берут напрокат ружье у деревенского торговца, отдавая ему часть дичи. Ружья распространились только в последние десятилетия, лук и стрелы играли недавно преобладающую роль. И сейчас каждый ведда умеет сделать лук, прикрепить к стреле наконечник и оперить ее. Лук и стрела делаются из дерева; тетива из древесного луба. Длина лука от 150 до 175 см (редко больше), т.е. обычно выше роста самих ведда, длина стрел от 75 до 100 см. Лук делают тугим, чтобы пускать стрелу с достаточной силой; вернувшись с охоты, отпускают один конец тетивы и хранят лук ненатянутым; натягивают тетиву, упираясь в середину лука ногой [порой сгибая ее в колене].

Ведда плохо стреляют из лука на большие расстояния, но это нисколько не порочит их как охотников, они больше надеются на свое замечательное умение подкрадываться к дичи на близкое расстояние.

Ведда хорошо знают лес, его условия, привычки животных, они опытейшие следопыты. Знакомство с характером животных можно иллюстрировать тем, что для обнаружения обезьян, скрывающихся в ветвях деревьев, ведда ударяют по стволам деревьев обухом топора, что заставляет испуганных обезьян вскрикнуть.

Ведда пользуются иногда на охоте метательным копьем. Устройство ловушек известно очень немногим; по-видимому, оно заимствовано. Каждый мужчина всегда имеет при себе небольшой топорик, носимый обычно на плече; это его основное орудие, нужное и на охоте, и в земледелии, и при постройке дома. Столь же универсальным орудием является стрела, наконечник которой остро отточен и является единственным режущим орудием, заменяющим во всех случаях нож, которого ведда не имеют.

Ведда держат собак, помогающих на охоте и, в частности, приучаемых ловить ящериц, собаки помогают вспугивать дичь и выгонять ее на охотника, стерегущего тропинку или поляну.

Ведда неразборчивы в отношении животной пищи, но имеют некоторые запреты: мясо дикобраза, буйвола, курицы считается для них

запретным; однако не запрещено убивать дикобраза, и ведда разрешают своим собакам есть его [Spittel, 1927, с. 133].

В рыбной ловле ведда не пользуются ни сетями, ни другими приспособлениями, а отравляют воду плодами или корой некоторых растений.

Очень большое значение, может быть, не меньшее, чем охота, имеет собирание меда диких пчел; для ведда мед — не лакомство, а важный продукт питания. Нередко, найдя в лесу соты, утоляют ими голод, съедая их целиком с воском и с личинками; в разгаре сезона мед в течение некоторого времени является основным питанием.

На Цейлоне водится несколько видов пчел: есть лесные, устраивающие свои улья одни в дуплах деревьев, другие на ветвях; важнейшей из всех пород является крупная пчела, называемая бамбара, устраивающая свои улья на склонах высоких отвесных скал.

Ведда чрезвычайно ловко отыскивает улья лесных пчел, как бы хорошо они ни были спрятаны; он находит их на слух по гудению или следит за какой-либо пчелой, не теряя ее из вида, не смешивая ее с другими и следуя за ней, пока она не приведет его к своему улью. После этого он ловко взбирается на дерево и снимает улей, расширяя дупло топором, не обращая внимания на укусы пчел; длинные волосы защищают от укусов глаза и лицо. Если на дерево трудно взобраться, то он немедленно его срубает.

Значительно труднее [поиски] уль[ев] горных пчел; здесь сложность заключается не в том, чтобы обнаружить улей, а в том, чтобы до него добраться и защититься от тяжелых укусов этих пчел.

В отличие от лесных пчел, одинаково собирающих мед в течение всего года, эти пчелы собирают мед преимущественно в июне и июле, и на эти месяцы ведда переселяются в пещеры, собираясь по две-три семьи для совместной добычи меда.

Для большей безопасности сбор меда производят темной ночью. Днем производят необходимые приготовления: делают легкую висячую лестницу из камыша, перевитую лианами (если скала невысока — делают приставную лестницу), заготавливают несколько факелов, сплетенных из зеленых ветвей и набитых листьями и травой для получения дыма, делают особое орудие, представляющее собой длинную палку с заостренным концом для срезания сотов и с другим концом, расщепленным на четыре части для того, чтобы достать отрезанные куски.

С наступлением темноты зажигают большой костер у подножия скалы, в него подбрасывают зеленые листья, чтобы выкурить пчел из улья. Охотник начинает спускаться по висячей лестнице, прикреплен-

ной к дереву или камню и охраняемой его ближайшим родственником. Перед этим все остальные члены этих семей, включая и женщин, начинают петь специальные песни и заклинания демонам скалы, чтобы с охотником не случилось несчастья; он также поет, и эти песни продолжают все время²⁶. Охотник подносит к улью факел из листьев, чтобы изгнать оставшихся пчел, и затем подвешивает его на руку на веревке, чтобы отогнать пчел от себя. Затем острой палкой или стрелой он отрезает куски сотов, достает их и складывает в специальный сосуд из кожи оленя (глиняный мог бы разбиться о скалы). Вся эта тяжелая и опасная работа под силу только самым сильным и отважным.

Из растительных продуктов леса ведда употребляют в пищу все, что хоть сколько-нибудь пригодно для питания: плоды, ягоды, цветы, съедобные корни, некоторые травы и листья; кора некоторых деревьев употребляется для жевания. В одном поселении, расположенном на берегу озера, наибольшее значение имеют семена лотоса.

Земледелие, заимствованное у сингальцев, находится на примитивнейшей стадии подсечной системы. Ведда не знают ни рабочего скота, ни земледельческих орудий, кроме мотыги, ни искусственного орошения, применяемого их соседями. В лесу выбирают подходящее место, срубают деревья и недели через две сжигают все ветви, кусты и хворост. Из древесных стволов строят крепкую ограду для защиты от диких животных; стараются сделать ее достаточно крепкой для защиты от слонов и в то же время достаточно частой, чтобы не пропускать мелких животных. Сеют в начале сентября, а некоторые культуры — в ноябре. Урожай снимают с февраля по апрель; такие культуры, как маниок, требуют для созревания около года. После сбора урожая участок забрасывают и переходят на новый; к старому участку возвращаются лет через десять; это время он находится под паром. Эта система земледелия и расчищенный участок называются «чена».

Главнейшими земледельческими культурами являются просо, маис, бобовые, маниок, тыква.

Только в тех деревнях, где ведда смешались с сингальцами, они применяют искусственное орошение, удобрение, некоторые земледельческие орудия и несколько более культурные методы земледелия.

В таких же деревнях ведда разводят много скота. Первым шагом к скотоводству является условие с сингальцами, по которому ведда ухаживают за их скотом и в виде вознаграждения получают одного теленка из пяти.

²⁶ Наличие специальных песен и заклинаний еще раз подчеркивает большое значение собирания меда в экономике ведда. — *Примеч. В.Е. Краснодарского.*

Выше упоминалось, что почти все ведда часть года живут в пещерах, которые являются собственностью определенных семей или групп семей. Остальное время года ведда живут в очень примитивных хижинах. Стены делаются плетеными из ветвей, крыша поддерживается по углам четырьмя шестами и кроется травой или пальмовыми листьями. Хижина очень невелика, и обычно в ней спят только старики и дети, а остальные — снаружи возле хижины. В оседлых деревнях встречаются глинобитные хижины.

Единственной мебелью служат циновки. Утварь — корзины, мешки, из древесной коры и кожаные, тыквы, чашки и ложки из скорлупы кокосового ореха, глиняные горшки.

Большую часть глиняной посуды ведда получают в обмен, но они научились изготавливать ее сами у сингальцев. Горшки делаются не на колесе и обжигаются просто на костре, где их обкладывают ветвями со всех сторон. Дно у этих горшков круглое. Специализации в занятии гончарством нет, в каждой семье делают посуду для себя; занимаются этим и мужчины, и женщины.

Все металлические предметы получают в обмен, так же как и ткань для одежды, бетель, табак; если есть возможность, ведда выменивают еще для себя коксовые орехи и рис. В обмен на них ведда дают мед и воск, сушеное мясо, шкуры. Этот обмен приводит к тому, что ведда, отдавая излишки продуктов после удачной добычи на такие предметы, как бетель и табак, не делают запасов и часто принуждены вести полуголодное существование, что является причиной их вымирания. Сушеное мясо ведда сохраняют в течение длительного времени в меду; делают это следующим образом: в выдолбленный ствол дерева наливают немного меду, опускают куски оленины, снова заливают медом и так далее, отверстие замазывают глиной; мясо, погруженное мед, совершенно не боится порчи. Иногда вместо выдолбленного ствола используют углубление в скале, которое сверху заваливают большим камнем.

Время, когда ведда одевались в специальном образом приготовленную древесную кору, относится к далекому прошлому; в настоящее время из этой коры делают только мешки. Мужчины носят обычно небольшой кусок материи вокруг бедер; женщины носят одежду сингальского или тамильского образца, это или саронг — вид несшитой юбки, оставляющей верхнюю часть тела открытой, — или род сари²⁷.

---

²⁷ Женская одежда в Индии, состоящая из длинного куска материи, обматывается вокруг тела. — *Примеч. В.Е. Краснодембского.*

В деревнях многие мужчины носят сингальскую одежду, т.е. тот же саронг.

Огонь добывают при помощи огнива и кремня, употребляя в качестве горючего кусочек древесного хлопка или бумажной материи. Старый способ добывания огня трением в некоторых местах уже забыт, но в других добывают огонь этим способом очень легко и быстро. Берут две сухие палки определенного дерева, в одной делают углубление и кладут ее на землю, поддерживая концы ногами; конец другой палки оттачивают и, вставив в углубление, быстро вращают между ладонями, [при]давливая ее книзу, вскоре показывается дым, а минуты через две — искра, падающая на кусочек материи. Если из кучки коричневого порошка, полученного от трения, выходит густой дым, порошок заворачивают в тряпочку в виде папиросы и раздувают, пока она не загорится. Для вращения палочки иногда употребляют веревку.

У ведда не имеется никаких следов общеплеменной организации, общего управления. Племя определяется общим названием, общим наречием²⁸, общим происхождением, общими обычаями, религиозными воззрениями, одинаковым уровнем развития производительных сил и, наконец, общей территорией. Племенная эндогамия строго не соблюдается, но очень часто ведда старается скрыть, что кто-нибудь из его родственников женат на сингалке или тамилке; это можно принять за существование эндогамии в идеале или за более строгое соблюдение ее в прошлом.

Следующей социальной группой у ведда является род, называемый *waguge*²⁹. Род также не имеет в настоящее время четкой организации и родового управления; он является экзогамной группой, носящей общее название и имеющей предание об общем происхождении. Сохранились следы распределения территории между родами; в каждой местности встречаются поселения, состоящие от двух до четырех разных родов, что объясняется экзогамией, но те роды, которые встречаются в западной части территории ведда, не встречаются на востоке у побережья.

В настоящее время у ведда имеются следующие *waguge* (роды):

1. *Morane waguge*,
2. *Unapane waguge*,

²⁸ Ведда говорят на сингальском языке, с некоторыми фонетическими особенностями, отличающими их наречие от языка современных сингалцев. — *Примеч. В.Е. Краснодарского.*

²⁹ Как мне представляется, слово *waguge* является формой санскритского слова *varga* — «группа, класс, племя, род, семья»; слово это перешло в язык ведда из сингальского. — *Примеч. В.Е. Краснодарского.*

3. Namadewa или Nabudan waruge,
4. Aembala waruge,
5. Uru waruge,
6. Tala waruge,
7. Rugam или Bandara waruge,
8. Dehigama waruge и
9. Bendiya (Bendia) waruge.

Три последних [сравнительно] недавнего происхождения; они выделились из более старых и получили местные наименования. Так, Rugam waruge, самый многочисленный из трех новых родов, является, по-видимому, ответвлением Morane waruge.

Более древние роды носят названия растений или животных, и признаков тотемизма, связанных с ними, не отмечено.

Значения родовых названий следующие:

Morane — дерево «тога»,

Unarane — «бамбуковая вода»,

Namadewa — «дерево namada»,

Aembala — «красные муравьи/aembaleo»,

Uru — «дикий кабан».

Некоторые виды сохраняют обычай вступать в брак только с членами одного предельного рода и избегать другие роды. Такими парными родами являются Morane и Unarane, Namadewa и Uru. Взаимоотношения между первыми и вторыми двумя характеризуются тем, что первые два относятся к бракам с членами двух вторых с большим предубеждением, чем к бракам с членами остальных родов. Они объясняют это тем, что роды Uru и Namadewa ниже их по своему положению; Morane утверждают, что Uru были их слугами.

Принадлежность к тому или иному роду считается по матери.

Первичной социально-хозяйственной ячейкой у ведда является семейная община, представляющая собой группу ближайших родственников; обычно это — объединение нескольких семей, редко больше пяти. Эта община сообща владеет охотничьим участком, а также пещерами, в которых она собирается в определенные времена года (сезон сбора меда), однако в остальное время каждая семья живет отдельно, что значительно удобнее при охотничьем образе жизни.

Община имеет главу — патриарха. С ним живут его замужние дочери с детьми, а иногда братья со своими семьями.

Община ведет совместное хозяйство и так же распределяет продукты, независимо от того, кто их добывает.

Зелигман приводит два конкретных примера таких общин: одна, небольшая, состояла всего из восьми человек: старика с женой, двух его дочерей, двух сыновей его сестры (его будущие зятя) и двух внуков (дети его покойной дочери); другая община состояла из 19 человек, объединяющих семьи трех братьев (один — троюродный) с замужними дочерьми и внуками двух старших [Seligmann, 1911, с. 63].

Как видно из этих примеров, брак у ведда матрилокален. Некоторые нормы, регулирующие брак, можно будет нагляднее представить после изложения системы родства племени ведда.

Mutta, отец, дед.

Atta, мать, бабка.

Putta или tuta, сын, сын сестры (для женщ[ины]), сын брата (для мужч[ины]).

Duwa или tuti, дочь, дочь сестры (для женщ[ины]), дочь брата (для мужч[ины]).

Munubura, внук.

Miniberi, внучка.

Aiya, старший брат, сын сестры матери, сын брата отца³⁰.

Maleya, младший брат, сын сестры матери, сын брата отца³¹.

Akka, старшая сестра, дочь сестры матери, дочь брата отца.

Naga, младшая сестра, дочь сестры матери, дочь брата отца.

Maama, брат матери, муж сестры отца.

Nendamma, сестра отца, жена брата матери.

Lokuarpu, брат отца (старший), муж сестры матери.

Kuduarpu, брат отца (младший), муж сестры матери.

Lokuamma, сестра матери (старшая), жена брата отца.

Kuduamma, сестра матери (младшая), жена брата отца.

Hura, сын сестры отца, сын брата матери.

Naena, дочь сестры отца, дочь брата матери.

Waena, сын сестры (для мужч[ины]), сын брата (для женщ[ины]).

Yeli, дочь сестры (для мужч[ины]), дочь брата (для женщ[ины]) [Seligmann, 1911, с. 64].

Мы видим, что система родства является типично классификаторской (возьмите, например, термины *putta* и *duwa* и др.). Сами термины, в большинстве случаев заимствованы из сингальского языка. Термин

³⁰ Подразумеваются все те, кто старше говорящего [-информатора]. — *Примеч. В.Е. Краснодембского.*

³¹ Здесь имеются в виду все те родственники, кто младше говорящего [-информатора]. — *Примеч. В.Е. Краснодембского.*

тата распространен у большинства племен и народов Индии в этом самом значении.

Перекрестно-кузенный брак, т.е. брак между детьми брата и сестры, является важнейшей брачной нормой у ведда, наложившей свой отпечаток на их систему родства. Прежде всего, мы имеем разные термины для детей сестер матери и детей братьев отца, с одной стороны, и детей сестер отца и детей братьев матери — с другой. Первые рассматриваются как родные братья или сестры и носят название старших или младших братьев и сестер (в зависимости от соотношения возраста); браки между ними запрещены. Вторые называются особыми терминами; они принадлежат к равным родам. И в настоящее время подавляющее большинство браков заключается между детьми брата и сестры.

Нередко юноша поселяется в доме брата своей матери, своего будущего тестя, еще до женитьбы на его дочери. Такой дядя-тесть для мужчины ближе, чем отец (отец ближе к мальчику только в детстве); не даром у ведда существует поговорка: «мать и ее брат — одно» (amma tama ekei) [Seligmann, 1911, с. 66]. Принадлежность детей к роду матери и матриликальный брак позволяют назвать род у ведда материнским. Вдова, как правило, выходит замуж за брата мужа.

После смерти главы семьи семейная собственность равномерно распределяется между его детьми, как сыновьями, так и дочерьми. Личная собственность женщины переходит к дочерям, личная собственность мужчины — к его сыновьям и зятям. Личную собственность мужчины составляют, кроме одежды, следующие предметы: собаки, лук и стрелы, топор, огниво и кремь, мешочек для бетеля, тыква для воды.

Ведда хоронят умерших, зарывая их в землю где-нибудь в лесу, они не имеют специального кладбища. Согласно указаниям более старых источников, ведда оставляли покойника там, где произошла смерть; если это случалось в пещере, то покойника засыпали листьями, и пещера оставалась необитаемой в течение нескольких лет.

Религиозные воззрения ведда несложны и примитивны; основу их составляет почитание духов умерших родственников. Духи умерших населяют, подобно живущим, леса, горы и долины; они расположены благосклонно к своим родичам. Эти духи называются *Naе yaку*. Духи давно умерших постепенно забываются, их заменяют духи недавно умерших. Среди них наибольшим уважением пользуются духи людей выдающихся, пользовавшихся влиянием при жизни. Эти духи известны небольшому кругу одной или нескольких родственных семей, и память о них живет недолго.

Наряду с почитанием умерших родственников, ведда сохраняют память о жившем много поколений тому назад замечательном охотнике Kande, который после смерти стал Kande yaqa (yaqa — дух) и является наиболее почитаемым духом, содействующим в охоте и никогда не причиняющим зла людям. В честь Kande yaqa устраиваются специальные жертвоприношения, сопровождаемые заклинаниями и плясками шамана. Каждый раз, когда устраиваются жертвоприношения предкам и вызываются их духи, прежде всего приносят жертву (вареный рис и молоко кокосового ореха) Kande yaqa и его брату Bilindi yaqa.

Религиозные обряды совершаются жрецом, владеющим всеми необходимыми познаниями, в частности, знающим заклинания. Как мы увидим ниже, жрец является типичным шаманом.

В честь предков устраивают пляски, в которых ведущую роль исполняет жрец; он доводит себя до исступления и, показывая, что в него вселился дух Kande или дух умершего, предсказывает от их лица, в каком направлении нужно отправиться на охоту и кто из присутствующих будет иметь в ней успех. Во время жертвоприношений и плясок в честь недавно умершего одержимыми его духом являются сыновья или братья. Перед тем как дух покидает одержимого, последний на несколько минут лишается сознания.

Ведда верят также в существование духов, обитающих на вершинах гор, на скалах, в реках и лесах, но они не поклоняются им. Только во время собирания меда горных пчел, что является опасным, но экономически важным делом, приносят жертву духу скалы; но эта жертва сопровождается лишь несложным заклинанием.

За последние десятилетия ведда заимствуют у сингальцев веру в различных духов, а также некоторые магические приемы. По мнению Зелигмана, у ведда совершенно отсутствовали магические представления [Seligmann, 1911, с. 190].

Список литературы

- Seligmann C.G. und B.Z.* The Veddas. Cambr., 1911.
Spittel R.L. Wild Ceylon. Describing in Particular the Lives of the Present Day Veddas. Colombo, 1927.
Sarasin F. und U.F. Die Weddas von Ceylon und die sie umgebenden Völkerschaften [S.l.], 1893.

Summary

V.Y. Krasnodembsky

The Veddas

Preface and publication by Y.V. Tanonova

Valery Yevgenievitch Krasnodembsky (1907–1942) was a talented indologist, the first specialist in the Marathi language in the Soviet Union. Having survived the first Blockade winter of 1941–1942, he unfortunately got an incurable disease and died on his way to evacuation in the spring of 1942. The article “The Veddas” by Valery Y. Krasnodembsky is dedicated to the Veddas, an autochthonous tribe of Ceylon island. It was the first description of the Vedda tribe in the Russian language. This work was conceived by V.Y. Krasnodembsky in the mid-thirties of the last century as a part of the two-volume edition of *Ethnographical Studies of the Peoples of Foreign Countries*, but has never been published. Bearing handwritten marks of the author, its typescript is kept in the Archives of Orientalists, Institute of Oriental Manuscripts, RAS (F. 92. Inv. 1, unit 4).

Key words: V.Y. Krasnodembsky, Marathi language studies in Russia, the first Marathi-Russian dictionary, Ceylon.

В.П. ТАРАНОВИЧ

**К вопросу о литературных материалах
по востоковедению, хранящихся в учреждениях
города Казани**

Предисловие и публикация
Т.А. Пан

Аннотация: Владимир Павлович Таранович (1874–1941) известен как исследователь истории российского востоковедения. Одной из его последних работ является описание архивных материалов по востоковедению в научных библиотеках Казани. Статья была подготовлена к изданию в сборнике «Библиография Востока» в 1939 г., однако не опубликована в связи с началом Великой Отечественной войны и ныне хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 102, ед. хр. 4). В статье даны обзор изучения восточных языков в Казани и характеристика материалов из Центрального архива Республики Татарстан и библиотеки Казанского университета.

Ключевые слова: востоковедение, китаеведение, монголоведение, Центральный архив Республики Татарстан, Казанский университет, В.П. Таранович, Иакинф Бичурин.

Архив востоковедов ИВР РАН хранит свидетельства об удивительных судьбах, научные труды востоковедов и путешественников, а также рукописи некоторых исследователей, для которых востоковедение стало «профессиональным хобби» или второй специальностью. Таким ученым был Владимир Павлович Таранович, преподававший в Лесотехнической академии, а затем в Ленинградском институте холодильной промышленности (в настоящее время — Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых техно-

логий)¹, однако свободное от службы время он посвятил изучению истории российского востоковедения. Его работы были настолько значимы для науки, что после его смерти в Архиве востоковедов ИВР РАН был образован личный фонд В.П. Тарановича (Ф. 102), в котором хранится личное дело и неопубликованные рукописи ученого.

Из документов личного дела и хранящегося в фонде письма падчерицы В.П. Тарановича² восстанавливается его биография. В.П. Таранович родился 16 сентября 1874 г. в семье священника в Волынской губернии и умер в сентябре 1941 г. в блокадном Ленинграде от рака легких. В 1898 г. он окончил Петербургский университет, однако из его документов не ясно, по какой специальности. До 1917 г. работал в канцелярии Государственной Думы делопроизводителем, а после Октябрьской революции в Совете народного хозяйства Северного района. В 1920 г. он окончил Институт народного хозяйства, с 1924 г. был научным сотрудником Комиссии по изучению естественных производительных сил при АН СССР. В 1930–1933 гг. В.П. Таранович являлся сотрудником Института по изучению леса АН СССР, затем перешел в Ленинградский механико-технологический институт холодильной промышленности, откуда отчислен 7 июня 1941 г. в связи с присвоением ему инвалидности первой группы. По специальности им было издано пять статей.

Занимаясь проблемами лесного хозяйства, В.П. Таранович постоянно возвращался к проблемам истории и археологии, изучению которых он посвятил студенческие годы в Археологическом институте при Петербургском университете³. Именно благодаря накопленным знаниям в области точных наук и техники, а также фундаментальному гимназическому образованию и знанию классических языков В.П. Таранович смог разобрать переписку членов РАН в XVIII в. с французскими и немецкими иезуитами в Китае. Среди востоковедов В.П. Таранович известен как китаист-библиограф, исследователь раннего периода истории востоковедения. Изданная посмертно в 1945 г. статья ученого

---

¹ О служебной деятельности В.П. Тарановича свидетельствует выписка из его личного дела в архиве СПб ГУНПТ, которая в 1961 г. была передана в АВ по просьбе Л.И. Чугуевского (1926–2000) (АВ ИВР, формуляр фонда 102, л. 6–7) и опубликована в кн.: *Пан Т.А., Шаталов О.В.* Архивные материалы по истории западноевропейского и российского востоковедения (К изданию работы В.П. Тарановича «Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке»). СПб.–Воронеж, 2004. С. 4–5.

² Отрывок из этого письма опубликован. См.: *Пан Т.А., Шаталов О.В.* Архивные материалы по истории западноевропейского и российского востоковедения. С. 5–6.

³ АВ ИВР РАН. Формуляр фонда 102. Л. 3.

«Иларион Россохин и его труды по китаеведению»⁴ до сих пор является единственной наиболее полной работой о жизни и научных трудах выдающегося китаиста и маньчжуроведа. В АВ ИВР РАН в фонде В.П. Тарановича хранятся четыре его рукописи:

1. «Обзор рукописных материалов по китаеведению и маньчжуроведению на русском и славянском языках, хранящихся в учреждениях Всесоюзной Академии наук и в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрин в Ленинграде». Машинопись с исправлениями автора, 148 л., 1937 г. (Ф. 102, ед. хр. 1).

2. «Академик Г.-З. Байер и его труды по востоковедению. (К 200-летию со дня смерти Байера)». Машинопись с исправлениями автора и приложением «Список не сохранившихся в Архиве Академии наук писем Байера к пекинским иезуитам и ответов на них», 111 л., 1939 г. (Ф. 102, ед. хр. 2).

3. «Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке». Машинопись с исправлениями автора, 128 л., 1939 г. (Ф. 102, ед. хр. 3).

4. «К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях города Казани». Машинопись, 19 л., 1940 г. Там же хранится черновой вариант рукописи и письмо из Архива Татарской АССР с замечаниями казанских архивистов. 26 л., 1941 г. (Ф. 102, ед. хр. 4).

Все рукописи датированы последними годами жизни В.П. Тарановича, когда он совмещал службу в Ленинградском институте холодильной промышленности с изучением истории востоковедения. До сих пор эти работы вызывают интерес как российских, так и зарубежных исследователей. В 2004 г. нами издана рукопись «Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке»⁵, а сейчас вниманию читателей предлагается небольшая статья В.П. Тарановича «К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях города Казани». Материал для этой статьи был собран В.П. Тарановичем во время его служебного отпуска летом 1940 г., проведенного в Казани. Пользуясь возможностью ознакомиться с библиотеками этого старинного востоковедного центра России и продолжая работу, начатую

⁴ Таранович В.П. Иларион Россохин и его труды по китаеведению // Советское востоковедение. Вып. 3. М.–Л., 1945. С. 225–241.

⁵ Пан Т.А., Шаталов О.В. Архивные материалы по истории западноевропейского и российского востоковедения (К изданию работы В.П. Тарановича «Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке»). СПб.–Воронеж, 2004. 139 с.: илл.

А.А. Петровым⁶, Владимир Павлович еще раз посетил архивы и библиотеки Казани с целью выявления в них неописанных материалов по востоковедению. В 1935 г. А.А. Петров был командирован из Ленинграда ИВ АН СССР в Казань для того, чтобы найти и описать рукописи Н.Я. Бичурина (отца Иакинфа, 1777–1853), основоположника российской синологии, переданные в Казанскую духовную академию в 1849 г. В Центральном архиве АТССР А.А. Петров выявил десять наименований трудов о. Иакинфа. Результаты командировки опубликованы в 1937 г.⁷

Через три года В.П. Таранович вновь обратился к изучению казанских книжных хранилищ, написав затем статью «К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях города Казани», и представил ее на обсуждение в Китайский кабинет Института востоковедения АН СССР. В настоящий момент текст рукописи хранится в АВ ИВР РАН и представляет собой 19 листов чистового машинописного варианта, к которой приложены 26 листов чернового варианта текста. Видимо, первоначальный вариант статьи был послан на рецензию в Архивный отдел НКВД г. Казани, откуда пришел ответ с замечаниями начальника Архивного отдела НКВД АТССР Янпольской от 25 февраля 1941 г. В нем, в частности, указано, что «Центральное архивное управление реорганизовано в августе 1939 г. в Архивный отдел НКВД АТССР», а также сообщалось, что «неразобранного фонда Гос[ударственный] исторический архив АТССР не имеет. Весь материал разобран. Курсовые сочинения студентов описаны, а весь остальной рукописный фонд будет описан в 1941 г. Таким образом, к концу года нам будет известно, что именно мы имеем. Заниматься сейчас специально вопросом розыска интересующих Вас материалов мы не сможем»⁸.

На первой странице черновика статьи рукой В.П. Тарановича чернилами записано: «Все указания учтены в статье». Ко второй странице приклеен листок с запиской В.П. Тарановича чернилами от руки: «Институту востоковедения Академии наук. Ввиду состоявшегося поста-

---

⁶ Петров Аполлон Александрович (1907–1949), специалист по философии Китая, в 1936–1941 гг. был научным сотрудником Китайского кабинета ИВ, ученым секретарем, заместителем директора ИВ, в 1941–1949 гг. являлся сотрудником МИД СССР, послом СССР в Китае (1945–1947).

⁷ *Петров А.А.* Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве АТССР и в Библиотеке Казанского университета // Библиография Востока. Вып. 10 (1936). М.–Л., 1937. С. 139–155.

⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 102. ед. хр. 4. Л. 26.

новления Китайского и Монгольского кабинетов о желательности опубликования моей работы „К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях гор[оде] Казани“, представляю рукопись этой работы на Ваше распоряжение. В. Таранович. Адрес автора: ул. Радищева, д. 42-б, кв. 36. Таранович Владимир Павл[ович]».

В левом верхнем углу первой страницы черновика рукописи имеется запись голубыми чернилами: «Настоящая рукопись заслушана в секторе на Кабинете (Кит[айском]) ИВ и одобрена к напечатанию в органах ИВ. В. Алексеев 1.VIII.40»⁹. В правом верхнем углу первой страницы черновика стоит резолюция фиолетовыми чернилами: «Библ[иография] Вост[ока] № 1 (11)». Из этого следует, что планировалось опубликовать статью в журнале «Библиография Востока», однако этого не произошло из-за начавшейся Великой Отечественной войны, а сам журнал прекратил существование на последнем 10-м выпуске, опубликованном в 1937 г. Ниже мы публикуем работу В.П. Тарановича в полном объеме с некоторыми нашими комментариями.

Т.А. Пан

К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях города Казани

В статье А. Петрова «Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном Архиве АТССР и в Библиотеке Казанского университета»¹⁰ дано описание ряда интересных рукописных материалов, касающихся Китая и Монголии, и, в частности, материалов, принадлежащих Иакинфу Бичурину. Автор статьи не считал составленный им список исчерпывающим и указывал в отношении рукописей Бичурина, что «необходимо принять меры к дальнейшему разы-

---

⁹ Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) — крупнейший российский синолог, академик АН СССР с 1929 г., создатель новой школы отечественного китаеведения. С 1918 г. — профессор Петроградского/Ленинградского государственного университета. С 1913 г. одновременно работал в Азиатском музее (ИВ АН), с 1930 г. являлся заведующим Китайским кабинетом.

¹⁰ *Петров А.А.* Рукописи по китаеведению и монголоведению. С. 139–155.

сканию других частей казанского наследия знаменитого китаевода, имеющего большое значение для истории науки»¹¹.

В 1939 году мне удалось побывать в Казани, и я решил продолжить работу по выявлению рукописных материалов по востоковедению, хранящихся в учреждениях этого города.

I

Приступая к выполнению намеченной мною задачи, я считал необходимым выяснить прежде всего, вопрос о том, какие из учреждений г. Казани по характеру возложенных на них задач могли накапливать у себя материалы по востоковедению и какая судьба постигла эти материалы в дальнейшем. Литературные данные по этому вопросу дают следующую картину.

В течение XIX века г. Казань был крупным научным центром по востоковедению и средоточием видных специалистов в этой области. Это объяснялось двумя причинами. С одной стороны, Казань в течение трех столетий (XVII — XIX вв.) стояла на пути сношений России с Китаем, Персией и другими восточными странами. Поэтому русские посольства, торговые караваны и духовные миссии, посылаемые на Восток, не могли миновать этого города. С другой стороны, Казань была административным центром огромного края, в состав которого входили обширные области, населенные разными восточными народностями. Для управления этими народностями и проведения среди них политики Российского государства и церкви требовались чиновники и миссионеры, знающие соответствующие языки.

Уже в 1769 г. при 1-й Казанской гимназии было введено преподавание татарского языка. Позже, начиная с 1822 г., в этой же гимназии постепенно было введено преподавание языков арабского, персидского, турецкого, армянского, монгольского и китайского для сообщения предварительных сведений в этих языках тем из воспитанников гимназии, которые пожелают по окончании курса гимназии поступить в число [студентов] Казанского университета по разряду восточных языков. Преподавание восточных языков в 1-й Казанской гимназии было прекращено в 1855 г. в связи с образованием в Петербургском университете Факультета восточных языков. В гимназии оставлено было преподавание только татарского языка.

В Казанском университете почти с самого основания его было введено преподавание восточных языков, а именно: с 1807 г. — арабского

---

¹¹ Там же. С. 146.

и персидского, с 1812 г. — татарского, с 1828 г. — турецкого и монгольского, с 1837 г. — китайского, с 1839 г. — армянского, с 1842 г. — санскрита, с 1844 г. — маньчжурского.

В Казанской духовной академии преподавание восточных языков началось в 1845 г., сначала с целью подготовки преподавателей для намечаемых при Академии миссионерских отделений (противомусульманского и противобуддийского). Отделения эти были открыты в 1854 г.; на них велось преподавание языков: арабского, турецкого, татарского, монгольско-калмыцкого, чувашского и марийского. Ряд языков (татарский, арабский, чувашский, марийский) преподавался также в Духовной семинарии и Духовном училище.

В связи с введением перечисленных языков возникла необходимость приобретения книг и других материалов по востоковедению. Эта цель достигалась [по]купкою книг и сочинений в рукописях, принятием пожертвованных книгами и рукописями и составлением учебников и словарей.

О.М. Ковалевский¹² во время своего путешествия по Монголии и Китаю в 1828–1832 гг. по поручению Казанского университета приобрел 189 сочинений в 1433 томах, в том числе 48 рукописей на монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках. В 1837 г. Казанским университетом была куплена китайская библиотека арх[имандрита] Даниила Сивиллова¹³, вывезенная им из Пекина, в количестве 216 сочинений в 337 томах. У профессора того же Университета Войцеховского¹⁴ приобретено 167 томов книг и рукописей, у проф[ессора] Казем-бека¹⁵ — 203 рукописи и т.д. Наконец, в 1852 г. В.П. Васильевым¹⁶ была привезена из Пекина большая коллекция со-

¹² Ковалевский Осип (Иосиф) Михайлович (1800–1878) — русский ученый, крупнейший востоковед первой половины XIX в., монголовед и тибетолог, один из основателей научного монголоведения. В 1855–1860 гг. был ректором Казанского университета.

¹³ Архимандрит Даниил Сивиллов (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1798–1871) — член X Российской духовной миссии в Китае (1821–1830), с 1837 г. возглавил кафедру китайского языка на Восточном факультете Казанского университета.

¹⁴ Войцеховский Осип Павлович (1793–1850) — врач X Российской духовной миссии в Китае, с 1844 г. преподавал маньчжурский язык в Казанском университете, став первым российским профессором-маньчжуроведом.

¹⁵ Казембек (Казем-Бек) Александр Касимович (1802–1870) с 1826 г. преподавал персидскую словесность и турецко-татарский язык в Казанском университете, с 1835 г. член-корреспондент Петербургской академии наук, первый декан Факультета восточных языков Петербургского университета.

¹⁶ Васильев Василий Павлович (1818–1900) — китаист, буддолог; в 1837 г. окончил Казанский университет, студент XII Российской духовной миссии в Китае (1840–1849), в 1850–1855 г. преподавал китайский язык в Казанском университете, с 1855 г. — заве-

чинений на языках китайском, маньчжурском, тибетском, монгольском, калмыцком и санскритском, в количестве 849 названий в 2737 томах и 14 447 тетрадях. Крупное пожертвование Казанскому университету сделала Академия наук, которая в три приема (1841, 1842 и 1844 гг.) прислала ему дублиеты восточных книг в числе 114 соч[инений] в 285 томах.

Таким же образом удовлетворяла свои потребности и Казанская духовная академия. Так, много книг было получено ею через Н.И. Ильминского¹⁷ и доцента М. Машанова¹⁸, отправленных в научное путешествие в страны Ближнего Востока. Книги на монгольском языке выписывались Духовной академией из Китая при участии арх[имандрита] Даниила. В числе крупных жертвователей библиотеки Казанской духовной академии был известный синолог монах Иакинф Бичурин, который дважды преподносил библиотеке своей *almae matris*¹⁹ книги и рукописи. В первый раз (в 1843 г.) он пожертвовал 12 названий в 17 томах частью своих сочинений, частью сочинений других авторов. Во второй раз (в 1849 г.) он прислал в дар Академии 136 названий книг в 219 томах, 16 рукописей и 15 различных карт, изображений, планов и два портрета, из коих один самого жертвователя²⁰. Следует отметить еще факт приобретения Казанской духовной академией у родственников умершего профессора Казанского университета О.М. Ковалевского целой серии рукописных сочинений, относящихся к Монголии и Китаю²¹.

После ликвидации Духовной академии в 1917 г. ее книжный и рукописный фонды были разделены между следующими учреждениями.

дующий кафедрой китайского языка Восточного факультета Петербургского университета.

¹⁷ Ильминский Николай Иванович (1822–1891) — профессор турецко-татарской словесности Казанского университета.

¹⁸ Машанов Михаил Александрович (1852–1924) — исламовед, арабист, преподаватель Казанской духовной академии (до 1920 г.) и Северо-Восточного археологического и этнографического института (1919–1921).

¹⁹ Иакинф после окончания курса Духовной семинарии (1798 г.) поступил в число студентов вновь образованной Казанской духовной академии и пробыл в ней около 2 лет. — *Примеч. В.П. Тарановича.*

²⁰ Знаменский П. История Казанской духовной академии за 1842–1870 гг. Вып. 11, стр. 513; Дело Казанской Духовной академии 1844 г., № 38; 1849 г., № 44. — *Примеч. В.П. Тарановича.*

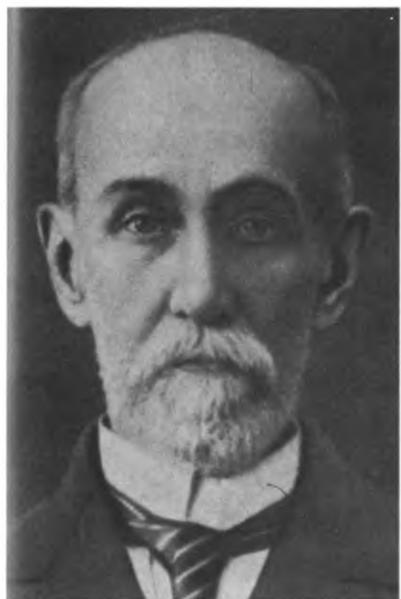
²¹ Любимов А. О неизвестных рукописях о. Иакинфа и проф. О.М. Ковалевского, хранящихся в Библиотеке Казанской духовной академии // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XVIII. Вып. 1. СПб., 1907, стр. 61–64. — *Примеч. В.П. Тарановича*

А.Н.Болдырев (1909–1993)

А.Я.Борисов (1903–1942)

П.К.Коковцов (1861–1942)

Ю.В.Бунаков (1908–1942)

А.Н.Генко (1896–1941)

А.В.Гребенщиков (1880–1941)

П.П.Иванов (1893–1942)

В.Н.Казин (1907–1942)

В.Е.Краснодембский (1907–1942)

В.Д.Якимов (1904–1941)

К.К.Флуг (1893–1942)

Д.Е.Бергельс (1917–2005)

А.М.Мугинов и Л.С.Пучковский за разбором рукописей,
возвращенных из спецхранилища, где они находились во время войны

С.И.Баевский (род. 1923)

М.В.Воробьев (1922–1995)

И.М.Дунаевская (род. 1919)

А.Е.Жариков (род. 1914)

М.Н.Зислин (1916–2003)

В.И.Кальянов (1908–2001)

К.К.Курдов (1909–1985)

Г.С.Макарихина (род. 1924)

К.И.Разумовский (1905–1942)

В.А.Ромодин (1912–1984)

О.И.Смирнова (1910–1982)

К.Б.Старкова (1915-2000)

Ветераны, 1970 год.

Сидят слева направо: Дунаевская И.М., Орбели Р.Р., Макарихина Г.С., ?, Курдоев К.К.

Стоят, средний ряд слева направо: Ромодин В.А., Португаль В.Б., Воробьев М.В.,
Кальянов В.И., Баевский С.И., Дьяконов И.М., Оранский И.М.

Стоят, верхний ряд слева направо: Зислин М.Н., Лившиц В.А., Сергачев А.Ф.,
Жариков А.Е., ?, Цукерман И.И.

1. Книги научного содержания были переданы в библиотеку Казанского университета.

2. Книги педагогического содержания — Педагогическому институту.

3. Дела Духовной академии, рукописи научного характера (в том числе курсовые сочинения студентов) и книги богословского и религиозного содержания поступили в распоряжение Центрального архива АТССР.

Судьба востоковедного фонда библиотеки Казанского университета оказалась несколько сложнее.

В 1855 г. в связи с организацией при Петербургском университете Факультета восточных языков с включением в него восточных разрядов Казанского университета и Одесского Ришельевского лицея, книги по востоковедению, находившиеся в этих учреждениях, были переданы в библиотеку Петербургского университета. В 1861 г. Казанскому университету разрешено было возобновить преподавание некоторых восточных языков (оно имело место до 1872 г.) с целью подготовки чиновников для учреждений Казанского края, и в связи с этим в библиотеке Университета вновь начал накапливаться фонд книг по востоковедению, который увеличился после Октябрьской революции путем присоединения востоковедных книг, входивших в состав библиотеки ликвидированной Казанской духовной академии.

II

По примеру А.А. Петрова я решил ограничиться выявлением лишь рукописных материалов по востоковедению, хранящихся в Центральном Архиве АТССР и в библиотеке Казанского университета.

В Архиве мне были пре[до]ставлены следующие рукописи, отсутствующие в списке А.А. Петрова:

1. Устные наставления Манджушрия. Рукопись на 32 л[истах] почтовой бумаги большого формата. Автор перевода и даты его не указаны.

Перевод этот полностью напечатан в «Этнографическом сборнике», изданном Русским географическим обществом (СПб., 1858 г., вып. IV, стр. 170–201). Этому переводу предшествует обширное предисловие под заглавием «Курс буддийского учения. Перевод с монгольского» (стр. 155–169). В конце перевода помещены примечания к нему (стр. 202–208). В подстрочной выноске к переводу (стр. 170) значится, что дополнения, заметки и пояснения, поставленные в скобках, принадлежат русскому переводчику. Несмотря на столь глубокое и вни-

мательное отношение переводчика к своей работе, редакция «Этнографического сборника» не сочла необходимым даже упомянуть его имени. Но это сделал П. Знаменский в его книге «История Казанской духовной академии» (Казань, 1892 г., вып. II, стр. 483). Приводя биографические сведения о бакалавре Казанской духовной академии монголисте А.А. Бобровникове²², П. Знаменский пишет: «Наиболее солидным ученым предприятием его был перевод монгольской книги „Устные наставления Манджушрия“, заключающей в себе полное изложение буддийской аскетике от низших степеней до высшей — до состояний Будды. Первая часть этого перевода, доставшаяся ему с большим трудом, по трудности языка, в 1852 г. была послана им в Петербург для печати; но после долгих странствований по редакциям едва совсем не пропала, пока ее не пристроили наконец в „Этнографическом сборнике“. Такая невнимательность петербургской журналистики остановила дальнейший перевод Бобровникова».

2. Путевой журнал о следовании духовной свиты учеников Тайцинского государства в столичный город Пекин. 1794. Рукопись на 52 л[истах] заключает в себе дневник пристава миссии Василия Игумнова²³ с 2 сентября 1794 г. по 4 февраля 1795 г. Конца рукописи нет. Этот журнал является дневником VIII Российской духовной миссии, которая состояла по преимуществу из духовных лиц Казанской епархии и студентов Казанской духовной академии²⁴.

3. Замечания о Китае Николая Ивановича Вознесенского. 1829 г. Пекин. Библиотека Казанской духовной академии № 1799. Рукопись на 198 л[истах] содержит в себе дневник старшего причетчика X Российской духовной миссии в Пекине Н.И. Вознесенского и его личные заметки о Китае. Эти заметки перемежаются копиями разных официальных документов, относящихся к сношениям России с Китаем. Так, здесь находятся копии переписки арх[имандрита] Петра Каменского с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел «Начертание (т.е. проект) к действительному умножению пользы с расширением пределов со стороны Китая» — сочинение сибирского генерал-губернатора Якоби (л. 91–116); копии договоров России с Китаем; «Начертание инструкции по части политической экономии, дан-

---

²² Бобровников Алексей Александрович (1821 или 1822–1865) — русский ученый-монголист. В 1847 г. окончил Казанскую духовную академию, где в 1850–1855 гг. преподавал монгольский язык и математику.

²³ Василий Игумнов — пристав V и VIII Российской духовной миссии.

²⁴ Об этой рукописи упоминает А. Любимов в указанной статье. — *Примеч. В.П. Тарановича.*

ное из С[анкт-]П[етер]б[ургской] Академии наук Н.И. Вознесенскому» (л. 156–179) и копии др[угих] материалов. Часть официальных материалов, собранных Н.И. Вознесенским в его рукописной книге, была опубликована Казанской духовной академией в журнале «Православный собеседник» (август 1886 г.).

4. Бобровников Алексей, бакалавр Казанской духовной академии. Монгольско-калмыцкая грамматика. Библиотека Казанской духовной академии, № 32. Рукопись на 178 л[истах]. На обороте титульного листа запись: «Напечатать разрешено Св[ятейшим] Пр[авительствующим] Синодом. 1848 г. Ноября 15 дня. Казанской духовной академии ректор архимандрит Григорий». Эта грамматика была опубликована в 1849 г. в Казани.

5. Нефедьев М.С., прото[ие]рей. Монголо-русский корневой словарь. Казань, 1900 г. Библиотека Казанской духовной академии, № 127, кат[алог №] 394. рукопись на 210 л[истах].

Какие же рукописи по востоковедению, из числа пожертвованных Академии Иакинфом Бичуриным и приобретенных ею у наследников проф[ессора] Ковалевского, не сохранились?

Вопрос о рукописях, пожертвованных Иакинфом, решается просто, так как в деле Казанской духовной академии за 1849 г. № 44 сохранились как дарственное письмо Иакинфа, так и список пожертвованных им материалов. Приведем сначала содержание письма Иакинфа ректору Казанской духовной академии:

«Высокопреподобный отец Ректор,
 препровождая список книг, пожертвованных мною в Казанскую духовную академию, считаю нужным предупредить Вас, что в списке не все книги и рукописи означены, а некоторые остались при мне для справок при будущих трудах и впоследствии поступят в Академию; а частью могут по их содержанию получить другое назначение. Разделение книг на разряды по их содержанию я предоставил внутренним распоряжениям к академической библиотеке; а с своей стороны покорнейше прошу Вас только о двух вещах: рукописи для сбережения и целости хранить неприкосновенными, а портреты содержать закрытыми до получения от меня особого распоряжения о них. Что касается частных приложенных книг, примите труд на себя первые три экземпляра предоставить его преосвященству (т.е. казанскому архиерею) как усердное приношение от воспитанника Казанской академии, а прочие раздать по назначению. Примите уверение в истинном к Вашей Особе уважении и преданности, с которым имею честь быть всегда Вашего

Высокопреподобия покорнейший слуга монах Иакинф. Января „13“ 1849 г. С[анкт-]П[етер]б[ург]»).

Из этого письма видно, что Иакинф Бичурин имел намерение не ограничиваться данным пожертвованием, а продолжать их и в будущем, передав в библиотеку своей *almae matris* остальные свои рукописи, которые он временно оставил у себя как пособие для своих будущих работ. Однако это намерение Иакинфу осуществить не удалось. Как известно, остальные рукописи Иакинфа после его смерти, принадлежавшей в 1853 г., поступили в библиотеку Александро-Невской лавры, а после Лавры они переданы в рукописное отделение Ленинградской государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Некоторая же часть рукописей Иакинфа, как увидим ниже, благодаря случаю попала в Академию наук и находится в Архиве Института востоковедения.

Переходя к списку пожертвованных Иакинфом материалов, заметим прежде всего, что большинство этих книг не имеет отношения к вопросам востоковедения. Это книги по русской литературе, сельскому хозяйству, медицине; здесь же отчеты Академии наук, Вольного экономического общества и т.д. В числе их мы обнаружили лишь 26 названий книг по востоковедению, из которых около 10 являются сочинениями самого Иакинфа. Часть своих сочинений он прислал в количестве 10 экземпляров с тем, чтобы половина экземпляров каждого сочинения была передана в библиотеку Казанской духовной семинарии. Присланные им карты являются приложениями к его сочинениям о Китае. Из 16 рукописных сочинений, присланных Иакинфом в дар библиотеке Казанской духовной академии, мы уже знаем 10 из списка, опубликованного А.А. Петровым, который, кроме того, обнаружил еще одну рукопись Иакинфа, не упомянутую в его списке. Эта рукопись носит название: «L'Éclaircissement des réponses de M. Krusenstern aux questions de M. Würst concernant la Chine» и является переводом русской статьи его «Ответы на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая» (СПб., 1827 г., 63 стр.)

Исключив эти 10 рукописей, описанных А.А. Петровым, из 16 рукописей списка Иакинфа, получим 6 рукописей, которые либо совсем утеряны, либо находятся в неразобранном фонде ЦА АТССР. Эти рукописи в списке Иакинфа носят следующие названия:

1. История древних среднеазиатских народов. Черновой перевод с китайского.

2. Монгольский словарь с русским переводом, сделанный с китайского словаря Сань-хэ-бянь-лань.

3. Записка о Монголии на французском языке. Перевод директора Института глухонемых В.И. Флэри.
4. Описание Тибета на франц[узском] языке. Перевод В.И. Флэри.
5. Шмидт. О народных племенах монголов. Перевод с немецкого.
6. Степное уложение китайское.

Небезынтересно будет привести здесь замечания Иакинфа по поводу некоторых из пожертвованных им рукописей. По поводу «Китайской географии» и «Географии 13 китайских губерний» автор замечает, что они переведены не для печати, а для собственного употребления. По поводу рукописи «Китайская история» в 7 частях автор делает следующее пояснение: «Сия история извлечена из китайской летописи Тхун-гянь-ган-му и состояла из 16 томов. Но в последний мой отъезд в Кя[x]ту в 1835 году девять томов из них остались в библиотеке барона Шиллинга²⁵, с которой по[сле] смерти его вместе с прочими моими книгами поступили в Библиотеку Академии наук, где и теперь находятся. Впрочем, [так] как сия история была переведена для собственного употребления при справках, то перевод вообще не полон, не обработан и без пояснений».

Этими замечаниями Иакинф как бы указывает на необходимость осторожного и критического отношения к поименованным двум переводам, которые не предназначались для опубликования в печати. Наконец, по поводу рукописи «Степное уложение китайское» Иакинф поясняет, что второй экземпляр этого сочинения находится в Академии наук, а третий в 1843 г. подарен архимандриту Палладию, начальнику Пекинской миссии.

Что касается рукописей О.М. Ковалевского, приобретенных Казанской духовной академией у его родственников, то подлинного списка таковых в делах Академии мне разыскать не пришлось. Поэтому мне сейчас приходится ориентироваться на список рукописей О.М. Ковалевского, который опубликовал А. Любимов в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» (том XVIII, вып. I, стр. 61–64)²⁶, хотя полнота этого списка возбуждает сильные сомнения после того, как А.А. Петров в 1935 г. обнаружил в ЦА АТССР среди кандидатских сочинений студентов Казанской духовной академии две

²⁵ Павел Львович фон Шиллинг (Шиллинг-Канштадт, von Schilling-Canstadt, 1786–1837) — барон, русский ученый-электротехник и востоковед. Служил в министерстве иностранных дел, разработал метод электрического подрыва мин, также известен как собиратель китайских и тибетских рукописей.

²⁶ Любимов А. О неизданных трудах о. Иакинфа и рукописях проф. Ковалевского, хранящихся в библиотеке Казанской Духовной академии // ЗВОРАО. Т. 18. 1907–1908. СПб., 1908. С. 060–064.

капитальные рукописные работы О.М. Ковалевского, не вошедшие в список А. Любимова. Исключив из списка Любимова эти работы, мы увидим, что пока не обнаружены (а может быть, и утеряны) следующие рукописи, приобретенные Казанской духовной академией у родственников О.М. Ковалевского:

1. Опыт монгольского корнеслова.
2. Изъяснение разностей в произношении некоторых слогов между коренным монгольским языком и происходящими от него наречиями. 7 стр.
3. Правила правописания монгольского. Правила к правописанию монгольскому с прикосновенными к оному грамматическими особенностями сего языка. 66 стр.
4. Бумаги о выезде в Иркутск и путешествии между бурятами, о выезде в Ургу и Пекин, о войсковой бурятской школе.
5. Историческое описание Посольского Спасо-Преображенского монастыря Иркутской епархии. 36 стр.
6. История царя Арчжи-Бурчжи. Перевод с монгольского. 24 стр.
7. Повесть из Шидди-күр. Монгольский текст с русским переводом. 32 стр.
8. Шесть разных хвалебных песен в честь высших буддийских особ. 11 стр.
9. Некоторые материалы по истории Пекинской духовной миссии:
  - а) Указ Синода отправляющемуся в Китайское государство и столичный град Пекин архимандриту Гervasию Линцевскому. Генваря 24 дня 1743 г. (копия). 16 стр.
  - б) В Гос[ударственную] коллегия иностранных дел доношение обретающегося в Пекине на русском дворе при церкви Сретения [Г]осподня настоятеля иеромонаха Лаврентия 1743 г. декабря 7 дня.
  - в) От пристава духовных свит колл[ежского] секр[етаря] Василия Игумнова Его Высокопреподобию всечастному отцу архимандриту Софронию сообщение. 1795 г. мая 12 дня.
  - г) Объяснение из канцелярии китайской экспедиции всем в посольском дворе имеющимся христианам. 1737 г. апреля 4 дня. Подпись Лоренца Ланга²⁷.

В библиотеке Казанского университета мне удалось ознакомиться со следующими рукописями, не вошедшими в список, приведенный А.А. Петровым.

---

²⁷ Ланг Лоренц (Лаврентий, 1690–1752) — шведский инженер, с 1712 г. на российской службе. Шесть раз был в Китае с дипломатическими миссиями (1715, 1719, 1720–1722, 1724). В 1739 г. назначен иркутским вице-губернатором.

1. 10914/4452. Сборник рукописных документов 1727–1728 гг., относящихся к вопросу об установлении границ между Россией и Китаем в районе Забайкалья. Почерк XVIII [века]. 16 л.

1) Первым документом этого сборника является «Инструкция походной посольской Канцелярии китайской экспедиции тобольского гарнизонного полку господину капитану Михаилу Шнадеру».

Эта инструкция была передана русским посланником Саввою Владиславичем, графом Рагузинским²⁸, 30 июня 1728 г. капитану Шнадеру, назначенному «остерегателем торговой слободы в Цурухуйту, строителем ее и расправителем всяких пограничных малых дел и несогласий между купечеством». Инструкция, состоящая из 18 пунктов, подробно определяет права и обязанности капитана Шнадера (лл. 1–5).

Кроме этой инструкции в данной рукописи находятся копии следующих документов:

2) [«]Копия с Трактату, заключенного от российской стороны с китайскими министрами о границе при речке Буре 1727 году августа 20 дня[»] (лл. 6–7).

3) [«]Копия с разменного пограничного письма, каковым разменился секретарь посольства Иван Глазунов с китайским комиссаром стольником Хубиту при вершине реки Аргуни 1727 г. октября 12 дня[»] (лл. 7–12).

4) [«]Копия с разменного пограничного письма комисара господина Колычева, каковым разменился с китайским комиссаром Дарнамбою Бесыгою 1727 г. октября 27 дня[»] (лл. 13).

5) [«]Список с генерального трактату. Июня 14 дня 1728 г. [»] (лл. 14–18).

6) [«]Копия с разменного письма от российской стороны о пограничном торговом месте, выбранном при Аргуни, заключенного комиссаром Бурцовым и стольником Хубиту. Мая 17 дня 1728 г.[»] (лл. 18 на об.)²⁹.

2. [«]История восточных законодательств. История китайского права[»] Литограф[ическое] издание на 59 лл. (без конца). Автор не указан.

²⁸ Владиславич-Рагузинский Савва Лукич, граф Иллирийский (1668–1738) — государственный деятель, дипломат, возглавлял посольство в Цинскую империю в 1725 г.

²⁹ Описание этого сборника см. в книге А.И. Артемьева «Описание рукописей, хранящихся в Библиотеке Казанского Университета» (СПб., 1882, стр. 133). — *Примеч.* В.П. Тарановича.

Эта рукопись представляет собою краткий конспект лекций, читанных, вероятно, в Казанском университете. На ней имеются следующие разметки на билеты:

I. Географическое положение, пространство и разделение Китайской империи. II. Кто были китайцы. III–V. Политическая история Китая. VI. Династия Мин. Язык и литература. VII. Священные книги. Сборники законов. VIII. Господствующие религии в Китае. IX. Государственный строй Китая и его формы. X–XI. Суд в Китае. XII. Муниципальное устройство. XIII. Общинное управление. Административное управление уездное. XIV. Реестры населения. Акты состояния. Внутреннее управление. Порядок назначения чиновников. XV. Гражданское право китайцев. XVI. Меры помощи народу в бедствиях. XVII. Система налогов. XVIII. Наследственное право (конца рукописи нет).

3. 4729–4730. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским правительствами между 1618–1792 гг. В двух томах. Это, по-видимому, тот экземпляр, с которого проф[ессор] Флоринский опубликовал в 1882 г. в Казани одноименную книгу Бантыш-Каменского со своими примечаниями³⁰.

4. 63033. Священные книги Ветхого и Нового Завета на китайском языке. Лондон. 1859. 3 книги (неполное).

5. 2181. Саблуков³¹. Арабско-русский словарь 40–50 гг. XIX в. Дополнения к печатному тексту. 199 стр.

6. 2558. Гиргас В.Ф. Очерк арабской литературы (СПб.). Рукопись на 168 л. В Ленинградской Публичной библиотеке имеется экземпляр этой книги, на 307 стр. СПб., литографическое издание.

7. 3880. Материалы по словарю и грамматике корейского языка. 104. Рукопись на 225 лл. разной формы.

8. 4215. Персидская грамматика. 30–40 гг., 4°, на 29 лл.

Сюда же следует отнести несколько рукописей по востоковедению, перечисленных в «Списке рукописей и редких книг, хранящихся в Библиотеке Казанского университета в особом помещении на 1 декабря 1903 г.» (Казань, 1904), а именно:

9. 25.901. География (на турецком языке). 4°.

10. 10.421. Всеобщая география (на турецком языке). В лист.

11. 10.619. Фармакопея (на турецком языке). 4°.

---

³⁰ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.

³¹ Саблуков Гордий Семенович (1804–1880) — профессор Казанской духовной академии.

12. ...История турецкого государства 1744–1782 гг. (на турецком языке).

13. 1582. Словарь татарский и краткая татарская грамматика. Казань. 1872. 4°. Том I — 663 стр, т. II — 874 стр.

14. 10330. Евангелие на армянском языке. 1591 г. 4°.

15. 15.431. Fourmont. [Le] Grammaire arabe. XVIII в. 4°. 83 лл.³².

Следует в заключение сказать несколько слов о материалах биографического характера, находящихся в ЦА АТССР. В этот архив были переданы дела как Казанского университета, так и ликвидированной Казанской духовной академии. В числе их находятся дела о службе китаеведов, монголоведов и других востоковедов, работавших в названных учебных заведениях. приведем наименования некоторых из дел Совета Казанского университета.

8112. Фонд 977. Об утверждении Московского Златоустова монастыря архимандрита Даниила³³ ординарным профессором китайского языка в Казанском университете (дело № 85 — 1837 г.)

9302. Фонд 977. О поручении арх[имандриту] Даниилу преподавания китайского языка в Казанской гимназии (дело № 94 — 1838 г.)

8720. Фонд 977 (1683). По поручению рассмотрения «Статистики» Иакинфа арх[имандриту] Даниилу (дело 1843 г. № 15). Поручение это исходило от Академии Наук (отн[ошение от] 5 января 1842 г. № 6). Отзыв арх[имандрита] Даниила сообщен Академии Наук в феврале 1843 г.

8837. Фонд 977 (1683). Об увольнении проф[ессора] китайского языка арх[имандрита] Даниила вовсе от университетской службы и об определении вместо него кол[лежского] сов[етника] Войцеховского.

8466. Фонд 977. О китайской хрестоматии, сочиненной проф. Казанского Университета арх[имандритом] Даниилом. (Дело 1840 г. № 21). В этом деле имеются два заключения Иакинфа Бичурина о хрестоматии арх[имандрита] Даниила, сделанные им по поручению Академии Наук.

8453. Фонд 977. Об отправлении Васильева [В.П.] в Пекин (дело 1840 г. № 8).

8591. Фонд 977. О поручении преподавания китайского языка в 1-й Казанской гимназии окончившему курс наук действ[ительному] студ[енту] Сергею Рушко (дело 1841 г. № 60).

9888. О переводе из Казанского в С[анкт-]Петербургский Университет разряда восточной словесности с 1855/56 учеб. года (дело 1854 г. № 145).

³² См. у Артемьева, стр. 365. — *Примеч. В.П. Тарановича.*

³³ Даниила Сивиллова.

Из этого дела видно, что в Петербург были переведены орд[инарный] проф[ессор] Васильев (китайский и маньчжурский язык), орд[инарный] проф[ессор] Березин³⁴ (турецко-татарские наречия), лектор Сонин (персидский язык) и старший учитель Казанской гимназии Навроцкий³⁵ (арабский язык). Были оставлены в Казани: проф[ессор] О.М. Ковалевский (ректор университета), проф[ессор] Готвальд³⁶ (завед[ующий] библиотекою университета) и лектор Казем-бек (за штатом).

Приведенный список дел можно было бы значительно дополнить. Однако сделать это мне не удалось ввиду краткости времени, которым я располагал.

В заключение я считал бы необходимым всецело присоединиться к мнению А.А. Петрова, сказанному в его статье (стр. 152) о том, что местом хранения материалов, имеющих большое значение для истории востоковедения в России и частично сохранивших до сих пор научное значение, должен быть Архив Института востоковедения Академии наук СССР — центрального востоковедческого учреждения в нашей стране.

Литература вопроса

1. *Ковалевский О.М.* Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском Университете. Казань, 1842.
2. *Фойгт Карл.* Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском Университете с 1842 по 1852 г. Казань, 1852.
3. *Владимирицов [Б.Я].* Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. 1-я часть. Казань, 1868.
4. *Знаменский П.* История Казанской духовной академии (за 1842–1870 гг.). В 3-х выпусках. Казань, 1892.
5. *Веселовский Н.Г.* Сведения о[б] официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге. 1876 г. СПб., 1879–1980. Т. 1, стр. 99–256.
6. *Любимов А.* О неизданных рукописях Иакинфа Бичурина и проф. О.М. Ковалевского, хранящихся в библиотеке Казанской духовной академии // Записки Восточного отделения Императорского Рус-

---

³⁴ Березин Илья Николаевич (1819–1895) — специалист по турецким языкам.

³⁵ Навроцкий Михаил Тимофеевич (1825–1871) — арабист.

³⁶ Готвальд Иосиф Федорович (1813–1897) — арабист, специалист по персидскому языку.

ского археологического общества» СПб., 1908. Том XVIII, вып. 1, стр. 61–64.

7. Петров А.А. Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном Архиве АТССР и в Библиотеке Казанского университета // Библиография Востока. Вып. 10 (1936). М.–Л., 1937, стр. 139–155.
-

Summary

V.P. Taranovich

**About Literary Materials on Oriental studies kept
in the collections of Kazan**

Preface and publication by T.A. Pang

The article by V.P. Taranovich was written in 1939, after his visit to Kazan where he had studied the Oriental collections of the Tatar Autonomous Republic's Central Archives and the Library of the Kazan university. Among the books and manuscripts on Chinese and Mongolian studies, the author has listed previously unknown manuscripts which were donated by H. Bichurin to the Kazan Theological Academy. The description of the material is followed by a history of Oriental studies in Kazan. Nowadays the typewritten text of the article is kept in the Archives of the Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (F. 102, unit 4).

Key words: Oriental studies, Sinology, Mongol studies, Central Archives of the Tatarstan Republic, V.P. Taranovich, N.Ya. Bichurin (Hyacinth).

К.К. ФЛУГ

**Чао Гун-у и его библиография
«Цзюнь чжай ду шу чжи»**

*Предисловие и публикация
И.Ф. Поповой*

Аннотация: Публикуемая статья была написана в конце 1930-х годов выдающимся знатоком китайской библиографии Константином Константиновичем Флугом (1893–1942), скончавшимся в блокадном Ленинграде 13 января 1942 г. Текст был задуман как часть его докторской диссертации и хранится в личном фонде К.К. Флуга в АВ ИВР РАН (Ф. 73. Оп. 1, ед. хр. 12). Работа представляет собой обзор содержания и истории создания известной библиографии *Цзюнь чжай ду шу чжи* 郡齋讀書志 («Библиографические заметки из кабинета областного правителя»), составленной сунским филологом и библиофилом Чао Гун-у 晁公武 (1105–1180), и является важной частью корпуса работ К.К. Флуга по истории книгоиздания в Китае. Часть статьи была включена в подготовленное З.И. Горбачевой посмертное издание монографии К.К. Флуга «История китайской печатной книги сунской эпохи» (М.–Л., 1959). Полностью публикуется впервые.

Ключевые слова: К.К. Флуг, китайская библиография, печатная книга сунской эпохи, Чао Гун-у, «Цзюнь чжай ду шу чжи».

Константин Константинович Флуг родился 30 октября 1893 г. в семье горного инженера, действительного статского советника Константина Карловича Флуга¹. В 1913 г. по окончании Окружной гимназии в Санкт-Петербурге он поступил на Восточный факультет Петербургского университета, но, как он указал позже в своей автобиографии, с

---

¹ Историю семьи Флугов см.: Глазунов И.С. Россия распятая. В 2 кн., 4 тт. М., 2008. Мать художника И.С. Глазунова Ольга Константиновна была родной сестрой К.К. Флуга.

первого курса был вынужден уйти по болезни, а спустя некоторое время он принял предложение русского консула в Китае Сергея Александровича Колоколова (1868–1921) стать домашним учителем его младшего сына². В течение трех лет, проведенных в Китае, К.К. Флуг много сил уделял изучению китайского языка, как вэньяня, так и живого, разговорного, и благодаря личному упорству и трудолюбию сумел за короткий срок добиться значительных успехов. В 1917 г. он вернулся в Петроград и в 1919 г. поступил препаратором в Химико-фармацевтический институт. При этом он не оставлял занятий китайским языком, с 1921 г. посещал вольнослушателем лекции по китаеведению в ЛИЖВЯ. С того же времени К.К. Флуг начал пользоваться консультациями В.М. Алексеева (1881–1951), который всегда высоко оценивал результаты его научной работы.

В конце 1923 г. К.К. Флуг был принят научно-техническим сотрудником в Восточный отдел Российской публичной библиотеки, а 7 октября 1925 г. перешел на ту же должность в Азиатский музей. Тогда же он был прикомандирован к факультету языка и материальной культуры ЛГУ, где в 1927 г. окончил полный курс по китайскому разряду.

Основную работу К.К. Флуга в АМ — ИВ АН составило описание рукописных и ксилографических китайских фондов, в том числе материалов из Дуньхуана и Хара-Хото. Разбором коллекций экспедиций П.К. Козлова (1863–1935) и С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) с момента поступления рукописей в Азиатский музей занимались В.Л. Котвич (1872–1944) и А.И. Иванов (1878–1937), А.О. Ивановский (1863–1903) и В.М. Алексеев. И хотя ими была выполнена первичная обработка материалов, систематической инвентаризации и описания не проводилось, пока к работе с тангутским фондом не приступил Н.А. Невский (1893–1937), а с дуньхуанским — К.К. Флуг. В одном из своих отчетов К.К. Флуг написал: «До 1930 [г.] кит[айский] рук[описный] фонд представлял собой беспорядочную груду листов и свитков, находившихся в ящиках и шкафах. Инвентарей и картотеки не существовало (за исключ[ением] ничтожной части рук[описей], а именно около

² В автобиографии от 27 октября 1939 г. К.К. Флуг писал: «Заболев после воспаления легких туберкулезом и нуждаясь в перемене климата, я принял предложение поступить учителем к детям русского консула в Китае» (АВ ИВР РАН. Ф. 71. Оп. 1, ед. хр. 46. Л. 1). Обращает на себя внимание тот факт, что в автобиографии не указан год его отъезда в Китай. И.С. Глазунов несколько раз упоминает в своей книге, что его дядя был белым офицером. В любом случае о периоде 1914–1919 гг. в жизни К.К. Флуга сведений почти не сохранилось.

100, занесенных в список и имевших карточки)³. После 1930 [г.] большая часть кит[айских] рук[описных] фондов, состоявших в большей части из рук[описей] VIII–X вв., приведена в порядок, разобрана по форматам, уложена в коробки или папки, имеет этикетки. Ксилографы, перемешанные до этого времени вместе с рук[описями], выделены в особую кол[лекцию]. То же самое касается эстамп[ажей] и карт. Произведена частичная и полная реставрация около 1000 рук[описных] фрагм[ентов]. Заинвент[аризовано] и зашифр[овано] около 3000 рук[описей] и фрагм[ентов]. Составлена картотека в количестве 800 карт[очек]⁴. Рук[омой] К.К. Флуга были заполнены следующие материалы: 1) топографическая и систематическая картотеки дуньхуанского фонда (783 карточки); 2) инвентарь китайских рукописей на 2355 единицы хранения (194 л.); 3) картотека эстампажей коллекции В.М. Алексеева (77 карточек)⁵. В память о К.К. Флуге 366 крупным рукописям, описанным и внесенным им в инвентарные книги дуньхуанского фонда, был в 1950-е годы присвоен шифр «Ф».

К.К. Флуг много внимания уделял вопросам размещения и хранения рукописей, писал о необходимости более активно описывать их и вводить в научный оборот⁶. В отчете АМ за 1925 г. было отмечено, что К.К. Флуг «привел в однообразную форматную систему» рукописи и ксилографы из Хара-Хото, зарегистрировав 7246 единиц хранения⁷. В 1926 г. он работал с китайским фондом, включив в инвентарные описи еще 8100 томов-бэней⁸. Помимо этого, он занимался составлением конкордансов и библиографических указателей к опубликованным работам по истории китайской литературы. В отчете АМ за 1927 г., когда К.К. Флуг был переведен в «научные сотрудники второго разряда», о его каждодневном труде было написано так: «Научн[ый] сотр[удник] К.К. Флуг работал над перерегистрацией и ревизией соединенного фонда (китайско-монголо-японо-корейского), занимался теорией и историей китайской библиографии, сводкой синоло-

³ Инвентарь 177 наиболее крупных свитков из Дуньхуана под 62 наименованиями был составлен В.М. Алексеевым (ИВР РАН. Отдел рукописей и документов. Картотека архивных материалов. Арх. 71. Список рукописям, привезенным С.Ф. Ольденбургом. I. Л. 1–3).

⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 73. Оп. 1, ед. хр. 53. Л. 18.

⁵ *Колоколов В.С.* Флуг Константин Константинович (1893–1942) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. II. Материалы по истории отечественного востоковедения. М., 1986. С. 62.

⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 73. Оп. 1, ед. хр. 31. Л. 7об.–8.

⁷ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а, ед. хр. 80. Л. 12.

⁸ Там же, ед. хр. 93. Л. 13.

гических определений и номенклатуры: работой чисто музейного характера и существенно необходимой для организованной выписки книг на будущие года»⁹.

В первые годы работы в АМ — ИВ АН научную тему К.К. Флуга составило изучение формирования и издания в Китае даосского канона. Возможно, это было связано с приобретением АМ в 1925–1927 гг. в несколько приемов полного издания «Дао цзана». О результатах этой работы К.К. Флуга академик В.М. Алексеев доложил на заседании Отделения гуманитарных наук АН СССР 19 декабря 1929 г.¹⁰. Оттиск статьи с просьбой дать на нее отзыв В.М. Алексеев направил выдающемуся китаеведу Полю Пеллию (1878–1945), ранее опубликовавшему по данной проблеме несколько небольших работ. Пеллию, который отличался объективностью и прямотой оценок, высоко отозвался о работе Флуга в письме В.М. Алексееву¹¹ и в 28-м томе «Тун бао» опубликовал на нее рецензию¹².

Постоянной сферой научных интересов К.К. Флуга оставалась история книгоиздания в Китае и китайская библиография, что стало основной темой 14 статей, которые были опубликованы при его жизни¹³. В 1930-е гг. на страницах «Библиографии Востока» увидели свет работы К.К. Флуга о важнейших произведениях буддийской и небуддийской частей дунхуанского фонда АМ — ИВ АН¹⁴. К.К. Флуг работал также над описанием китайских ксилографических изданий из Хара-Хото¹⁵ и опубликовал их краткий обзор¹⁶. В рукописи осталась статья

⁹ Там же, ед. хр. 106. Л. 29.

¹⁰ Флуг К.К. Очерк истории даосского канона (Дао Цзан'а) // Известия АН СССР. ОГН. 1930. № 4. С. 239–249.

¹¹ В записке В.М. Алексеева К.К. Флугу читаем: «Из письма Pelliot ко мне 18.IV.31: «...Le travail de Flug sur l'histoire du Canon taoïque m'a fait grand plaisir; il est très bon, et avec Sčuckii et ce Flug, que je ne connaissais pas jusque-là, vous voilà maintenant bien entouré». Сообщаю это Вам с большой радостью, которую, надеюсь, разделите и Вы. Я, значит, не ошибся в оценке этой статьи» (АВ ИВР РАН. Ф. 73. Оп. 1, ед. хр. 51. Л. 1–10б.).

¹² Pelliot P. Livres reçus // T'oung Pao. Vol. XXVIII. 1931. № 1–2, p. 150–151.

¹³ Список трудов К.К. Флуга см.: Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. М.–Л., 1959. С. 12–13.

¹⁴ Флуг К.К. Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института востоковедения Академии наук СССР // Библиография Востока. Вып. 7 (1934). М.–Л., 1935. С. 87–92; *он же*. Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения Академии наук СССР // Библиография Востока. Вып. 8–9 (1935). 1936. С. 96–115.

¹⁵ Кар[точный] кат[алог] сисяских ксилогр[афов] на кит[айском] языке (АВ ИВР РАН. Ф. 73. Оп. 1, ед. хр. 18. л. л.).

¹⁶ Флуг К.К. По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся // Библиография Востока. Вып. 2–4 (1933). М.–Л., 1934. С. 158–163.

К.К. Флуга, посвященная китайскому оригиналу энциклопедии «Лес категорий» («Лэй линь») из Хара-Хото¹⁷. Тангутский текст памятника был позже переведен на русский язык и опубликован К.Б. Кепинг (1937–2002)¹⁸.

В 1930-е годы К.К. Флуг работает над докторской диссертацией, посвященной истории книгопечатания в сунском Китае, и пишет статьи на эту тему. Его работы по сунской библиографии опубликованы посмертно в 1940–1960-х гг.¹⁹, включая подготовленную к изданию Зоей Ивановной Горбачевой (1907–1979) монографию «История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв.» (М.–Л., 1959).

В 1935 г. из Дальневосточного филиала АН СССР во Владивостоке в ИВ АН поступили китайские рукописи, которые до 1920 г. хранились в библиотеке Восточного института, вошедшего в состав Государственного Дальневосточного университета²⁰. К.К. Флуг вместе с Л.С. Пучковским (1897–1970) принял по акту 138 рукописей²¹ и в 1937 г. опубликовал краткое описание наиболее примечательных из них — уникального 46-томного иллюстрированного издания новелл Пу Сун-лина «Ляо Чжай ту шо» 聊齋圖說 XVIII в. и одного тома (цз. 13135–13136) знаменитой минской энциклопедии «Юн-лэ да дянь» 永樂大典²².

Очевидно, с деятельностью К.К. Флуга было связано формирование фонда Nova в собрании ИВ АН, в который наряду с китайскими сутрами из Хара-Хото им были включены и китайские рукописи XVIII–XIX вв. Машинопись составленного К.К. Флугом неопублико-

¹⁷ [Флуг К.К.] К вопросу о китайском оригинале тангутского перевода «Лэй линь» // АВ ИВР РАН. Ф. 73. Оп. 1, ед. хр. 30. 39 л. (из них черновые рукописные материалы на л. 1–30 и машинописный текст статьи — на л. 31–39).

¹⁸ Лес категорий. Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе / Факсимиле ксилографа. Изд. текста, вступит. ст., пер., коммент. и указатели К.Б. Кепинг. М., 1983 (Памятники письменности Востока. XXXVIII).

¹⁹ Флуг К.К. Об изданиях Бо-чуань сюе-хай. (Китайская библиотека-серия) // Советское востоковедение. Т. III. М.–Л., 1945. С. 269–280; *он же*. Сунь Син-янь (1753–1818). (Библиографическая заметка) // Дальний Восток. Сборник статей по филологии, истории, философии. М., 1961. С. 232–258.

²⁰ Фонд китайских рукописей ВИ — ГДУ из 23 наименований, 115 томов, к концу 1931 г. был выделен и описан доцентом Александром Владимировичем Маракуевым (1891–1955) (Маракуев А.В. Каталог китайских рукописей в Библиотеке ДВ Отделения АН СССР. Владивосток, 1932).

²¹ АВ ИВР РАН. Ф. 73. Оп. 1, ед. хр. 53. Л. 55.

²² Флуг К.К. Две заметки о новых поступлениях в рукописный отдел Института востоковедения // Библиография Востока. Вып. 10. 1936. М.–Л., 1937. С. 131–138.

ванного «Краткого каталога китайских рукописей (раздел Nova)» (199 л.), хранится в Отделе рукописей и документов ИВР РАН.

15 июня 1935 г. К.К. Флугу без защиты была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

С 1938 г. в ИВ АН коллектив китаистов во главе с В.М. Алексеевым приступил к работе по составлению Большого китайско-русского словаря, который вышел в свет лишь в начале 1980-х гг. Словарные статьи были распределены в соответствии с научными интересами составителей. К.К. Флуг, участвовавший в этом проекте, представил картотеку по китайской книгоиздательской терминологии, библиографии и лексикографии²³. Подводя итоги первого этапа работы над Словарем до начала 40-х годов, В.М. Алексеев так оценил вклад К.К. Флуга: «Вписанная им в словарь картотека полна осторожности и тщательности, взвешивающей всю традиционную словарную обузу на весах критического знания и суждения, не списывая ничего на веру, каким бы авторитетом эта вера ни была освящена. Лексикограф встретился в его лице со столь же умным библиографом, автором украшающих нашу науку статей по истории китайской культуры и книги, которые никому из нас были бы не под силу. Насколько это соединение было плодотворно, и по идее, и по выполнению, говорить не приходится: то было оригинально, украшено взаимною тесною связью и особенно методом»²⁴.

Основательный, фундаментальный характер работ, написанных К.К. Флугом, свидетельствовал о его преданности науке, трудолюбию и редкой добросовестности, вызывавшей восхищение его учителя В.М. Алексеева²⁵. Очевидно, что по характеру К.К. Флуг был человеком скромным и довольно замкнутым. Синология была его профессией, призванием и любимым делом, занимавшим почти все его время. Сотрудник ЛО ИВ АН Всеволод Сергеевич Колоколов (1896–1979), сын С.А. Колоколова, так написал в воспоминаниях о К.К. Флуге: «Константин Константинович был большим ценителем камерной и симфонической музыки, сам музицировал, играя на виолончели в семейном кругу, где среди его родных и знакомых были пианисты и скрипа-

²³ *Меньшиков Л.Н., Чугуевский Л.И.* Китаеведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 110.

²⁴ *Алексеев В.М.* Тезисы о современном двуязычном словаре современного иностранного языка с приложением их к словарю китайско-русскому // Китайско-русский словарь, сост. коллективом китаистов ИВ АН СССР под ред. акад. В.М. Алексеева. Пробный макет словаря. М.–Л., 1948. С. 39.

²⁵ *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М., 1982. С. 101–104.

чи. Но больше всего любил Константин Константинович свою китаеведную специальность и подолгу занимался живописными формами китайской классической каллиграфии»²⁶.

10 декабря 1940 г. Президиум АН присвоил К.К. Флугу ученое звание старшего научного сотрудника.

Скончался К.К. Флуг в блокадном Ленинграде 13 января 1942 г. Материалы Флуга поступили в ИВ АН 10 июня 1942 г. от его вдовы Инны Александровны Мальвины, доставкой занимался В.И. Беляев (1902–1976)²⁷. Описи не было, составила ее в 1984 г. Н.Д. Путинцева. В личном фонде К.К. Флуга в АВ ИВР РАН (Ф. 73) хранится 56 единиц, в число которых входят в основном черновые материалы к его изданным работам.

Публикуемая ниже статья о знаменитой библиографии «Цзюнь чжай ду шу чжи» 郡齋讀書志 («Библиографические заметки из кабинета областного правителя»), составленной сунским филологом и собирателем Чао Гун-у 晁公武 (1105–1180), является одной из наиболее крупных работ К.К. Флуга по истории книгоиздания в Китае. Часть материала, помещенного на л. 37–70 машинописи, была включена З.И. Горбачевой в книгу «История китайской печатной книги сунской эпохи» (с. 91–95, 311–325).

Статья была почти полностью подготовлена К.К. Флугом к печати. Архивная единица хранения (АВ ИВР РАН. Ф. 73. Оп. 1, ед. хр. 12) состоит из двух папок. В папке № 1 находится машинопись (на 72 л.), в которой рядом с китайскими именами и терминами оставлено место для иероглифов, восстановленных нами по авторскому черновому тексту из папки № 2 (109 л.). Этот текст содержится в восьми ученических тетрадах, которых изначально было девять. Тетрадь № 2 утрачена (л. 25–36), и в текст, помещенный на л. 23–30 машинописи, нам пришлось вставить иероглифы по собственному усмотрению. Вполне очевидно, что в машинописный текст была внесена редакторская правка, поэтому при публикации мы следуем ему, а не рукописному черновику, за исключением случаев явных опечаток или пропусков.

И.Ф. Попова

---

²⁶ Колоколов В.С. Флуг Константин Константинович (1893–1942). С. 61. Образцы упражнений К.К. Флуга в скорописи хранятся в его личном фонде в Архиве востоковедов (АВ ИВР РАН. Ф. 73. Оп. 1, ед. хр. 44).

²⁷ АВ ИВР РАН. Формуляр фонда 73. Л. 2а.

Чао Гун-у и его библиография «Цзюнь чжай ду шу чжи»

<Л. 1>

Развитие книгопечатного дела в период династии Сун (960–1278) вызвало быстрое накопление книжных богатств. Книжные фонды *Чунь-вэнь-юаня* 崇文院, *Би-гэ* 秘閣, *Лун-ту-гэ* 龍圖閣 и других дворцовых книгохранилищ, вновь учрежденных или восстановленных династией Сун, достигли огромных для того времени размеров. Начали появляться многочисленные библиотеки при учебных заведениях, в организации которых правительство приняло настолько деятельное участие, что с течением времени учебные библиотеки были устроены не только при Государственном университете (*Го-цзы-цзянь* 國子監)²⁸, при провинциальных и областных училищах (*цзюнь сюэ* 郡學, *чжоу сюэ* 州學), но и при большинстве уездных училищ (*сянь сюэ* 縣學). Особенно значительные книжные собрания были сосредоточены в так называемых *шу-юань* 書院, или высших училищах, в которых число учащихся исчислялось часто сотнями, а иногда достигало тысячи человек, как, например, в знаменитых *Бо-лу шу-юань* 白鹿書院, *Юэ-лу шу-юань* 岳麓書院, *Ши-гу шу-юань* 石鼓書院 и др.

Наряду с этим происходил усиленный рост книжных собраний, принадлежащих частным лицам. Среди них большой известностью пользовались коллекции Сун Шоу 宋綬, Тянь Хао 田鎬, Е Мэн-дэ 葉夢德, <Л. 2> Чэнь Чжэнь-суня 陳振孫, Чжоу Ми 周密 и множество других, перечисление которых заняло бы слишком много времени. Некоторые из этих собраний были настолько крупны, что не уступали, а иногда и превышали своими размерами императорскую библиотеку. К числу таких частных собраний относится, например, библиотека Вэй Ляо-вэна 魏了翁 (1178–1237), достигшая, согласно имеющимся сведениям, 100 тысяч цзюаней.

В большинстве случаев работа над проверкой текста и составлением библиографических описаний таких собраний производилась их владельцами лично. Ввиду того что значительная часть старых китайских сочинений не дошла до нашего времени, подобные библиографии имеют очень важное значение для изучения истории китайской лите-

²⁸ *Го-цзы-цзянь* 國子監, Управление образования, в которое входил Государственный университет, или Училище сынов отечества (*Го-цзы-сюэ* 國子監), — высшее учебное заведение императорского Китая, учрежденное при династии Суй (581–617). История его восходит к Императорскому училищу (*Тай сюэ* 太學), основанному ханьским императором Пин-ди 平帝 (1–6 гг. н.э.). Государственный университет предназначался для обучения отпрысков знатных семей и подготовки их к чиновничьей карьере.

ратуры. Ценность сунских библиографий увеличивается в связи с тем, что их авторы были в большинстве случаев крупными учеными и писателями, как это видно хотя бы из приведенного выше краткого перечня имен библиофилов. К числу таких знатоков и ценителей книги принадлежал и автор каталога *Цзюнь чжай ду шу чжи* 郡齋讀書志, являющегося вместе с позднейшим *Чжи чжай шу-лу цзе-ти* 直齋書錄解題²⁹ важнейшим библиографическим источником благодаря тем рецензиям и аннотациям, которые в нем содержатся.

<Л. 3> Автор этого каталога Чао Гун-у 晁公武³⁰ принадлежал к семье «потомственных» писателей и ученых, несколько поколений которой занимались литературным трудом, или, как говорит сам Чао Гун-у в предисловии к своему каталогу, «работали кистью и тушью»³¹. В связи с тем, что в истории китайской литературы эта семья занимает очень видное место, не будет лишним дать о ней здесь же несколько кратких библиографических справок. Самым ранним из представителей семьи Чао, оставивших о себе известность литературными работами, был предок Чао Гун-у в седьмом колене Чао Сюн 晁迥³² (*цзы* или второе имя Мин-юань 明遠)³³. Согласно его кратко- <Л. 4>

²⁹ В дальнейшем будут обозначаться сокращенно *Цзюнь чжай* и *Чжи чжай*. — Примеч. К.К. Флуга.

Текст *直齋書錄解題 Чжи чжай шу-лу цзе-ти* был составлен Чэнь Чжэнь-сунем 陳振孫 (1183–1262), одним из наиболее авторитетных библиографов эпохи Сун, который был также известен по своему второму имени как Чэнь Чжи-чжай 陳直齋. Он прослужил на незначительных чиновничьих должностях в пров. Фуцзянь, при этом всю жизнь занимался поиском и коллекционированием книг и собрал личную библиотеку из более 50 тыс. томов (*цзюаней*).

³⁰ Фамилия Чао обозначается иногда знаком 晁, являющимся более древней формой начертания этой же самой фамилии. Так обозначается фамилия Чао Гун-у в библиографическом отделе *Вэнь-сянь тун-као* 文獻通考 и в известном каталоге *Тянь-лу линь-лан шу-му* 天祿琳琅書目. — Примеч. К.К. Флуга.

³¹ Юй цзя цзы *Вэньюань-гун лай и хань мо сянь чжэ цзю ши* 余家自文元公來，以翰墨顯者七世 «В семье моей, начиная с Вэньюань-гуна, семь поколений проявили себя, [работая] кистью и тушью» (*Цзюнь чжай, сюй*. С. 1а). Вэньюань-гун — предок Чао Гун-у, Чао Сюн 晁迥, о котором К.К. Флуг подробно пишет ниже.

³² Современное нормативное чтение знака 迥 — *цзюн, jiong3* [*Хань юй да цы-дянь* 漢語大詞典 (Большой словарь китайского языка). Шанхай, 1994. Т. 10. С. 755].

³³ Знак *сюн* 迥 в имени предка Чао Гун-у заменяется часто «вульгарной» формой 迥, являющейся эквивалентом первого знака, но не вошедшей в *Кан-си цзы-дянь* 康熙字典. Вследствие сходств обоих этих знаков со знаком *хуй* 迴 наблюдаются довольно частые случаи искажения имени Чао Сюна. Так, например, в *Сун ши*, цз. 205, 10v и 11v (1836 г.), оно дважды обозначается знаком *хуй* вместо *сюн*. Заметим кстати, что Дэ-юань 德遠, указанное в *Чжи чжай*, цз. 10, 17 (изд. *У-ин-дянь* 武英殿) в качестве прозвища Чао Сюна, является или опечаткой, или ошибкой составителя этого каталога. — Примеч. К.К. Флуга.

У-ин-дянь 武英殿 — название дворцового книгохранилища и правительственного издательства, основанного при династии Мин (1368–1644).

му жизнеописанию, помещенному в *Цзюнь чжай*, цз. 19, 6г³⁴ (1884 г.), и *Сун ши*, цз. 305, 7v–9г (ср. *Сы ку цюань шу цзун му* 四庫全書總目, цз. 117, 6v³⁵), Чао Сюн происходил из Цинфэна 清豐 (Хэбэй) и был сыном Чао Цюаня 晁侗, о котором нам ничего, за исключением его имени, не известно. Будучи в молодости учеником Ван Юй-чэна 王禹偁³⁶ и получив степень доктора (*цзинь-ши* 進士) в 980 г., Чао Сюн поступил на государственную службу. Вероятно, вскоре после <Л. 5> этого он принял участие в посольстве к киданям, по возвращению из которого представил императору *Бэй-тин цзи* 北庭記, оставшееся, по видимому, ненапечатанным. В последние годы X в. он был назначен членом коллегии историографов (*ши гуань* 史館) с исполнением обязанностей редактора императорских указов (*чжи-чжи-гао* 知制誥). Таким образом, не кто иной, как Чао Сюн, является фактически составителем многих указов сунского Чжэнь-цзун³⁷. Он занимал впоследствии ряд высоких должностей, перечень которых приведен в его биографии. В эру Тянь-шэн 天聖 (1023–1032) Чао Сюну исполнился 81 год, по поводу чего Жэнь-цзун 仁宗 (1023–1063) устроил банкет в

³⁴ В данной публикации мы сохраняем принятую К.К. Флугом систему нумерации страниц китайской книги-бабочки: *v* — verso и *r* — recto вместо принятых ныне обозначений *a* для «верхней» и *b* для «нижней» частей сложенного вдвое листа.

³⁵ В дальнейшем эта библиография будет обозначаться сокращенно *Сы ку*. — Примеч. К.К. Флуга.

³⁶ Ван Юй-чэн (*цзы* Юань-чжи 元之) происходил из Цзюйе 鉅野 (Шаньдун) и получил степень доктора в 983 г. Он известен как автор *Сяо чу цзи* 小畜集 (30 цз.), написанного в 1000 г. (см. о нем *Би-сун-лоу цан шу чжи* 韶宋樓藏書志, цз. 72, 17v и сл[едующие]). *Сяо чу цзи* имеется в издании *Сы бу цун-кань* 四部叢刊 и *У дай ши цюэ вэнь* 五代史闕文 (1 цз.), т.е. дополнении к «Истории пяти династий». Как известно, при Сун существовало две такие истории. Одна из них была написана Се Цзюй-чжэном 薛居正 и др. в 974 г. и состояла из 150 цз[юаней]. Автором другой истории, состоявшей из 75 цз[юаней], был знаменитый Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072). Работа Ван Юй-чэна была написана им в конце X в. и не могла, следовательно, иметь отношения к *У дай ши*, составленной Оуян Сю (судя по *Цзюнь чжай*, цз. 5, 10v, ее полное название было сначала *У дай ши цзи* 五代史記). Вместе с тем нельзя утверждать, что произведение Чао Сюна служит дополнением к *У дай ши*, составленной Се Цзюй-чжэном, так как *Сы ку*, цз. 51, 4v, замечает, что Ван Юй-чэн говорит в своем предисловии об *У дай ши*, состоявшей из 360 цз[юаней], между тем как история Се Цзюй-чжэна состояла из 150 цз[юаней]. Выяснение этого вопроса требует изучения текста *У дай ши цюэ вэнь*, которого у нас не имеется. Помимо указанных выше сочинений Ван Юй-чэна ему принадлежит *Цзянь-лун* и *ши* 建隆遺事 (1 цз.), касающиеся некоторых событий при царствовании сунского Тай-цзу (см. *Цзюнь чжай*, цз. 6, 21г-v). — Примеч. К.К. Флуга.

Сунский Тай-цзу, Чжао Куан-инь 趙匡胤 (927–976), основатель династии Сун, до прихода к власти крупный военачальник династии Поздняя Чжоу (907–960).

³⁷ Сунский император Чжэнь-цзун 真宗, личное имя Чжао Хао 趙恒 (968–1022), правил в 998–1022 гг.

Тай-цин-лоу 太清樓³⁸. <Л. 6> Он умер через три года после этого в возрасте 84 лет³⁹, получив высшее почетное звание «старший опекун наследника престола» (*тай-цзы тай-бао* 太子太保) и посмертный титул Вэньюань[гун] 文元[公]. Прозвище Чжао-дэ 昭德, которым обозначают иногда Чао Сюна, так же как и его потомков, включая и Чао Гун-у⁴⁰, объясняется тем, что это же название носил столичный дом Чао Сюна, точные данные о местоположении которого дает Ван Ин-линь 王應麟 (1223–1296) в своем *Кунь сюэ цзи вэнь* 困學紀聞, цз. 20, 23v–24r (изд. *Янчжоу шу-цзюй* 揚州書局, 1870 г.), приводя для этого цитату из <Л. 7> *Дун цзин цзи* 東京記⁴¹ (ср. также *Чжи чжай*, цз. 10, 17r).

Чао Сюн написал большое количество сочинений, часть которых сохранилась до нашего времени. Судя по содержанию некоторых из них, Чао Сюн находился под сильным влиянием буддийских идей, которые в то время пользовались довольно большим распространением

³⁸ Так называлось одно из находившихся при дворце помещений, в котором хранилась часть императорской библиотеки и образцы каллиграфического искусства. Издание стихов, написанных Чжэнь-цзуном по поводу осмотра каллиграфических образцов из *Тай-цин-лоу*, зарегистрировано в приложении (*фу чжи* 附志, цз. 5 下, 46r) к *Цзюнь чжай*. — *Примеч. К.К. Флуга.*

³⁹ По китайскому счету, которого я буду придерживаться и дальше, эра Тянь-шэн 天聖 продолжалась с начала 1023 г. до 11-го месяца 1032 г. Принимая во внимание, что *Дао-юань бе цзи* 道院別集 (см. о нем ниже) было написано Чао Сюном в пятом году этой эры (1027 г.), дата его смерти должна относиться к промежутку времени не ранее 1027 г. и не позднее 1036 г. Зная, что он умер в возрасте 84 лет, можно определить и приблизительное время его рождения, сделав поправку на один год в связи с известными особенностями китайского исчисления возраста. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁴⁰ В связи с этим прозвищем каталог, составленный Чао Гун-у, называют иногда *Чжао-дэ сянь-шэн ду шу чжи* 昭德先生讀書志 вместо *Цзюнь чжай ду шу чжи*. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁴¹ *Кунь сюэ цзи вэнь* представляет собой собрание литературно-исторических заметок Ван Ин-линя, написанных им в конце жизни. Согласно послесловию Ма Юэ-лу 馬曰璐 из Цимэня 祁門 (Аньхуй), датированному 1738 г., доски для первого издания этого сочинения были вырезаны в эру Да-дэ 大德 (1297–1307). О юаньском издании *Кунь сюэ цзи вэнь* см. заметку Фу Цзэн-сяна 傅增湘 в *Ту-шу-гуань сюэ-цзи-кань* 圖書館學季刊. 1926. I, № 3, стр. 470–471. *Дун цзин цзи*, о котором говорится в цитате Ван Ин-линя, является, вероятно, описанием Кайфына, называвшегося при северной династии Сун (960–1127) «Восточной столицей». *Дун цзин цзи* в 3-х цз[юанях] зарегистрирован в *Чжи чжай*, цз. 8, 16r. Это описание было составлено Сун Минь-цю 宋敏求 (*цзы* Цы-дао 次道, 1019–1079), который был сыном Сун Шоу 宋綬, жившего по соседству с домом Чао Сюна (см. по поводу этого также *Чжи чжай*, цз. 5, 34r). Сун Минь-цю прибавляет, что, удалившись от службы, Чао Сюн устроил у дома сад, названный им «Ян-су-юань» 養素園, и занимался в нем чтением буддийских книг. — *Примеч. К.К. Флуга.*

среди значительной части китайских ученых. Начиная с середины XI в., в особенности после антибуддийских выступлений знаменитых писателей и ученых, братьев Чэн Хао 程顥 и Чэн И 程頤⁴², идеи буддизма перестали пользоваться распространенностью среди конфуциански образованной части китайского общества⁴³. Этим, вероятно, объясняется то, что Чао Гун-у из опасения бросить тень на имя своего предка не решился поместить в буддийском отделе своего каталога *Фа цзан суй цзинь лу* 法藏碎金錄 (10 цз.), <Л. 9> в котором особенно сильно сказалось влияние буддийских настроений Чао Сюна. Не желая, однако, совсем умалчивать об этом произведении, Чао Гун-у пошел на компромисс и присоединил его к другому сочинению своего предка *Дао-юань бе цзи* 道院別集 (15 цз.), включив последнее в отдел *бе цзи*⁴⁴. *Фа цзан суй цзинь лу*, написанное Чао Сюном в 1027 г. и состоящее из мелких заметок буддийского содержания, вошло впоследствии в серию *Шо фу* 說郛. В 1545 г. один из потомков Чао Сюна — Чао Ли 晁瑛⁴⁵, воспользовавшись своим положением корректора (*цзянь-тао* 檢

⁴² Мыслители братья Чэн Хао 程顥 (1032–1085) и Чэн И 程頤 (1033–1107) стояли у истоков неоконфуцианства — философской школы *ли сюэ* («учение о принципе»).

⁴³ Ср. замечание самого Чао Гун-у в его *Цзюнь чжай*, цз. 17, 26г. — Примеч. К.К. Флуга.

⁴⁴ Чэнь Чжэнь-сунь «без стеснения» поместил *Фа цзан суй цзинь лу* в отдел буддийских сочинений (см. *Чжи чжай*, цз. 12, 11г), в который оно и должно действительно входить. — Примеч. К.К. Флуга.

Раздел *бе цзи* 別集 (частные сборники), включающий собрания поэтических или прозаических произведений отдельных авторов, обычно является завершающим в китайских библиографиях.

⁴⁵ Чао Ли (*цзы* Цзюнь-ши 君石, *хао* Чунь-ли 春陵), получивший степень доктора в 1541 г., известен как автор *Бао-вэнь-тан фэнь-лэй шу-му* 寶文堂分類書目 (3 цз.), который представляет собой систематический каталог библиотеки Чао Ли, называвшейся «Бао-вэнь-тан». *Сы ку*, цз. 87, 1v, отмечая богатство коллекции Чао Ли, говорит, что его каталог имеет недостатки в отношении системы классификации (почему этот каталог и помещен библиографами *Сы ку* в отдел *цунь му* 存目 без включения его в состав библиотеки Цянь-луна). Текст минского рукописного экземпляра *Бао-вэнь-тан шу-му* воспроизведен в «Бюллетене Бэйпинской национальной библиотеки» ([Го-ли] *Бэйпин ту-шу-гуань гуань-кань* [國立北平圖書館館刊. Т. III. № 1, стр. 73–108 и № 2, стр. 217–244]. Сын Чао Ли — Чао Дун-у 晁東吳 (*цзы* Шу-цюань 叔權, доктор с 1553 г.), также был известен как библиофил. Он умер в возрасте 23 лет, оставив несколько сочинений, которые Чао Ли соединил в одну книгу, названную им *Чэн-тун лу* 誠痛錄 (см. *Цан-шу цзи-ши ши* 藏書紀事詩, цз. 3, 25v). — Примеч. К.К. Флуга.

Раздел *цунь му* 存目 библиографии *Сы ку*, или «раздел резервных книг» (*бао-лю шу му* 保留書目), так называемых менее ценных, включал более шести тысяч наименованных сочинений, не вошедших в число основных четырех разделов: канонов (*цзин* 經), историй (*ши* 史), трудов философов (*цзы* 子) и сборников (*цзи* 集).

討) Хань-линь-юаня⁴⁶, снял копию экземпляра *Фа цзан суй цзинь лу*, хранившегося в дворцовой библиотеке, и издал ее под измененным названием *Цзя тань 迦談*⁴⁷.

В числе произведений Чао Сюна, дошедших до нашего времени, надо упомянуть также религиозно-нравственное сочинение *Чжао-дэ синь бянь 昭德新編*, написанное им под конец жизни и состоящее из 3-х цзюаней⁴⁸. <Л. 11> Говоря в своем каталоге (цз. 19, бг-в) об этом произведении, Чао Гун-у замечает, что оно вместе с остальными сочинениями его предков было утеряно при гибели библиотеки семьи Чао во время войны с чжурчжэнями. При производившихся впоследствии розысках этих сочинений экземпляр *Чжао-дэ синь бянь* был найден в Даньлэне 丹稜 (Сычуань) у знаменитого писателя и историка XII в. Ли Дао 李燾. *Сы ку*, цз. 117, 7г, указывает, что его нашел потомок Чао Сюна в пятом колене по имени [Чао] Су [晁]遯. Библиографы *Сы ку* имеют, по-видимому, в виду брата Чао Гун-у, которого звали, однако, не Су, а Гун-су 公遯. Ошибка библиографов показывает, что недоразумения при передаче имен, в которые входят такие слова, как *цзюнь* 君, *чжи* 之, *гун* 公 и т.п., случаются не только с европейцами⁴⁹.

Сочинения Чао Сюна пользовались в свое <Л. 12> время большой известностью и распространением. На это указывают не только сохра-

⁴⁶ Хань-линь-юань 翰林院, Академия Хань-линь, букв. «Лес кистей». Основана в 738 г. при династии Тан (618–907), просуществовала до конца династии Цин (1644–1911). Выполняла функции императорской канцелярии, занимавшейся составлением правительственных актов и исторических сводов. Члены Академии Хань-линь часто были советниками императора, среди их важнейших задач была официальная интерпретация и подготовка к переизданию конфуцианских классических сочинений.

⁴⁷ См. *Сы ку*, цз. 145, 4в. Экземпляр *Цзя тань*, описанный в библиографии Цяньлуна [в *Сы ку*] и состоящий из 4-х цз[юаней], вероятно, не полон, так как подлинное сочинение Чао Сюна состоит из 10 цз[юаней]. — Примеч. К.К. Флуга.

⁴⁸ См. *Цзюнь чжай*, цз. 19, бг; *Сун ши*, цз. 208, 16в (ср. *Чжи чжай шу лу цзе ти*, цз. 10, 17г, в которой зарегистрирован, по-видимому, неполный экземпляр, состоящий из 1 цз[юаня]). Ксилографическое издание *Чжао-дэ синь бянь* существовало в конце XII в. Доски для нового издания были вырезаны в эру Цзя-цзин 嘉靖 (1522–1567). Сочинение Чао Сюна входит в серии *Шо фу* и *Хань-фэнь-лоу би цзи* 涵芬樓秘笈. Согласно *Цун-шу шу-му хуй-бянь* 叢書書目彙編, 325 (изд. 1928 г.), в котором Чао Сюн по ошибке назван Чао И-дао 晁以道, т.е. прозвищем своего потомка Чао Юэ-чжи 晁, это же сочинение, вместе с *Фа цзан суй цзинь лу* и *Дао-юань цзи яо*, входит в издание *Чао-ши сань шу* 晁氏三書. — Примеч. К.К. Флуга.

⁴⁹ Экземпляр *Чжао-дэ синь бянь*, вошедший в *Сы ку*, имел приложение, состоящее из нескольких стихотворений Чао Сюна, Чао Ли и Чао Дун-у. Стихотворения эти были присоединены позднейшим представителем данной семьи Чао Фу-у 晁伏武, что видно из имеющейся на рукописи надписи. При снятии копии этой рукописи для императорской библиотеки приложение было исключено как не имеющее отношения к основному сочинению Чао Сюна. — Примеч. К.К. Флуга.

нившиеся отзывы от них, но и появление особого сборника *Чао Вэньюань Дао-юань цзи яо* 晁文元道院集要在 3 цз[юанях], изданного Ван Гу 王古⁵⁰. Согласно предисловию Ван Гу, приведенному Чао Гун-у в своем каталоге, цз. 19, 7г (ср. *Сы ку*, цз. 145, 2v), в этот сборник вошли извлечения из названных выше *Дао-юань бе цзи* и *Фа цзан суй цзинь* лу того же Чао Сюна под названиями *Цзы чжай цзэн сю бо фа* 自擇增修百法, *Суй-инь цзи-шу* 隨因記述 и *Мао-чжи юй шу* 毫智餘書⁵¹.

⁵⁰ Ван Гу известен нам как составитель буддийского каталога *Шэн цзяо фа бао бяо-му* 聖教法寶標目 (10 цз.), представляющего большую ценность благодаря имеющимся в нем аннотациям. Говоря об этом каталоге в своей статье *Фо-цзя цзин лу цзай Чжун-го му-лу-сюэ чжи вэй-чжи* 佛家經錄在中國目錄學之位置 (*Ту-шу-гуань-сюэ цзи-кань* 圖書館學季刊. I, № 1, стр. 7 и 28), Лян Ци-чао 梁啟超 (1863–1929) замечает, что он был составлен Ван Гу при династии Юань (1271–1368), а именно в 10-м году Да-дэ 大德 (1306 г.). В каталоге китайской Трипитаки, составленном 藤井 *Fujii* [S. Catalogue of all Buddhist Books, contained in the Pitaka Collection in Japan and China. Kyoto, 1898], стр. 179, Ван Гу тоже значится юаньским. Оба эти указания неправильны (см. заметку Чжан Чжэня 章箴. [Юань и цянй цзин-лу и лань бяо чжэн у и цзэ 元以前經錄以覽表正誤一則], помещенную в *Ту-шу-гуань-сюэ цзи-кань*, I, № 3, [стр.] 521) и объясняются, вероятно, тем, что каталог, составленный Ван Гу, был при Юань в 1306 г. продолжен Гуань Чжу-ба 管主八 (*Nanjio* [Bunyii. Catalogue of the Chinese Translations of the Buddhist Tripitaka, the Sacred Canon of the Buddhists in China and Japan. Oxf., 1883], № 1611, [р. 354]. App. III, № 70). Nanjio указывает, что Ван Гу жил «или при сев[еро]-сунской или при южносунской династии». Более точную дату его жизни определяют указания *Чжи чжай* (цз. 8, 10v–11r), где помещен этот самый каталог, хотя имя его составителя дано Чэнь Чжэнь-сунем в другом чтении. Согласно Чэнь Чжэнь-суню, составителем *Шэн цзяо фа бао бяо-му* был Ван Ю 王右 (*цзы* Минь-чжун 敏仲), имевший прозвище Сянь-хуай 三槐, наследственное прозвище семьи Ван, начиная с Ван Ю, посадившего у своего дома три дерева «хуай» в виде пожелания, чтобы его потомки достигли трех высших чинов *сань гун* 三公, эмблемой которых служили эти деревья. И в 1101 г. занимавший пост министра финансов Чэнь Чжэнь-сунь прибавляет, что он был правнуком Ван Дая 王旦, жившего в 957–1017 гг. (см. *Giles*, [H.A. A Chinese] Biographical Dictionary. London–Shanghai, 1898], № 2230, [р. 842]), и был занесен в проскрипционные списки «партии Юань-ю». Из этого следует, что составитель *Шэн цзяо фа бао бяо-му* жил при северной династии Сун. Что же касается обозначения его имени знаком ю, то это объясняется, вероятно, такой же опечаткой, которую мы находим и в *Сун ши*, цз. 205, 11v. Биография Ван Гу помещена Лу Синь-юанем 陸心源 в *Сун ши* и 宋史翼, цз. 5, 1г–3v, и в *Юань-ю дан жэнь чжуань* 元祐黨人傳, цз. 3, 1г–3v, в серии *Цянь-юань цзун-цзи* 潛園總集, 1884 г. В последней из этих работ (цз. 4, 20v) помещена также краткая биография другого Ван Гу, который не имеет, однако, отношения к автору *Шэн цзяо фа бао бяо-му*, несмотря на полное сходство фамилии и имени. Я полагаю, что автор названного буддийского каталога является тем самым лицом, которое составило и *Дао-юань цзи яо*. — Примеч. К.К. Флуга.

⁵¹ Последнее из этих сочинений зарегистрировано в *Чжи чжай*, цз. 10, 7г, где прозвище Чао Сюна неправильно передано знаками Дэ-юань 德遠 и *Сун ши*, цз. 205, 11v, где он значится под искаженным именем Хуй 迥. В библиографии Чао Сюна в библиографическом отделе Сунской истории упоминается, кроме того *Хань-линь цзи* 翰林集 (30 цз.) и *Ли-бу као-ши цзинь-ши чи* 禮部考試進士敕 (1 цз.), автором которых

<Л. 14> Сын Чао Сюна по имени Чао Цзун-цюэ 晁宗慤 (цзы Шилян 世良, ши Вэнь-чжуан 文莊), насколько известно, не оставил после себя литературных работ. Из его биографии, помещенной в *Сун ши*, цз. 305, 9г–10г, явствует, что он служил при императоре Жэнь-цзуне 仁宗 (1023–1063) в должности помощника секретаря департамента жертвоприношений министерства обрядов (цзы-бу юань-вай-лан 祠部員外郎), исполняя обязанности редактора по составлению императорских указов *чжи-чжи-гао* одновременно со своим отцом, что было предметом удивления современников, как небывалый в истории Китая случай.

Его брат Чао Цзун-цао 晁宗操 лишь вскользь упоминается в биографии Чао Сюна как человек, обладающий большим поэтическим дарованием⁵².

<Л. 15> В названном выше *Сун ши и* (цз. 26, 8г–9в), изданном в Цянь-юань *цзун цзи* 潛園總集 (1884 г.), Лу Синь-юань 陸心源 приводит биографию Чао Чжун-яня 晁仲衍 (цзы Цзы-чжан 子長), происходившего, как и Чао Сюн, из Цинфэна и жившего в доме Чжао-дэ 昭德 в Кайфыне. Судя по этим данным, Чао Чжун-янь, умерший в 1053 г. в возрасте 42 лет, был, несомненно, родственником (вернее всего, внуком) Чао Сюна⁵³. Лу Синь-юань, основываясь на тексте помещенной в *Хуа-ян цзи* 華陽集 эпитафии на смерть Чао Чжун-яня (при Сун существовало два сочинения под названием *Хуа-ян цзи*, одно из них было написано Ван Гуем 王珪, другое Чжан Ганом 張綱, см. *Сы ку*, цз. 152, 10г и цз. 156, 7г), дает следующий перечень написанных им сочинений (ни одно из которых в *Сун ши*, однако, не упоминается): *Ши лунь* 史論 (30 цз.), *Ши цзи вэнь тун* 史記文通 (20 цз.), *Ши лэй хоу цзи* 事類後集 (30 цз.), *Лян Цзинь вэнь лэй* 兩晉文類 (50 цз.), *Вэнь цзи* 文集 (20 цз.).

значится Чао Сюн (см. *Сун ши*, цз. 305, 9г и цз. 204, 6г). Его же *Бе шу цзинь по и ши* 別書金坡遺事 (1 цз.), написанное в виде дополнения к одноименному произведению Цянь Вэй-яня 錢惟演 (цзы Си-шэн 希聖), упоминается в каталоге Чэнь Чжэнь-суня, цз. 6, 6г, где на этот раз «цзы» Чао Сюня обозначено как Чжао-юань 昭遠. Чтобы закончить перечень сочинений Чао Сюна, следует назвать еще его *Ли шу* 理樞 (1 цз.), упоминаемое в *Цзюнь чжай*, цз. 19, 6г-в. — Примеч. К.К. Флуга.

⁵² Судя по *Дун ду ши-люэ цзяо цзи* 東都事略校記 (в серии *Ши-юань цун-шу* 適園叢書), в которой Мяо Цюань-сунь 繆荃孫 (1844–1920) произвел сличение изданий *Дун ду ши-люэ* (130 цз.), биография Чао Сюна и Чао Цзун-цюэ находится в цз. 42 этой работы сунского Ван Чэна 王稱 (у нас, к сожалению, отсутствующей). — Примеч. К.К. Флуга.

⁵³ Упомянутый в биографическом словаре *Чжун-го жэнь мин да цы-дянь* 中國人名大詞典. С. 802 (изд. [Шанхай], 1921 г.) Чао Чжун-си 晁仲熙 (цзы Цзы-чжан 子政) был, очевидно, братом Чао Чжун-яня. — Примеч. К.К. Флуга.

К последующему поколению семьи Чао принадлежал Чао Дуань-ли 晁端禮 (*цзы* Цы-ин 次膺), чье собрание стихов (*цзы*) под названием *Сянь-ши цзи* 閒適集 (1 цз.) занесено в каталог *Чжи чжай*, цз. 21, 4г-в. Чэнь Чжэнь-сунь замечает в этом каталоге, что Чао Дуань-ли, получив степень доктора в 1073 г., служил <Л. 16> правителем одного из уездов, но после ссоры с высшим начальством был лишен чина и выслан. Уже значительно позже он был устроен на незначительную должность <зачеркнуто: главного музыканта> *се-люй* 惰律 в палате династийной музыки Сун (*да шэн фу* 大晟府), но через три месяца после этого умер. Его племянник Чао Юэ-чжи 晁說之 составил на смерть Чао Дуань-ли эпитафию.

Другой представитель этого же поколения семьи Чао — Чао Дуань-ю 晁端有 (*цзы* Цзюнь-чэн 君成) был также поэтом, и, по-видимому, довольно крупным. Его собрание стихов *Чао Цзюнь-чэн цзи* 晁君成集 (10 цз., *бе цзи* 別集, 1 цз.) заслужило похвалу знаменитого Су Ши 蘇軾 (1037–1101), написавшего к нему предисловие⁵⁴.

Нужно заметить, что при выяснении истинного имени Чао Дуань-ю мне пришлось встретиться с некоторыми затруднениями, которые объясняются следующим недоразумением, произошедшим при чтении этого имени. Как замечает Чэнь Чжэнь-сунь в своем *Чжи чжай*, цз. 20, 5г, у Чао Дуань-ю был сын по имени Бу-чжи 補之, чья биография помещена в *Сун ши*, цз. 444, 3г. В этой биографии имеется фраза: «(Его) отец Дуань-ю был искусен в стихосложении» (*Фу Дуань ю гун юй ши* 父端有工於詩), в которой знак 有 является, по всей видимости, опечаткой вместо близкого по начертанию знака 友⁵⁵. Эта ошибка *Сун ши* попала впослед- <Л. 17> ствии в известный биографический указатель *Ши син юнь бянь* 史姓韻編 (цз. 17, 1г), составители которого неправильно назвали данного представителя семьи Чао именем Дуань-ю 端有⁵⁶.

⁵⁴ См. *Чжи чжай*, цз. 20, 5г, *Цзюнь чжай*, цз. 19, 7г, в котором сочинение Чао Дуань-ю названо *Чао-ши Синьчэн цзи* 晁氏新城集 ввиду того, что его автор после получения степени доктора был правителем Синьчэна (Цзянси). Стихотворения Чао Дуань-ю зарегистрированы также в сунском каталоге *Суй-чу-тан шу-му* 遂初堂書目 (46 цз., изд. *Хай-шань сянь-гуань цун-шу* 海山仙館叢書). — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁵⁵ Возможно, впрочем, (хотя и менее вероятно), что знак 有 友 пропущен в цитированном тексте биографии, так как данная фраза «был искусен в стихосложении» может быть построена обоими способами (т.е. *гун юй ши* 工於詩 или *ю гун юй ши* 有工於詩). — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁵⁶ Giles, в свою очередь, замечает, что отцом этого же самого Чао Бу-чжи был Чао Дуань-ян 晁端彦 (*цзы* Шу-мэй 叔美 Мэй-шу?), родившийся в 1085 г. и служивший в дворцовой библиотеке (Biographical Dictionary, № 203, [р. 85]). На каком источнике основывается Giles, называя его отцом Чао Бу-чжи, мне неизвестно. Данные Чэнь

Сыну Чао Дуань-ю Чао Бу-чжи 晁補之 (цзы У-цзю 无咎)⁵⁷ посвящена отдельная биография в *Сун ши*, где местом его происхождения указывается Цзюйе 鉅野 (Шаньдун). В возрасте 17 лет, приехав с отцом в Ханчжоу, Чао Бу-чжи написал поэтическое описание этого города и его окрестностей. Биография замечает, что это произведение заслужило похвалу Су Ши и что с этого времени Чао Бу-чжи стал известен как поэт⁵⁸.

<Л. 18> В годы Юань-фэн 元豐 (1078–1085) Чао Бу-чжи получил степень доктора, после чего состоял в должности корректора и помощника редактора при управлении императорскими книгохранилищами *Би-шу-шэн* 秘書省⁵⁹. Участвуя в составлении хроники царствования Шэнь-цзуна 神宗 (1068–1085), он допустил ошибку в изложении событий, за что был отрешен от должности (в 1094–1098 гг.) и назначен помощником правителя Бочжоу 亳州 (Аньхуй), а затем [пере]мещен на незначительную должность надзирателя по сбору винн[ой] пошлин[ы] (*цзянь цзю шу* 監酒稅) в провинции Цзянси.

<Л. 19> С восшествием на престол Хуй-цзуна 徽宗 (1101 г.) Чао Бу-чжи был снова призван в столицу и назначен вторым секретарем

Чжэнь-суня заслуживают, по моему мнению, большего доверия. В библиографическом отделе *Сун ши*, цз. 208, 19г, непосредственно за стихами Чао Дуань-ю, упоминается также собрание стихов *Чао Дуань-чжун ши* 晁端忠詩 (10 цз.). Возможно, что автором этих стихов является то самое лицо, которое значится в *Чжун-го жэнь мин да цы-дянь*, [стр.] 802, под именем Чао Дуань-чжуна 晁端中 (цзы Юань-шэн 元升) с упоминанием о стихотворном даре, обнаруженном им уже в детстве. Упомянутый там же Чао Дуань-бин 晁端稟 (цзы Да-шоу 大受) в качестве внука Чао Цзун-цюэ и младшего брата Чао Дуань-яня был также, по-видимому, причастен к литературе. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁵⁷ Цзы Чао Бу-чжи заимствовано, вероятно, из текста *И-цзина*. Вследствие сходства знака 无 (эквивалент 無) с знаком 无 цзи они часто смешиваются. Так, например, в известном справочном пособии *Цы юань* 辭源 (辰 27), упоминающем собрание стихов Чао Бу-чжи, первый знак его прозвища имеет начертание 无 цзи. То же самое касается *И-гу-тан ти-ба* 儀顧堂題跋, цз. 5, 5г (*Цянь-юань цзун цзи* 潛園總集, 1898 г.) и указателя *цун-шу* Нанкинской библиотеки, 250. Согласно Giles, *Biographical Dictionary*, № 203, [р. 85], *хао* Чао Бу-чжи было Цзин-цян 景遷. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁵⁸ Об этом раннем произведении Чао Бу-чжи, называемом *Ци шу* 七述, упоминает Чао Гун-у в своем каталоге, цз. 19, 33г. Оно входит в серию *У-линь чжан гу цун-бянь* 武林掌故叢編, составленную цинскими Дин Шэнем 丁申 и Дин Бином 丁丙 и напечатанную в 1883 г. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁵⁹ Находясь в этой должности, Чао Бу-чжи участвовал в проверке текста *Цзы чжи тун цзянь* 資治通鑑, 294 цз., изданного Го-цзы-цзянем и отправленного в 1086 г. в Ханчжоу для печатания. См. *У дай лян Сун цзянь бэнь као*, 五代兩宋監本考, цз. 21 (в собр[ании] соч[инений] Ван Го-вэя 王國維, 1877–1927), в котором приведен перечень лиц, принимавших вместе с Чао Бу-чжи участие в издании. — *Примеч. К.К. Флуга.*

министерства гражданских чинов (*ли-бу юань-вай-лан* 吏部員外郎). Вскоре после этого он был внесен в проскрипционные списки «партии Юань-ю» (*Юань-ю дан* 元祐黨)⁶⁰ и снова отозван в провинцию.

Впоследствии он вернулся домой, приняв по этому случаю прозвище *Гуй-лай-цзы* 歸來子⁶¹. Выйдя из проскрипции, Чао Бу-чжи снова поступил на государственную службу и умер в должности правителя Сычжоу 泗州 (Аньхуй) в возрасте 58 лет⁶². <Л. 20> Чао Бу-чжи был одним из самых выдающихся поэтов своего времени. Собрание его стихов *Чао У-цзю цы* 晁无咎詞 (6 цз.)⁶³, так же как его *Цзи-лэ цзи* 雞肋集 (70 цз.)⁶⁴, сохранились до настоящего времени. Изданные им *Чун*

⁶⁰ Как известно, Ван Ань-ши 王安石 (1021–1086), стоявший одно время во главе правительства, издал «новые законы», действовавшие 15 лет. После отставки Ван Ань-ши в конце царствования Шэнь-цзуна 神宗 (1068–1085) во главе правительства встал Сыма Гуан 司馬光 (1019–1086), бывший противником реформ Ван Ань-ши. Вскоре после этого, в 1086 г., Сыма Гуан умер. Вдовствующая императрица, регентствовавшая после смерти Шэнь-цзуна ввиду малолетства его наследника Чжэ-цзуна 哲宗 (1086–1100), была противницей Ван Ань-ши и до своей смерти преследовала его сторонников, поддерживая приверженцев Сыма Гуана. Она правила Китаем в продолжение 14 лет, которые и составляют период Юань-ю 元祐 (1086–1093 г.). В 1094 г. снова восторжествовали сторонники Ван Ань-ши, умершего одновременно с Сыма Гуаном в 1086 г. В 1102 г. Цай Цзин 蔡京, в руках которого находилась фактически власть, составил проскрипционный список [из] 98 лиц, показавших себя приверженцами политики, проводившейся императрицей-регентшей в период Юань-ю. В числе лиц, занесенных в список, были уже умершие к тому времени Сыма Гуан, Су Ши и др. Их потомство было лишено права занимать государственные должности. Перечень имен лиц, состоявших в опале, был выгравирован на стелах, которые были поставлены в столице и в провинциальных городах. Цай Цзин не удовлетворился этим и в 1104 г. составил новый список, состоявший из 309 имен (вместе с предыдущими). Согласно Mailla, [J.A.M.] Hist[oire] génér[ale de la China, ou Annales de cet Empire. Traduites du T'oung-Kien-Kang-Mou]. VIII, [Paris], 1778, [p.] 340–341, в 1106 г. Хуй-цзун издал указ об уничтожении стел с проскрипционными списками и о восстановлении в правах тех лиц, которые были в них занесены. Таким образом, дата занесения имени Чао Бу-чжи в список опальных лиц должна относиться к 1102–1104 гг. В связи с принадлежностью Чао Бу-чжи к «партии Юань-ю» его биография была включена в упоминавшееся выше *Юань-ю дан жэнь чжуань* 元祐黨人傳, цз. 4, 2г-в, изданное Лу Синь-юанем 陸心源 (1838–1894) в серии *Цянь-юань цзун цзи* 潛園總集 (по существу, это жизнеописание Чао Бу-чжи является сокращением его биографии из *Сун ши*). — Примеч. К.К. Флуга.

⁶¹ Букв. «тот, кто вернулся». — Примеч. К.К. Флуга.

⁶² Согласно *Цзюнь чжай*, цз. 19, 33в, где Чао Гун-у называет своего дядю по месту его службы *Ли-бу-гуном* 吏部公, дата смерти Чао Бу-чжи относится к 1110 г. Замечание *Сы ку*, цз. 154, 9в, о том, что Чао Бу-чжи «умер в должности правителя Сычжоу и после этого был внесен в проскрипционные списки Юань-ю», непонятно. — Примеч. К.К. Флуга.

⁶³ См. *Чжи чжай*, цз. 21, 4г. — Примеч. К.К. Флуга.

⁶⁴ Или *Цзи-лэ бянь* 雞肋編, как его называет *Цзюнь чжай*, цз. 19, 33г–34г. Ксилографическое издание этого сочинения имеет предисловие Чао Бу-чжи, датированное

бянь <Л. 21> *чу цы* 重編楚辭 (16 цз.), *Сюй Чу цы* 續楚辭 (20 цз.) и *Бянь Ли сао* 變離騷 (20 цз.), из которых первое представляет собой сборник «элегий Чу», расположенных в новом порядке, а второе и третье являются его «продолжениями», состоящими из произведений позднейших поэтов, занесены Чао Гун-у и Чэнь Чжэнь-сунем в их каталоги (цз. 17, 3г–5г и цз. 15, 2в). Некоторые из *ти-ба*, автором которых является Чао Бу-чжи, помещены в серии *Цзинь-дай би шу* 津逮秘書, изданной при Мин знаменитым основателем библиотеки *Цзи-гу-гэ* 汲古閣 Мао Цзинем 毛晉 (1599–1659) и перепечатанной в 1922 г. шанхайским книгоиздательством *Бо-гу-чжай* 博古齋. Согласно *Сун ши*, Бу-чжи является также одним из четырех авторов *Сы сюэ-ши вэнь цзи* 四學士文集, <Л. 22> зарегистрированного в библиографическом отделе этой истории (цз. 208, 9в)⁶⁵.

Наиболее крупным ученым из этого же поколения семьи Чао был Чао Юэ-чжи 晁說之 (*цзы* 以道 И-дао)⁶⁶. В молодости он был большим почитателем Сыма Гуана, чем и объясняется прозвище Цзин-юй 景迂, которое он выбрал для себя⁶⁷. Сообщая в своем каталоге (цз. 19, 38в–

1094 г., и послесловие его брата Чао Цянь-чжи 晁謙之, датированное 1137 г. В этом предисловии Чао Цянь-чжи говорит, что данное сочинение было издано им в Цяньяне (Фуцзянь), где он исполнял обязанности помощника начальника транспортного управления (см. *Би-сун-лоу цан шу чжи*, цз. 77, 11г-в, где, кстати сказать, *цзы* Чао Бу-чжи имеет чтение *Цзи-цао* вместо *У-цзю*). В 1635 г. Гу Нин-юань 顧凝遠 произвел в Сучжоу (Цзянсу) второе издание, текст которого был вырезан на досках по сунскому экземпляру (см. *Тянь-лу линь-лан шу-му хоу бянь* 天祿琳琅書目後編, цз. 18, 18в–19г, изд[ание] 1884 г., и *Сы ку*, цз. 154, 9в). Данное сочинение Чао Бу-чжи, имеющееся в издании *Сы бу цун-кань*, не следует смешивать с одноименным *Цзи-лэ цзи* (1 цз.), автором которого является сунский Хэ Си-чжи 何希之 (см. о нем каталог библиотеки Цянь-луна, цз. 174, 14в). — *Примеч. К.К. Флуга*.

⁶⁵ Кроме того, *Сун ши* (цз. 202, 6г и 18г) неправильно приписывает Чао Бу-чжи *Тай цзи чжуань* 太極傳, *Инь шо* 因說, *Тай цзи вай чжуань* 太極外傳, *Цзо-ши чунь-цю чжуань* 左氏春秋傳雜論 (1 цз.). В действительности автором трех первых сочинений является не Чао Бу-чжи, а Чао Юэ-чжи 晁說之 (см. ниже). То же самое, вероятно, относится и к работе о комментариях к *Чунь-цю*, хотя я не нашел о ней упоминаний в каталоге Чао Гун-у. — *Примеч. К.К. Флуга*.

⁶⁶ Согласно *Чжун-го жэнь мин да цы-дянь* [стр. 803], он был сыном Чао Дуань-яня 晁端彦. — *Примеч. К.К. Флуга*.

⁶⁷ *Цзин* 景 «почитать», *Юй-соу* 迂叟 — *хао* Сыма Гуана. Возможно, что благодаря преданности Чао Юэ-чжи Сыма Гуану был сохранен оригинал сочинений этого знаменитого ученого и писателя. В статье о сочинении *Сыма Чжэнь-гун чуань-цзя цзи* 司馬正公傳家集 (см. *Цзюнь чжай*, цз. 19, 26г) Чао Гун-у говорит, что после смерти Сыма Кана 司馬康, который был сыном Сыма Гуана, Чао Юэ-чжи достал рукопись этого сочинения и сохранил его у себя. Нам надо иметь при этом в виду, что печатание, а вероятно, и хранение сочинений писателей, входивших в «партию Юань-ю», было в свое время запрещено. Так, например, было запрещено издание стихов Су Ши 蘇軾

39v) краткие сведения о жизни своего дяди, Чао Гун-у замечает, что, <Л. 23> будучи правителем Чэнчжоу 成州 (Ганьсу), Чао Юэ-чжи освободил его население от уплаты податей ввиду бывшей в то время засухи. Возбужден этим великое негодование начальника транспортно-го управления⁶⁸, он вынужден был подать прошение об отставке и уйти со службы.

В начале эры Цзин-янь 靖炎 (1127–1130) Чао Юэ-чжи был назначен на должность члена императорского секретариата (*чжун-шу шэ-жэнь* 中書舍人) и главного управляющего делами наследника (*тай-цзы чжань-ши* 太子詹事). Обладая весьма независимым характером, он оставался на этой должности надолго и внезапно ушел в отставку. Он умер во время переезда в Цзиньлин (Нанкин) в начале 1129 г. в возрасте 71 года⁶⁹.

В течение своей жизни Чао Юэ-чжи написал не менее 32 сочинений, названия которых приводит его внук в своем предисловии к *Сун-шань вэнь цзи* 嵩山文集. Во время войны с чжурчжэнями все эти сочинения <Л. 24> вместе с библиотекой Чао погибли при пожаре⁷⁰. Некоторые из них были найдены впоследствии у других лиц и частично сохранились до нашего времени. По свидетельству современников, Чао Юэ-чжи отличался глубокими познаниями в классической литературе, а в особенности в области *И-цзина*. К числу его классиковедческих работ относятся комментарии к *Лунь-юю* — *Цзин-юй Лунь-юй цзян* и 景迂论语講義 (10 цз.), небольшая работа о *Чжун-юне* — *Чао*

и Хуан Тин-цзяня 黃庭堅, о чем говорит Е Дэ-хуй 葉德輝 в своем *Шу-линь цин хуа* 書林清話, цз. 10, 8v (1920 г.). Рукопись Сыма Гуана случайно уцелела после войны с чжурчжэнями, когда погибла библиотека семьи Чао, и была потом напечатана. Некоторые из сунских изданий этого произведения упоминаются в *Шу-линь цин хуа*, цз. 3, 5г и 6v. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁶⁸ *Чжуань-юнь-ши* 轉運使 или *цао-сы* 曹司, в ведении которого находилась главным образом перевозка податного зерна. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁶⁹ [Дата указана] согласно предисловию внука Чао Цзы-цзяня к *Сун-шань вэнь цзи* 嵩山文集 (о котором ниже), приведенному в *Би-сун-лоу цан-шу чжи* 北宋樓藏書志, цз. 77, 11г–13v. Ср. [с] *Чжи чжэй*, цз. 18, 1v, где Чэнь Чжэнь-сунь замечает, что Чао Юэ-чжи, получивший степень доктора в 1082 г., умер в третьем году эры Цзянь-янь 建炎, т.е. в 1129 г. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁷⁰ Согласно имеющимся сведениям, книжное собрание Чао Юэ-чжи достигло очень значительных для того времени размеров. Книги из его коллекции высоко ценились среди библиофилов благодаря точности их текста, тщательно проверявшегося самим Чао Юэ-чжи. Одно из таких сочинений, текст которого был проверен им в 1084 г. по экземпляру, принадлежавшему известному библиофилу Ли Чану 李常 (*цзы* Гун-цзэ 公擇), занесено в *Цзюнь чжэй*, цз. 20, 2г. Это сочинение озаглавлено *Цза вэнь чжан* (1 цз.) и состоит из 58 поэтических произведений типа *сун* и *фу* различных сунских писателей. — *Примеч. К.К. Флуга.*

И-дао Чжун-юн пянь 晁以道中庸篇(1 цз.)⁷¹ и статья о предисловиях к *Ши-цзину* — *Ши сюй лунь* 詩序論, цитируемая Ван Ин-линем в *Кунь-сюэ цзи вэнь*, цз. 3, 5г. Возможно, впрочем, что эта статья вошла в собрание сочинений Чао Юэ-чжи. К числу его работ, касающихся *И-цзина*, относится целый ряд произведений, в числе их *Гу и* 古易 (12 цз.), в котором Чао Юэ-чжи, основываясь на работах ханьского знатока *И-цзина* Тянь Хэ 田何 и сочинениях некоторых других авторов, попытался восстановить правильное расположение текста *И-цзина* <Л. 25> и его разделения на главы, исправив допущенные ошибки Фэй Чжи 費直 и Ван Би 王弼⁷².

Тай-цзи чжуань 太極傳 (6 цз.), [*Тай-цзи*] *вай-чжуань* [太極]外傳 (1 цз.) и *Инь шо* 因說 (1 цз.)⁷³ находились в числе сочинений Чао Юэ-чжи, погибших во время пожара. Согласно упомянутому выше предисловию к *Сун-шань вэнь цзи*, текст этих сочинений был восстановлен Чао Юэ-чжи по памяти в самом конце его жизни. Чао Гун-у указывает (*Цзюнь чжай*, цз. 1, 19г), что при изучении *И-цзина* Чао Юэ-чжи основывался на интерпретации Шао Юна 邵雍 (*цзы* Яо-фу 堯夫, *ши* Кан-цзе 康節, 1011–1077) (Giles, [Bibliographical Dictionary], № 1683, [р. 641–642]), а кроме того, изучал ханьского Цзин Фана 京房, о комментариях которого говорится в том же *Цзюнь чжай*, цз. 1, 6в [и] сл[едующих]. Вероятно, по поводу работы Цзин Фана было написано другое произведение Чао Юэ-чжи *Цинь-ши и ши* 親氏易式 (1 цз.), зарегистрированное в *Чжи чжай*, цз. 12, 31г, и ка- <Л. 26> сающееся гадания по

⁷¹ *Цзюнь чжай*, цз. 4, 4в и цз. 2, 12г. Возможно, что второй из этих работ соответствует *Чжун-юн чжуань*, входящая в серию *Шэ-вэнь цзы цзю* с указанием на авторство Чао Юэ-чжи. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁷² См. *Цзюнь чжай*, цз. 1, 18в; *Чжи чжай*, цз. 1, 2г; *Суй-чу-тан шу-му*. Фэй Чжи 費直 (*цзы* Чжан-вэн 長翁), живший при Хань, известен как комментатор *И-цзина*. Согласно замечанию Чао Гун-у, текст Фэй Чжи послужил основой для комментария Ван Би, на котором в свою очередь основывается текст издания *Ши-сань цзи чжу-шу* 十三經注疏. Сведения о главнейших школах *И-цзина* в древности приведены Чао Гун-у в его статье о комментариях Ван Би (см. *Цзюнь чжай*, цз. 1, 3в-4г). Заметим здесь, что в книге А.А. Петрова «Ван Би, [226–249. Из истории китайской философии]» (Труды Института востоковедения XIII, [М.-Л.,] 1936) приводится текст из библиографического отдела *Вэнь-сянь тун-као* 文獻通考, переведенный [так: «по свидетельству Цзин Юя 景迂, Ван Би постиг учение Лао-цзы, но не постиг смысла „Книги Перемен“»] [стр. 32]. Несомненно, что лицо, названное автором работы о Ван Би Цзин Юем, является в действительности Чао Юэ-чжи. То же самое касается «Чэнь Ши 陳氏» [стр. 32], под которым надо понимать, конечно, Чэнь Чжэнь-суня. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁷³ В *Сун ши*, цз. 202, 6г, автором этих сочинений неправильно назван Чао Бучжи. *Тай-цзи вай-чжуань* зарегистрировано в *Суй-чу-тан шу-му* (2г). — *Примеч. К.К. Флуга.*

И-цзину. И сюань син цзи ту 易玄星紀圖 (1 цз.)⁷⁴ было составлено на основе комментариев Сыма Гуана к *Тай сюань цзин* 太玄經 и одной из работ Шао Юна и имело целью подтвердить правильность положений, высказанных Ян Сюном 揚雄 в его *Тай сюань цзине* 太玄經, о котором см. *Цзюнь чжэй*, цз. 10, 9г–10г. Вероятно, в связи со своим интересом к этому сочинению Чао Юэ-чжи составил *Ян Сюн бе чжуань* (1 цз.), касающееся жизни Ян Сюна (зарегистрировано в каталоге Чао Гун-у, цз. 9, 6г).

Небольшое произведение под названием *Жу янь* 儒言 (1 цз.), посвященное критике теории Ван Ань-ши, противником которого был Чао Юэ-чжи⁷⁵, имеется в издании *Сюэ-хай лэй-бянь* 學海類編, перепечатанном шанхайским издательством *Хань-фэнь-лоу* 涵芬樓. Сохранилось <Л. 27> также изданное в серии *Бо-чуань сюэ-хай* 百川學海 *Чао-ши кэ юй* 晁氏客語 (1 цз.), которое состоит из мелких заметок смешанного содержания. Эти заметки содержат различные известия, сообщенные Чао Юэ-чжи его знакомыми, в связи с чем он и дал своему произведению название «Беседы с гостями». Содержащиеся в этих заметках сведения, источники которых указывают на Чао Юэ-чжи, могут служить дополнением к официальным историческим работам, в особенности в отношении событий периода Юань-ю 元祐 (1086–1093)⁷⁶.

Собрание стихов и мелких прозаических произведений Чао Юэ-чжи дошло до нас под названием *Цзин-юй цзи* 景迂集. Оно было издано внуком автора Чао Цзи-цзянем⁷⁷, замечающем в своем предисловии (1132 г.), что, задумав издать произведения своего деда, он смог после долгих розысков найти только часть этих произведений, которые он издал в книге, состоявшей из 12 цзюаней⁷⁸. В позднейшем предисловии, датированном 1167 г., Чао Цзы-цзянь сообщает о том, что во время своих учебных поездок по различным провинциям ему удалось разыскать неизвестные ему раньше произведения своего деда, которые он включил дополнительно в прежнее собрание. *Цзин-юй цзи* в новой

⁷⁴ См. *Цзюнь чжэй*, цз. 101, 3в, в тексте которого знак *сюань* 玄 как входивший в имя Кан-си [Сюань-и 玄燁] заменен знаком *юань*. В библиографическом отделе *Сун ши*, цз. 205, 2в, вместо знака *ту* 圖, входящего в название данного произведения Чао Юэ-чжи, значитесь *пу* 譜. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁷⁵ См. *Цзюнь чжэй*, цз. 10, 23г, *Сы ку*, цз. 92, 3в–4г, и *Би-сун-лоу цан шу чжи*, цз. 39, 12в, в котором Лу Синь-юанем зарегистрировано издание 1554 г. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁷⁶ *Чао-ши кэ юй* упоминается в *Чжи чжэй*, цз. 10, 19г. См. также *Сы ку*, цз. 120, 6г. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁷⁷ Его двоюродный брат (сын Чао Юн-чжи) Чао Цзы-чжэнь 晁子真 (*цзы* Дянь-чжун 點仲) значитесь в *Чжун-го жэнь мин да цы-дянь*, [стр.] 801. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁷⁸ Экземпляр *Чао-ши Цзин юй цзи* (12 цз.) занесен в *Цзюнь чжэй*, цз. 19, 38в–39г.

редакции <Л. 28> состояло из 20 цз. и было напечатано Чао Цзы-цзянем в окружном училище в Линьтине (Фуцзянь), где он состоял в должности инспектора по делам просвещения (*чжу-гуань сюэ-ши* 主管學士). Текст обоих предисловий Чао Цзы-цзяня воспроизведен в *Бисун-лоу цан шу чжи* (цз. 77, 11г–13v), в котором Лу Синь-юань описывает старый рукописный экземпляр собрания сочинений Чао Юэ-чжи. Нужно заметить, что в экземпляре Лу Синь-юаня это собрание сочинений называется не *Цзин-юй цзи*, а *Сун-шань цзи*, хотя тождество обоих произведений не вызывает сомнения. Я полагаю, что первое название более правильно, потому что оно значится не только в каталоге Чао Гун-у, но и в *Чжи чжай*, цз. 18, 1г, в котором Чэнь Чжэнь-сунь подтверждает указание внука Чао Юэ-чжи о существовании двух версий из 12 и 20 цзюаней. По-видимому, это же самое собрание произведений Чао Юэ-чжи зарегистрировано в библиографической главе *Сун ши*, цз. 208, 21v, под названием *Чао Юэ-чжи цзи* 晁說之集, причем в нем по ошибке пропущен знак *цзи*.

В своей рецензии на *Цзин-юй цзи* составители *Сы ку*, цз. 154, 9v, говорят, что им известно о существовании экземпляра этого же собрания произведений Чао Юэ-чжи, но носящего другое заглавие *Сун-шань цзи* 嵩山集. Ввиду того что этот экземпляр по своему содержанию ничем не отличается от *Цзин-юй цзи*, библиографы *Сы ку* не внесли его в каталог, а ограничились упоминанием его <Л. 29> названия⁷⁹.

Заканчивая краткие замечания о Чао Юэ-чжи, приведем попутно текст из его сочинения, интересный содержащимся в нем высказыванием этого крупного ученого своего времени относительно системы изучения классической литературы. Этот текст содержит следующие слова Чао Юэ-чжи, обращенные к его племяннику (Чао) Гун-цзяню: «Ты, юноша, должен старательно изучать литературу. Сперва изучай пять канонических книг, читая их толкования⁸⁰. Изучая „Три исто-

⁷⁹ При выяснении вопроса о происхождении второго названия собрания произведений Чао Юэ-чжи надо принять во внимание то обстоятельство, что подобное же название носит собрание сочинений младшего брата Чао Гун-у Чао Гун-су. Оно внесено в *Сы ку*, цз. 158, 5v, под заглавием *Сун-шань цзюй ши цзи* 嵩山居士集. Не знаю, вошла ли в собрание сочинений Чао Юэ-чжи написанная им эпитафия на смерть Су Го, который был младшим сыном поэта Су Ши. Текст эпитафии приложен к входящему в *Чжи-бу-цзу-чжай цун-шу* 知不足齋叢書 *Се-чуань цзи* (см. о нем *Сы ку*, цз. 174, 9г, и дополнение Жуан Юаня 阮元, цз. 3, 2г), автором которого является Су Го, умерший в 1123 г. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁸⁰ Буквально: комментарии и субкомментарии (*чжу шу* 注疏). В число пяти канонических книг входили в то время *И-цзин*, *Шу-цзин*, *Ши-цзин*, *Ли-цзи*, *Чунь-цю*. — *Примеч. К.К. Флуга.*

рии“ (*Ши цзи*, *Хань шу*, *Хоу Хань шу*), нельзя обойтись без сочинений Вэнь-чжуна (Оуян Сю). Начинать с Хань Вэня (Хань Юй) трудно, сперва читай Лю-и (Оуян Сю), потом Чан-ли (Хань Юя). За ним следует *Тай-ши-гун* (Сыма Цянь), толкование <Л. 30> Гуньяна и, наконец, *Чунь-цю*. Таков порядок изучения литературы»⁸¹.

Чао Юэ-чжи имел младшего брата Чао Юн-чжи 晁詠之 (*цзы* Чжи-дао 之道), о котором нам известно очень немного. Получив лучшую оценку на экзамене *хун-цы* 宏詞⁸², Чао Юн-чжи поступил на государственную службу в качестве преподавателя в Хэчжуне (Шаньси), но в конце эры Юань-фу 元符 (1098–1100 гг.) был от нее отставлен. Он умер в возрасте 52 лет в должности надзирателя храма Чунфу 崇福, назначение на которую получил в конце своей жизни. В связи с названием должности, которую занимал Чао Юн-чжи, его собрание сочинений озаглавлено *Чун-фу цзи* 崇福集 (50 цз.)⁸³. <Л. 31> К этому же поколению семьи Чао принадлежало еще несколько лиц, о которых остается сказать еще несколько слов, прежде чем перейти к биографии отца автора *Цзюнь чжай*. Имя одного из них долгое время оставалось неизвестным, ибо, говоря о нем как об авторе *Чао-ши Фэнцю цзи* 晁氏封丘集, Чао Гун-у из родственного почтения (табу) не называет личного имени своего предка-писателя, а указывает лишь его прозвище (*цзы*) Бо-юй 伯宇. Чао Гун-у замечает при этом, что этот писатель был его старшим дядей (*ши-фу* 世父)⁸⁴ и умер в должности помощника прави-

⁸¹ Этот текст из сунского сочинения *Цзянь цю энэ жи цзи*, 3 цз. (о котором см. *Сы ку*, цз. 121, 7г), цитируется в *Му-лу-сюэ янь-цюэ* 目錄學研究, [№] 65 (1934 г.). Мои пояснения помещены в скобки. — *Примеч. К.К. Флуга*.

⁸² На экзамене *хун-цы* 宏詞 требовалось умение написать несколько сочинений различных литературных жанров. Выдержавшим его предоставлялось преимущественное право на занятие государственных должностей. Образцы литературных жанров, принятых при Сун для экзаменов *хун-цы*, сохранились в *Юй хай* 玉海, цз. 201–204. О *хун-цы* при танской династии см.: des Rotours, [R.] *Le traité des examens*. [Traduit de la Nouvelle histoire des T'ang (chap. 44, 45). Paris], 1932, [p.] 219–221. — *Примеч. К.К. Флуга*.

⁸³ *Цзюнь чжай*, цз. 19, 39г; *Сун ши*, цз. 444, 4г. Судя по упоминавшейся выше статье Мяо Цюань-суня 繆荃孫, биография Чао Юн-чжи находится также в *Дун-ду ши люэ* 東都事略, цз. 116. В *Чжи чжай*, цз. 4, 25v–26v, занесено *Ли дай цзи нянь* 歷代紀年 (10 цз.). Ср. *Сун ши*, цз. 203, 5v, составленное Чао Гун-маем 晁公邁, предисловие которого датировано 1137 г. Чэнь Чжэнь-сунь замечает, что Чао Гун-май был сыном Чао Юн-чжи и служил в должности инспектора государственных ценоуравнительных амбаров (*ти-цзюй чан-пин ши-чжэ* 提舉常平使者). — *Примеч. К.К. Флуга*.

⁸⁴ См. *Цзюнь чжай*, цз. 19, 30v, в рецензии Чао Гун-у на *Шань хай цзин* 山海經 (цз. 8, 5г) имеется замечание о том, что сочинение изучал Ши-фу 十父. По предположению Го Сун-дао 郭嵩燾 (см. его примечание к *Ли люэ* 例略, [цз.] 8, в издании *Цзюнь чжай*, выпущенном Ван Сянь-цянем 王先謙), в данном случае вместо 十 следует читать 世. Действительно, выражение Ши-фу 十父 в качестве имени или прозвища звучит

теля <Л. 32> Фэнцю 封丘 (Хэнань), чем и объясняются слово *Фэнцю*, входящее в название собраний его сочинений.

В 1892 г. Лу Синь-юань поместил в *Ши-вань-цзюань-лоу цун-шу* 十萬卷樓叢書⁸⁵ переиздание сунского сочинения *Сюй Тань чжэу* 續談助 (5 цз.), которое осталось неизвестным ни библиографам *Сы ку*, ни Жуань Юаню 阮元⁸⁶. Как указал Pelliot, *Сюй Тань* было занесено в *Ай-жи-цзин-лу цан шу чжи* 愛日精廬藏書志, цз. 25, 1–7, и в *Ши-ли-цзюй цан шу ти-ба цзи* 士禮居藏書題跋記, цз. 4, 30, но ни Чжан Цзинь-у 張金吾, ни Хуан Пи-ле 黃丕烈 не могли установить имени его автора. Лу Синь-юань же доказывает, что этим автором является Чоо Цзай-чжи 晁載之, прозвище (*хао*), которого было Бо-юй 伯宇⁸⁷. Если данные Лу Синь-юаня правильны, то этот же Чоо Цзай-чжи является, должно быть, и автором *Чоо-ши Фэнцю цзи*. Замечание же Лу Синь-юаня относительно того, что Бо-юй было *хао*, а не *цзы* данного писателя, объясняется, по-видимому, его незнакомством с упомянутым выше указанием Чоо Гун-у, говорящего, что Бо-юй было *цзы* его <Л. 33> дяди. *Сюй Тань чжэу*, написанное в 1106 г., является продолжением *Тань чжэу* (1 цз.), автором которого был, вероятно, тот же Чоо Цзай-чжи. *Тань чжэу*, в настоящее время утерянное, зарегистрировано в библиографическом отделе *Сун ши*, цз. 206, 5г, без указания имени автора этого

очень странно и навряд ли возможно. По-видимому, оно объясняется опечаткой, и в рецензии Чоо Гун-у идет речь о его дяде 世父. Добавим к замечанию Го Сун-дао, что эта ошибка или опечатка имеется в тексте рецензии на *Ян-шэн би юн фан* 養生必用方 (16 цз.), автором которого значится сунский Чу Юй-ши 初虞世. Чоо Гун-у говорит в этой рецензии, что Чу Юй-ши, сбрав в одно прекрасное утро волосы, сделался монахом и, живя в Сяньяне 襄陽 (Хубэй), был в тесной дружбе с дядей. В существующем в настоящее время издании каталога Чоо Гун-у вместо слова «дядя» стоит то же выражение Ши-фу 十父, на ошибочность которого указывал Го Сун-дао. Эти примеры показывают, что, несмотря на неоднократные производившиеся проверки, текст *Цзюнь чжэй* в издании Ван Сянь-цзяня не свободен от ошибок. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁸⁵ *Ши-вань-цзюань-лоу цун-шу* 十萬卷樓叢書 было издано тремя сериями в 1877–1879 гг. (№ 1–16), в 1882 г. (№ 37–50). *Сюй Тань чжэу* 續談助 входит в последнюю из этих серий. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁸⁶ Жуань Юань 阮元 (1764–1849), *цзы* Бо-юань 伯元, родился в Цзянсу. Ученый и общественный деятель, активно выступавший против торговли опиумом в Китае, академик Ханьлин. Главные труды посвятил исследованию классиков (*цзин* 經), составитель упоминаемого К.К. Флугом *Сы ку вэй шоу шу му ти-яо* 四庫未收書目提要.

⁸⁷ См.: Pelliot P. [Notes de bibliographie chinoise. III. L'oeuvre de Lou Sin-yuan // BEFEO. IX, p. 236–237. Этому самому лицу и соответствует, очевидно, Чоо Бо-юй, упоминающийся в биографическом словаре *Чжун-го жэнь мин да цы дэнь*, [стр.] 802, в качестве автора *Фэнцю цзи*. Как было указано выше, Бо-юй является в действительности не именем (*мин*), а прозвищем или вторым именем (*цзы*) данного писателя. Кроме того, знак *бо* имеет в биографическом словаре неправильное начертание. — *Примеч. К.К. Флуга.*

сочинения. Что же касается *Сюй Тань чжу*, то оно сохранилось (издано в [серии] *Ши-вань-цзюань-лоу цун-шу*), причем имеет важное значение, заключающееся в том, что в этом произведении содержится много извлечений из различных сочинений, значительная часть которых теперь уже не существует. С другой стороны, *Сюй Тань чжу* полезно и в том отношении, что дает в своих цитатах более правильный текст тех сочинений, которые имеются в изданиях, существующих в настоящее время.

В той же библиографии *Цзюнь чжай*, цз. 14, 25v, зарегистрировано сочинение, касающееся образцов древних и новых печатей и называющееся *Инь гэ* 印格 (1 цз.)⁸⁸. Чао Гун-у замечает, что составителем этого произведения был Чао Кэ-и 晁克一, приходившийся племянником Чжан Лэю 張耒 (*цзы* Вэнь-сянь 文潛)⁸⁹, и что последний написал к *Инь гэ* предисловие, в котором называет <Л. 34> отца Чао Кэ-и именем Бу-чжи. Это указание, содержащееся в *Цзюнь чжай*, вызывает естественное предположение о том, что речь идет об известном нам Чао Бу-чжи и что автором *Инь гэ* является его сын. Тем не менее Лу Синь-юань доказывает в своей *И-гу-тан ти-ба* (цз. 5, 5r-v), что автором *Инь гэ* является в действительности Ян Цзи-лао 楊吉老 (*цзы* Кэ-и 克一). Ссылаясь для доказательства этого на несколько текстов, Лу Синь-юань утверждает, что в первоначальном тексте *Цзюнь чжай* автором *Инь гэ* правильно значился Кэ-и. Впоследствии же, при переиздании библиографии Чао Гун-у, правильный знак Ян был заменен знаком Чао. Лу Синь-юань объясняет это тем, что лица, проверявшие текст библиографии, увидев упоминавшееся в рецензии имя Бу-чжи, решили, что дело идет о знакомом им Бу-чжи и что автором *Инь гэ* является его сын. В связи с этим правильная фамилия Ян была заменена ими на Чао.

Не задерживаясь на выяснении вопроса об авторе *Инь гэ*, упомянем еще о другом произведении, автором которого называют одного из членов семьи Чао. Я имею в виду *Мо-цзин* 墨經 (1 цз.), описанный в *Сы ку*, цз. 115, 5v-6r. На рукописной копии этого сочинения, снятой с экземпляра, входившего в коллекцию Мао Цзиня⁹⁰, имеется только

⁸⁸ Это же самое произведение зарегистрировано Е Мином 葉銘 в его *Инь пу му* 印譜目 (1 ч.). Изд[ано в] *Е-ши Цунь-гу-тан цун-шу* 葉氏存古堂叢書, 1910 г. под названием *Цзи-гу инь-гэ* 集古印格. Составителем его также указан Чао Кэ-и. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁸⁹ О его *Кэ-шань цзи* 柯山集 (100 цз.) см. *Цзюнь чжай*. цз. 19, 34r-v. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁹⁰ Мао Цзинь 毛晉 (1599–1659, другое имя — Фэн-бао 鳳苞, *цзы* Цзы-цзинь 子晉) — известный библиофил, живший при династии Мин (1368–1644). Имел большую коллекцию сунских ксилографических изданий, с которых сам делал рукописные ко-

фамилия автора Чао, без указания имени и даты. Библиографы *Сы ку*, ссылаясь на *Чунь цин цзи вэнь* 春清紀聞 сунского Хэ Юаня 何遠 (Вэя), указывают, что автором *Мо-цзина* является не кто иной, как брат Чао Юэ-чжи — Чао Гуань-чжи 晁貫之 (*цзы* Цзи-и 季一), который занимал должность корректора (*цзянь-тао* 檢討) в *Хань-линъ-юане*, а по другим источникам, был членом палаты цензоров (*ча-юань* 察院). Указание *Сы ку* подтверждается тем, что в существующих <Л. 35> ших изданиях *Мо-цзина* автором его тоже значится Чао Гуань-чжи⁹¹.

Переходим к Чао Чун-чжи 晁冲之 (*цзы* Шу-юн 叔用), сыном которого был автор *Цзюнь чжэй*. Чэнь Чжэнь-сунь замечает в своем каталоге, цз. 20, 12v, что, несмотря на свои дарования, Чао Чун-чжи не имел ученой степени. Из этого можно заключить, что он не имел чина, а следовательно, не состоял на государственной службе. Вероятно, в связи с последним обстоятельством его не коснулись репрессии, которые были направлены против членов «партии Юань-ю»⁹².

В заметке о собрании стихотворений своего покойного отца (*Сянь цзюнь-цзы* 先君子) Чао Гун-у приводит слова Люй Бэнь-чжуна 吕本中 (отец Люй Цзу-цзяня 吕祖兼), который замечает, что Чао Чун-чжи был «главой поэтов» Цзянси (см. *Цзянь чжэй*, цз. 19, 48v). То же самое подтверждает и Чао Юэ-чжи, указывающий, что Чао Чун-чжи был наиболее одаренным поэтом в их семье. Собрание его стихов *Цзюй-цы цзи* 具茨集, напечатан <Л. 36> ное при жизни Чао Гун-у в Фэнду 豐都 (Сычуань) и перепечатанное при Мин⁹³, стало впоследствии очень

пии, по возможности близко воспроизводившие вид печатного оригинала (*инь-чао-бэнь* 印鈔本).

⁹¹ *Мо-цзин* входит в серии *Цзинь-дай би шу* 津逮秘書, *Сюэ-цзинь тао юань* 學津討原, *Шэ-юань мо цуй* 涉園墨萃 и др. — Примеч. К.К. Флуга.

⁹² Имеются, впрочем, сведения, что Чао Чун-чжи опасался этих репрессий как родственник лиц, занесенных в проскрипционный список Юань-ю. Из послесловия Юй Жу-ли 喻汝礪 (датировано 1140 г.) к собранию стихов Чао Чун-чжи (воспроизведено в *Цзян-си ши-пай сяо сюй* 江西詩派小序, 4г-6v, составленном Лю Кэ-чжуаном 劉克莊 (1187–1269) и входящем в *Чжи-бу-цзу-чжэй цун-шу* 知不足齋叢書. См. также *Би-сун-лоу цан шу чжи*, цз. 77, 14г–16v, где фамилия автора предисловия написана без детерминатива «рот») мы узнаем как любопытную подробность, что отцу Чао Гун-у из опасения преследований пришлось даже переменить свое имя. Юй Жу-ли, знавший его в начале XII в. под именем Чао Юн-дао 晁用道, был впоследствии очень удивлен, когда Чао Гун-у сказал, что настоящее имя его отца было Чун-чжи. — Примеч. К.К. Флуга.

⁹³ Говоря в своем *Би-сун-лоу цан шу чжи*, цз. 77, 14г–16v, об этом издании, Лу Синь-юань замечает, что оно было произведено минским Чао Жу-ли 晁汝璩. Сходство имени этого лица с именем Чао Ли 晁璩, упоминавшимся выше в качестве автора каталога *Бао-вэнь-тан фэнь-лэй шу-му* и издателя сочинений Чао Сюна, дает основание для

редким, почему и не попало в *Сы ку*. Экземпляр этого собрания стихов, описанный Жуань Юанем в *Сы ку взй шоу шу-му ти-яо* 四庫未收書目提要 (цз. 1, 5г-v), состоит из 167 стихотворений и имеет комментарии неизвестного автора. Судя по названиям сочинений, ссылки на которые приводятся в комментариях, составление последних относится к минскому периоду⁹⁴.

<Л. 37> Переходим, наконец, к самому Чао Гун-у, в связи с биографией которого и были приведены краткие справки об остальных членах этой знаменитой семьи литераторов и ученых⁹⁵.

Жизнеописание Чао Гун-у, в *Сун ши* отсутствующее, было составлено в 1880 г. Цянь Бао-таном 錢保塘⁹⁶, использовавшим для этого целый ряд сочинений, содержащих указания о жизни или, вернее, служебной карьере Чао Гун-у. Составленное Цянь Бао-таном жизнеописание (*ши люэ* 事略) приложено к *Цзюнь чжсай* в издании Ван Сянь-цяня 王先謙. Это жизнеописание послужило, по-ви- <Л. 38> димому, основой для биографической заметки о Чао Гун-у, помещенной

предположения о родственности, если не о тождестве, этих двух лиц. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁹⁴ *Цзюй-цы цзи* 具茨集 в изданиях серии *Хай-шань-сянь-гуань цун-шу* 海山仙館叢書 и *Чао-ши цун-шу* 晁氏叢書 (последняя состоит из произведений членов семьи Чао и издана, согласно *Цун-шу шу-му хуй бянь*, цз. 325, цинским Чао И-дуанем 晁貽端) насчитывает, как и экземпляр Жуань Юаня, 15 цз[юаней]. Экземпляры, внесенные в каталоги Чао Гун-у и Чэнь Чжэнь-суня, состояли из 3 и 5 цз[юаней]. В *Чжи чжсай*, цз. 21, 4v, упоминается, кроме того, сборник *цы* Чао Чун-чжи, называвшийся *Чао Шу-юн цы* 晁叔用詞 (1 цз.) и пользовавшийся, по словам Чэнь Чжэнь-суня, большой известностью (ср. указание *Сун ши*, цз. 209, 9v, о *Чао синь цы* 晁新詞 (1 цз.), авторами которого значатся Чао Дуань-ли и Чао Чун-чжи). Несколько стихотворений из *Цзюй-цы цзи* 具茨集 приложены к описанному в *Сы ку*, цз. 174, 10v, экземпляру *Бэй-шань люй ши* 北山律式 (2 цз.), в котором содержатся стихи Чэн Цзюя 程俱, известного нам в качестве автора *Линь-тай гу ши* 麟臺故事 (1131 г.) — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁹⁵ Упоминаем здесь еще об одном представителе семьи Чао. В *Сы ку*, цз. 158, 5v, помещена рецензия на собрание стихотворений *Сунь-шань цзюй-ши цзи* 嵩山居士集 (54 цз.), автором которых значится Чао Гун-су 晁公遯 (*цзы* Цзы-си 子西, родом из Цзюйе в провинции Шаньдун). В *Сун ши* биография Чао Гун-у не помещена, но судя по месту его происхождения и имени, он является братом Чао Гун-у. Giles говорит в своем *Biographic Dict[ionary]*, № 201, [р. 85], что Чао Гун-су, которого он, называет Ch'ao Kung-so, обозначая его прозвище-*цзы* [как] 子四, получил степень доктора в 1138 г. Собрание его стихов, вошедшее в каталог библиотеки Цянь-луна (см. также *Бао-шу цза чжи*, 下, ч. 6), было напечатано в 1168 г. По-видимому, этот же самый Чао Гун-су упоминается в *Сы ку*, цз. 117, 6v, под именем Су 遯. — *Примеч. К.К. Флуга.*

⁹⁶ Цянь Бао-тан (*цзы* Те-цзян 鐵江), происходивший из Хайнина 海寧 (Чжэцзян), является автором *Фу-чжоу ши юй ти мин цзи* 阜州詩話題名記 (1 цз.), которое входит в *Цин-фэн ши цун-шу* 青風詩叢書. — *Примеч. К.К. Флуга.*

в *И-гу-тан ти-ба* 儀顧堂題跋 (цз. 5, 3v–4r), хотя автор этой заметки Лу Синь-кань, не упоминает о нем⁹⁷.

Чао Гун-у (*цзы* Цзы-чжи 子止) происходил из Цзюйе 鉅野 (Шаньдун)⁹⁸. В 1127 г. Чао Гун-у, спасаясь от вторжения чжурчженей, занявших всю северную часть Китая, переехал в Сычуань. Получив там степень доктора, он поступил на службу в транспортное управление (*цао-сы* 漕司), начальником которого был в то время Цзин Ду 井度. В 1147 г. он был назначен правителем <Л. 39> Тяньчжоу 秦州, а затем Жунчжоу 榮州 (Сычуань). К этому периоду относится дата предисловия Чао Гун-у к *Цзюнь чжай* (1151 г.), написанного в бытность его начальником Жунчжоу. После этого он служил в Хэчжоу 合州 (Сычуань), воспоминания о котором нашли отражение в его «Заметке о павильоне Цин-хуа», находившемся в окрестностях Хэчжоу⁹⁹. После этого места службы Чао Гун-у неоднократно менялись, пока он не получил в 1168 г. назначение на должность комиссара по военно-пограничным делам провинции Сычуань (*чжи-чжи-ши* 制置使). В это время в Сычуани случился неурожай, вследствие чего цена на рис так возросла, что среди местного населения начался голод. Чао Гун-у, как отмечает его жизнеописание, закупил по этому случаю большое количество риса и распределил его по самой низкой цене среди нуждающихся. В 1170 г. пограничное племя *мань* произвело набег на Ячжоу 雅州, разрушив местную крепость. Отряд правительственных войск,

⁹⁷ Судя по времени составления *ши-люэ* Цянь Бао-тана (1880 г.), первое из них появилось во всяком случае раньше. Биография Чао Гун-у, составленная Чэнь Ци-дао 陳祺燾, помешена, если не ошибаюсь, в 66-м выпуске *Го-суй сюэ-бао* 國粹學報, который у нас отсутствует. — Примеч. К.К. Флуга.

⁹⁸ В *И-гу-тан ти-ба*, цз. 5, 3г, местом его происхождения неправильно названо Цзюйлу 鉅鹿. Замечание Giles, *Bibliographical Dictionary*, № 202, [р. 85], о том, что *хао* Чао Гун-у было Цзюнь-ци 君齊, неверно, так как эти знаки представляют собой, несомненно, искажение уже известного нам *Цзюнь чжай* 君齋. Неточно также указание Giles на то, что население одной местности, где служил Чао Гун-у, «так его полюбило, что дало прозвище Чжао-дэ сянь-шэн 昭德先生» [р. 85]. На самом деле Чжао-дэ было фамильное прозвище семьи Чао и существовало задолго до этого времени. Таким образом, это указание объясняется, очевидно, простым недоразумением и вовсе не служит доказательством того, что Цянь Бао-тан при составлении своей биографической заметки упустил из виду некоторые источники, содержащие сведения о тех событиях, в связи с которыми якобы Чао Гун-у получил прозвище Чжао-дэ сянь-шэн (ср.: Pelliot, [P. Le Chou king en caractères anciens et le Chang Chou che wen // Pelliot. Mémoires concernant l'Asie Orientale (Inde, Asie Centrale, Extrême Orient). Publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres sous la direction de Sénart, Chavannes, Cordier, membres de l'Institut. Vol]. II, [Paris, p.] 152) — Примеч. К.К. Флуга.

⁹⁹ Текст заметки Чао Гун-у под названием *Цин-хуа-лоу цзи* 淸華樓集 цитируется Цянь Бао-таном по *Сычуань тун-чжи* 四川通志. — Примеч. К.К. Флуга.

посланных против них Чао Гун-у, потерпел поражение. В связи с этим Чао Гун-у был уволен с занимаемой им должности и лишь в середине следующего года назначен на место помощника правителя Линьаня 臨安 (Чжэцзян). Уже через два месяца он ушел и с этой должности, опять, по-видимому, не поладив с начальством. Впоследствии Чао Гун-у дослужился до чина вице-президента (*ши-лан* 侍郎) министерства <Л. 40> гражданских чинов (*ли-бу* 吏部) и провел конец своей жизни в окрестностях Цзядина 嘉定, где и был похоронен¹⁰⁰.

Чао Гун-у всю жизнь занимался литературной работой и оставил целый ряд сочинений. Особенно большой известностью пользовались в свое время его толкования конфуцианских канонических книг, в которых он проявил, по свидетельству современников, обширную и глубокую эрудицию. К числу их относится филологические комментарии *гу-сюнь чжуань* 詁訓傳 к *И-цзину*, *Шу-цзину*, *Ши-цзину*, *Чунь-цю* и *Чжун-юню* под названиями: *И-гу-сюнь чжуань* 易詁訓傳 (18 цз.), *Шан-шу гу-сюнь чжуань* 尚書詁訓傳 (46 цз.), *Мао-ши гу-сюнь чжуань* 毛詩詁訓傳 (20 цз.), *Чунь-цю гу-сюнь чжуань* 春秋詁訓傳 (20 цз.), *Чжун-юнь да чжуань* 中庸大傳 (1 цз.) (*Сун ши*, цз. 202, 6в, 9г, 11г). Насколько известно, ни одна из этих работ, существовавших в свое время в печатных изданиях, до нас не дошла. Утеряны они, по-видимому, очень давно. В своем послесловии к *Цзюнь чжай*, датированном 1249 г., Ю Цзюнь 游鈞 замечает, что в библиотеке его деда и отца имелись рукописные копии печатных изданий комментариев Чао Гун-у, а именно его комментариев к *И-цзину* был занесен Чэнь Чжэнь-сунем в *Чжи чжай*, цз. 1, 22в. Отмечая в своей рецензии высокие достоинства этой работы, Чэнь Чжэнь-сунь указывает, что она была <Л. 41> окончена в эру Цянь-дао 乾道 (1165–1173). Об остальных комментариях Чао Гун-у мне, за исключением их названия, ничего не известно.

Кроме того, Чао Гун-у написал *Цзи-гу хоу лу* 稽古後錄 (35 цз.) (*Сун ши*, цз. 203, 25г), представляющее собой, судя по названию, продолжение работы Сыма Гуана *Цзи-гу лу* 稽古錄 и *Чжао-дэ-тан гао* 昭德堂稿 (60 цз.), которое является собранием его стихов и мелких прозаических произведений. В библиографическом отделе *Сун ши*, цз. 205, 6г, и 203, 25в, упоминается также его работа о *Дао-дэ-цзине* [под названием] *Лао-цзы тун-шу* 老子通述 (2 цз.) и «Песни дровосека с горы Сунгао (в Хэнани)» *Сун-гао цяо чан* 嵩高樵唱 (2 цз.). Отсутствие этих сочинений в *Чжи чжай* показывает, что уже во времена Чэнь Чжэнь-

¹⁰⁰ Pelliot указывает в *Le Chou king en caractères anciens*, p. 152, что Чао Гун-у умер в 1171 г. Я не знаю, на каких источниках основана эта дата, так как в заметке Цянь Баотана я ее не нашел. — *Примеч. К.К. Флуга.*

суня (XIII в.) они были редки. В дополнение к перечню написанных Чао Гун-у сочинений укажем его заметку *Дун-по цзы-тан цзи* 東坡祠堂記, содержание которой приведено в *Лян-ци мань чжи* 梁谿漫志 (цз. 4, 7v) (изд. *Чжи-бу-цзу-чжай цун-шу* 知不足齋叢書)¹⁰¹.

Среди главных произведений, перечисленных Цянь Бао-таном в его библиографической заметке, не упомянуты две работы, <Л. 42> произведенные Чао Гун-у над каноническими текстами в конце его жизни. Отсутствие указаний на эти работы является более странным, что о них сохранилось больше сведений, чем об остальных произведениях данного автора.

Первая из этих работ посвящена сравнительному исследованию текста канонических книг, высеченных на каменных плитах, и носит название *Ши цзин као* и 石經考異¹⁰².

Как известно, текст конфуцианских канонических книг был выгравирован на стелах в Чэнду (Сычуань) по инициативе У Чжао-и 毋昭裔, который с 935 по 953/954 г. состоял первым министром при Мэн Чане 孟昶, правившем независимой областью Шу 蜀 (Сычуань) и принадлежавшем к династии Хоу Шу или, как ее называют в сунской литературе, Вэй 僞 (Лже-) Шу. Канонические книги, высеченные на стелах в Чэнду, состояли из *И-цзина*, *Шу-цзина*, *Ши-цзина*, *Чжоу-ли*, *И-ли*, *Ли-цзи*, *Цзо-чжуани*, *Лунь-юя* и *Сяо-цзина* и *Эр-я*, к которым впоследствии были присоединены комментарии к *Чунь-цю*, составленные Гуньян Гао и Гулянь Чи, а еще позже — Мэн-цзы. В своем предисловии к *Ши цзин као* и¹⁰³, а также в <Л. 43> *Цзюнь чжай* Чао Гун-у говорит об

¹⁰¹ *Лян-ци мань чжи* 梁谿漫志, написанное сунским Фэй Гунем 費衮 (цзы Бу-чжи 補之), было напечатано впервые в 1201 г. В сунском издании этого сочинения, описанном в *Тянь-лу линь-лан шу-му* 天祿琳琅書目, хоу бянь, цз. 5, 20v–21r, помещен текст официального отношения 1206 г. о затребовании данного сочинения для государственной коллегии историографов (*го-ши ши-лу юань* 國史實錄院). Это доказывает, что работа Фэй Гуна в свое время очень ценилась. О минском издании ее см. *Тянь-лу линь-лан шу-му*, цз. 9, 25r–v. — Примеч. К.К. Флуга.

¹⁰² Сведения об этой работе содержатся в: Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. М.—Л., 1959. С. 91–95.

¹⁰³ Предисловие Чао Гун-у помещено сунским Фань Чэн-да 范成大 (цзы Чжи-нэн 致能) в его *Ши цзин ши мо цзи* 石經始末記, которое, в свою очередь, приведено в работе о танских и сунских «классиках на камнях» *Тан Сун ши цзин као* 唐宋石經考, 22v–25r, (изд. *Сы-янь-тан цун-шу* 賜硯堂叢書), составленной цинским Вань Сы-туном 萬斯同 (цзы Ци-е 季野). Предисловие Чао Гун-у помещено также в работе Гу Янь-у 顧炎武 *Ши цзин као* 石經考, 20r–21r, входящей в серию *Ши цзин хуй хань* 石經彙函, изд. 1890 г. (об этих работах Вань Сы-туна 萬斯同 и Гу Янь-у 顧炎武 см. *Сы ку*, цз. 86, 9r–v). Наконец, это же предисловие, хотя и в неполном виде, воспроизведено Ван Го-взем в *У-дай лян Сун цзянь бэнь као* 五代兩宋監本考, цз. 2, 1v–2r, собр[ание] соч[инений], нэй бянь 內編. — Примеч. К.К. Флуга.

истории канонических текстов, высеченных на каменных плитах в Сычуани¹⁰⁴. По словам Чао Гун-у, их текст был основан на танских «классиках на камнях», послуживших в свою очередь основой для ксилографического издания 932–953 гг.¹⁰⁵

Текст *Сяо-цзина* (1 цз.), *Лунь-юя* (10 цз.) и *Эр-я* (3 цз.), предназначенный для гравирования на каменных плитах, был переписан в 944 г. правителем Пинцюаня 平泉 (Сычуань) <Л. 44> Чжан Дэ-чжао 張德釗. Текст *И-цзина* (10 цз.) вместе с *Чжоу И люэ-ли* 周易略例 Ван Би был переписан в 951 г. Сунь Фэн-цзи 孫逢吉¹⁰⁶ и преподавателем *Го-цзы-цзяня* Ян Цзюнем 楊鈞. *Шу-цзин* (13 цз.) был переписан Чжоу Дэ-чжэнем 周德貞, *Чжоу ли* (20 цз.) — Сунь Пэн-цзи 孫朋吉¹⁰⁷, *Ши-*

¹⁰⁴ Соответствующие статьи Чао Гун-у о *Сяо-цзине* и *Эр-я* в *Цзюнь чжай* отсутствуют, что является, по-видимому, доказательством неполноты существующих в настоящее время изданий этой библиографии. Дополнительные сведения о канонических текстах, высеченных на стелах в Сычуани, даны Чжао Си-бянем 昭洗編 в его «Дополнении» к *Цзюнь чжай*. — Примеч. К.К. Флуга.

¹⁰⁵ Чао Гун-у называет танский текст *Тай-хэ бэнь* 太和本, так как гравирование его окончилось во втором году эры Тай-хэ (837). То же самое касается принятого Чао Гун-у обозначения *Чан-син бэнь* 長興本, которое относится к ксилографическому изданию канонических книг, начатому в третьем году эры Чан-син (932 г.) и законченному в 953 г. (см. о нем *У дай лян Сун цзянь бэнь као*, цз. 2, 1г–5г). Замечание Чао Гун-у о том, что основой для сычуаньских «классиков на камнях» послужил текст таковых же классиков танского периода (*и Тай-хэ цзю бэнь ... шу* 依太和舊本...書), возбуждает, однако, сомнения по следующей причине. В помещенной в *Цзюнь чжай*, цз. 1, 21г, статье о *Шу-цзине*, высеченном на каменных плитах в Сычуани, Чао Гун-у указывает на то, что общепринятое чтение фразы из главы «Пань-гэн»: *жо ван цзай ган* 若網在綱 заменено в нем на *жо ган цзай ган* 若綱在綱, т.е. на стеле два раза повторяется последний знак *ган* 綱, причем Чао Гун-у не находит этому объяснения. Обращаясь к биографии Тянь Миня 田敏 (цит. в *У дай лян Сун цзянь бэнь као*, цз. 1, 2v), мы находим в ней указание, что этот ученый, состоявший редактором ксилографического издания канонических книг, произведенного *Го-цзы-цзянем* в 932–956 гг., отличался крайней независимостью и оригинальностью своих суждений. В качестве примера биография приводит указанную выше фразу из *Шу-цзина* *жо ван цзай ган* 若網在綱, которая была изменена Тянь Минем в тексте издания *Го-цзы-цзяня* на *жо ган цзай ган* 若綱在綱. Основываясь на этом указании, можно думать, что текст канонических сочинений (во всяком случае, что касается *Шу-цзина*), выгравированный на камнях в Сычуани, основывался непосредственно на ксилографическом издании 932–953 гг. — Примеч. К.К. Флуга.

¹⁰⁶ Это лицо не имеет, очевидно, никакого отношения к Сунь Фэн-цзи 孫逢吉 (цзы Янь-тун 彦同), получившему степень доктора в 1163 г. (см. его биографию в *Сун ши*, цз. 404, 8v–10v) и являющемуся автором *Чжи-гуань фэнь-цзи* 職官分紀 (50 цз.) (см. *Цзюнь чжай*, цз. 5, 28г–v, *Сы ку*, цз. 135, 7v, *Минь-цю ду-шу чжи*, цз. 2, 12v, которое издано в серии *Сы ку цюань шу чжэнь бэнь чу цзи* 四庫全書真本初集). — Примеч. К.К. Флуга.

¹⁰⁷ В *Цзюнь чжай*, цз. 2, 5г (изд. Ван Сянь-цяня), вместо *цзи* 吉 неправильно значится *гу* 古. — Примеч. К.К. Флуга.

цзин (20 цз.), *Ли-цзи* (20 цз.), *И-ли* (17 цз.) — Чжан Шао-вэнем 張紹文, состоявшим корректо-<Л. 45> ром при управлении дворцовой библиотеки (*би-шу-шэн* 秘書省). Имя лица, переписавшего *Цзо-чжуань* (30 цз.), осталось неизвестным, но, судя по имеющимся в тексте табу династии Шу, он был выгравирован в одно и тоже время, что и остальные «классики на каменных плитах», т.е. при Мэн Чане, правившем областью Шу с 934 по 965 г. Нужно, впрочем, заметить, что, по мнению самого Чао Гун-у, текст некоторых канонических книг был выгравирован на каменных плитах еще до того времени, когда отец Мэн Чана — Мэн Чжи-сян 孟知祥 объявил область Шу, которой он правил, независимой от власти династии Хоу Тан, т.е. до 930 г. Так, например, говоря в своей библиографии (цз. 1, 21г) о *Шу-цзине*, высеченном на каменных плитах в Сычуани, Чао Гун-у замечает, что встречающиеся в нем знаки *сян* 祥 (табу династии Шу) и *минь* 民 (табу династии Тан) написаны без последней черты. Это обстоятельство служит, по его мнению, доказательством того, что данный текст выгравирован на камнях до 930 г. Правильность этого замечания вызывает сомнение по следующим причинам: знак *сян*, входивший в имя Мэн Чжи-сяна, должен был подвергнуться табу после его смерти, т.е. при правлении его сына Мэн Чана (конец 934 — начало 965 г.). Следовательно, сам текст мог быть выгравированным на камнях не ранее 934 г. В пользу этого же говорит указание Чао Гун-у на имеющуюся в данном тексте фразу *жо ган цзай ган*. Как упоминалось выше, именно этот вариант находился в *Шу-цзине* издания 932–953 гг. Наличие его в тексте сычуаньского *Шу-цзина* служит доказательством того, что текст последнего основывался на издании 932–953 гг. и не мог, следовательно, быть выгравированным до этого времени, как это полагал Чао Гун-у. Что же касается танских табу, имевшихся в тексте *Шу*-<Л. 46> *цзина*, и некоторых других сычуаньских «классиков на камнях»¹⁰⁸, то их наличие можно объяснить тем, что после падения династии Тан и разделения Китая на мелкие независимые области правитель Сычуани, оставаясь верным бывшей династии и признавая ее хотя бы номинальный суверенитет, сохранил танские табу¹⁰⁹. Наконец, в

¹⁰⁸ Хун Май 洪邁, живший в XII в., подтверждает в своем *Жун-чжай суй би* 容齋隨筆 (цит. Гу Янь-у в *Ши цзин као*, 21г), что в тексте канонических книг, высеченных на каменных плитах в Сычуани, знаки, входившие в личные имена танских императоров Гао-цзу и Тай-цзуна, были написаны без последней черты. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹⁰⁹ Известно, что после падения Тан в 907 г. некоторые правители независимых областей продолжали употреблять последнее танское *нянь-хао* [年號 — девиз правления]. Тянь-ю 天祐. Так, например, царство Цзинь 晉, не признавая династии Хоу Лян (907–923), свергнувшей Танов, продолжало пользоваться этим *нянь-хао* вплоть до 923 года,

пользу того предложения, что десять канонических текстов были высечены после 930 г., говорят указания самого Чао Гун-у, приписывающего установку стел У Чао-и, который был министром в Сычуани с 935 по 953/954 г., а также позднейшие свидетельства Чжао Си-бяня 趙希弁 в его «Дополнении» к *Цзюнь чжэй* (фу чжи 附志, цз. 5 上, 1г, [и] сл[едующие]) и Си И 席益 в его заметках о хранилище сычуаньских стел *Чэнду фу-сюэ ши-цзин-тан ту цзи цзи* 成都府學石經堂圖籍記¹¹⁰. Что касается комментария Гунъяна (12 цз.), то он был высечен на стелах лишь в <Л. 47> 1049 г. по распоряжению Тянь Куана 田況, состоявшего в то время правителем Чэнду¹¹¹.

На стелах с комментариями Гуляна в 12 цз[юанях] дата и имя лица, переписывавшего текст для гравирования, отсутствуют, но сунские табу показывают, что это произведение было высечено на стелах после царствования сунского Чжэнь-цзуна (998–1022 гг.). По мнению Чао Гун-у, эти стелы были поставлены тем же Тянь Куаном. Еще позже, в 1123 г., Си И, также состоявший в должности правителя Чэнду, присоединил к ним стелы с текстом *Мэн-цзы* в 14 цз[юанях]¹¹², после чего составилось полное собрание 13 канонических книг¹¹³.

когда правитель Цзинь основал собственную династию Хоу Тан (923–936). То же самое было в царстве Ци 岐 или Цинь 秦, признавшем верховную власть Хоу Тан только в 924 г., а до того времени пользовавшемся при летоисчислении последним *нянь-хао* танской династии. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹¹⁰ Текст этой заметки, датированный 1137 г., помещен в *Тан Сун ши цзин као* 唐宋石經考, ч. 21. Говоря в ней о сычуаньских стелах, Си И 席益 упоминает дату 944 г. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹¹¹ См. *Цзюнь чжэй*, цз. 3, 2г-в, и «Дополнение» (фу чжи) Чао Си-бяня, цз. 5 上, 3г. Тянь Куан является автором *Хуан-ю хуй цзи лу* 皇祐會計錄 (6 цз.), о котором говорит Чао Гун-у в своем каталоге, цз. 8, 1в. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹¹² Согласно *Ши кэ пу-сюй* 石刻鋪叙, цз. 1, 4г. (изд. *Дай-юань цун-шу* 貸園叢書), составленному в середине XIII в. Цзэн Жун-фу 曾宏父 (*цзы* Ю-цин 幼卿) (см. о нем *Сы ку*, цз. 86, 3в), текст *Мэн-цзы* был выгравирован на стелах в 1123–1124 гг. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹¹³ Я затрудняюсь объяснить, почему Ю Моу 尤袤 (ум. в 1190 г.) в своем каталоге *Суй-чу-тан шу-му* 遂初堂書目, 1 цз. (изд. *Хай-шань-сянь-гуань цун-шу* 海山仙館叢書) называет только 12 канонических книг, высеченных на стелах в Чэнду. Нужно заметить, что состав и количество сочинений, входивших в число канонических книг, менялись при Сун неоднократно. В начале сунского периода в программу государственных экзаменов входило изучение девяти канонических книг, под которыми понимались *Сань цзин* 三經 (*И-цзин*, *Шу-цзин*, *Ши-цзин*), *Сань ли* 三禮 (*Чжоу-ли*, *И-ли*, *Ли-цзи*), *Сань чжуань* 三傳 (*Цзо-чжуань* и комментарий Гунъяна и Гуляна). При Шэнь-цзуне (1068–1085 г.) *И-ли* и *Цзо-чжуань* были, по настоянию Ван Ань-ши 王安石, исключены из программы преподавания, так что в состав канонической литературы входили только *И-цзин*, *Шу-цзин*, *Ши-цзин*, *Чжоу-ли*, *Ли-цзи*, *Лунь-юй*, *Мэн-цзы*. В начале эры Юань-ю 元祐 (1086–1093 г.) *Цзо-чжуань* и *И-ли* снова были включены в состав конфуцианских

<Л. 48> В бытность правителем Жунчжоу Чао Гун-у занимался сравнительным изучением текста канонических книг, высеченных на стелах, и текста экземпляра, перепечатанного *Го-цзы-цзянем* с ксилографического издания 932–953 гг.¹¹⁴. Обнаружив, что в них встречаются различия, он приказал преподавателям местного училища произвести полное сличение обоих текстов. При этом было найдено 302 варианта, которые были выгравированы на стелах под названием <Л. 49> *Ши цзин као и* 石經考異. Чао Гун-у написал по этому поводу «предисловие», о котором уже упоминалось выше. Согласно *Ши кэ пу сюй* 石刻鋪叙 (цз. 1, 4r), текст *Ши цзин као* и был закончен в третьем месяце 1170 г. и состоял из одной цзюани¹¹⁵. В заметке, написанной сунским писателем XII в. Фань Чэн-да 范成大 под названием *Ши цзин ши мо цзи* 石經始末記¹¹⁶, указывается, что текст *Ши цзин као* и вместе с предисловием Чао Гун-у был выгравирован на двадцати одной стеле, помещенных в *Ши-цзин-тан* 石經堂 в областном училище в Чэнду, где находились и стелы с каноническими текстами¹¹⁷. По-

цинов. В напечатанное во второй половине XII в. миниатюрное издание «девяти цзинов» (описано в *Тянь-лу-линь-лан шу-му хоу бянь*, цз. 3, 17v–18r) вошли *И-цзин*, *Шу-цзин*, *Ши-цзин*, *Чжоу-ли*, *Ли-цзи*, *Цзо-чжуань*, *Сяо-цзин*, *Лунь-юй*, *Мэн-цзы*. Добавим здесь, что канонические тексты сычуаньских стел нельзя смешивать с ксилографическим изданием канонических книг, напечатанным (или начатым печатанием) в Сычуани около 953 г. (см. *Тан Сун ши цзин као*, 21v, и *У дай лян Сун цзянь-бэнь као*, цз. 1, 4r); это издание, появившееся после издания *Го-цзы-цзяня* 932–953 гг., обозначается названием «Девяти канонических книг, [напечатанных] крупными знаками в Сычуани» (*Шу да цзы цзю цзин* 蜀大字九經). Судя по тому, что термином *цзю цзин* 九經 обозначают и издание 932–953 гг., в которое кроме «девяти цзинов» вошли фактически *Сяо-цзин*, *Лунь-юй* и *Эр-я*, надо полагать, что сычуаньское издание также состояло в действительности из двенадцати канонических книг. Косвенное указание на это ксилографическое издание имеется в *Цзюнь чжай*, 1, 4r. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹¹⁴ *Го-цзы-цзянь со мо Чан-син бань-бэнь* 國子監所摹長興板本. По-видимому, здесь имеется в виду издание канонических книг, напечатанное *Го-цзы-цзянем* в первой половине XI в. (см. о нем *У дай лян Сун цзянь бэнь као*, цз. 2.1 [и] сл[едующие]). — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹¹⁵ О *Ши цзин као* и см. также *Сычуань тун чжи*, цз. 188, 4r. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹¹⁶ Помещена в работе Хан Ши-цзюня 杭世駿 (*цзы* Да-цзун 大宗) *Ши цзин као и* 石經考異, цз. 下, ч. 5 (изд. *Ши цзин хуй хань*), составленной в виде дополнения к упомянутой выше работе Гу Янь-у, о которой см. *Сы ку*, цз. 86, 11r-v. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹¹⁷ Фрагменты сычуаньских стел сохранились до настоящего времени. В своем *Шу ши цзин Чунь-цю Гулян-чжуань цань ти-ба* 蜀石經春秋穀梁傳參題跋 (*Сюэ-тан цзю кань цюнь шу сюй-лу* 雪堂校刊羣書叢錄, цз. 2, 90r–91r) Ло Чжэнь-юй 羅振玉 (1886–1940) говорит, что данный фрагмент комментария Гуляна принадлежал Ян Ци-чжэню 楊繼震 (последний знак его имени в биографическом словаре *Чжун-го цан-шу-цзя као-люэ* 中國藏書家考略, [стр.] 115, читается *чжэнь* 振), в коллекции которого имелись

видимому, вскоре после окончания работы по сличению текстов канонических книг такая же работа над текстом комментария к ним была произведена <Л. 50> Чжан Чэ 張熹, составившим *Ши цзин чжу-вэнь као* 石經注文考異 (40 цз.)¹¹⁸.

Вторая работа Чао Гун-у связана с установкой стел с текстом *Шу-цзина*, написанного древними знаками. «Предисловие» к нему было написано Чао Гун-у летом 1170 г. Он говорит в этом предисловии, что, разыскав в сычуаньском областном училище полный экземпляр *Шу-цзина*, написанного древними знаками *гу вэнь*, который был издан Люй Да-фаном 呂大防 в 1082 г., он решил выгравировать этот текст на каменных плитах. По предложению Чао Гун-у, этот текст был переписан и выгравирован на стеле под наблюдением Чао Чэ 晁車 в седьмом месяце 1170 г.¹¹⁹. При гравировании текста *Гу-вэнь Шан-шу* из него были выпущены комментарии, приписываемые (ложно) Кун Ань-го 孔安國. Это объясняется тем, что Чао Гун-у хотел для дополнения канонических текстов, <Л. 51> выгравированных на стелах, присоединить к ним только ту часть *Гу-вэнь Шан-шу*, которая была написана древними знаками. А так как этими знаками был написан лишь текст соб-

таковые же фрагменты *Чжоу-ли* и *Цзо-чжуани*. Говоря об их дальнейшей судьбе, Ло Чжэнь-юй упоминает и о других сохранившихся фрагментах сычуаньских стел. Названный выше Ян Ци-чжэнь (*цзы Ю-юнь* 幼雲) является автором *Шу ши цзин као* 蜀石經考異 (3 цз.), которое как будто осталось неизданным. Согласно Гу Янь-у, цитирующему в своем *Ши цзин као*, цз. 下, 6v–7r, работу минского Цао Сюэ-цюаня 曹學佺 *Сычуань мин-шэнь чжи* 四川名勝志 (ср. *Сы ку*, цз. 76, 4r, где указывается, что это произведение, относящееся к 1618 г., было составлено не самим Цао Сюэ-цюанем, а другим лицом на основании *Шу чжун гуан чжи* 蜀中廣志, автором которого является Цао Сюэ-цюань), несколько фрагментов стел с текстом *Ли-цзи* находилось в его время в Хэчжоу. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹¹⁸ *Сун ши*, цз. 202, 29r. Ср. примечание в *У дай лян Сун цзянь бэнь као*, цз. 2, 2r, с цитатой из *Юй хай*. Pelliot, *Le Chou king en caractères anciens et le Chang Chou che wen*, [p.] 151, читает имя автора *Ши цзин чжу-вэнь као* как «Се» или «Ю». Я придерживаюсь здесь чтения «Чэ», данного Палладием в его Китайско-русском словаре ([Т.] II, [стр.] 500) и указанного в *Кан-си цзы-дяне* 康熙字典 в качестве второго чтения знака 熹, который является эквивалентом знака, входящего в имя Чжан Чэ. Текст предисловия Чао Гун-у воспроизведен Гу Янь-у в его *Ши цзин као*, 23r-v. О *Гу-вэнь Шан-шу* или «Шу-цзине, написанном древними знаками *ли-гу* 隸古» и изданном Люй Да-фаном 呂大防, см. *Цзюнь чжай*, цз. 1, 22r-v, где Чао Гун-у высказывает мнение о подлинности текста, воспроизведенного в этом издании. Дата издания Люй Да-фана указана в *Ши кэ ну сюй*, цз. 1, 4v. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹¹⁹ В *Ши кэ ну сюй*, цз. 1, 4v, сказано, что работой руководил преподаватель училища Чжан Да-гу 張大固. По-видимому, это то самое лицо, которое Чао Гун-у называет именем Чжан Чэ. Как уже отметил Pelliot, представляется непонятным, почему Симата Кан 島田翰 в своем *Гу-вэнь цзю шу као* 古文舊書考, цз. 3, 14r, делает различие между экз[емпляром] Чао Гун-у и экз[емпляром] Чжан Чэ. — *Примеч. К.К. Флуга.*

ственно *Шу-цзина*, а комментарий, со времени его появления всегда писали обыкновенным почерком¹²⁰, то текст последнего и был исключен при гравировании стел.

Перехожу к вопросу о деятельности Чао Гун-у как библиофила и библиографа. Как было отмечено выше, книжная кол- <Л. 52> лекция, собиравшаяся в семье автора *Цзюнь чжай* уже с давних пор, достигла со временем крупных размеров. Во время войны с чжурчжэнями эта библиотека погибла¹²¹. При этом погибли, вероятно, и хранившиеся в ней произведения самих членов семьи Чао, чем и объясняется то, что впоследствии Чао Гун-у приходилось разыскивать их у посторонних лиц¹²². С течением времени у Чао Гун-у вновь образовалась большая библиотека, наибольшую часть которой составило собрание книг, полученное им в дар от своего бывшего начальника Цзин Ду 井度 (*цзы* <Л. 53> Сянь-мэн 憲孟)¹²³. В это время в Сычуани находились гораздо

¹²⁰ В 317–327 гг. Мэй Цзэ 梅賾 представил императору текст *Шу-цзина*, написанного древними знаками, с подлинными якобы комментариями Кун Ань-го 孔安國. Эта версия *Шу-цзина* и сохранилась, как известно, до нашего времени. Подлинность ее вызывала сомнение уже при Сун. В настоящее время признано, что *Шу-цзин*, представленный Мэй Цзэ, является подделкой. Это не значит, однако, что в ней нет ничего от подлинного *Шу-цзина*, так как основная часть ее состоит из слегка измененного текста 29 глав версии Фу Шэна 伏勝, который был выдан Мэй Цзэ за подлинный текст Кун Ань-го, найденный в I–II в. и написанный знаками *кэ-доу* 科斗. Остальная часть состояла из различных текстов, искусственно соединенных Мэй Цзэ [и] изучен[ных] Pelliot в его собственном исследовании *Le Chou king en caractères anciens, et le Chang chou che wen*, [p.] 124 [и] сл[едующие]. — Примеч. К.К. Флуга.

¹²¹ По словам Вэй Ляо-вэна 魏了翁 (*цзы* Хуа-фу 華父, 1178–1237), гибель библиотеки произошла при пожаре, бывшем в 1114 г. См. предисловие Вэй Ляо-вэна к каталогу *Суй чу Тан шу-му* (ср. также его *Хао-шань сянь-шэн да цюань вэнь цзи* 鶴山先生大全文集, цз. 41, 15v, изд. *Сы бу цун-кань* 四部叢刊). — Примеч. К.К. Флуга.

¹²² В *Цзюнь чжай*, цз. 19, 6r-v, Чао Гун-у дает перечень тех лиц, у которых были найдены сочинения его родственников. В числе этих лиц упоминаются Ли Дао 李燾, Ван Фу 王輔, Чэн Дунь-хоу 程敦厚 и др. — Примеч. К.К. Флуга.

¹²³ Говоря в своем предисловии к *Цзюнь чжай* об этом лице, Чао Гун-у называет его «господин из Наньяна» (*Наньян-гун* 南陽公), не указывая его имени и фамилии. Чэнь Чжэнь-сунь (*Чжи чжай*, цз. 8, 9v) замечает по этому поводу, что ему неизвестно имя лица, о котором говорит Чао Гун-у, хотя существует мнение, что это Цзин Ду. Ван Ин-линь (王應麟, 1123–1269), в свою очередь, совершенно определенно говорит в *Юй хай*, цз. 52, 42v, что библиотека была получена в дар от Цзин Ду. Наконец, и сам Чао Гун-у называет это лицо по имени-*цзы* Цзин Сянь-мэном (см. *Цзюнь чжай*, цз. 5, 6v). На основании этих данных можно утверждать, что *Наньян-гун* и Цзин Ду являются одним и тем же лицом. Чао Гун-у отмечает в своей библиографии два сочинения, автором которых является Цзин Ду. Первое из них под названием *Чань-юань яо линь* 禪苑瑤林 (100 цз.) составлено на основании трех сочинений (сунских Дао-юаня 道原, Ли Цзунь-сюя 李遵勗 и Вэй Бо 惟白), содержащих жизнеописания буддийских монахов.

более богатые книжные собрания, чем в остальных провинциях, вследствие того, что эта провинция меньше пострадала от военных действий с чжурчжэнями. Благодаря этому Цзин <Л. 55> Ду, служившему в Сычуани, удалось собрать большую и ценную коллекцию книг, на приобретение которых он тратил, по словам Чао Гун-у, «половину своего жалованья». Выйдя в отставку, он поселился «у подножия горы Лушань 廬山» (по-видимому, здесь имеется в виду известная гора, находящаяся около города Синцзы 星子 в Цзянси), куда перевез на лодках и свою библиотеку. Цзин Ду хорошо знал Чао Гун-у еще с того времени, когда тот служил под его начальством в транспортном управлении. Однажды он прислал Чао Гун-у письмо, содержание которого приведено последним в предисловии к *Цзюнь чжэй*. В этом письме Цзин Ду писал, что, будучи в преклонных летах и приближа-

Второе называется *Шу Сань шэнь цы бэй вэнь* 蜀三神祠碑文 (5 цз.) и касается надписей на стелах в храмах Сычуани (см. о них *Цзюнь чжэй*, цз. 16, 23г, цз. 8, 12г). В истории китайского книгопечатания имя Цзин Ду пользуется известностью в связи с произведенным им изданием семи династийных историй. Происхождение этих изданий, изложенное в *Цзюнь чжэй*, цз. 5, 6г-в, в статье о *Сун шу* (100 цз.), лянского Шэнь Юэ 沈約 вкратце таково. В эру Цзя-ю 嘉祐 (1056–1063 гг.) был издан указ о проверке и исправлении текста семи династийных историй (Сун, Ци, Лян, Чэнь, Вэй, Бэй Ци, Чжоу) в связи с тем, что в их тексте имелись многочисленные ошибки и лакуны. По докладу Цзэн Гуна 曾鞏 (его биография в *Сун ши*, цз. 319, 7–8) было дано распоряжение о том, чтобы владельцы книжных коллекций представили для этой цели имеющиеся у них экземпляры данных историй. В 1064–1067 гг. Цзэн Гуном была закончена проверка текста династийных историй Нань Ци, Лян и Чэнь. Лю Шу 劉恕 (умер в 1078 г.) и др. произвели такую же работу над *Хоу Вэй шу* 後魏書, Ван Ань-го 王安國 (1028–1074) — над *Чжоу шу* 周書. В эру Чжэн-хэ 政和 (1111–1118 гг.) династийные истории были напечатаны и разосланы по провинциальным и уездным училищам, причем частным лицам удалось приобрести лишь незначительное количество экземпляров этих изданий. После войны с чжурчжэнями издание династийных историй почти полностью погибло и сделалось очень редким. В 1144 г., будучи начальником транспортного управления Сычуани, Цзин Ду дал распоряжение всем заведующим окружными училищами о розыске династийных историй, напечатанных в эру Чжэн-хэ. Благодаря тому, что Сычуань не пострадала от военных действий, все книги постепенно были найдены, за исключением части *Хоу Вэй шу*, которую впоследствии удалось получить от лица по фамилии Юйвэнь 宇文 и по прозвищу (цзы) Цзи-мэн 季蒙 (ср. *Цзюнь чжэй*, цз. 6, 21г). После этого все династийные истории по распоряжению Цзин Ду были напечатаны в Мэйшане 眉山 (Мэйчжоу в Сычуани). Экземпляры этих историй известны среди библиофилов под названием сычуаньских изданий с крупными знаками (*Шу да цзы бэнь* 蜀大字本). Интересно, что доски, с которых производилось печатание, существовали около семисот лет, что является чрезвычайно большим сроком, так как обычно они погибают довольно быстро. Согласно *Шу линь цин хуа* 書林清話, цз. 6, 5в, доски сычуаньских историй погибли во время пожара, случившегося при Цзя-цине (1796–1820). — Примеч. К.К. Флуга.

ясь к смерти, он боится, что его дети не смогут сохранить в целости те книги, которые он собирал всю свою жизнь. Поэтому он отдает свою библиотеку Чао Гун-у с тем, чтобы тот владел ею. Если же среди детей Цзин Ду найдется человек, который «проявит свою любовь к науке, пусть Чао Гун-у вернет ему эти книги». По-видимому, Чао Гун-у не встретил такого человека среди потомков Цзин Ду, так как книги остались у него¹²⁴.

Библиотека, которую Чао Гун-у получил в дар, состояла из пятидесяти ящиков (*це* 篋), наполненных книгами. По <Л. 56> присоединении к ней собственной коллекции Чао Гун-у образовалось собрание книг, состоявшее из 24 500 с лишним цзюаней. Согласно установившемуся в то время обыкновению, все библиофилы считали своим долгом лично составлять каталоги принадлежавших им книжных собраний. Этому обычаю последовал и Чао Гун-у. В предисловии к своему каталогу Чао Гун-у говорит, что, находясь на службе в глухом местечке Жунчжоу, он имел много свободного времени, которое посвящал просмотру книг своей библиотеки. Окончив проверку текста каждой книги, он составлял о ней краткую рецензию. Эти рецензии и замечания Чао Гун-у вошли в его библиографию, известную под названием *Цзюнь чжай ду шу чжи* 郡齋讀書志 («Библиографические заметки из кабинета областного правителя») и являющуюся единственной из работ Чао Гун-у, дошедшей до нас в достаточно полном виде.

Нужно заметить, что история передачи текста этой библиографии, имеющей первостепенное значение для изучения китайской литературы, довольно запутана. Судя по дате, имеющейся в предисловии Чао Гун-у, его библиография была окончена в 1151 г.¹²⁵ Исходя из того, что дата предисловий в ксилографических изданиях совпадает обычно с временем гравирования текста на досках, можно думать, что библиография Чао Гун-у была напечатана в Сычуани в 1151 г. или вскоре по-

¹²⁴ Е Чан-чи 葉昌熾 указывает, впрочем, что у Цзин Ду был сын по имени Хуй-чжи 晦之, который, судя по тексту, имеющемуся в *Тай-цан ти ми цзи* 太倉稊米集 сунского Чжоу Цзы-чжи 周紫芝, был человек образованный и начитанный (см. *Цан шу цзи ши ши* 藏書紀事詩, изд. 1, 27r). Неизвестно, почему Чао Гун-у остался не осведомлен о существовании среди сыновей Цзин Ду человека, который как будто был достоин библиотеки своего отца. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹²⁵ В связи с этим указания Cougant, M. *Bibliographie coréenne*. [Paris, 1896], № 2679, относящего работу Чао Гун-у к XI в., и Pelliot [P. Review:] *Иванов А.* Материалы по китайской философии. Введение, Школа фа. Хань Фэй-цзы. Перевод (Издания Факультета Вост. языков Импер. С. Петерб. университета). Saint-Petersbourg, 1912 // *Journal Asiatique*. [Т. II]. Sept.-oct. 1913, [p.] 407, называющего ее «хорошо известной библиографией XIII века», следует, очевидно, объяснять простой опечаткой. — *Примеч. К.К. Флуга.*

сле этого. Прямых указаний о существовании печатного издания, относящегося к 1151 г., мы не имеем, хотя некоторые данные говорят в пользу этого. Так, например, Ю Цзюнь 游鈞 в своем после- <Л. 57> словии, датированном 1249 г.¹²⁶, замечает, что комментарии Чао Гун-у к каноническим текстам, так же как и его библиография, существовали в ксилографических изданиях.

Более точные сведения имеются о позднейших изданиях, к числу которых относится упомянутое выше издание Ю Цзюня, происходившего из Наньчуна 南充 (Сычуань) и состоявшего в то время правителем Синьяна 信安 (Чжэцзян). Это издание основывалось на рукописной копии, снятой с экземпляра *Цзюнь чжай* в 20 цз[юанях], текст которого был подготовлен для издания (*бянь* 編) учеником Чао Гун-у по имени Яо Ин-цзи 姚應績. Копия была снята дедом Ю Цзюня в Цзядине, где жил [в последние годы жизни] и Чао Гун-у, и случайно сохранилась до того времени, когда Ю Цзюнь напечатал ее при окружном управлении Цюйчжоу 衢州 (Чжэцзян), в связи с чем данный экземпляр, состоящий из 20 цз[юаней], носит название «издание Цюйчжоу» (*Цюйчжоу бэнь* 衢州本). Почти одновременно с напечатанием этого издания, а именно в 1249 г., правитель Юаньчжоу 袁州 (Цзянси) Ли Ань-чао 黎安朝 предпринял издание другого «сычуаньского экземпляра» *Цзюнь чжай*, текст которого состоял только из четырех цзюаней. К этому изданию было присоединено «приложение» (*фу-чжи* 附志), которое состояло из одной цзюани, подразделявшееся на две части (*шан* 上 и *ся* 下). Автор этого приложения <Л. 58> Чжао Си-бянь 趙希弁¹²⁷ описал в нем свою собственную коллекцию книг, исключив во избежание повторения те сочинения, которые были внесены в каталог Чао Гун-у. Уже после того, как был выгравирован текст на досках для напечатания данного издания, Чжао Си-бянь достал у заведующего местным казначейством (*тан-ся* 帑轄) Цай Лянь-фу 蔡廉父 экземпляр издания Ю Цзюня в 20 цз[юанях] и сличил его с текстом издания Ли Ань-чао. Чжао Си-бянь поместил их в особом «дополнении» (*хоу-чжи* 後志), состоявшем из двух цзюаней. В результате этого образовалась книга, состоящая из семи цзюаней, не считая таблицы разночтений

¹²⁶ Послесловие Ю Цзюня 游鈞 помещено в *Цзюнь чжай* издания Ван Сянь-цяня; [см. также] работу Ван Го-вэя о старопечатных изданиях Чжэцзяна *Лян Чжэ гу кань бэнь као* 兩浙古刊本考, цз. 下, 42 (в собрании его сочинений *нэй бянь*). — Примеч. К.К. Флуга.

¹²⁷ Чжао Си-бянь 趙希弁 (*цзы* Цзюнь-си 君錫), служивший вместе с Ли Ань-чао, был отдаленным потомком сунского императора Тай-цзу. По признанию китайских библиографов, «приложение» Чжао Си-бяня, составленное по образцу каталога Чао Гун-у, уступает ему своими достоинствами. — Примеч. К.К. Флуга.

(*као и 考異*), составленной Чжао Си-бянем на основе сравнительного изучения текстов обоих изданий и приложенной к концу каталога. История появления этой версии каталога Чао Гун-у, называемой обычно по месту ее напечатания «изданием Юаньчжоу» (*Юань бэнь 袁本*), изложена в предисловии Чжао Си-бяня, датированном этим же годом¹²⁸.

После напечатания «изданий Цюйчжоу» и «Юаньчжоу» появились, таким образом, две версии каталога Чао Гун-у, отличавшиеся одна от другой количеством цзюаней. Эта разница объ- <Л. 59> яснялась, по-видимому, тем, что основой для обоих изданий послужили списки с разных экземпляров, обращавшихся в то время в Сычуани¹²⁹. Возможно также, что не вся библиотека Чао Гун-у была описана сразу и что версия из четырех цзюаней содержала описание лишь части ее, а остальная часть была описана позже. Эти позднейшие рецензии Чао Гун-у были, может быть, присоединены упомянутым выше Яо Ин-ци к первоначальному каталогу, после чего и образовалась версия, состоявшая из 20 цзюаней. Возможно, впрочем, что в версию из четырех цзюаней вошли лишь те сочинения, которые принадлежали Цзин Ду, и что впоследствии Яо Ин-ци присоединил к первоначальной версии рецензии, написанные Чао Гун-у на те книги, которые принадлежали ему самому¹³⁰. В пользу последнего предположения говорят следующие данные. Чжао Си-бянь замечает, что, сличая текст обеих версий, он обнаружил, что все <Л. 60> сочинения, отсутствующие в версии из 20 цзюаней, входили в число книг, принадлежащих лично Чао Гун-у. Ли Ань-чао также упоминает в своем предисловии, что в версию из четырех цзюаней вошли книги из коллекции Цзин Ду, а в «дополне-

¹²⁸ Из обозначения ученой степени Чжао Си-бяня, упоминающейся в его предисловии [как] «представленный к экзамену на степень доктора транспортным управлением Цзянси» (*Цзянси цао гун цзинь-ши 江西漕貢進士*), можно заключить, что его родиной была провинция Цзянси. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹²⁹ См. предисловие Чжао Си-бяня к «дополнению» (*хоу-чжи*), в котором указывается, что оба издания основывались на списках «сычуаньских экземпляров». — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹³⁰ Судьба библиотеки Чао Гун-у вместе с вошедшим в нее собранием книг Цзин Ду неизвестна. Судя по предисловию Ли Ань-чао, она уже не существовала в то время, когда жил автор предисловия (XIII в.). При выяснении вопроса о составе книжного собрания Чао Гун-у следует иметь в виду указание, содержащееся в его рецензии (*Цзюнь чжай*, цз. 7, 20г) на *Линь-тай гу ши 麟臺故事* (о котором см.: *Pelliot [P. Notes de bibliographie chinoise //] BEFEO, IX, [p.] 232, с исправлением имени его автора на Чэн Цзюй 程俱 вместо Tch'en Kiu 陳俱*). Согласно этому указанию Чао Гун-у, все сочинения, имевшиеся в его библиотеке, относились к северосунскому периоду, за исключением *Линь-тай гу ши*, составление которого было окончено в 1131 г. В каталог же библиотеки Чжао Си-бяня (*фу-чжи*) вошли и позднейшие сочинения. — *Примеч. К.К. Флуга.*

ние» (*хоу-чжи*) — книги, принадлежавшие самому Чао Гун-у. Наконец, сохранилось предисловие современника Чао Гун-у Ду Пэн-цзюя 杜鵬舉, написанное им, по-видимому, для первого издания *Цзюнь чжай*. В этом предисловии Ду Пэн-цзюй говорит, что, находясь на службе в Эмэе 峨眉¹³¹, он жил в близком соседстве с Чао Гун-у и в свободное от службы время занимался под его руководством «изучением необыкновенных знаков»¹³² под старыми соснами возле ручья». Однажды Чао Гун-у обратился к нему с просьбами написать предисловие к своему каталогу, который, как замечает Ду Пэн-цзюй, состоял из четырех цзюаней.

Все эти указания могут служить доказательством в пользу <Л. 61> zu последнего из высказанных выше предположений о происхождении версии *Цзюнь чжай*, состоявшей из 20 цзюаней.

Как было замечено раньше, при Сун находились в обращении оба издания каталога Чао Гун-у. Так, в *Чжи чжай*, цз. 8, 9v, помещено издание в 20 цзюанях, в то время как в библиографическом отделе *Юй хай* (цз. 52) зарегистрировано издание в четырех цзюанях. Ма Дуань-линь, основывавшийся в библиографической главе своего *Вэнь-сянь тун-као* главным образом на каталогах Чао Гун-у и Чэнь Чжэнь-суня, цитирует «издание Цюйчжоу» (20 цз.)¹³³. Что же касается библиографической главы *И вэнь чжи* 藝文志 в *Сун ши*, то каталог Чао Гун-у зарегистрирован в ней дважды. По-видимому, составители *И вэнь чжи*

¹³¹ В тексте: «у подножья Э». Подразумевается гора Эмэй, находящаяся в уезде того же названия в провинции Сычуань. Описанию этого уезда посвящено *Эмэй чжи* 峨眉志 (3 цз.), составленное сунским Чжан Каем 張開 и зарегистрированное в *Цзюнь чжай*, цз. 8, 11г. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹³² Очевидно, в связи с этим называет он себя в предисловии учеником (*мэнь жэнь* 門人) Чао Гун-у. Под необыкновенными, или причудливыми, знаками (*ци цзы* 奇字) следует, по всему вероятно, понимать те архаизированные или просто искаженные формы (*вэй цзы* 僞字), которые стали входить в употребление в III–IV вв. Симада Кан в *Гу вэнь цзю шу као*, цз. 1, 58г–54г, ставит появление этих знаков в связь с открытием текстов, написанных подлинным древним почерком и найденных в 280 или 281 г. в могиле Цици 汲 (Хэнань). Ср. *Сы ку*, цз. 41, 10v, и *Шань-бэнь-шу-ши цан шу чжи* 善本書室藏書志, цз. 5, 18г, где говорится о двух работах, посвященных *ци цзы*. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹³³ В рецензии *Сы ку*, цз. 85, 2г, на каталог Чао Гун-у (версии Юаньчжоу) отмечается, что на этом каталоге основывается *Вэнь-сянь тун-као*. Замечая вместе с тем несоответствие между текстом каталога и цитатами Ма Дуань-линя 馬端臨 (1245–1325), библиографы *Сы ку* заключили из этого, что текст «экземпляра Юаньчжоу», который был у них в руках, подвергся позднейшим сокращениям. На самом деле несоответствие в тех местах *Вэнь-сянь тун-као* и *Цзюнь чжай* объясняется тем, что Ма Дуань-линь пользовался экземпляром «издания Цюйчжоу» в 20 цз[юанях], который не был известен составителям *Сы ку*. — *Примеч. К.К. Флуга.*

приняли издания в двадцати и четырех цзюанях за две отдельные работы и поместили их в разные отделы (см. *Сун ши*, цз. 204, 12v и цз. 203, 25v). Впрочем, это объясняется, может быть, простой небрежностью, проявленной при составлении *Сун ши*.

<Л. 62> Обе версии каталога Чао Гун-у продолжали находиться в обращении и после Сун, причем они по-прежнему обозначались как «издания Юаньчжоу» и «Цзюйчжоу».

В конце периода Кан-си (т.е. в первой четверти XVIII в.) «экземпляр Юаньчжоу» был переиздан Чэнь Ши-цэном 陳師曾 из Хайнина 海寧 (Чжэцзян). Согласно предисловию Чэнь Ши-цэна, датированному 1722 г., оригиналом для издания послужил старый рукописный экземпляр, приобретенный им после долгих поисков в Пекине. Миниатюрное издание (*цзинь-сян бэнь*) *Цзюнь чжэй*, выпущенное Чэнь Ши-цэном, обозначается обычно по его имени «изданием Чэня» (*Чэнь бэнь* 陳本). Экземпляр этого издания вошел в *Сы ку*, цз. 85, 5r-v, (см. также *Сы ку цзянь-мин му-лу бяо чжэ* 四庫簡明目錄標注, цз. 8, 17г). Судя по указанию, имеющемуся в *Шу линь цин хуа* 書林清話, цз. 1, 4v, Чао И-дуанем 晁貽端 было напечатано в 1830 г. другое издание «версии Юаньчжоу», которое мне, однако, неизвестно.

Надо заметить, что в настоящее время цинские издания «версии Юаньчжоу» можно считать утратившими свое значение в связи с появлением перепечатки подлинного сунского «издания Юаньчжоу». Согласно заметке, помещенной в *Го-ли Бэй-пин ту-шу-гуань гуанькань* (1931. V, № 4, [с.] 113)¹³⁴ по поводу выхода в свет этого переиздания, сунский оригинал находился раньше в коллекции *Тянь-лу-линь-лан*¹³⁵, которая после революции <Л. 63> 1911–1912 гг. вошла в библиотеку музея при бывшем дворце цинских императоров (*Гу-гун бо-уюань ту-шу-гуань*). Экземпляр этого издания, имевшего 10 строк по 20 знаков, был воспроизведен фототипическим способом в 1931 г. известным шанхайским издательством *Шан-инь инь-шу-гуань* 商務印書

¹³⁴ К сожалению, это одно из немногих изданий, оставшееся для нас недоступным, поэтому уточнить название статьи, на которую ссылается К.К. Флуг, не представляется возможным.

¹³⁵ Коллекция *Тянь-лу линь-лан* состояла из 400 редких изданий, принадлежащих императору Цянь-луну. Она была описана Юй Минь-чжуном 于敏中 и др. в каталоге *Тянь-лу линь-лан шу-му* (10 цз.), составленном в 1775 г. Продолжением его служит каталог *Тянь-лу линь-лан шу-му хоу* (или *сюй*) *бянь* (20 цз.), составленный Пэн Юань-жуем 彭元瑞 в 1797 г. (оба каталога имеются в издании Ван Сянь-цяня, 1884 г.). Упоминаний о сунском издании *Цзюнь чжэй* в этих каталогах я не нашел. — *Примеч.* К.К. Флуга.

館 (Commercial Press) в качестве 35-го выпуска библиотеки серии *Сюй Гу и цун-шу* 續古逸叢書¹³⁶.

«Издание Цюйчжоу», состоявшее из 20 цюаней, было гораздо более редким, в виду чего оно и не вошло в каталог *Сы ку*¹³⁷. В конце XVIII в. Цюй Чжун-жун 瞿中溶 (*хао* Му-фу 木夫, 1769–1842) разыскал старый рукописный экземпляр «версии Цюйчжоу», в тексте которого имелась, однако, лакуна (в цз. 19 отдела *бе цзи*). Цюй Чжун-жун произвел сличение текста данного экземпляра с «изданием Юаньчжоу» и написал по поводу этого статью [с критическим исследованием] (*као бьянь* 考辨), которая осталась, <Л. 64> по-видимому, неопубликованной¹³⁸.

Судя по имеющимся сведениям, экземпляр, принадлежавший Цюй Чжун-юню, послужил оригиналом для копии, снятой Гу Гуан-ци 顧廣圻 (*цзы* Цянь-ли 千里)¹³⁹.

¹³⁶ См. о ней рецензию акад[емика] В.М. Алексеева в «Записках коллегии востоковедов», 1930 г. IV, 282-3: [Ин инь Сюй Гу и цун-шу 影印續古逸叢書二十種. Собрание древних редких книг. Библиотека-серия, заключающая 22 произведения. Продолжение предыдущей, того же названия. Фототипия Хань Фэнь Лоу, изд. Commercial Press. Шанхай. 1923. 10 ящиков. 34 тома, около 3.800 стр. Цена 80 и 60 мекс. долл. (в зависимости от бумаги.) Воспроизведение сунского издания каталога Чао Гун-у должно входить также в *Сы бу цун-кань*, серия 3 (которая у нас отсутствует). — Примеч. К.К. Флуга.

¹³⁷ Копия старого рукописного экземпляра этого издания внесена Жуань Юанем в «Каталог книг, не вошедших в *Сы ку цюань шу*» — *Сы ку вэй шоу шу му ти-яо* 四庫未收書目提要, цз. 2, 3в. Сунское издание упоминается в статье о книжных фондах бывшего дворца *Гу-гун ту-шу цзи* (*Ту-шу-гуань-сюэ цзи-кань* 圖書館學季刊. I, № 1, 59). Рукописный экземпляр этой же «версии Цюйчжоу» зарегистрирован также Лу Синь-юанем в его *И-гу-тан ти-ба*, цз. 5, 3в–5в. — Примеч. К.К. Флуга.

¹³⁸ Ср. *Бао-шу ца-чжи*, 下, цз. 6в. Предисловие Цюй Чжун-жуна к данной статье вошло в его собрание сочинений *Му-фу цзи* 木夫集. Цюй Чжун-юн известен как автор следующих работ: *Цзи гу гуань инь као* 集古官印考 (17 цз., имеется в изданиях 1874 и 1927 гг.); *Гу-цюань-шань гуань ти-ба* 古泉山館題跋 (2 цз.), в серии *Оу-сян лин-ши* 藕香零拾; *Хань ши цзин као и бу чжэн* 漢石經靠異補正 (2 цз.); [*Гу-цюань-шань гуань*] *цзинь ши вэнь бьянь чань гао* [古泉山館]金石文編殘稿 (4 цз.) (обе работы в изд. *Ши-юань цун-шу* 適園叢書), *Гу юй ту лу* 古玉圖錄 (см. *Цин ши гао*, цз. 153, 18г). О его *Си-юань-лу бьянь чжэн* 洗冤錄辨正, предисловие к которому датировано 1827 г., см.: Pelliot P. Notes de bibliographie chinoise // BEFEO, IX, [p.] 126. — Примеч. К.К. Флуга.

¹³⁹ См. введение (*ли-люэ* 例略, 7в) Ван Сянь-цяня к его изданию *Цзюнь чжэй*, где Гу Гуан-ци назван по его *хао* Цзянь-пинем 潤齋. Гу Гуан-ци был известным библиофилом, жившим в 1766–1835 гг., согласно Лян Тин-цаню в *Го-ли Бэй-пин ту-шу-гуань сюэ-кань*, III, № 4, [с.] 556. Ср.: Pelliot P. [Review] в *Journal Asiatique*, sept.-oct. 1913, [p.] 415, где указаны 1770–1839 [гг.] вместо предыдущей даты. — Примеч. К.К. Флуга.

В начале XIX в. Ван Ши-чжуном 汪士鐘 (*цзы* Лан-юань 閩原, *хао* Моу-юань 茂苑)¹⁴⁰ было предпринято новое издание версии *Цзюнь чжай* в 20 цзюанях. Судя по предисловию Ван Ши-чжуна, оригиналом для издания послужил рукописный экземпляр из его собственной коллекции¹⁴¹. Корректирование текста производили сперва Ли Фу-сунь 李富孫 (*цзы* Сян-чжи 鄉訖, 1764–1843), а затем Хуан Пэй-ле 黃丕烈¹⁴². В связи с этим <Л. 65> имеющиеся в тексте издания первичные примечания (*ань* 案) принадлежат Ли Фу-суню, вторичные же примечания (*фу ань* 覆案) были написаны Хуан Пэй-ле. В конце 1819 г. работы по изданию *Цзюнь чжай* были окончены. Текст этого издания по-<Л. 66> служил впоследствии основой для предпринятого Ван Сянь-цянем 王先謙 (*цзы* И-у 益吾)¹⁴³ нового издания каталога Чао Гун-у. Взяв за основу текст издания Ван Ши-чжуна, Ван Сянь-цянь внес в него дополнения и разночтения, которые были найдены при сличении с текстом издания Чэнь Ши-цэна, состоявшего из четырех цзюаней. Приложение (*фу-чжи*) Чжао Си-бяня, не имеющее, собственно говоря, отношения к каталогу Чао Гун-у, было включено в издание Ван Сянь-цяня как цен-

¹⁴⁰ Ван Ши-чжун 汪士鐘, происходивший из Сучжоу, имел большую коллекцию сунских и юаньских ксилографов, которая еще больше увеличилась после включения в его библиотеку, называвшуюся *И-юнь шу шэ* 藝芸書舍, коллекций нескольких библиофилов, в частности, Хуан Пэй-ле. См. [статья] Юань Тун-ли 袁同禮 [*Цин дай сы-цзя чан шу гай-люэ* 清代私家藏書概略] в *Ту-шу-гуань-сюэ цзи-кань*, I, № 1, [с.] 36). — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹⁴¹ Ли Фу-сунь в своем послесловии говорит, что издание Ван Ши-чжуна основывалось на рукописи, принадлежавшей Гу Гуан-ци. Если это замечание Ли Фу-суня ошибочно, то странно, почему оно не было исправлено в позднейших предисловиях Хуан Пэй-ле и Ван Ши-чжуна. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹⁴² Хуан Пэй-ле 黃丕烈 (1763–1825 гг.) был знаменитым библиофилом, чья коллекция сунских ксилографов была прославлена в начале XIX в. Гу Гуан-ци в его *Бо-сун и-чань фу* 百宋一廬賦, на которое Хуан Пэй-ле написал свои примечания (имеется в изд[ании] *Ши-ли-цзюй цун-шу* 士禮居叢書 и в позднейших изданиях 1877 г. *Сао-е шань-фан* 掃葉山房). Несколько лет спустя Хуан Пэй-ле составил каталог *Цю-гу-цзюй Сун бэнь шу-му* 求古居宋本書目, в который вошли издания, приобретенные им после выхода в свет *Бо-сун и-чань фу*. Общее количество сунских изданий в его коллекции достигало 200. Хуан Пэй-ле был большим знатоком старой китайской книги, благодаря чему его библиографические работы *Ши-ли-цзюй чан шу ти-ба цзи* 士禮居藏書題跋集 (6 цз.), *Сюй бянь* 續編 (5 цз.) (в серии *Лин-цзянь-гэ цун-шу* 靈鶴閣叢書), *Цзай сюй цзи* 再續記 (2 цз., в *Гу-сюэ хуй-кань* 古學彙刊) пользуются широкой известностью. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹⁴³ Ван Сянь-цянь 王先謙 (1842–1918), происходивший из Чанша (Хунань), является автором многочисленных сочинений и своего собственного жизнеописания, составленного им в 1908 г. под названием *Куй-юань цзы дин нянь-пу* 葵園自定年譜. — *Примеч. К.К. Флуга.*

ное к нему дополнение¹⁴⁴. Присоединив к своему изданию вводную статью (*ли-люэ* 例略), оглавление к каталогу Чжао Си-бяня и [критическую] статью *као-чжэн* 考證, содержащую цитаты из различных сочинений, касающихся *Цзюнь чжай*, Ван Сянь-цянь напечатал его в 1884 г.¹⁴⁵ в Чанша. Кроме того, он присоединил к этому изданию несколько мелких приложений, таблиц, предисловий и послесловий, входивших в прежние издания *Цзюнь чжай*. Разобраться среди всего этого многочисленного и разбросанного в разных местах материала может помочь составленное для этой цели общее оглавление, которое приложено в конце данной статьи.

Уже после окончания работ по гравированию текста на досках Ван Сянь-цянь нашел в Пекине печатный экземпляр «версии <Л. 67> Юань-чжоу» (имя его издателя осталось неизвестным) и, произведя по нему вторичное сличение текста, приложил дополнительный перечень вариантов (*цзяо бу* 校補) в конце последней книги издания.

Издание Ван Сянь-цяня считается наиболее хорошим по полноте и точности текста. Вместе с тем в нем все-таки имеются, по-видимому, лакуны и неточности, вкравшиеся в текст в течение того многовекового периода времени, на протяжении которого производились многочисленные списки и печатные издания каталога Чао Гун-у. Одним из доказательств неполноты текста *Цзюнь чжай* может служить, например, уже отмеченное выше отсутствие статей о *Сяо-цзине* и *Эр-я*, выгравированных на стелах Сычуани. В связи с этим перепечатка факсимиле подлинного сунского издания этой важнейшей биографии приобретает, разумеется, особенно важную ценность.

Важное значение работы Чао Гун-у для выявления и изучения старой китайской, в частности, сунской литературы понятно само собой. Я добавлю здесь в виде иллюстрации лишь несколько кратких замечаний о значении этой библиографии для изучения некоторых отдельных вопросов и областей китайской науки и литературы. К числу их относится, например, вопрос о начале сунской философии, одним из основоположников которой был Ху Юань 胡瑗 (*цзы* И-чжи 翼之, см. о

¹⁴⁴ Во избежание могущих быть недоразумений при пользовании изданием Ван Сянь-цяня заметим, что в нем сохранена для «приложения» Чжао Си-бяня та же самая нумерация цзюаней, которую это приложение имело в издании Чэнь Ши-цэна, т.е. цз. 5 [1; и 下. Этим и объясняется то, что в издании Ван Сянь-цяня за [цз.] 1–20 снова следует цз. 5. — *Примеч. К.К. Флуга.*

¹⁴⁵ Pelliot в [Notes de bibliographie chinoise //] BEFEO, 1902, II, [p.] 324, упоминает об издании каталога Чао Гун-у «версии Цюйчжоу» (Kio tcheou), выпущенном в 1880 г., т.е. еще до выхода в свет издания Ван Сянь-цяня. О каком именно издании идет речь в BEFEO, мне неизвестно. — *Примеч. К.К. Флуга.*

его работах в *Цзюнь чжай*, цз. 1, 12v, 23v; цз. 2, 16r) с его сподвижником <Л. 68> Ши Цзе 石介 (*цзы* Шоу-дао 守道, см. цз. 1, 14v–15r), сделавшим известной школу своего учителя. Заключающиеся в *Цзюнь чжай* сведения об этих писателях и их сочинениях имеют важное значение при изучении данного вопроса.

Для истории более ранней китайской философии, в частности учения «Книги перемен», не менее ценны указания Чао Гун-у (цз. 1, 3v) относительно того, что комментарии Ван Би 王弼 (226–249), положенные в основу текста *Ши сань цзин чжу шу* 十三經注疏, основывались на интерпретации ханьского Фэй Чжи 費直 (*цзы* Чжан-вэн 長翁), работы которого частично сохранились до нашего времени¹⁴⁶.

При выяснении вопроса о происхождении интерпретации канонических книг, принадлежавшей Ван Ань-ши (1019 или 1021–1086), имеет столь же важное значение указание <Л. 69> Чао Гун-у на то, что комментарии Ван Ань-ши основывались на учении Лю Чана 劉敞¹⁴⁷, давшего новое направление изучению конфуцианской канонической литературы.

Несмотря на существовавшее в те времена пренебрежение к даосской и буддийской литературе, которую конфуцианские писатели обходили обычно молчанием, Чао Гун-у включил ее в свою библиографию, высказав свободомыслие и широкий кругозор настоящего ученого и оказав большую услугу для будущих историков обоих религиозно-философских учений. Так, например, в его библиографии (цз. 16, 3v, 5r) помещены ценнейшие библиографические указания относительно даосских сочинений *Хуа Ху цзин* 化胡經 и родственного ему *Си*

¹⁴⁶ Фэй-ши И 費氏易 (1 цз.), Фэй-ши И-линь 費氏易林 (1 цз.), Чжоу И фэнь е 周易分野 (1 цз.) входят в серию *Юй-хань-шань-фан цзи и шу* 玉函山房輯佚書. Сравнительное изучение работ Фэй Чжи и Ван Би выяснило бы, может быть, настолько ли оригинален последний из них в своем учении об *И-цзине*, как это утверждает А.А. Петров в книге о Ван Би ([Ван Би. 226–249. Из истории китайской философии/] Труды Института Востоковедения. XIII. [М.–Л.], 1936). Заметим попутно, что автору книги осталось, по видимому, неизвестным существование танского рукописного экземпляра комментария Ван Би к *И-цзину*, изученного Ло Чжэнь-юем в его *Дуньхуан гу се бэнь Чжоу И Ван чжу цзяо кань цзи* 敦煌古寫本周易王注校勘記 (2 цз.) (помещено в *Гуан-цан сюэ цюнь цун-шу* 廣倉學窘叢書), если не ошибаюсь, работа Ло Чжэнь-юя с подобным же названием имеется в одном из выпусков *Го-сюэ цун-кань* 國學叢刊. Вопрос о еще более ранних школах *И-цзина* освещен Чао Гун-у в его рецензии на комментарии *И-цзина* — *И-чжуань* 易傳 (4 цз.), написанные ханьским Цзин Фаном 京房 (см. *Цзюнь чжай*, цз. 1, 6v–8r). — Примеч. К.К. Флуга.

¹⁴⁷ О его *Ци цзин сяо чжуань* 七經小傳 (3 цз.) см. *Цзюань чжай*, цз. 4, 6v–7r, и *Чжи чжай*, цз. 3, 31r. Северосунское издание работы Лю Чана описано в *Тянь-лу линь-лан шу-му, хоу бянь*, цз. 3, 20v–21r. — Примеч. К.К. Флуга.

шэн цзин 西昇經 (см. Pelliot [P. Notes et mélanges //] BEFEO, III, [p.] 325 и [Notes de bibliographie chinoise.] IX, [p.] 234). То же самое относится к вопросам, связанным с изучением истории китайского права. Как уже отметил профессор Pelliot в своих Notes de bibliographie chinoise (Le droit chinois) // BEFEO, 1909, IX, 123–152), в старом Китае законоведение не пользовалось большим уважением, несмотря на существование (при Тан, например), специалистов-законоведов *люй-бо-ши* 律博士 и *мин-фа* 明法, назначавшихся на службу после особых экзаменов по правоведению. В XI в. Ван Ань-ши попытался придать этим экзаменам более важное значение, но после его смерти оно снова было утеряно.

<Л. 70> В настоящее время почти все своды законов, упоминаемые в библиографических отделах династийных историй вплоть до *Сун ши*, уже не существуют. В связи с этим указания, содержащиеся в отделах *син фа* 刑法 библиографии Чао Гун-у (цз. 8, 3г и сл[едующие]), приобретают особенную ценность. Этот отдел *Цзюнь чжай* (дополнением к нему может служить отдел *фа лин* 法令 библиографии Чэнь Чжэнь-суня, цз. 7, 32г [и] сл[едующие]) содержит также собрание указов и постановлений, касающихся в большей мере административного устройства, чем права в собственном смысле слова.

Чтобы закончить эти краткие и отрывочные замечания, которые можно было значительно распространить, упомянем еще о весьма интересном материале, заключающемся в том отделе библиографии Чао Гун-у (главным образом в цз. 7), который посвящен литературе об иностранных государствах и о сношении Китая с ними. Приведенные в данном отделе важные сведения о сочинениях, касающихся киданей, чжурчжэней, тангутов и корейцев, могут оказать большую пользу для изучения истории этих народов и о сношениях их с Китаем в период династии Сун.

<Л. 71> Приложение

Оглавление «Цзюнь чжай ду шу чжи» (составленное по изд[анию] Ван Сянь-цяня 王先謙, 1884 г.).

Предисловие Го Сун-дао 郭嵩燾 (1884 г.) — книга 1, 1г–2г.

Предисловие Ван Сянь-цяня 王先謙 — [книга 1,] 3г–4в.

Введение (*ли-люэ* 例略) Ван Сянь-цяня 王先謙 — [книга 1,] 5г–14г.

Собрание цитат из различных сочинений, касающихся каталога Чао Гун-у (*као-чжэн* 考證), сост[авил] Ван Сянь-цянь 王先謙 — [книга 1,] 1г–13в.

Перечень названий сочинений, входящих в каталог Чао Гун-у 晁公武 (сост[авил] Ван Сянь-цянь 王先謙) — [книга 1,] 1г–100г.

- Предисловие Хуан Пэй-ле 黃丕烈 (1819 г.) — кн[ига] 2, 1г–2г.
Предисловие Чао Гун-у (1151 г.) по изданию Ван Ши-чжуна 汪士鐘 — [книга 2,] 3г–4г.
То же по изд[анию] Чэнь Ши-цэна 陳師曾 (текст слегка отличается от первого) — [книга 2,] 5г–6г.
Предисловие Ли Ань-чао 黎安朝 (1249 г.) — [книга 2,] 7г–v.
[Предисловие] Ду Пэн-цзюя 杜鵬舉 — [книга 2,] 8г.
[Предисловие] Чэнь Ши-цэна 陳師曾 (1722 г.) — [книга 2,] 9г.
Перечень названий отделов в «версии Цюйчжоу» ([по] изд[анию] Ван Ши-чжуна) — [книга 2,] 1г–3v.
То же в «версии Юаньчжоу» ([по] изд[анию] Чэнь Ши-цэна 陳師曾) с указанием названий сочинений, помещенных в начале и конце (*цз* 起... *чжи* 至...) каждого отдела — [книга 2,] 1г–4v.
То же для «дополнения» (*хоу-чжи* 後志) Чжао Си-бяня — [книга 2,] 1г–3г.
Текст каталога Чао Гун-у, цз. 1–3 — [книга 2].
То же, цз. 4–6 — кн[ига] 3.
[То же,] цз. 7–10 — кн[ига] 4.
[То же,] цз. 11–13 — кн[ига] 5.
[То же,] цз. 14–16 — кн[ига] 6.
[То же,] цз. 17–18 — кн[ига] 7.
[То же,] цз. 19–20 — кн[ига] 8.
<Л. 72> Перечень сочинений, вошедших в каталог Чжао Си-бяня 趙希弁 (*фу-чжи* 附志), цз. 5 上 — кн[ига] 9, 1г–32v.
Текст каталога Чжао Си-бяня, цз. 5 上 — кн[ига] 9, 1г–62v.
То же, цз. 5 下 — кн[ига] 10, 1г–49v.
Дополнения (*ши-и* 拾遺) к каталогу Чжао Си-бяня — кн[ига] 10, 50г–60г.
Перечень 33 соч[инений], не включенных Чжао Си-бянем в «дополнение» (*хоу-чжи* 後志), т.к. они вошли в каталог его собственной библиотеки (*фу-чжи* 附志) — кн[ига] 10, 1г–3г.
Таблица вариантов текста (*као и* 考異) в изданиях [«]Цюйчжоу[»] и [«]Юаньчжоу[»] — кн[ига] 10, 4г–8г.
Предисловие Чжао Си-бяня к «дополнению» (*хоу чжи* 後志), дат[ировано] 1250 г. — кн[ига] 10, 9г–10г.
Послесловие Ли Ань-чао 黎安朝 (1250 г.) — кн[ига] 10, 11г.
Послесловие Ю Цзюня 游鈞 (1249 г.) — кн[ига] 10, 12г.
Послесловие Ли Фу-суня 李富孫 (1819 г.) — кн[ига] 10, 13г–14г.
Послесловие Ван Ши-чжуна (12-й месяц 1819 г.) — кн[ига] 10, 15г.
Жизнеописание (*ши-люэ* 事略) Чао Гун-у, составленное Цянь Бао-таном 錢保塘 (1880 г.) — кн[ига] 10, 1г–3v.

Дополнительная таблица вариантов текста (составил Ван Сянь-сянь 王先謙 со своим братом [Ван] Сянь-шэнем [王]先慎) — кн[ига] 10, 1r–15r.

Summary

K.K. Flug

Chao Gong-wu and his bibliography “Yun zhai du shu zhi”

Preface and publication by I.F. Popova

The article was written in the late 1930s by an outstanding expert on Chinese bibliography Konstantin Konstantinovich Flug (1893–1942), who died in the Leningrad Blockade on January 13, 1942. The text was conceived as a part of his doctoral thesis and is stored in K.K. Flug’s personal fund in the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (F. 73, Inv. 1, unit 12). The paper introduces a review of contents and history of creation of the well-known Chinese bibliography “Zun zhai du shu zhi” 郡齋讀書志 (“Bibliographic Notes from the Regional Governor’s Office”), which was compiled by the scholar and collector of the Song dynasty Chao Gong-wu 晁公武 (1105–1180). It apparently formed the subject of a substantial part of Flug’s works on bookpublishing in China. A part of article was included in the posthumous edition of the K.K. Flug’s monography prepared by Z.I. Gorbacheva — “History of Chinese printed books under the Song dynasty” (Moscow–Leningrad, 1959). It is published completely for the first time.

Key words: K.K. Flug, Chinese bibliography, printed books, Song Dynasty, Chao Gong-wu, “Yun zhai du shu zhi”.

В.Д. ЯКИМОВ

Хубилганы

Предисловие и публикация

И.В. Кульганек, А.В. Попова

Аннотация: Впервые публикуется статья историка-монголоведа, научного сотрудника ИВ АН СССР, погибшего на Ленинградском фронте во время Великой Отечественной войны, В.Д. Якимова «Хубилганы», которая представляет собой главу из неизданной монографии «Происхождение и развитие буддийской церкви в Монголии». В ней автор дает характеристику института хубилганства и пишет о широком его распространении в Монголии. Статья написана в конце 30-х годов. Рукопись находится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 83. Оп. 1, ед. хр. 19).

Ключевые слова: архив, рукопись, буддийская церковь, Монголия, хубилган.

Предлагаемая ниже публикация представляет собой главу «Хубилганы»¹ из неизданной монографии В.Д. Якимова «Зарождение и развитие буддийской церкви в Монголии»². Имя монголоведа-историка Василия Дмитриевича Якимова (1904–1941) не известно широкой научной общественности, отсутствует оно и в самом полном на сегодняшний день биобиблиографическом словаре российских востоковедов С.Д. Милибанд, выдержавшем три издания и постоянно пополняемом новыми именами отечественных ученых, чьи труды связаны с изучением Востока³. В.Д. Якимов, автор более 30 статей по истории

---

¹ *Хубилган* — от монг. *хубилах*, «превращаться», «возрождаться». «Перерожденец», титул, присваивавшийся лицу духовного звания, которое объявлялось перерождением кого-либо из выдающихся деятелей буддизма.

² АВ ИВР РАН. Ф. 83. Оп. 1, ед. хр. 19.

³ *Милибанд С.Д.* Востоковеды России. XX — начало XXI века. Биобиблиографический словарь. В 2 кн. М., 2008.

Монголии, работал в должности научного сотрудника Монгольского кабинета ИВ АН СССР в 1937–1941 гг.

В конце 1941 г. В.Д. Якимов погиб в боях на Ленинградском фронте. Он погиб в расцвете творческих сил, оставив незавершенные труды по истории и филологии Монголии и недочитанные курсы лекций на филологическом факультете ЛГУ.

Его имя упомянуто в длинном списке выпускников и преподавателей ЦИЖВЯ–ПИЖВЯ–ЛИЖВЯ–ЛВИ, среди таких имен, как И.П. Байков, А.Е. Глускина, И.И. Иориш, А.Д. Новичев, Ц.Д. Номинханов, В.Е. Краснодембский, А.М. Мугинов, Л.С. Пучковский, Г.Н. Румянцев, Г.Д. Санжеев, подготовивших не один десяток востоковедов-исследователей и «с успехом представлявших и представляющих советское востоковедение»⁴.

В АВ ИВР РАН хранятся труды и личное дело В.Д. Якимова, образовавшие фонд № 83, материалы которого позволяют утверждать, что это был преданный науке и Отечеству человек. В.Д. Якимов оставил научное наследие, публикация которого может пополнить и расширить корпус источников, важных для изучения истории отечественного востоковедения. Наблюдения, замечания, факты, приводимые в его работах, не утратили научной ценности и могут быть полезны всем, кто интересуется историей Монголии. Круг научных интересов В.Д. Якимова был довольно широк: он обращался к изучению социальной структуры монгольского общества, вдумчиво исследовал положение аратства, ламства, роль буддийской церкви, этапы распространения буддизма в Монголии. Его работы свидетельствуют о живейшем исследовательском интересе к разным сторонам жизни современной ему Монголии.

В архивных собраниях Петербурга (АВ ИВР РАН, АГМИР, СПбФ АРАН), хранятся документы, позволяющие составить представление о жизненном пути и научной деятельности ученого. В.Д. Якимов родился в селе Кути (ныне Буркинского р-на Омской обл.) в семье зажиточного крестьянина. В годы Гражданской войны вступил в Красную армию, в г. Омске закончил военно-политическую школу, затем служил в разведывательной сотне дивизии им. Якова Каратаева, которая охраняла даурский участок советско-китайской границы. После семи лет военной службы, последние два года которой он провел в Монголии (1925–1926), В.Д. Якимов поступил на Восточный факультет Ленинградского государственного университета.

⁴ Кононов А.Н., Иориш И.И. Ленинградский Восточный институт. М., 1977. С. 119–120.

Во время учебы студенту Якимову еще раз представилась возможность (оказавшаяся последней) побывать в Монголии, где он провел 1929/30 учебный год. Это был чрезвычайно важный период в становлении монгольской науки. В Монголии продолжали работать бывшие участники Тибето-Монгольской научной экспедиции П.К. Козлова (1923–1926), принявшие от первого ученого секретаря Ученого комитета Монголии Ц.Ж. Жамцарано предложение о сотрудничестве. Ученый комитет, первое научное учреждение Монголии, из которого впоследствии выросла Академия наук МНР, имел тесные связи с российской наукой. В Монголии работали российские ученые С.А. Кондратьев, А.Д. Симуков, Н.П. Шастина, М.И. Тубянский, Л.А. Амстердамская и др. Их многогранная исследовательская деятельность не только ускорила изучение природы, истории, языка и литературы Монголии, но и способствовала формированию вокруг Ученого комитета творческой атмосферы научного поиска, необходимой для становления и профессионального роста молодых ученых. К их числу принадлежал и проходивший стажировку в Монголии студент ЛГУ В.Д. Якимов.

Молодой ученый стал свидетелем чрезвычайно важных, драматических событий истории Монголии, знаменовавших переломный этап развития монгольского общества. Это обстоятельство, безусловно, наложило глубокий отпечаток на мировоззрение В.Д. Якимова и нашло отражение в его последующей научной деятельности. Конец 20-х — начало 30-х годов стали временем «великого перелома» в истории не только СССР, но и Монголии. После XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) в Советском Союзе началось «развернутое строительство социализма». Это сказалось и на положении в МНР, имевшей тесные политические и хозяйственные связи с СССР. При поддержке Коминтерна и Советского правительства к власти в Монголии пришли лидеры «худонской оппозиции», выступавшие за ускорение «некапиталистического развития» страны путем всемерного использования опыта построения социалистического общества в СССР. Новая плеяда монгольских руководителей развернула в 1929 г. принудительную кооперацию и коллективизацию монгольских скотоводческих хозяйств, провела «культурную революцию», одним из главных проявлений которой стали гонения властей на буддийскую церковь. Началась и разработка весьма амбициозных, но заведомо несбыточных планов индустриализации МНР. Условием проведения этих преобразований, поборников которых уже в 1932 г. обвинили в «левом уклоне», стала ликвидация эксплуататорских классов — буддийского духовенства, аристократии, богатых

скотоводов, торговцев и ростовщиков. Они подверглись массовым репрессиям.

Не избежала влияния левоуклонистских преобразований и научная среда. Обвиненного в «правом уклоне» Ц.Ж. Жамцарано исключили из МНРП и сняли с должности ученого секретаря Ученого комитета МНР. Однако всестороннее научное изучение Монголии продолжалось в СССР и в это непростое время. В 1930 г. опубликованы 10 выпусков (№ 5, 6, 8–15) «Материалов Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР»⁵.

Изменение политического курса, вызванное «левым уклоном», существенно осложнило ситуацию в МНР, спровоцировав острый экономический и социально-политический кризис, проявлением которого стали массовые антиправительственные восстания. В.Д. Якимов в силу его политических взглядов не мог быть безучастным свидетелем событий. Он не отвергал необходимости всемерной ускоренной модернизации Монголии, единственно возможным путем которой тогда считали построение социалистического общества. Вместе с тем Якимов, как и многие его современники, люди его круга и сходной с ним судьбы, не мог не задумываться о способах достижения «социалистического и коммунистического будущего», образ которого в 30-е годы был лишь схематично прорисован теорией марксизма. В своих научных трудах, в том числе и в публикуемой ниже главе монографии, В.Д. Якимов неоднократно обращался к проблемам сущности социальных отношений в монгольском обществе. Будучи атеистом, он был склонен к тому, чтобы рассматривать буддизм как исключительно вредоносное начало в жизни Монголии и монголов. В работах, опубликованных после возвращения из Монголии в журналах «Антирелигиозник» и «Безбожник», Якимов утверждал что «ламаизм — религия отчаяния и безнадежности», «монастырская культура лишена национального облика», «ламы сидят на шее простого народа», «шарлатаны наживаются на темноте и необразованности аратства». Но, основываясь на собственных наблюдениях, В.Д. Якимов с довольно высокой для человека того времени долей объективности отмечал исключительно высокий авторитет буддийских священнослужителей в монгольском обществе. При этом его работы, может быть, отчасти даже помимо воли автора, убеждают читателя в том, что благоговение монголов перед хутухтами и хубилганами — это общественная реаль-

⁵ Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006. С. 148.

ность, имеющая под собой глубокие исторические основания. Подобные суждения В.Д. Якимова, нашедшие отражение в публикуемой ниже главе, расходились со взглядами его современников, полагавших возможным и необходимым «отменить» буддизм в Монголии государственными декретами.

В 1932 г., после завершения стажировки в Монголии и окончания университета, В.Д. Якимов был принят в ЛВИ одновременно в качестве аспиранта по специальности «История и экономика Монголии» и преподавателя. Диссертация его была посвящена буддийской церкви в условиях национально-освободительного движения в Монголии. В 1935 г. он закончил обучение в аспирантуре, но защитить диссертацию не успел.

Научная и педагогическая карьера молодого ученого была прервана в 1936 г., когда его исключили из ВКП(б), а затем уволили из ЛВИ. Причиной стало «сокрытие кулацкого происхождения». Не помогли письма по инстанциям, уверявшие, что он не знал точного поголовья скота, которым владел отец, что после раскулачивания отец продал свое имущество и переехал к сыну в Ленинград, а оставшимися 120 лошадьми и 250 коровами владела их большая семья, включавшая не только родителей ученого, но и семьи всех его братьев, их детей, а также многочисленная семья его дяди⁶.

В 1937 г. В.Д. Якимов был восстановлен в партии и принят на работу в ИВ АН СССР. Именно в этот год погиб Владимир Александрович Казакевич, историк-монголовед, участник пяти научных экспедиций в Монголию, знаток монгольского, бурятского, маньчжурского языков. Оборвалась жизнь Цыбена Жамцарановича Жамцарано, видного бурятского филолога, просветителя, начавшего научную и общественную деятельность в Монголии еще до Октябрьской революции, а в советские годы получившего докторскую степень без защиты диссертации. Трагически погиб Михаил Израилевич Тубянский, буддолог-тибетолог, занимавшийся текстологией и историографией религиозных буддийских текстов, монгольской и тибетской текстологией. Все они были обвинены в шпионаже и расстреляны. В.Д. Якимову поставили на вид «благодарности», выразившееся в контактах с бывшим ректором ЛВИ Матвеем Иннокентьевичем Амагаевым (1897–1944), также репрессированным.

Главной темой статей, написанных В.Д. Якимовым в середине и конце 30-х годов, стало разоблачение ламства. В те годы вышло в свет около десяти его работ, среди которых статьи о шабинарах, ламаизме

---

⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 704. Л. 35.

в Монголии, о причинах монгольских завоеваний, о религиозной политике монгольских ханов в XIII–XV вв., о Панчен-Богдо и его деятельности, о взаимосвязи тибетской медицины и буддизма⁷. Некоторые из этих работ В.Д. Якимов подписывал псевдонимом В. Даурский в память о молодых годах, проведенных в Даурии.

Современный читатель, безусловно, отметит, что в работах В.Д. Якимова присутствуют трафаретные тезисы, характерные в то время для теории и методологии советского обществознания. Якимов на страницах своих работ развенчивал идеологию буддизма, сурово осуждал практическую деятельность буддийских священнослужителей. Он, как и многие его современники, не был свободен в научных поисках, утверждая, что любая религия во всех ее проявлениях есть «опиум народа». Размышления о мотивах, которыми руководствовался В.Д. Якимов, могут привести к выводу о том, ученый прежде всего старался подтвердить свою благонадежность ради спасения себя лично и своей семьи от репрессий. Однако такой вывод, вероятно, справедлив лишь отчасти.

Между тем, оставаясь убежденным атеистом, искренне считая религиозность делом безграмотных людей, В.Д. Якимов в то время, когда репрессиям подверглась половина сотрудников Института и демонстрация благонамеренности была необходимым условием физического выживания, встал на защиту памятников буддийской культуры, выступил против уничтожения буддийских рукописей, книг, скульптуры, предметов культа. Такая позиция, на наш взгляд, свидетельствует о гражданском мужестве ученого. Будучи начальником комплексной экспедиции АН СССР, отправленной по приказу вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта для сбора музейных экспонатов из закрытых бурятских дацанов, он писал в своих отчетах, что недопустимо «взрывать динамитом» субурган Кижингинского дацана, «сжигать фигуру

⁷ В составленном самим В.Д. Якимовым списке работ (Ф. 152. Оп.3, ед. хр. 704. Л. 10) были перечислены без указания страниц следующие вышедшие из печати статьи: Шабинары // Современная Монголия. 1938, № 4, 5, 6; Ламаизм в Монголии // Современная Монголия. 1939, № 1; Причины монгольских завоеваний // Современная Монголия. 1941, № 44; Религиозная политика монгольских завоевателей в XIII–XV вв. // Антирелигиозник. 1941, № 7; Панчен-Богдо и его контрреволюционная деятельность // Современная Монголия. 1937, № 2–3; Как ламы служили царизму // Безбожник. 1938, № 6; Ламаизм и тибетская медицина // Антирелигиозник. 1938, № 7. Из всего списка нам удалось обнаружить только одну статью: Ламаизм — орудие угнетения монгольских аратов // Современная Монголия. 1941, № 1 (41). С. 45–59. Трудности поиска статей усугублялись тем, что в журналах того времени были вымараны имена репрессированных ученых, удалены страницы с их трудами и трудами тех, кто оказался по соседству с ними. Из библиотек изъято большое число экземпляров этих и других журналов.

шестнадцатиметрового деревянного Майдари». В Архиве ГМИР хранятся докладные записки и отчеты В.Д. Якимова, в которых он резко выступал против уничтожения национального достояния бурятского народа, а также указывает фамилии тех, кто санкционировал эти акции⁸. Позиция В.Д. Якимова не была понята руководством операции по ликвидации очагов буддизма на территории СССР, и его вскоре отозвали из Бурятии в Ленинград.

В русле интересов ученого был и задуманный им в начале 30-х годов труд о Джа-ламе, политическом деятеле, оставившем заметный след в истории национально-освободительного движения Монголии начала XX в. Над этой темой В.Д. Якимов работал вместе с В.А. Казакевичем и А.В. Бурдуковым. Якимов сделал большое количество выписок, подготовил перевод писем Джа-ламы к Бурдукову, записал свои беседы с А.В. Бурдуковым о Джа-ламе⁹. Якимов обращался с просьбой о предоставлении ему командировки в Монголию для окончания «повести», которая должна была бы, по его мнению, разоблачить попытку японцев и лам «возродить Амурсану»¹⁰ ради достижения своих реакционных целей и реализации империалистических устремлений. Однако ученый не получил положительного ответа инстанций. Работа осталась незавершенной, фрагменты ее рассыпаны по карточкам и отдельным, исписанным карандашом мелким почерком тетрадным листам, которые хранятся в АВ ИВР РАН¹¹.

Столкнувшись с отказом, В.Д. Якимов решил закончить другой свой почти завешенный труд: «Национально-освободительное движение в Монголии и реакционная роль ламства»¹². Он просит разрешения поработать полтора-два месяца в АВПР в Москве, для «документирования некоторых глав». В ответ он получает разрешение на допуск только к материалам, «не имеющим государственной важности»¹³. Эта работа осталась также незавершенной, как и некоторые другие его большие работы — глава «Хубилганы» из монографии «Зарождение и развитие буддийской церкви в Монголии», статьи «Экономическое и

⁸ АГМИР. Ф. 1. Оп. 1, ед. хр. 503.

⁹ АВ ИВР РАН. Ф. 83. Оп. 1, ед. хр. 16.

¹⁰ Амурсана — ойратский князь, известный своей борьбой за независимость Джунгарского ханства от империи Цин (1644–1912) в середине XVIII в. Популярность Джа-ламы в Западной Монголии в начале XX в. отчасти объясняется тем, что этот политический деятель стремился предстать перед современниками в облике «возродившегося» Амурсаны (см.: *Ломакина И.И.* Голова Джа-ламы. СПб.—Улан-Удэ. 1993).

¹¹ АВ ИВР РАН. Ф. 83. Оп. 1, ед. хр. 24, 16.

¹² Там же, ед. хр. 18.

¹³ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 704.

правовое положение низшего и высшего ламства. Из кого и как формируются руководители лам», «Ликвидация феодальных привилегий и борьба за укрепление национальной независимости страны», «Характер первых ламских мероприятий в революционной Монголии после 1921 г.». Все они хранятся в АВ ИВР РАН¹⁴. Интересно, что работа «Ликвидация феодальных привилегий...» имеет гриф «не выдавать», который был поставлен, видимо, при подготовке архивными работниками фонда В.Д. Якимова для использования.

В.Д. Якимов на протяжении всей научной деятельности сохранил честь и достоинство в сложных обстоятельствах, в которых он волею судьбы оказывался неоднократно. Подтверждением этому служит и оставленное им научное наследие, и архивные документы, проливающие свет на факты его биографии. Следует отдать должное патриотизму В.Д. Якимова и склонить голову перед светлой памятью этого человека, отдавшего жизнь за Отечество. В сентябре 1941 г. он работал на строительстве оборонительных сооружений; 16 сентября был уволен из Института в связи с уходом в ряды действующей Красной армии; в конце того же года погиб на Ленинградском фронте. Жена его, Зинаида Алексеевна Шильникова, и сын Алтай пережили блокаду Ленинграда. З.А. Шильникова во время войны передала из семейного архива в АВ ИВ АН 30 дел, датированных 1934–1938 гг., которые затем составили личный фонд В.Д. Якимова (№ 83). В фонд вошло 16 научных работ (в машинописи и на карточках), большинство из которых не опубликованы.

Большая монография В.Д. Якимова «Зарождение и развитие буддийской церкви в Монголии», глава из которой приводится ниже, так и не вышла в свет. Но и в настоящее время полная ее публикация вряд ли представляется целесообразной. Работа остро политизирована, точка зрения автора на религию высказывается прямолинейно, атеистически резко и вызывающе, как было принято писать в 30-х годы.

Однако за агрессивностью стиля и пропагандистским напором виден ученый, желавший разобраться конфессиональной ситуации в Монголии, в сути грандиозного действия, в котором ежегодно участвовали многие тысячи верующих, понять причины авторитета церкви и доверия к ней простого народа. В.Д. Якимов основное внимание обращает на становление института хубилганства в монастырях. Чрезвычайно важны этнографические зарисовки и описания различных обрядов и церемоний, виденных им лично. Работа В.Д. Якимова

¹⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 83. Оп. 1, ед. хр. 4, 9, 12, 19.

ценна своей скрупулезностью и хорошим знанием повседневной жизни монголов. Сильной ее стороной является также обращение к работам предшественников, знание истории вопроса.

При подготовке данного архивного документа к публикации введено единообразие написания терминов и монгольских слов, текст приведен в соответствие с правилами современной орфографии и пунктуации. Так, унифицировано написание слова *гэгэн* (святейший), которое имеет разночтения (*гэгэн, гегэн, гэген*). В написании имен собственных и терминов отдано предпочтение транскрипции, используемой в настоящее время отечественными монголоведами, в рамках которой аффрикаты передаются буквами «дж» и «дз», а не «чж» и «цз» (например, Дзонхава, а не Цзонхава, Манджушри, а не Манчжушри).

И.В. Кульганек, А.В. Попов

Хубилганы

Глава из подготавливаемой автором работы «Зарождение и развитие буддийской церкви в Монголии»

Самая высшая, наиболее привилегированная, пользующаяся феодальными владетельными правами, часть ламства в Монголии называлась хубилганами. Хубилган значит перерожденец, святой, богочеловек. Это, по верованию буддистов, изобретенному ламами, земное воплощение небесных Будд или же душ знаменитых лам.

Согласно верованию буддистов, душа каждого живого существа, а в том числе и человека, после смерти переселяется, воплощается в другом теле и там продолжает жить дальше. В основе почитания хубилганов и лежит верование в переселение святых Будд и лам, живших прежде.

По учению буддистов и лам, для которых это учение особенно выгодно, существует один верховный или первоначальный Будда, который всегда был, есть и будет. Он известен как Ади-Будда¹⁵. Этот Будда путем созерцания развивает из себя пять Будд, погрузившихся в нирвану¹⁶. Но

---

¹⁵ Ади-Будда, санскр. *ādi-buddha*, досл. «первобудда». Будда, олицетворяющий вневременное единство всех будд и бодхисаттв. Не является Богом-творцом. Впервые упоминается в тантрических текстах VII в., данный сюжет получил развитие в учении Калачакры (X–XI вв.).

¹⁶ Нирвана (санскр.) — «угасание». Учение буддизма о благоденствии святого, преодолевшего страсти и жадность жизни. Загробная нирвана — избавление от необходимости нового перевоплощения в новой жизни, исполненной страданий. — *Примеч. В.Д. Якимова.*

эти пять Будд для божественной помощи человечеству оставили после себя божественные существа — бодисатвы. Бодисатвы, пребывая в небесах, имеют на земле заместителей и постоянно воплощаются в людях. Между ними особенно почитается Амиитаба¹⁷, глава буддийского рая, властитель мира душ умерших богов и святых людей, которые пребывают в прекрасном раю Сукхавати¹⁸, так называемом западном раю, после которого должны погрузиться в нирвану. Амиитаба воплощается в Тибете в хубилгане Банчен-Эрдэни¹⁹, нынешний воплощенец которого последнее время проживал в Китае и Внутренней Монголии и являлся знаменитым прохвостом и продажным агентом японского империализма, изгнанным из Тибета далай-ламой²⁰ и большей частью живущим во Внутренней Монголии. Скуки ради и ради японских иен воплощенец будды заносится контрреволюционной работой и организацией подготовки восстаний через агентов в Монгольской Народной Республике.

Так вот, этот хубилган панчен²¹ в ламской монархии должен был занимать первое место. Но волею тибетских лам, монгольских ханов и китайских амбаней²² панчен был отодвинут на второе место далай-ламой,

¹⁷ Амиитаба, или Амиитабха, санскр. *amitābha*, досл. «беспредельно сияющий будда». Один из главных будд в махаяне. Создатель страны Сукхавати. Земными воплощениями Амиитабхи являются будда Шакьямуни и Авалокитешвара.

¹⁸ Сукхавати — в буддийской мифологии «чистая страна», сотворенная буддой Амиитабхой и напоминающая рай монотеистических религий. «Чистая страна» является преддверием нирваны, в которой неизмеримо долго и в беспредельном счастье живут бодхисаттвы.

¹⁹ Банчен-Эрдэни — Банчин эрдэнэ, от тиб. *ванчин*, «великий пандита», т.е. ученый. Титул крупнейшего после Далай-ламы сановника тибетской теократии, считавшегося перерожденцем Будды.

²⁰ Далай-лама (монг.) — досл. «Океан-учитель». Монгольское название титула политического и духовного главы Тибета (до присоединения Тибета к Китаю в 1951 г.). Земное воплощение Авалокитешвары, известное в Тибете как Дже ринпочхе — Драгоценный владыка и Тхамчад кхенпа — Всеведущий. Известно 14 далай-лам. Первые семь из них: Гедундуб (1391–1474), Гедун Джамцхо (1475–1542), Соднам Джамцхо (1543–1588), Ендон Джамцхо (1589–1617), Агван Лобзанг Джамцхо (1617–1682), Цаньян Джамцхо (1683–1706), Калзанг Джамцхо (1708–1757). В настоящее время главой Тибета является XIV далай-лама Данзин Джамцхо или Агван Лобсан Тензин-гьяцо (род. 1935). Проживает в Дхармасале (Индия). Лауреат Нобелевской премии мира 1989 г.

²¹ Панчен-лама (тиб.) — досл. «учитель-великое знание». Титул наставников далай-лам, считающихся воплощением Будды Амиитабхи. Формирование института панчен-лам связано с именем Лобсан Чойджи-джалцана (1570–1663), духовника 4-го далай-ламы. Мотивация наставничества объясняется тем, что Авалокитешвара (воплощение далай-лам) является духовным сыном будды Амиитабхи.

²² Амбань — это бывшие уполномоченные наместники китайского правительства в Тибете и Монголии, наделенные громадной, неограниченной властью. — *Примеч. В.Д. Якимова.*

духовным и светским главой Тибета, живущим в Лхасе (Тибет). (Последний, тринадцатый далай-лама умер в 1933 г.)

Далай-лама является воплощением бодисатвы Арья-Боло²³ Авалокитешвары²⁴, ученика будды Амитабы, который, как выше упоминалось, перерождается в панчен-ламе. Олицетворяя собою, по учению лам, милосердие будды на земле, этот перерожденец бодисатвы не имеет права достигнуть звания будды и погрузиться в нирвану до тех пор, пока не обратит все человечество в буддизм и тем избавит его от круговорота перерождений. Поэтому ламы, ради своей выгоды, заставляют его все время перерождаться.

Кроме этих первостепенных хубилганов имелся еще воплощенец в Монголии — ургинский Джебзун-Дамба-хутухта²⁵, или Богдо-гэгэн²⁶, который считался воплощением знаменитого буддийского просветителя (проповедника) Тибета — Падма-Самбавы²⁷. Он стал воплощаться только с XVI в. и получил это звание от панчена и далай-ламы (был ими утвержден для Монголии).

Из других знаменитых хубилганов, известных среди буддистов, а в частности у монгол[ов], надо отметить Манджушири²⁸, покровителя

²³ Так в тексте. Следует: Арья-Бало. См. след. примеч.

²⁴ Авалокитешвара, санскр. *avalokita-iśvara*, досл. «владыка, взирающий милостиво на существа», бодхисаттва. В буддизме махаяны — «просветленное существо», отказавшееся от нирваны в пользу оказания помощи живым существам, пребывающим в сансаре. Относится к окружению будды Амитабы, известен в Индии своими 32 формами воплощения, в том числе в виде главных божеств индуизма — Брахмы, Вишну, Шивы, Ганеши. Культ Авалокитешвары складывался с I в. н.э. Изображается с лотосом в руке, многоруким и одиннадцатиликим. Руки символизируют желание содействовать каждому просящему. Голова, расколота на части, — символ сочувствия к страдающим. Популярен в Китае под именем Гуаньинь (Гуаньшинь), в Корее — Кваным, в Японии — Каннон, в Монголии — Арья-Бало, Хоншим, в Тибете — Ченрези. Часто изображается в образе женщины, так как мифология его образа дополнилась функциями местных божеств — чадолубием, помощью роженицам. В Тибете стали почитаться его живые воплощения, т.е. духовные главы буддийских школ (в школе *гелук* — далай-ламы; в школе *кагью* — кармапы).

²⁵ Джебзун-Дамба-хутухта — см. след. примеч.

²⁶ Богдо-гэгэн — последний глава буддийской церкви в Монголии (1870–1924). Титул Джебзун-Дамба-хутухты. В 1911–1924 гг. — глава монгольского теократического государства. От монг. *богд* — святой, *гэгэн* — светлый.

²⁷ Падма-Самбава, Падмасамбхава, санскр. *padma sambhava*, досл. «рожденный в лотосе». Индийский йогин VIII–X вв., автор трудов, вошедших в Данджур. Причислен к лику будд. Ему приписывается способность укрощать злых божеств, летать по воздуху, узнавать прошлое и будущее, творить чудеса посредством магии.

²⁸ Манджушири, Манджушри — бодхисаттва, олицетворяющий мудрость. Наряду с Авалокитешварой и Ваджрапани входит в число трех основных бодхисаттв. Изображает-

знаний, дающего земную мудрость; Майдари²⁹, будущего Будду, который еще должен прийти. Майдари изображается или в виде белого слона, или прекрасного юноши.

Вот краткий перечень наиболее знаменитых хубилганов, пользующихся широкой известностью среди верующих буддистов. Хубилганство не было известно в первоначальном «чистом» буддизме, но, появившись, оно быстро привилось в Тибете и Монголии, так как богатство монастыря и лам зависело от наличия в нем хубилгана, «живого бога», и чем знаменитее и известнее был такой хубилган, тем больше шло туда поклонников и тем выше были доходы с такого монастыря и лам.

Хубилганство, как духовный феодализм, наложило неизгладимые и притом глубокие отрицательные черты на быт и экономику народов Тибета и Монголии. Каждый монастырь старался иметь своего хубилгана, и ламы начали производить хубилганов из лиц, занимавших видное место в буддийской и ламаистской иерархии, и даже из простых, но добродетельных лам. Такими перерожденцами, «живыми богами» полны Тибет и Монголия. Их там насчитывают сотнями, а в последнее время счет, кажется, надо вести на тысячи.

Очень интересные данные приводит о хубилганах известный русский исследователь Монголии проф[ессор] Позднеев³⁰. Некоторые данные из его книги мы приводим ниже: «Появление в Халхе хубилганов относится к самым первым временам возникновения здесь буддизма. Известно, что еще до времени воплощения в Халхе Джебзун-Дамба-хутухты сюда явился из Южной Монголии Донкор-Манджушрийн гэгэн и деятельно заботился как о построении здесь храмов и мо-

---

ся в красной одежде с мечом, «рассекающим невежество», в правой руке и с сутрой — в левой. Его земным воплощением является основатель школы гелук Дзонхава.

²⁹ Майдари, санскр. *maitreya*, кит. Милэфо, яп. Мироку, монг. и бур. Майдар. Досл. с санскр. «тот, кто есть любовь». Бодхисаттва. Будда Шакьямуни назвал его буддой будущей эпохи мироздания — кальпы. Буддисты считают, что он в настоящее время пребывает на небе Тушита. Культ Майдари популярен в Центральной Азии. Обычно изображается сидящим на троне со спущенными ногами, с кожей золотистого цвета. Атрибуты: ваза с напитком бессмертия и колесо учения.

³⁰ Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920), видный русский монголовед, профессор кафедры монгольской словесности Восточного факультета Петербургского университета, а позже, в течение 20 лет, директор Восточного института во Владивостоке. Воспитал учеников, ставших известными монголооведами, историками и филологами. Оставил большое научное наследие. Основные труды: «Монголия и монголы» (СПб., 1880), «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства» (СПб., 1887), «Образцы народной литературы монгольских племен» (СПб., 1880), «Буддийский катехизис» (СПб., 1898). Редактор, рецензент и переводчик богословских книг на бурятском и калмыцком языках.

настырей, так и об увеличении числа лам, проповедников буддизма. После смерти его новый хубилган снова привезен был в Халху³¹ уже из Тибета, и с тех пор перерожденцы Донкор хутухты постоянно живут в Монголии до настоящего времени»³².

Таких выходцев-лам из Тибета и Внутренней Монголии³³ было десятки в Монголии, по смерти которых ламы подыскивали их перерожденцев. «Такова была первая и основная причина для образования в Халхе многочисленного класса лам хубилганов. Впоследствии этому увеличению [до некоторой степени] содействовали и маньчжурские императоры, которые иногда отличали некоторых настоятелей мона-

---

³¹ Халха — исторический топоним, принятый для обозначения Северной Монголии, и одновременно этноним, основой которого является самоназвание наиболее многочисленного из северомонгольских этнических сообществ. Название «Халха» (что в переводе с монгольского означает «щит», «защита») закрепилось за одним из шести монгольских тумэнов в середине XVI в. Тогда этот тумэн стал наследственным владением Гэрээндэ, младшего сына всемонгольского Даян-хана. После смерти Гэрээндэ Халха была разделена между семью его сыновьями, каждый из которых стал правителем самостоятельного удела. Следствием, как свидетельствуют монгольские источники, стало то, что в конце XVI–XVII в. для обозначения Северной Монголии зачастую стало употребляться название «семь халхаских хошунов». Однако полного дробления Халхи на абсолютно изолированные уделы все же не произошло (см. *Скрынникова Т.Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI — начало XX в. Новосибир., 1988. С. 17). С 1691 г. халхаские хошуны оказались в сфере политического и административного контроля Цинской империи и наряду с Кобдским округом вошли в состав Внешней Монголии.

³² *Позднеев А.М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу // Записки Русского географического общества. Отд. этнографии. Т. XVI. СПб., 1887. С. 233–234.

³³ Понятие «Внутренняя Монголия», равно как и «Внешняя Монголия», появилось в XVII в., в ходе постепенного завоевания Цинской империей разных монгольских регионов. Южная Монголия, вошедшая в состав Цинской империи в 1636 г., получила от цинских властей наименование «Внутренней». Это название подчеркивало особый, близкий и доверительный характер отношений между императорским домом и рядом южномонгольских аймаков, оказавших маньчжурской династии весомую военнополитическую поддержку в ходе завоевания Китая. Северная же Монголия, правители которой в XVII в. не имели заслуг перед правящим домом Цин, была названа «внешней» областью. Впрочем, термины государственной цинской топонимии не только указывали на особенности политического статуса населенных монголами окраинных владений империи, но и отражали очевидные этнокультурные различия между Северной и Южной Монголией. Вероятно, поэтому названия «Внутренняя» и «Внешняя Монголия» в цинский период вошли в монгольский обиход и из сугубо официальных постепенно стали традиционными. Эти традиции живы и поныне. В Китайской Народной Республике территории, где проживают южномонгольские этнические меньшинства, расположены в пределах региона, которой до сих пор носит название «Автономный район Внутренняя Монголия».

стырей и вообще духовных лиц, оказавших ту или другую услугу маньчжурскому дому»³⁴.

Но еще более увеличению хубилганов в Халхе способствовали сами халхаские ламы, для которых приобретение в свой монастырь хубилгана равносильно изысканию средств к удвоению и даже утроению доходности монастыря, а следовательно, и к обеспечению его всегдашнего и безбедного существования.

В самом деле, монастырь, имеющий в своих стенах хубилгана, привлекает к себе поклонников и милостынедателей уже не одними своими хурульными³⁵ святынями и службами, но и еще более живущими в нем святителями: одни идут принять к нему благословение, другие — просить его гаданий и предвещаний, третьи надеются получить от него исцеление и т.д. Стремясь поэтому иметь побольше хубилганов, ламы понаделали таковых уже не из проповедников буддизма и не из отличившихся на деятельности церковно-государственной, а из простых и скромных монастырских лам. Являлся какой-нибудь цорджи³⁶, ширету³⁷, шанзотба³⁸ или, наконец, гэбкуй³⁹ — умный, ученый, а иногда и просто добрый старичок, пользовался он всеобщей любовью и уважением, и после смерти его ламы начинали отыскивать его хубилгана. В первом своем перерождении такой хубилган, конечно, пользуется сравнительно еще небольшим уважением, но проходит два-три поколения хубилганов, имя их предка украшается различными легендарными рассказами, досужие ламы возведут его историю ко временам более отдаленным, найдут, что в прежних своих перерождениях он был одним из приближеннейших учеников Дзонхавы⁴⁰, а нет — так заведут его уже дальше — в Индию, и репутация хубилгана готова. А на народ даже одно слово «хубилган» производит

³⁴ Позднеев А.М. Очерки. С. 234.

³⁵ Хурульный, от калм. *хуруул* «монастырь».

³⁶ Цорджи, от монг. *цорж*. Наместник буддийского монастыря. Второй высший ламский сан после настоятеля монастыря.

³⁷ Ширету, от монг. *ширээт*, досл. «имеющий трон». Настоятель монастыря.

³⁸ Шанзотба, от монг. *шанзав*. Казначей, одна из высших должностей в монастыре.

³⁹ Гэбкуй, от монг. *гэвгуй*. Блюститель порядка во время богослужения в монастыре и надзиратель за поведением монахов в повседневной жизни.

⁴⁰ Дзонхава (1357–1419) — религиозный деятель, проповедник, ученый. Основное его произведение «Ламрин ченмо» («Ступени Великого пути») излагает учение о трех типах личности, теории пустоты, важности практики созерцания. Основатель школы *гелук*. При нем построен монастырь Галдан, праздник Монлам чхенмо включен в новогодний праздничный цикл, переосвящено изображение Майтреи, восстановлен строгий монашеский устав.

достаточное обаяние. Хубилган — следовательно, существо, отличное от обыкновенных, существо высшей природы, и возможно ли не благоговеть перед таким святителем.

Так, ламы понаделали в Монголии многочисленный слой перерождающихся святителей-бодисатв. Только в одной Халхе всех хубилганов до 1921 г. насчитывалось до 130, из которых 44 хубилгана являлись владетельными особами, князьями церкви, т.е. владели своими подданными, имели крепостных, или, как этих крепостных лицемерно называют ламы, — шаби⁴¹, шабинеры, ученики. В Южной Монголии хубилганов насчитывается больше, хотя точных сведений о них у нас и нет.

Общее количество хубилганов Внутренней Монголии достигало в 1900-х годах, по словам Позднеева и других, свыше 150 человек. Но теперь их значительно, неизмер[рим]о больше, т.е. в одном Гумбуме⁴², по соседству с Внутренней Монголией, по заявлению Козлова⁴³, хубилганов насчитывалось до 63 человек⁴⁴. Не будет большой ошибкой сказать, что на сегодняшний день количество хубилганов как во Внутренней Монголии, так и в Тибете надо считать уже не десятками и не сотнями, а тысячами.

Создание многочисленного культа святых во всех религиях — дело не новое и широко известное. Буддийская религия в этом отношении, конечно, ничем в принципе не отличается от ряда других религий как Востока, так и Запада.

Кому и для чего всегда и везде нужны были «святые»? Культ «святых», будь то мощи в католических или христианских церквях и храмах или хубилганы в буддийских монастырях, — одно из средств религиозного одурманивания и одурачивания трудящихся и увеличения доходов церкви и поповщины.

Что это именно так и есть в буддийской церкви, так об этом не скрывают, впрочем, и сами ламы. По словам одного рядового, но раз-

---

⁴¹ Шаби, от монг. *шавь* — послушник, ученик.

⁴² Гумбум — один из наиболее почитаемых и известных монастырей в Амдо или нынешней китайской провинции Сикан. — *Примеч. В.Д. Якимова.*

⁴³ Козлов Петр Кузьмич (1863–1935), российский исследователь Центральной Азии, ученый-путешественник, совершивший шесть больших экспедиций в Восточный Тибет, Монголию, Западный и Северный Китай, главные из которых Монголо-Камская (1899–1901), Монголо-Сычуаньская (1907–1909), Тибето-Монгольская (1923–1926). Наиболее значимыми результатами экспедиций были уникальные археологические находки при раскопках «мертвого» города Хара-Хото на р. Эдзин-гол и гуннских курганов в Судзукте на севере Монголии.

⁴⁴ Козлов П.К. Монголия и Амдо — мертвый город Хара-хото (1923), стр. 286. — *Примеч. В.Д. Якимова.*

витого бедного ганданского⁴⁵ гэбши⁴⁶, «хубилганы своим авторитетом среди населения умеют материально поддерживать свои монастыри. Не будь их, монастыри наши оказались бы в весьма печальном экономическом положении. Поэтому все ламство без различия социального положения будет стоять за институт хубилганства». Насколько последняя фраза ламы верна — это мы увидим дальше. Пока же без ссылок и доказательств можно сказать, что это далеко не так.

Темноту и забитость, и беспредельную веру арат[ов] в божественность и сверхъестественность как самих хубилганов, так и всех его поступков используют в целях наживы и обмана трудящихся арат[ов] окружающая каждого хубилгана целая орава ламства. В 1930 г. мне пришлось прожить лето в одном из самых старинных, богатых и знаменитых монастырей Монголии, в Ламыйн-гэгэне Убурхангайского аймака⁴⁷. Как известно, к лету и осени ламство во всех буддийских монастырях приурочило массу всяких праздников и торжественных богослужений. В Лам[ыйн]-гэгэне как одном из самых главных, старинных и больших монастырей, примыкающих к Гобийской части Монголии, таких праздников летом бывает особенно много. В монастыре было около 2000 постоянно живущих лам, которые возглавлялись молодым гэгэном⁴⁸ в возрасте от 18 до 20 лет. И вот в праздники как на поклонение этому гэгэну, так и к празднику цам⁴⁹, а также проведать родственников лам и за покупками (рядом с монастырем был расположен целый ряд торговых организаций) съезжались многотысячные толпы арат[ов], приезжа[ющих] иногда за 400–500 км и более. К каждому живущему в монастыре ламе обязательно приезжали

⁴⁵ Прилагательное происходит от названия главного буддийского монастыря Монголии — Гандан. Основан в 1838 г. по инициативе пятого Джебзун-Дамбы-хутухты. В монастыре действует буддийская академия. На его территории воздвигнуты три храма, здание библиотеки, ступа «Во имя мира во всем мире».

⁴⁶ Гэбши, от монг. *гэвш*. Монах, получивший полное монастырское философское образование. Часто такие монахи становились настоятелями монастырей.

⁴⁷ Аймак — административная единица в Монголии.

⁴⁸ Гэгэн см. примеч. 26.

⁴⁹ Цам — религиозная мистерия, совершавшаяся в монастырях Тибета, Монголии, Бурятии, Тувы. В основе ее лежат древние театрализованные шаманские действия и действия добуддийской религии бон. Известны цамы-пантомимы и цамы-диалоги. Число участников цамы может колебаться от пяти до 108. Цамы приурочены к разным праздникам буддийского календаря, а также к началу нового года. Исполнять цам могли монахи, прошедшие посвящение. В число персонажей вошли герои индийской и центральноазиатской мифологии — хранители сторон света, божество долголетия Белый Старец, птица Гаруда и др.

1–2 человека из его семьи, а то и вся его семья прикочевывала к монастырю со всем своим хозяйством. Ехали и везли массу подарков и подношений ближние и дальние родственники живущих в монастыре лам. Особенно много подношений везли араты главному и самому «святому» ламе монастыря — гэгэну.

Для приема поклонников и их приношений ламы во дворе одного храма устроили для Цэрэн Дорджи (имя гэгэна) под тентом (был июль, и стояла страшная жара) седалище, нечто вроде своеобразного трона, куда араты со своими приношениями и потянулись нескончаемой цепочкой. Окружающие гэгэна ламы пропускали богомольцев по определенной очереди, сначала, по-видимому, арат[ов] с более ценными подарками. Молодому гэгэну страшно надоедали все эти поклонники, а особенно в такие жаркие, душные июльские дни, когда ему приходилось сидеть и принимать их почти целыми днями. Обычно он к каждому подходившему и кланявшемуся богомольцу прикасался четками, которые держал в руке, или какой-то еще особой, по-видимому, для этого предназначенной палочкой. Но иногда это ему надоедало, действовала страшная жара, да и рука от непрерывного благословения уставала, и он подползавшего к нему, часто на коленях, арата трогал, а иногда и основательно пихал ногой, а то и просто, взяв какой-либо лежащий предмет, запускал в своих поклонников. В числе таких предметов два раза была чашка из-под кумыса, стоявшая возле гэгэна.

Столь необычное благословение удивляло простодушных арат[ов]-богомольцев, и они почти всегда после этого обращались к окружающим гэгэна ламам или к другим близким и знакомым им ламам за объяснением и толкованием такого своеобразного благословения. Ламы охотно и подробно давали объяснения, вымогали у богомольцев за объяснение все, что можно было, причем одна поклонница — женщина, на голову которой гэгэн выплеснул из брошенной чашки остатки кумыса, уплатила ламе за толкование этого сумасбродного поступка быка вместе с привезенным на нем тюком бараньей шерсти. Этот столь щедрый подарок объяснялся тем, что лама, по-видимому, хорошо знакомый с положением женщины, предсказал ей, что поступок гэгэна означает рождение ею ребенка. Женщина же, будучи несколько лет замужем и не имея детей, страстно желала иметь ребенка.

По-видимому, явления, подобные описанному выше, имели обычный и очень распространенный характер в Монголии, особенно раньше, в дореволюционное время. Но в 1930 г., во время моего пребывания в Лам[ыйн]-гэгэне, ламы вели себя чрезвычайно настороженно и старались не давать повода для парт[ийных] работников хошуна ис-

толковывать в невыгодную сторону их поступки. Если поклонения и устраивались гэгэну открыто, то приношения, связанные с этими поклонениями, производились очень замаскирова[нн]о и осторожно, почти всегда скрытно.

Для иллюстрации и дополнения приведу цитату из книги Позднеева, почти аналогичную случаю, описанному мною. «Простой народ допускается к хубилгану во всякое время, без доклада, требуется только для сего, чтобы хубилган был свободен, а недостатка в этом досуге, особливо после того, как хубилган окончит свое обучение, решительно не бывает. Поклонник осторожно входит в комнату хубилгана и, остановившись у порога, делает здесь три земных поклона, молясь на хубилгана, после поклона он на коленях ползет к седалищу хубилгана и когда приближается, то хубилган благословляет его или возложением на голову своей руки, или же вместо руки прикасается к его голове какой-либо священной книгой. После этого поклонник тем же способом, на коленях, пятится назад, не оборачиваясь к хубилгану задом. Доползши до дверей, они или выходят, или становятся на колени и снова начинают молиться на хубилгана. Можно поистине удивляться этому непоколебимому и глубоко благоговейному верованию в сверхъестественность бытия их святителей, и кажется, никакие обстоятельства не в силах вложить в душу монгола какое-либо сомнение в том, что хубилган такой же человек, как и сам он. Когда проживал я у Оромбогэгэна, бывало, сидишь, играя с ним в шахматы, а в это время один за другим приходят благочестивые его почитатели и молятся на него. Молодой человек, как я говорил уже выше, был и сам глубоко убежден в своем божественном происхождении, но его юношеский возраст брал свое: бывало, надоедят ему эти поклонники страшно, и вот вместо того, чтобы возложить священную книгу на голову молящегося, он стукнет его по голове шашкой, а нет — толкнет его ногой или ударит щелчком по башке. И все это нимало не оскорбляет религиозного чувства монгола; напротив, чем эксцентричнее выходка, тем больше заставляяет она задумываться сына степей. Получивший благословение шашкой, уходя, серьезно рассуждал и расспрашивал лам о том, что может обозначать такое благословение святителя. Случись после сего в жизни этого монгола какое-нибудь важное событие, невинной выходке хубилгана будет, конечно, придан ламами соответствующий смысл, и все это еще больше повысит хубилгана в глазах народа»⁵⁰.

⁵⁰ Позднеев, Очерки, стр. 261–262. — Примеч. В.Д. Якимова.

Случай поклонения гэгэну, описанный Позднеевым, показывает, какое раболепство, безграничное и слепое доверие имели монголы к своим «святым» хубилганам. Какая униженность, забитость, подавленность сквозит во всем этом!

И вместе с тем все это показывает, какие методы и способы выколачивания средств, подношений использовались ламством от религиозных, темных, одуроченных аратских масс.

Самая система поклонения хубилганам была раньше в Халхе (а сейчас она такой же осталась во Внутренней Монголии и Тибете) чрезвычайно тонко и сложно разработана ламством.

Чтобы это показать наглядно и обойтись без комментариев, мы приведем одну весьма любопытную выдержку из статьи А. Чуец⁵¹, помещенной в газете «Сибирская жизнь» от 14. VII. 1912 г., где автор дает красочное описание поездки одного крупного монгольского хубилгана Джалхандзы-гэгэна, командированного из Халхи монгольским ханом Джебзун-Дамбой-хутухтой в Западную Монголию для успокоения умов революционно настроенного аратства, готового отложиться от Халхи. Джалхандза-гэгэн уже не один раз посещал Кобдоский⁵² округ и раньше, народ его знал, и он пользовался там громадной популярностью и неограниченным влиянием среди всего монгольского населения.

По словам автора, проезд такого святого, как Джалхандза-гэгэн, — целое событие и празднество для степняков. Разговоры о посещении кочевий монгол[ов]-баитов⁵³ гэгэном начинаются задолго до его про-

⁵¹ А. Чуец — псевдоним Алексея Васильевича Бурдукова (1877–1943), видного учено-монголоведа. В молодые годы, в 1910–1920-х гг. находясь в Монголии, он подписывал этим псевдонимом общественно-политические и экономические статьи в журналах «Современная Монголия» и «Сибирская жизнь».

⁵² Кобдоский округ был образован в Западной Монголии в 1762 г. по указу цинского императора Цянь-луна (1736–1795). В состав округа вошла восточная часть территории Джунгарского ханства, разгромленного империей Цин в конце 1850-х гг. Территорию Кобдоского округа в основном населяли западномонгольские этнические сообщества (торгоуты, цзахчины, олёты, дербеты). Округ был упразднен в конце 20-х гг. в ходе административной реформы в МНР.

⁵³ Баиты, байты, баяды, баяты (мн. ч. от монг. *баян* — «богатый») — монгольское племя, которое вместе с дербетами, торгутами, олётами, захчинами, хошутами входило в группу западных монголов. Четвертое по величине этническое образование Монголии. Баиты проживают на северо-западе страны в Убсунурском и Кобдоском аймаках. Известны с древних времен. Этноним «баят» впервые упоминается в XIII в. В IX–XI вв. баяты были многочисленны и делились на хэринских, джидинских баятов, а также на дуклатов, горлосов, чаншигутов, киадов. Племя баят помогло Чингисхану в объединении монголов в единое государство, а также в завоевательных походах Монгольской империи в конце XII — начале XIII в.

езда. Степь оживает, и все начинают подготавливаться, чтобы успеть поклониться и получить благословение от живого бога...

Автор следующими красками передает этот проезд Джандзу-гэгэна и происходившее ему поклонение: «Пятого июля утром я, в компании группы богомольцев, поехал на полустанок (дакша), приготовленный байтами (название одного племени из монгольских племен в Кобдоском аймаке на р. Турун). По дороге нам попадала масса богомольцев. Тут ехали старики, старухи, женщины, дети, навьюченные в корзинах на верблюдах, быках, сарлыках (яках). В момент нашего приезда около юрт полустанка скопились уже кучи народа в ожидании приезда гэгэна, пришлось и мне просидеть несколько часов. Но вот прискакали вестовые с известием, что гэгэн едет близехонько, за соседней горкой. Тысячная толпа заволновалась и подступила к той юрте, которая была предназначена для гэгэна.

Вот, наконец, показалась из-за горки кавалькада бешено скачущих всадников, человек в сто; впереди скакали знаменщики, потом вожаки лошадей с регалиями власти и божества, а потом уже следовала телега с гэгэном, которую везли на седлах всадники. Вся толпа богомольцев стремилась наперерыв поддержать телегу святого: кто клал земные поклоны, кто застыл в молитвенной позе, с поднятыми ко лбу руками; были и плачущие от умиления. После входа гэгэна в юрту религиозные богомольцы, со сложенными молитвенно руками, подходили к колесам телеги гэгэна и прикладывались к ней лбами. По прошествии нескольких минут ученики гэгэна начали усаживать богомольцев в ряды; после чаепития гэгэн вышел благословлять верующих. Сначала богатые богомольцы посадили гэгэна обратно в телегу (телега заменяет дворец гэгэна во время пути), где они ему и преподнесли мандал (мандал должен быть не менее 15 лан серебра, что составляет около 25 золотых рублей). Участники мандала⁵⁴ получают право входить во дворец гэгэна и подходить под благословение к его руке во время его восседания на троне.

После этого гэгэн вышел из телеги и стал благословлять молящихся; проходя по рядам, он благословлял уже не рукой, а книгой со свя-

⁵⁴ Мандал — так в тексте. Следует: мандала. Магическая диаграмма, используемая в буддийской практике созерцания, воплощение философской концепции буддийской Вселенной, а также блюдо для сбора подношений. Представляет собой круг, вписанный в квадрат, который, в свою очередь, вписан в круг. Квадрат поделен на пять частей, имеющих собственный цвет, ориентирован на стороны света и имеет «выходы» во Вселенную. Изображается на полу, на потолке храма, изготавливается из металла, дерева, камня.

тими молитвами (касясь ею их обнаженных голов). Такое благословение называется дельгир-мергуль⁵⁵ и не обязывает верующего к обязательной жертве, но тем не менее все молящиеся сидели с хадаками⁵⁶ (шелковый жертвенный шарф, одно время в Монголии обращавшийся как разменная монета) в руках. Для сбора хадаков впереди гэгэна шли его ученики. По окончании церемонии гэгэн немедленно сел к телегу, и его повезли опять тем же способом к его собственному лагерю, оставившемуся в верстах в двух от вышеназванного полустанка.

Гэгэн совершает свой путь за свой собственный счет; его сопровождают около 30 человек его учеников, и караван его выючится на 40 с лишним верблюдов. Стоянки приготавливаются добровольно в знак уважения, а не по принуждению. В момент этого приезда гэгэна лагерь его состоял из 6 палаток. По приезде гэгэна в его походную палатку опять скопилось уже 2 тысячи богомольцев, которые намерены были поднести гэгэну дзог (или как говорят баиты — шусин), т.е. угощение. Этот способ поклонения ниже мандала и выше простого дельгир-мергуля. Каждый молящийся должен поднести жертву не менее 1-го рубля, за что он получает благословение от руки гэгэна, вышедшего из дворца, но входить во дворец ему не позволено».

Количество хубилганов, особенно в Тибете, за последнее время достигло колоссального количества. Любой буддийский монастырь, если у него нет своего перерожденца, то он обязательно стремится обзавестись таковым и, если это не удастся, старается хотя бы временно получить его, хотя бы напрокат, т.к. присутствие в любом даже самом заброшенном, захудалом монастыре хубилгана стягивает к нему многочисленные толпы поклонников, несущих вместе с поклонами богатые и обильные подношения как самому хубилгану, так и монастырю и ламам, обитающим в этом монастыре. Особенно же повышает доходы монастыря и ламства присутствие какого-нибудь знаменитого хубилгана. Очень часто, если нельзя затащить ламам в свой монастырь знаменитого хубилгана, то они просто приглашают и какого-нибудь самого заурядного, ничем не знаменитого, но хубилгана из дальнего монастыря, а еще лучше, если такой приедет, скажем, в Монголию из Тибета или из Амдо, как это было раньше в Бурятии, и т.д., т.е. в такие монастыри, где их хотя и никто не знает, но где ламство предварительно широко оповестит окружающее население о его необычайной якобы святости, о тех чудесах, на которые он способен, и

⁵⁵ Дельгир-мергуль, от монг. *дэлгэр* — «распространенный» и *мэргэлэх* — «гадать», «ворожить».

⁵⁶ Хадак, от монг. *хадаг*. Шарф обычно синего, белого или зеленого цвета.

когда почва среди населения ламством достаточно подготовлена, то стоит в монастырь появиться ожидаемому хубилгану, как к нему потянутся тысячные толпы поклонников. Цель достигнута, что ламству и монастырю и требовалось.

Но не только ламы заброшенных, захолустных, захудалых монастырей заинтересованы в приглашении к себе хубилганов. Сам хубилган не менее, если гораздо не больше заинтересован в поездке в такие районы, где давно не было или нет таких «святителей». Особенно широко такие поездки использовали тибетские хубилганы. Им, конечно, прямой смысл был предпринимать такие «турне». Во-первых, их слишком много развелось на родине, в Тибете, население ими там уже обобрано, да и привыкло к ним, не так щедро на поклонения, а подчас и просто разуверилось, разочаровалось в них. Следовательно, лучшим выходом для такого хубилгана было предпринять поездку для пополнения своего кошелька туда, где население достаточно еще религиозно, наивно, верит в них и несет им разные богатые дары.

Из Тибета в Монголию, особенно до революции 1921 г., такие любители путешествий, неудачники-хубилганы у себя на родине, приезжали десятками ежегодно, из которых часть околпачивала население во Внутренней Монголии, некоторые достигали до Внешней Монголии, а часть проникала даже в Бурят-Монголию. Естественно, что такие «турне» хубилганов не совершались просто, а обставлялись пышно, богато, торжественно. Нужно было даже одним внешним видом производить наиболее глубокое впечатление на религиозный народ. И, конечно, такие поездки хубилганам самим обходились также не дешево. Подбор и соответствующая экипировка многочисленной свиты сопровождающих в поездке хубилгана в качестве слуг, поваров, советников, моельщиков, лекарей, гадателей и т.д. стоила бешеных денег. Спрашивается, откуда же эти сравнительно бедные хубилганы, ничем не примечательные у себя на родине, добывали столько денег и средств на такую дорогостоящую, далекую и трудную поездку?

Тем, кому знакома ростовщическая деятельность буддийских монастырей и отдельных богатых лам, нетрудно будет понять и раскрыть механику этого дела. Обычно мелкие гэгэны для организации своей поездки за содействием и благословением, а часто и за средствами обращались к далай-ламе или одному из близких ему богатых и знатных лам. Те всегда довольно охотно шли навстречу, оказывали всяческую протекцию, снабжали и деньгами, тем более что такие поездки приносили им минимум до 100 процентов дохода, а если считать и богатые подаяния хубилганов, по укоренившейся традиции столь же

обязательные, то и 200 процентов и даже 400 процентов. Конечно, был и в этих ростовщических операциях известный риск, но если вспомнить слова Маркса, то [станет ясно, что] «капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличности достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля людьми»⁵⁷. И станет понятно, что монастыри и ламы шли на этот риск. Впрочем, неудачные поездки были чрезвычайно редки. Основную опасность — быть ограбленными разбойничьими племенами голоков⁵⁸ — можно было избежать, имея при себе достаточный вооруженный конвой.

Насколько мне известно, прежде такие поездки тибетских хубилганов в Монголию и Бурятию всегда оканчивались триумфальным возвращением их на родину. Их «жатва» бывала настолько обильной, что ее хватало с избытком на покрытие всех дорожных расходов, на уплату высоких ростовщических процентов за взятые на дорогу деньги, подарки, на щедрую оплату свиты, сопровождавшей хубилгана в его «турне», и т.д. и т.п.

Здесь будет достаточно указать на один из таких фактов. Так, например, некто бурят Норбоев, впоследствии известный как гэгэн-Ганджурба, бывший в Тибете и объявивший себя вторым перерожденцем-хубилганом какого-то ламы, по возвращении в Бурятию в 2 или 3 года из даров, подношений и т.д. сумел сколотить довольно крупный капиталец и, кроме того, имел до 30 000 разного скота. А это ведь был один из захудалых малоизвестных гэгэнов, имевший только второе перерождение. Октябрьская революция застала этого вновь испеченного гэгэна-Ганджурба (бывший бурят Норбоев) в Бурятии, откуда он не сумел вовремя никуда выбраться и где его капиталы и многочисленные гурты скота были впоследствии конфискованы. <далее зачеркнуто: «Сейчас этот святоша проживает как тибетский подданный в Ленинграде в буддийском храме.»>

---

⁵⁷ К. Маркс, Капитал. Т. 1, стр. 611. — Примеч. В.Д.Якимова.

⁵⁸ Голоки — тибетское племя, проживающее на севере Тибета.

Впрочем, бывали и неудачные поездки отдельных хубилганов, особенно в последнее время. Как пример этого можно привести поездку в Бурятию тибетского Тагрин-гэгэна, который для поездки брал деньги лично у далай-ламы. Вернулся он обратно в Тибет в конце 1924 — начале 1925 г. Судьба и русская революция не благоприятствовали этому святителю буддийской церкви. Да и сам он не отличался ни большим умом, ни практической смекалкой, ни энергией, ни ловкостью, не обладал и достаточным апломбом и начальством для одурачивания монгольских и бурятских скотоводов. Да и времена уже были не те. Из Бурятии он был выставлен, во Внешней Монголии ему тоже не повезло, а араты Внутренней Монголии имели уже достаточно своих, более нахрапистых и пронырливых хубилганов, чем он. Как бы то ни было, но в Лхасу он вернулся почти ни с чем, растеряв по дороге даже часть своей когда-то многочисленной свиты. В Лхасе в благодарность далай-ламе [он] не поднес не только богатого, но и вообще никакого мандала (подарка). Даже больше того — он не сумел вернуть деньги, которые занял у далай-ламы на поездку. Этим всем его судьба оказалась решенной, он попал в немилость далай-ламе и скоро вообще куда-то смылся, бесследно исчезнув из Лхасы.

Зато другой гэгэн, уехавший вместе с ними почти одновременно [и] вернувшийся в Лхасу, но избравший полем своей деятельности Калашар⁵⁹, привез далай-ламе богатейшие дары, с честью расквитался за все и со всеми, кому был должен, быстро пошел после этого в гору и, говорят, сделал блестящую «духовную» карьеру.

Особенно такие поездки хубилганов были чрезвычайно разорительны для народа (а стало быть, в этой же мере выгодны для хубилганов, обогащая их) раньше, когда из той же Бурятии ими выкачивались сотни тысяч и даже миллионы рублей.

По авторитетному заявлению русского исследователя буддизма проф[ессора] Васильева⁶⁰, один из монгольских хубилганов при поездке в Бурятию вывез оттуда на 50 верблюдах одних только мехов и прочих ценных предметов, которые он сумел выкачать из доверчивой,

⁵⁹ Калашар — район Тибета к юго-западу от Лхасы.

⁶⁰ Васильев Василий Павлович (1818–1900) — русский востоковед, профессор Казанского и Петербургского университетов. Основоположник русской буддологической школы, собиратель китайских, тибетских, монгольских рукописей и ксилографов. Родился в Нижнем Новгороде, учился в Казанском университете, продолжил учебу в Китае в составе Российской духовной православной миссии. Основные труды: «Буддизм. Его догматы, история и литература» Ч. 1: Общее обозрение. СПб., 1857; Ч. 3: История буддизма в Индии, сочинение Даранаты в переводе с тибетского. СПб., 1869.

религиозной и темной массы буддийского населения. Здесь мы не находим упоминания о гуртах скота, но надо полагать, что эти гурты скота по своей ценности превышали стоимость мехов и ценностей, вывезенных им на 50 верблюдах, т.к. известно, что буряты и монголы таким хубилганам наиболее ценные подарки делают обычно скотом. Да это и понятно, если учесть что их основным занятием является скотоводство.

Подобные же заявления мы можем найти и у других исследователей Монголии. Так, например, Баранов⁶¹ в книге «Административное устройство Северной Манчжурии» говорит, что хотя в Барге⁶² и нет гэгэнов и хутухт, за исключением монастыря Ганджур⁶³, но иногда туда из Пекина, где проживает 14 хубилганов, приезжают хутухты для благословления народа и богомольцев. Верующие дают хутухте различные пожертвования в виде баранов и другого скота, а также деньгами. И, как любопытное явление, он отмечает, что за хутухтой в его поездке по Барге следуют русские, татары, китайцы и евреи — мясники, которые сразу, тут же на месте и скупают у хубилгана жертвуемый ему скот (с. 21).

Здесь уместно будет поставить вопрос, откуда приходили, из какого слоя, из каких классов монгольского населения вербовались эти «святители» — хубилганы. Интересное указание дает в той же книге Позднеев о социальном происхождении хубилганов. «Хутухты, — говорит Позднеев, — в большинстве случаев бывают именно одними из

---

⁶¹ Баранов А.М. (1856 — не ранее 1926) — русский военный, востоковед. Деятельность А.М. Баранова была связана с изучением Монголии и Маньчжурии. С 1906 г. он служил в Забайкальском пограничном округе. С целью изучения политического и экономического положения в восточных и северо-восточных районах Монголии в 1905–1907 гг. совершил несколько военно-географических экспедиций. В русской армии считался одним из лучших специалистов-монголоведов, свободно владел монгольским языком. Перу А.М. Баранова принадлежит несколько работ по географии, истории, экономике и государственному устройству Монголии в начале XX в. Составленный им словарь монгольских терминов стал этапным явлением в изучении монгольского языка в России. Список научных трудов А.М. Баранова см.: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М., 2005. С. 27.

⁶² Барга — название района проживания баргутов (барга, баргу), а также одного из монгольских северных племен, живущих на северо-востоке Монголии, у озер Буир-нур и Кулун-нур и в Южной Монголии на границе с Китаем, куда они были переселены китайским правительством с территории современной Бурятии. До настоящего времени среди баргутов весьма распространено шаманство.

⁶³ Ганджур (тиб. *Bka'gyur*) — каноническое собрание буддийских текстов. Переведен с санскрита на тибетский язык в VIII–X вв., на монгольский язык переведен в XVII в. Здесь: название монастыря на северо-востоке Монголии.

младших сыновей владетельных князей и тайджиев⁶⁴, только старшие сыновья, как наследующие по закону все княжеские права и преимущества своего родителя, хутухтами никогда не оказываются. В редких случаях хубилганы являются и в домах не владетельных тайджиев и даже простолюдинов, но это является уже как исключение»⁶⁵. Но здесь мы считаем нужным оговориться, что, делая эти по существу верное заявление, Позднеев все же многое не разглядел и не понял относительно причин существования института хубилганов в Монголии и их роли там.

Это у Позднеева вытекает из основной крупной ошибки, которую он делает, заявляя в другом месте, что на имущество, на богатство отдельных хубилганов имеет право все то монастырское ламство, к монастырю которого принадлежал хубилган. Это неверно.

Если хубилгану, по установленному ламами правилу, при ежегодной дележке монастырских доходов среди лам, принадлежало 20 частей делимого имущества и денег, а каждому простому ламе только 1 часть, то помимо этого у хубилгана было свое хозяйство, своя джаса⁶⁶, имущество и доход, от которого поступали так только и исключительно одному хубилгану и никому больше. Только этот хубилган имеет право распоряжаться своим имуществом, хозяйством и джасой, деньгами, крепостными и всем тем, что ему принадлежало. На хозяйство хубилгана, на его имущество не имело никакого права все остальное монастырское, даже высшее ламство, по крайней мере тогда, когда хубилган достигал совершеннолетия и мог сам лично управлять своим хозяйством и распоряжаться ему принадлежащим имуществом. После смерти такого хубилгана в монастыре высшее ламство выбирает другого хубилгана, который должен, по верованию буддистов, переродиться и воплотиться в малютке. Все хозяйство хубилгана, его имущество, деньги, все это по наследству переходит к новому хубилгану, в данном случае к тому малютке, которого выбрало высшее ламство.

Ну а пока вновь выбранный малютка-хубилган растет, пока он не сделался взрослым, то высшая часть ламства монастыря, администра-

⁶⁴ Тайджи, от кит. *тай-цзы* — царевич, сын правителя. Во время династии Юань (1271–1368) этот титул носили сыновья монгольских правителей Китая. В XVII — начале XX в., в период пребывания Монголии в составе империи Цин, носители этого титула считались обладателями аристократических достоинств низших рангов. В цинский период помимо родовитых тайджи, унаследовавших свои титулы от предков, появилось большое количество «жалованных» тайджи, получивших свои ранги знатности в награду от властей.

⁶⁵ Позднеев, Очерки, стр. 250. — Примеч. В.Д. Якимова.

⁶⁶ Джаса, от монг. *жасаан* — «административная служба, дежурство».

ция монастыря, его воспитатели, заведующие хозяйством хубилгана, его казначей (а у богатых хубилганов их несколько человек) — вся эта свора ламства живет за счет хозяйства и имущества такого хубилгана, вокруг которого они околачиваются десятками и за счет которого прокармливаются. Это-то распоряжение высшего ламства личным хозяйством и имуществом хубилгана заставляет лам желать, чтобы хубилган по возможности всегда был малюткой, не полноправным взрослым ламой. Отсюда становится вполне понятно и то явление, что хубилганам, при наступлении их совершеннолетия, окружающее их ламство часто потихоньку подносит кубок яда, и хубилган должен перерождаться вновь на радость, на счастье и для сытой, беспечной жизни окружающего его высшего ламства. Итак, через хубилганов в монастырях высшее ламство наследует их имущество, т.к., повторяем, имущество хубилганов не является одинаковым с джасовым имуществом, т.е. имуществом, принадлежащим всему монастырю, — нет, имущество, деньги, крепостные — это их, хубилганов, личная собственность, которой они распоряжаются как хотят и тратят куда и как им угодно.

Эту же ошибку вместе с целым рядом других крупных политических ошибок, делаемых Позднеевым, повторяет Калинин⁶⁷, говоря, что в Монголии «монастырь монопольно владел определенными пастбищами и особой категорией крепостного хозяйства — шабинарами. Шабинары были закреплены за джасами, т.е. монастырскими хозяйствами, которых было по несколько в каждом монастыре»⁶⁸.

Вообще, в этой статье Калинин [допускает] до 8 крупных ошибок на одной только этой странице. Во всей же статье их можно насчитать сотни. В этой же цитате в двух фразах Калинин делает сразу три ошибки. Первая — не монастырь владел пастбищами, а хубилган, находящийся в этом монастыре. Втор[ая] — монастыри и джасы в Монголии не имели своих крепостных, а этим правом опять-таки пользовался только хубилган. И в[-]третьих, монопольного владения

---

⁶⁷ Калинин — неверное написание фамилии А.Д. Каллиникова (1899–1937) советского востоковеда, специалиста по Монголии. А.Д. Каллиников в составе Красной армии участвовал в Гражданской войне в Сибири. В 1919–1920 гг. был членом советской экспедиции по экономическому обследованию Монголии. В 1922–1930 гг. — сотрудник Наркомата иностранных дел и волпредства СССР в Монголии. С 1930 г. — преподаватель Московского института востоковедения и Ленинградского восточного института. Автор более 20 научных работ по истории и экономике Монголии 20–30-х годов. Наибольшую известность получила монография А.Д. Каллиникова «Революционная Монголия» (М., 1925).

⁶⁸ *Каллиников А.Д.* Аграрные отношения и антифеодалная и аграрная революция в Монголии // Аграрный вопрос на Востоке. М., 1933, с. 100.

замлей ни у монастырей, ни у хубилганов не было, за исключением Шабинского⁶⁹ ведомства Богдо-хана⁷⁰ а землей крепостные того или другого хубилгана пользовались в рамках определенного хошуна, подчиненного светскому князю-феодалу наравне с его подданными. Так в буддийских монастырях высшее ламство разрешает вопрос о наследовании личного имущества. Безбрачный монашеский образ жизни заставил их прийти к этому методу передачи имущества и власти.

Но эта же система перерождения хубилганов устраивает вполне удовлетворительно и другой вопрос — вопрос наследования и перехода власти. В самом деле, при безбрачии буддийского духовенства, когда правила религии не позволяют, по крайней мере формально, ламам жениться и иметь детей, трудно было бы продумать более удобный способ наследования имущества, прав и власти. Вся власть и все права после смерти хубилгана при этом способе должны оставаться и переходить опять-таки в руки высшего ламства. А высшим ламам-теократам только этого и нужно было.

При изучении ламаизма, а в частности, института перерожденцев хубилганов прежде всего встает вопрос о том, почему институт хубилганов, чрезвычайно сильно распространен[ный] в Тибете и во Внутренней Монголии, был чрезвычайно развит в дореволюционной Внешней Монголии, и с другой стороны — почему нет хубилганов в Китае и в Японии, где буддизм исповедует если не большинство населения, то по крайней мере значительная часть его.

По-видимому, наиболее близким к истине и более реальным будет объяснение отсутствия хубилганов в Китае и Японии потому, что эти страны (в свое время Китай так же) не были зависимыми, колониальными и полуколониальными народами. Нежелание развивать и размножать у себя феодалов, нежелание распылать и раздроблять как свои территории, так и власть — вот причина отсутствия хубилганов в Китае и в Японии. Ведь создание института хубилганов — это значит создание духовных «князей церкви», сосредоточение в их руках одного или нескольких монастырей, определенных земель, уделов, крепостных, войска и т.д., и т.п., власти, богатства.

Но если Китай не был заинтересован в развитии и насаждении хубилганов у себя, то маньчжурскому двору и правительству было выгодно развитие хубилганства в Тибете и в Монголии. Китайско-мань-

⁶⁹ Прилагательное от монг. *шавь*. Шабинское ведомство занималось послушниками — шабинарами, принадлежавшими Богдо-гэгэну. Управляющим Шабинского ведомства являлся да-лама.

⁷⁰ См.: Богдо-гэгэн (примеч. 26).

чжурский двор прекрасно знал и помнил, когда полчища кавалерии Чингиза, монголов, объединенных в одной империи, с крепкой, централизованной властью, попирали китайские земли, уничтожали туземную китайскую аристократию.

Единая мощная монгольская империя ни в какой мере не могла быть желательна для китайского правительства. Помнил также китайский двор и другие полчища варваров, приходившие в Китай с [запада] — из Тибета. В свое время могущественная [Т]ибетская империя, объединенная в единое государство под властью короля Срондзен Гампо⁷¹, также диктовала свою волю Китаю.

Недаром гордый и надменный китайский богдо-хан принужден был отдать свою дочь замуж за тибетского варвара, короля Срондзен Гампо, а его преемников китайские императоры обязаны были называть своими сыновьями и племянниками. Нет, мощные государства, с централизованной властью никогда не являлись желательными соседями Китая. Вот другое дело, если эти соседние страны удалось бы раздробить на мелкие, отдельные, независимые друг от друга княжества. Это было бы желательно и приемлемо для Китая. И китайский двор, сумев однажды поставить в зависимость от себя Тибет и Монголию, повел именно такую линию на феодальное дробление Тибета и Монголии. Всяческое поощрение, льготы, дары, привилегии появляющимся хубилганам и монастырям — все это заставляло тибетское и монгольское ламство выдвигать в свою среду все чаще и больше этих «князей церквей».

Размножение этих духовных феодалов-теократов, дробление ими страны на самостоятельные уделы, их постоянная вражда и соперничество между собой, с одной стороны, и недопущение концентрации и консолидации власти в руках светских феодалов — с другой, вот основы маньчжуро-китайской политики в отношении Тибета и Монголии.

В это время китайско-маньчжурский двор не хотел и боялся иметь главных хубилганов из родовитых княжеских семей, т.е. последние, пользуясь большей властью и авторитетом как богатые и знатные отпрыски Чингиз-хана и к тому же обладая святостью, громадным духовным авторитетом, могли проявить тенденцию к объединению стра-

---

⁷¹ Правильнее: Срондзан Гампо — правитель Тибета (627–675), с которым связывается превращение буддизма в государственную религию, объединение страны, перенесение столицы в Лхасу и создание тибетской письменности. Ему приписывается строительство 109 храмов. Согласно легенде, был перевоплощением Авалокитешвары, а его непальская и китайская жены считались, соответственно, перевоплощениями Сьяма Тары и Сита Тары.

ны. А этого как раз больше всего боялись китайские дипломаты и, конечно, не без основания всячески противодействовали и не допускали перерождений главных хубилганов из княжеских семей. Примером этого может служить в Монголии перерождение первого монгольского хутухты Ундур-гэгэна⁷² в семье потомка Чингиз-хана — Тушету-хана⁷³. Второй хутухта также был из этой семьи. Но, видя усиление духовного и светского влияния, власти и богатства в руках этих «святителей» и его семьи, китайцы перерождение третьего хутухты не допускают не только в этой семье, но даже в самой Монголии, и его перерождение переносится в Тибет. Таким образом, главу буддийской церкви в Монголии отрывают не только от влиятельных княжеских семей, но запрещают даже само это перерождение в Монголии.

Как в Тибете, так и в Монголии власть главных хубилганов больше уже не падает в руки влиятельных знатных и богатых феодальных семей, а наоборот, власть далай-ламы, панчен-ламы, ургинского Джебзун Дамба-хутухты передается всегда китайскими амбанами⁷⁴ в руки неизвестных народных выходцев, у семей которых не было ни славы, ни связей, ни богатства, ни авторитета. Уединить, изолировать духовного главу, не дать ему возможности связываться с широкими массами народа — вот политика Китая по отношению главных святителей буддийской церкви в Тибете и Монголии.

Но не только китайские амбаны не хотели допустить и не допускали перерождения главных хубилганов в знатных родовитых, дворянских, княжеских семействах — этого не хотели допустить и сами крупные монгольские и тибетские феодалы. Дело в том, что при постоянном соперничестве главных светских монгольских и тибетских феодалов между собой за государственную власть, за влияние, за богатство и могущество в стране они не могли в то же время допустить и такого положения, когда один из них, один из могущественных феодалов победил окончательно и сделался главным, сделался верши-

⁷² Ундур-гэгэн, от монг. *өндөр* — «высокий», см. также примеч. 26.

⁷³ Тушету-хан — носители аристократического титула в Северной Монголии с конца XVI в. Первым Тушету-ханом стал Абатай, правнук Даян-хана, потомок Нунуку Уйдзан-нойона, третьего сына Гэрэсэндзэ. Абатай Тушету-хан благодаря своей успешной военно-политической деятельности, чему способствовало его активное покровительство распространению в Монголии буддизма, занял весьма высокое положение в иерархии монгольских правителей и возглавил созданный им новый удел, расположенный в бассейне р. Толы. Власть над этим уделом перешла к потомкам Абатая, которые сохранили за собой и его титул. Так было положено начало Тушетуханским кочевьям (монг. *нутуг*), на основе которых в 1630-е годы возник Тушетуханский аймак.

⁷⁴ Амбань, от монг. *амбан* — «чиновник», «сановник».

телем судеб страны. Победа такого соперника значила бы для остальных крупных феодалов-конкурентов гибель и политическую, и экономическую. Поэтому конкурирующие между собой наиболее знатные, могущественные и богатые дворянские семьи все усилия прилагали к тому, чтобы один из конкурентов не сделался главным, не захватил власть и не уничтожил остальных.

Крупные, соперничающие между собой светские феодалы готовы были допустить любого человека из престолярства сделаться главным хубилганом, но не допускали и не могли допустить к власти одного из своих противников. В этом отношении странным образом, но интересы Китая и его резидентов-амбаней совпадали с желаниями и интересами крупных светских феодалов Тибета и Монголии (второстепенные хубилганы перерождались в семьях феодалов). Эти интриги китайских амбаней и крупных светских феодалов Тибета и Монголии вполне объясняют нам то явление, которое можно было там наблюдать, т.е. нахождение и перерождение главных хубилганов в семьях главным образом простых крестьян и простолюдинов.

К тому же следует добавить и еще одно соображение, которое также руководило китайскими дипломатами. Если бы они допустили стать у власти одного из влиятельных родовитых князей, то остальные феодалы-конкуренты не могли бы этого допустить, и гражданская война в стране была бы неизбежна. Но это было бы невыгодно китайцам экономически, т.е. допускать в стране постоянные феодальные драки означало бы разорить страну и уничтожить китайские доходы, идущие отсюда в виде налогов и торгово-ростовщической прибыли. Конечно, китайцы на это пойти не могли. Поэтому в вышеприведенном заявлении Позднеева о том, что «хутухты в большинстве случаев бывают именно одними из младших сыновей владетельных князей и тайджиев», необходимо внести ту существенную правку, что это заявление верно постольку, поскольку оно относится не к главным, не к основным хубилганам, занимающим трон царя, короля в той или другой стране (Тибет, Монголия), а к второстепенным хубилганам, к тем, которые стоят во главе отдельных монастырей, а иногда больших или малых уделов.

Это заявление мы могли наблюдать в дореволюционной Внешней Монголии, можем и теперь наблюдать в Западном Китае у монгол[ов], кочующих в пределах Монгольского Алтая. Это же отмечают почти все путешественники по Внутренней Монголии, Куку-нору, Амдо, Тибету и т.д. как сейчас, так и раньше. Например, тот же Козлов, цитированный нами выше, в конце [книги] «Монголия и Амдо и мерт-

вый город Хара-хото» на стр[анице] 212 говорит, что «настоятель монастыря Барун-гэгэн или Чжалерай-гэгэн считается перерожденцем самого далай-ламы или иначе Цанян-Чжамцо, его шестого перерождения. Эту почетную должность долго занимал брат современного циньвана⁷⁵ (монгольского князя)». Далее про другого гэгэна в этом же монастыре, но рангом ниже Козлов говорит, что он — Эрдэни хамболама — родственник вана (чин монгольского князя) и имеет сорок лет от роду. На стр[анице] 216 мы опять находим указание, что в лучшем монастыре монгольского княжества Алашани в Дзун-хите «настоятелем монастыря или Дзун-гэгэном в наше время был тайджи — дворянин, родственник вана».

Таких указаний и примеров можно было бы привести бесчисленное количество, но думается, что нет нужды в этом. Все они, за малым исключением, будут подтверждать, что второстепенные хубилганы — это выходцы из дворян из числа младших сыновей княжеских семей и близкие родственники других владельцев светских феодалов.

Summary

V.D. Yakimov
The Khubilgans

Preface and publication by I.V. Kulganek and A.V. Popov

The article “The Khubilgans” by V.D.Yakimov hasn’t been published before. Its handwritten text is kept in the Archives of Orientalists of IOS, RAS. (F. 83. Inv. 1, unit 19).

V.D. Yakimov, a mongolist-historian, a scholar of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, was killed at the Leningrad front during the Great Patriotic War. The article was written at the end of the 1930s and constitutes one of the chapters from his unpublished book *The Origin and Development of the Buddhist Church in Mongolia*. In the article, the author describes what the Khubilgans were and how widespread this phenomenon was in Mongolia.

Key words: Archives, manuscript, V.D. Yakimov, buddhism, Mongolia, khubilgan.

---

⁷⁵ Правильно — цинь-ван.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В 1945 г.

Воспоминания сотрудников (запись и редакция Д.Е. Бертельса)

*Предисловие и публикация
С.И. Марахоновой*

Аннотация: Публикация представляет собой записанные и отредактированные Д.Е. Бертельсом воспоминания ряда сотрудников ЛО ИВ АН СССР — участников войны и сотрудников, вернувшихся в Ленинград из эвакуации в Ташкент. Материалы, скорее всего, были подготовлены для институтской стенгазеты, посвященной юбилейной дате — 30-летию победы советских войск над Германией. Только двое из этих сотрудников — О.И. Смирнова и В.И. Кальянов работали в ИВ до войны. Остальные были приняты на работу в ИВ после Победы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ЛО ИВ АН СССР, архивы.

Публикуемые материалы долгое время хранились в кабинете сектора Ближнего Востока ИВР РАН и были любезно предоставлены нам А.Г. Грушевым. Очевидно, записи представляют собой материал для стенной газеты, подготавливаемой сотрудниками ЛО ИВ к юбилейной дате — 9 мая 1975 г., 30-летию Победы над нацистской Германией. Это воспоминания сотрудников ИВ — ветеранов войны об участии в боевых действиях и воспоминания о возвращении Института в Ленинград из эвакуации в Ташкенте. Подготовка стенных газет, освещавших основные события институтской жизни, долгие годы была доброй традицией Института. Сохранился сделанный Д.Е. Бертельсом¹ проект праздничной стенгазеты («Материалы для стенгазеты к 09.05.1975»).

---

¹ Бертельс Дмитрий Евгеньевич (1917–2005) — сын известного советского ираниста, члена-корреспондента АН СССР Е.Э. Бертельса. В 1941 г., будучи на последнем курсе филологического факультета ЛГУ (арабско-иранский разряд), был арестован

		а) Фото — у Кости (Дубкова?) ² б) Материалы (заметки) — у Кости + Дунаевская ³ .	
День Победы. Передовая.		Отчетно-выборное. Ворожейкина.	
Темкин. О планировании (новая пятилетка).	О методике. Лившиц.	Ханин. О личных творческих планах.	Юзбашян о конкурсе
Гафурова Н. ГДР	Стеблин- Каменский. Туркмения	ИВ в мае 1945.	

Все воспоминания сотрудников (за исключением одного — интервью с И.И. Цукерманом, переписанного П.А. Грязневичем) записаны рукой Д.Е. Бертельса, в ту пору «главного хранителя» истории Института. Им также написаны два варианта статьи о событиях в Институте востоковедения в мае 1945 г. после возвращения коллектива из Ташкента. Одна из них имеет формальный характер, основана приказах по Институту и похожа на отчет. Другая написана в ином ключе, более человечная, живая и создана на основе воспоминаний очевидцев. Нам не известны другие описания этих событий.

Весь материал был отредактирован Д.Е. Бертельсом. Он внес изменения и исключил некоторые фрагменты: иногда для улучшения стиля, иногда из соображений политкорректности. Его собственная статья также была переработана. Мы приводим здесь полный текст документов, устраняя лакуны и восстанавливая первоначальный вариант этих материалов.

и до 1956 г. находился в лагерях и в ссылке в Красноярском крае. В 1956 г. поступил и в 1959 г. окончил романо-германское отделение филологического факультета ЛГУ. Был переводчиком с немецкого языка. С 1961 г. работал в ЛО ИВ АН СССР, специализировался на истории отечественного востоковедения. Ряд лет заведовал АВ ИВ и ЛО ААН СССР, с 1978 г. — на пенсии (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 774).

² Дубков Константин Викторович (род. в 1941 г.), историк, сотрудник Архива востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Работал в Институте с 1972 по 2001 г.

³ Дунаевская Ирина Михайловна (род. в 1919 г.), кандидат филологических наук. Родилась в Петрограде. С 1937 г. училась на филологическом факультете ЛГУ сначала на русском, затем на немецком отделениях и отделении семито-хамитской филологии. В 1941–1945 гг. была в народном ополчении, затем на фронте в качестве военного переводчика. В 1948 г. окончила филологический факультет ЛГУ как германист, затем аспирантуру Восточного факультета по хеттологии. В 1957–1979 гг. работала в ИВ АН (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 808).

В первые дни и недели Великой Отечественной войны в армию были призваны многие военнообязанные сотрудники ИВ, в том числе женщины. Для особо ценных научных работников, необходимых для выполнения Институтом заданий оборонного характера (составление словарей, разговорников на восточных языках и пр.), дирекции удалось получить отсрочки. Таким образом, в ряды РККА были призваны 16 человек. В народное ополчение вступило около 50 человек, но затем многих отозвали по разным причинам; в конечном счете в рядах ополчения сражались 14 человек, прежде всего аспиранты и молодые сотрудники ИВ АН. Пятеро из них не вернулись с фронта.

Эвакуация ИВ в Томск, первоначально намеченная на конец августа 1941 г., была сорвана быстрым продвижением немецких войск и установлением блокады Ленинграда. По распоряжению Совнаркома СССР в августе–ноябре 1941 г. самолетом на курорт Боровое в Казахстане были вывезены академики и члены–корреспонденты АН СССР. Некоторым удалось эвакуироваться самостоятельно. В феврале–марте 1942 г. по Дороге жизни в разные населенные пункты страны выехало около 20 сотрудников института. Последняя группа организованно эвакуировалась из Ленинграда в Ташкент 12 июля 1942 г. Иранист Ольга Ивановна Смирнова⁴ выехала из Ленинграда в марте 1942 г. на

⁴ Смирнова Ольга Ивановна (1910–1982), кандидат филологических наук, иранист-филолог. Специалист по истории Средней Азии и по согдийской нумизматике. Родилась в Петергофе в дворянской семье. В 1934 г. окончила лингвистический факультет ЛИФЛИ по иранскому циклу. Работала над согдийскими монетами в Государственном Эрмитаже. В 1935 г. по рекомендации А.А. Фреймана поступила на работу в ИВ. Занималась общими вопросами иранской филологии и иранского языкознания, переводом и изданием персидских рукописей. Участвовала в подготовке персидско-русского словаря, согдийского словаря, в разработке латинизированного таджикского алфавита. Опубликовала ряд работ по согдийской нумизматике, а также каталог монет с гордища Пенджикент. С началом войны в июле–августе 1941 г. работала на строительстве оборонительных сооружений под Новгородом и станцией Горелово, затем с середины сентября до марта 1942 г. — сиделкой в подшефных госпиталях. В марте 1942 г. была эвакуирована из Ленинграда в Краснодарский край, где оказалась в оккупации (август 1942 — февраль 1943 г.). С мая по июль 1942 г. работала учетчиком по животноводству в колхозе «Кунша» Упорненского района Краснодарского края. В феврале 1943 г. начала преподавать алгебру и физику в средней школе в станице Курджитской Тульского района Краснодарского края. В августе 1943 г. по вызову дирекции ИВ АН выехала в Ташкент для работы по специальности. Работала в ИВ и одновременно в Институте по изучению восточных рукописей АН УзССР, где принимала участие в подготовке каталога восточных рукописей. 20 апреля 1945 г. в Ташкенте защитила кандидатскую диссертацию «Согдийский нумизматический материал как источник для истории Средней Азии домусульманского периода». Вернувшись в Ленинград из эвакуации, занялась разработкой рукописного персоязычного фонда, участвовала в критическом издании «Шахнаме» Фирдоуси и переводах современных иранских новеллистов.

Северный Кавказ. С сентября 1943 г. работала в ИВ в Ташкенте. Индолог Владимир Иванович Кальянов⁵ с начала войны был на фронте, с осени 1942 г. — в Ташкенте. Только эти двое из упоминаемых в публикации сотрудников начали работать в ИВ АН до войны. Все остальные лица, чьи воспоминания здесь представлены, стали сотрудниками Института после или во время войны.

С.И. Марахонова

И[нститут] в[остоковедения] в 1945 г.

К[лавдия] Б[орисовна] С[таркова]⁶.

<Приписка на полях: настроение было бодрое, даже приподнятое>. Выехали из Т[ашкента] в ночь с 9 на 10-е мая 1945 г. Ехали хорошо в пассажирских вагонах 6 суток до Москвы. В Москве стояли несколько часов и пересели в другой поезд — это был немецкий купейный вагон. Я всю ночь стояла и смотрела в окно — вместо привычных станций

⁵ Кальянов Владимир Иванович (1908–2001), доктор филологических наук, индолог. Родился в Мариупольском округе Таврической губ. В 1929 г. поступил на восточное отделение лингвистического факультета ЛИЛИ по индийскому циклу. В 1937 г. был принят на работу в ИВ в Индо-тибетский кабинет. 5 июля 1941 г. вступил в народное ополчение. 19 апреля 1942 г. был демобилизован для продолжения научной работы, которой занимался некоторое время в Ленинграде до эвакуации ИВ. С Институтом не выезжал. Самостоятельно выехал в Боровое (до или после эвакуации ИВ). В Боровом, согласно архивным документам, числился с 5 августа 1942 г. В начале октября 1942 г. В.И. Кальянов переехал в Ташкент, где работал в ИВ. Вернулся в Ленинград одним из первых 1 августа 1944 г. для работы по подготовке Института к эвакуации сотрудников. В 1960–1968 гг. заведовал Индийским кабинетом, затем перешел в Сектор Древнего Востока. Занимался переводом и публикацией «Махабхараты». Перевел несколько книг из нее. С 1985 г. — на пенсии.

⁶ Старкова Клавдия Борисовна (1915–2000), доктор филологических наук, семитолог, гебраист. Родилась в Петрограде в дворянской семье. В 1933 г. поступила в ЛИФЛИ на кафедру семитских языков и литератур лингвистического факультета. В 1938 г. была принята в аспирантуру на кафедру семитологии ЛГУ. Занималась еврейской литературой. Пережила в Ленинграде первую блокадную зиму. В феврале 1942 г., будучи ассистентом кафедры семитологии, эвакуировалась из города с университетом, по-видимому, в Саратов. Однако до начала 1944 г. проживала в селе Калинка Арзамасского р-на Горьковской обл., где работала учителем в средней школе. В марте 1944 г. вызвана на работу по специальности в ИВ, находившийся в Ташкенте. После возвращения в Ленинград продолжала работать в ЛГУ на кафедре семитологии, а после закрытия кафедры в 1948 г. служила в ряде библиотек. В штат ЛО ИВ АН СССР была зачислена в 1954 г. С тех пор главной темой ее исследований стало изучение кумранских рукописей (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 578).

Угловка, Вишера Б[ольшая] и М[алая], Бологое и др. были груды кирпича, поросшие травой и лопухами.

В Ленинград прибыли ок[оло] 13 ч[асов] в воскресенье 17-го мая — было очень холодно, сыпал хлопьями снег. Те, кто не имел квартиру, был отправлен в Дом ученых, где нас поместили. Было холодно, но это уже был кров над головой. Прожили мы так 2 м[еся]ца, а затем нас стали распределять по разным домам. В этом деле большую помощь всем сотрудникам оказал В[асилий] В[асильевич] С[труве].

18-го мая, в понедельник, мы побежали в Институт. Картина была печальная — черные полы, запыленные стены, разбитые окна. Вскоре, однако, завхоз ИВ привез из Риги машину стекла, и окна Ин[ститу]та прозрели. Этим же стеклом застеклили окна на квартирах сотрудников. Институт также снабдил сотрудников самой необходимой на первое время мебелью — столы, стулья. Арабский кабинет был завален тоннами поступивших за 4 г[ода] книг из арабских стран. Грязь и пыль — даже трудно описать. Сотрудники принесли из дома ведра, тряпки, мыла и отмывали полы. Библиотека начала работать с первых дней — это была заслуга О.Э. Ливотовой.

В[асилий] В[асильевич] С[труве] погнал всех в ун[иверсите]т на Востфак, чтобы с 1-го сент[ября] все начали там преподавать.

Кресты из березовых стволов в Павловском парке.

О[льга] И[вановна] С[мирнова].

Один из старейших сотрудников нашего Отделения О.И. Смирнова вспоминает о том, как И[нститут] в[остоковедения] возвращался из Ташкента в родной город на Неве. Разговоры о предстоящем отъезде из Ташкента начались еще в феврале 1945 г. Вскоре начали составлять списки на реэвакуацию, оформлять нужные документы. И вот в один прекрасный весенний день была дана команда уложить вещи и ехать на вокзал. Сотрудники И[нститута] в[остоковедения] сели в эшелон, к[ото]рым эвакуированные в Ташкент ленинградские институты возвращались в родной город. К сожалению, сам путь до Ленинграда уже как-то потускнел в памяти. Но когда поезд стал подходить к Ленинграду, все прильнули к окнам. Глубокое и волнующее впечатление произвела на всех картина потрясающих разрушений. Сам же город показался сначала как бы совсем неповрежденным, что, впрочем, потом изменилось. Прибывших из Ташкента на вокзале встречали А.А. Фрейман и оставшийся в Ленинграде уполномоченный ИВ по Ленинграду А.Н. Болдырев.

ИВ АН СССР в мае 1945 года.

<Зачеркнуто: Разговоры о скором возвращении в Ленинград начались среди сотрудников ИВ, находящихся в Ташкенте, еще летом 1944 г. Но это были всего лишь разговоры. Повод для них был, правда, весьма убедительный — победоносное шествие наших войск на Запад говорило о неизбежности победы нашего советского народа.>

В феврале 1945 г. директор ИВ акад[емик] В.В. Струве был вызван в Президиум АН СССР в Москву, где участвовал в комиссии по эвакуации ленинградских институтов, находившихся во время войны в Ташкенте. 25 апреля 1945 г. появился приказ № 17 по ИВ АН СССР, в котором А.М. Мугинов назначался помощником директора по вопросам эвакуации. С этого дня началась интенсивная работа по подготовке к отъезду из Ташкента — составлялись списки, оформлялись <зачеркнуто: нужные> документы <зачеркнуто: напр[имер], пропуска.>

7 мая 1945 г. в Институте было торжество — Президиум Верховного Совета Узбекской ССР вручил коллективу почетную грамоту за выдающиеся научные заслуги в период пребывания в Ташкенте. А на следующий день была дана команда укладывать <зачеркнуто: уложить> вещи, и в ночь с 9 на 10 мая <зачеркнуто: 1945 г. радостно возбужденные> сотрудники садились в поезд <зачеркнуто: вагоны>, стоявший у перрона ташкентского вокзала. Там они и узнали о Дне Победы! Ехали <зачеркнуто: удобно и хорошо> долго — 6 суток, но в пассажирских вагонах. <Зачеркнуто: За окнами буйно цвела весна. До Москвы ехали 6 суток.> В Москве провели несколько часов и вечером сели в другой поезд <зачеркнуто: он состоял из немецких купейных вагонов>.

Под утро все были у окон. <Зачеркнуто: Взору сотрудников предстала печальная картина разрушений.> Вместо хорошо знакомых довоенных зданий вокзалов в Угловке, Малой и Большой Вишере, в Бологом видны были груды битого кирпича, поросшие травой и лопухом. Рядом стояли вагончики, на которых были прибиты доски с названием станции.

В Ленинград прибыли <зачеркнуто: ночью, в ночь на> около 1 часу <зачеркнуто: днем>, <зачеркнуто: около 1 часа> в воскресенье 17 мая, днем — было <зачеркнуто: очень> холодно, в воздухе кружились крупные хлопья мокрого снега. Прибывших встречали уполномоченный ИВ по Ленинграду А.Н. Болдырев и А.А. Фрейман.

Тех, кто потерял в Ленинграде жилье, повезли в Дом ученых, где для них были приготовлены комнаты <зачеркнуто: со стороны ул.

Халтурина.> Было в них, правда, <зачеркнуто: неуютно> холодно, но зато была крыша над головой, да к тому же в родном городе. <Зачеркнуто: В этих комнатах> Многие сотрудники ИВ прожили здесь около двух месяцев, а затем, благодаря хлопотам и заботам директора, <зачеркнуто: были> получили жилье в других домах.

18 мая <зачеркнуто: в понедельник> все поспешили <зачеркнуто: побежали> в Институт, находившийся тогда в здании БАН. У входа стояли молодые ребята в военной форме, с винтовками, проверявшие пропуски, — в городе еще частично сохранялся режим военного времени. Грустное зрелище увидели сотрудники в здании — выбитые стекла, кое-как заделанные, покрытые толстым слоем пыли стены, черные полы <зачеркнуто: холод>.

24 мая директор ИВ подписал приказ № 20: «Во исполнение решения Президиума АН СССР и в соответствии с решением ГКО Институт востоковедения, находившийся в эвакуации в г[ороде] Ташкенте, считать вернувшимся и приступившим к работе в Ленинграде с 17 мая 1945 г.».

Вернулись и приступили к работе — а начинать надо было с восстановления. <Зачеркнуто: Дирекция Института делала все возможное, чтобы помочь сотрудникам.> Через несколько дней завхоз привез из Риги машину оконного стекла, и вскоре окна в <зачеркнуто: здании> помещениях Института прозрели. Этим же стеклом стеклили окна в квартирах сотрудников <зачеркнуто: где также не было стекол.> Институт снабдил сотрудников необходимой на первое время мебелью — столы, стулья. Не остались в долгу и сотрудники — они приносили из дома ведра, тряпки, полученное по карточкам мыло и мыли стены, полы, окна, столы. Интересно, что в Арабском кабинете все было завалено пачками поступивших за четыре года журналов и книг из арабских стран.

Библиотека ИВ начала работать буквально с первого дня, и в этом была большая заслуга О.Э. Ливотовой.

Через несколько дней директор ИВ попросил всех сотрудников отправиться в Университет, на Восточный факультет, чтобы с 1 сентября на всех кафедрах <зачеркнуто: разрядах> могли начаться регулярные занятия. Это сотрудничество ИВ с Востфаком упрочилось <зачеркнуто: стало прочным> с началом занятий — ученые Института подготовили много <зачеркнуто: целый ряд> университетских курсов.

10 июня был опубликован Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении сотрудников АН СССР. Среди них были и ученые ИВ (14 человек) <зачеркнуто: орден Ленина получили 6 чело-

век, Трудового Красного Знамени — 5 человек и «Знак Почета» — 3 человека»⁷. Это была награда <зачеркнуто: партии и правительства> за самоотверженный труд в годы войны.

В отчете о работе ИВ АН СССР за 1945 г. отмечалось, что, несмотря на отсутствие «тех условий, которые необходимы для плодотворной исследовательской работы» (напр[имер], рукописный фонд еще находился в консервации), коллектив сотрудников плодотворно трудился, был закончен ряд важных научных работ. Был выпущен в свет т[ом] III сборника «Советское востоковедение» (сверстанный <зачеркнуто: еще> в 1941 г.). 5 младших научных сотрудников успешно защитили кандидатские диссертации, 1 диссертация [была] представлена на степень доктора наук. Были восстановлены научные связи с Гос[ударственным] Эрмитажем, с академиями наук и филиалами АН СССР в республиках Средней Азии и Кавказа, проведен ряд научных сессий, в частности, сессия, посвященная исполнившемуся в 1945 г. 220-летию Академии наук.

Д. Бертельс.

(Статья написана по воспоминаниям О.И. Смирновой и К.Б. Старковой, <зачеркнуто: которым автор выражает глубокую признательность>, использованы также архивные документы.)

ИВ АН СССР в 1945 г.

В своем отчете о работе за 1945 г. директор ИВ АН СССР В.В. Струве писал, что в феврале 1945 г. он был вызван Президиумом АН СССР в Москву в связи с реэвакуацией института из Ташкента. Он участвовал в работе комиссии по организации реэвакуации ленинградских институтов АН СССР, пребывавших в Ташкенте во время войны.

25-го апреля 1945 г. по ИВ АН СССР был издан приказ № 17:

«§ 1. Мугинова Абдулладжана Мугиновича, кандидата филологических наук, назначаю моим помощником по вопросам реэвакуации.

§ 2. В связи с тем, что в Ташкенте временно остается часть сотрудников и аспирантов ИВ, в целях установления постоянной научной и научно-организационной связи как с остающимися сотрудниками и

⁷ Ордена Ленина были удостоены академики И.Ю. Крачковский (дважды), В.М. Алексеев, А.П. Баранников, С.А. Козин, В.В. Струве; ордена Трудового Красного Знамени — академики С.А. Козин и А.А. Фрейман и член-корреспондент Е.Э. Бертельс. П.В. Эрнштедт, Н.В. Пигулевская, В.М. Штейн, И.П. Петрушевский и А.Н. Болдырев награждены орденом «Знак Почета». 50 (или 54) сотрудников ИВ были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», пять человек — медалью «За оборону Ленинграда» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 73, 74а).

аспирантами, так и с научными учреждениями УзССР, назначаю уполномоченным Института востоковедения АН СССР в Ташкенте члена-корреспондента АН СССР, профессора Бертельса Евгения Эдуардовича.

Секретарем Уполномоченного назначаю аспиранта ИВ тов[арища] Тагирджанова Абдурахмана Тагировича.

Директор ИВ АН СССР, академик В.В. Струве».

К сожалению, о самом ходе возвращения сотрудников ИВ АН СССР нам ничего не известно, т.к. не сохранилось никаких документов.

24-го мая 1945 г. директор ИВ АН СССР подписал приказ № 20:

«Во исполнение решения Президиума Академии наук СССР и в соответствии с решением ГКО Институт востоковедения, находившийся в эвакуации в г[ороде] Ташкенте, считать вернувшимся и приступившим к работе в Ленинграде с 17 мая 1945 года».

В отчете о работе ИВ за 1945 г. есть такие строки: «Резэвакуация Института отняла много времени и сил. Да и в Ленинграде еще нет тех условий, которые необходимы для плодотворной исследовательской работы. До сих пор [отапливается] только часть здания, и это обстоятельство создает неизбежную тесноту. Рукописный фонд Института продолжает находиться в консервации, и значительная часть работ, основанных на исследовании рукописных источников нашего фонда, временно откладывается».

Однако, несмотря на трудности, коллектив сотрудников ИВ плодотворно работал, и был закончен ряд работ, имевших важное научное значение. Сотрудники ИВ активно участвовали в налаживании учебной работы на Восточном факультете ЛГУ. Это участие давало возможность ученым ИВ передавать подрастающему поколению свои новейшие исследования. Были подготовлены университетские курсы: введение в монголоведение, в индийскую и иранскую филологию.

Существенным был и рост научной квалификации сотрудников — 5 младших научных сотрудников успешно защитили кандидатские диссертации и 1 диссертация была представлена на степень доктора наук.

За годы войны и эвакуации естественно нарушились связи ИВ с востоковедными учреждениями. На протяжении 1945 г. ИВ восстановил деловые связи с ЛГУ, Гос[ударственным] Эрмитажем, Московским Ин[ститутом] востоковедения, с Академиями наук Грузии, Армении, Казахстана, Азербайджана, с филиалами АН Киргизии, Туркмении и Таджикистана.

Сотрудниками ИВ в порядке шефской работы был подготовлен ряд лекций: «Византия и Восток», «Чингисхан», «Русские путешественники в Центральной Азии», «Иран в мировой борьбе с фашизмом» и др.

В заключение следует напомнить, что в 1945 г. был выпущен в свет т[ом] III «Советского востоковедения», сверстаный еще в 1941 г., были проведены 2 юбилейные научные сессии в Ленинграде и в Москве в связи [с] 220-летием Академии наук.

Memento! Указ от 10.05.1945 г. о награждении орденами.

[Воспоминания].

<Зачеркнуто: Макарихина Галина Сергеевна.>

<Приписано карандашом: «Мы из Ленинграда».>

С января 1944 г. я служила в рядах Советской армии на 4-ом Украинском фронте в должности регулировщицы военной автомобильной дороги. Регулировщики движения шли сразу же вслед за передовыми частями. Участвовала при освобождении Севастополя и Симферополя. После освобождения Крыма нас перевели на 2-й Белорусский фронт. С нашими войсками мы перешли границу Польши, форсировали Вислу. Я регулировала движение на переправе через Одер у Кюстрина.

В конце апреля мы подошли к Берлину. После капитуляции Берлина я работала у Бранденбургских ворот, у Рейхстага. В день Победы с несколькими подругами, девушками-регулировщицами, я расписалась на Рейхстаге. На самом верху поверженного Рейхстага мы написали: «Мы из Ленинграда», подписали свои фамилии. После окончания войны я была оставлена для обслуживания Потсдамской конференции, в том числе советских руководителей.

Г.С. Макарихина⁸.

<Зачеркнуто: Ирина Михайловна Дунаевская.>

Военный переводчик.

<Зачеркнуто: У некоторых людей бытует мнение; Некоторые; В годы> Некоторые считают, что военный переводчик <зачеркнуто: мол> — штабной работник и прямых встреч с противником на поле

⁸ Машинопись. Очевидно, материал из той же стенгазеты.

Макарихина Галина Сергеевна, реставратор. Род. в 1924 г. в Калининской обл., с 1932 г. жила в Петергофе. В 1943–1945 гг. находилась на фронте. Имела звание ефрейтора. В 1948–1949 гг. работала реставратором в ГПБ. До 1956 г. служила секретарем-машинисткой в ряде организаций. С 1957 г. — сотрудник ЛО ИВ. Работала над реставрацией тангутской и дуньхуанской коллекций, санскритской рукописной коллекции Н.Ф. Петровского и китайской части коллекции П.К. Козлова. В 1983 г. вышла на пенсию (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 876).

боя у него не бывало, но вот, для примера, один эпизод, показывающий, в каких ситуациях оказывался переводчик на фронте <зачеркнуто: опровергающий эту ошибочную точку зрения>.

Во время боев по прорыву блокады Ленинграда в районе 8-й ГЭС я пришла с командиром полка, еще одним офицером и тремя солдатами на наблюдательный пункт на левом берегу Невы. Неожиданно нас окружила группа немецких автоматчиков — дело в том, что мы сперва приняли их за своих! Когда они открыли <зачеркнуто: по нас, нам> огонь, командир полка очень громко (в расчете на немцев!) скомандовал: «Товарищи бойцы и командиры! Занять оборону! Проверить оружие!»

Мы залегли за подбитым <зачеркнуто: накануне> немецким танком и за высокими пнями и начали отстреливаться из винтовок и автоматов. <Зачеркнуто: Стреляем, быстро перезаряжая винтовки и автоматы. Послышались крики раненых. Немецкие автоматчики залегли.> Вынуждены были залечь и немецкие автоматчики. Нас всего 6 человек... На счастье, на шум перестрелки подоспела группа наших разведчиков с пулеметом.

Я всю войну, вплоть до дня Победы <зачеркнуто: до 9-го мая 1945 г.>, была военным переводчиком и трижды была ранена.

И.М. Дунаевская.

<Зачеркнуто: Андрей Егорович Жариков.

Первый и последний залпы гвардейских минометов >

Залпы гвардейских минометов («катюш»).

Во второй половине декабря 1941 г. меня вызвали в Москву (в ту пору я был капитаном артиллерии). В Москве был сформирован артиллерийский полк, получивший новое оружие. Я был назначен <зачеркнуто: получил назначение> командиром отдельного дивизиона гвардейской минометной части Ставки Верховного командования. Для освоения нового оружия с нами провели... однодневные занятия. 28 декабря мы выехали на юг и прибыли в Новороссийск. В ночь на 1 января 1942 г. мы погрузились на пароход — 12 боевых машин, 36 транспортных и 250 солдат и командиров, — и вышли в море. Вскоре нас обнаружила немецкая авиация и сбросила несколько бомб. Было еще темно, когда мы в составе десанта высадились <зачеркнуто: высадились десантом> под Керчью и штурмом овладели городом. <Зачеркнуто: Гвардейские минометы> «Катюши» в этом бою молчали — нельзя было наш родной советский город подвергать действию столь сокрушительного оружия. <Зачеркнуто: Это могло привести к

ненужным разрушениям и к лишним жертвам среди мирного населения.>

Немцы стали драпать из-под Керчи, и вот тут-то, днем 1 января, мы дали залп из гвардейских минометов по отступающим колоннам немецких войск. Это был мой первый залп!

Когда мы увидели, что случилось с немецкими колоннами от этого первого залпа, то всю нашу усталость после бессонной ночи, после жестокого боя, как рукой сняло. Мощь этого нового оружия подняла боевой дух всего личного состава нашей части.

А последний залп? Последний залп наши грозные «катюши» <зачеркнуто: боевые машины> дали первого мая 1945 г. во время уличных боев <зачеркнуто: в логове фашизма> в Берлине. Чтобы уберечь наши войска от больших потерь в ходе бессмысленного уже тогда сопротивления противника, мы прошли улицы Берлина ливнями <зачеркнуто: шквалами> огня и расплавленного металла. 2 мая (тогда я командовал полком гвардейской реактивной артиллерии) я ехал в машине по берлинским улицам, и не было слышно уже ни единого выстрела.

А.Е. Жариков⁹.

Записал Д. Бертельс.

<Зачеркнуто: Вадим Александрович Ромодин.

Противотанковый ров.>

У стен Кенигсберга.

<Зачеркнуто: Была весна> Весной 1945 г. мы стояли северо-западнее Кенигсберга. Перед нами было внешнее кольцо укреплений города. Часть этого оборонительного кольца составляли <зачеркнуто: состояла из> старинные форты, сооруженные еще в конце XVIII — начале XIX вв. и модернизированные немцами в ходе войны. <Зачеркнуто: Будучи в то время> Я служил тогда в разведотделе штаба стрелковой дивизии и занялся изучением этих фортов. Пособляли мне ... визуаль-

⁹ Жариков Андрей Егорович (род. в 1914 г.). Завхоз, помощник заведующего, заместитель заведующего ЛО ИВ по административно-хозяйственной части. Родился в Орловской обл. В 1936 г. окончил Одесское военное артиллерийское училище и до 1961 г. проходил службу в Советской армии на офицерских должностях (командир взвода, батареи, дивизиона, начальник штаба артиллерийского полка, командир реактивно-артиллерийского полка, начальник курса Высшего инженерно-артиллерийского училища). Полковник. В 1949–1951 гг. служил в ГДР в советских войсках. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. С 1962 г. работал в ЛО ИВ. В 1975 г. уволился по состоянию здоровья (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 756).

ные наблюдения из НП, показания пленных и несколько военно-исторических книг, которые мне удалось достать <зачеркнуто: имевшихся в походной библиотечке.> Сопоставив все данные, я получил довольно подробные <зачеркнуто: достоверные> сведения об этих укреплениях <зачеркнуто: снабженные указаниями об их модернизации и чертежами>, их перестройке, а также их чертежи. Все как будто шло хорошо. Но вдруг оказалось, что <зачеркнуто: дальнейшему> продвижению приданных нам танков препятствует большой противотанковый ров, срочно выкопанный немцами. Сведений о нем у нас не было никаких, а как их добыть? Помощь пришла совершенно неожиданно — это был счастливый случай! Распахнулась дверь комнаты, в которой я сидел, и наши разведчики ввели в комнату двух перебежчиков — двух бывших военнослужащих французской армии, попавших в плен к немцам. Один — рядовой солдат, родом из Эльзаса, другой — капрал саперных войск! Оба они участвовали в сооружении <зачеркнуто: были отправлены немцами на сооружение> этого самого противотанкового рва. На мой вопрос капралу, может ли он дать схему рва, он ответил, что может. За каких-нибудь 10 минут он нанес на моей карте линию рва <зачеркнуто: и отдельно>, потом очень толково, со знанием дела вычертил схему того участка, на котором работал.

<Зачеркнуто: Взяв все> Получив эти данные, я немедленно отправился для доклада к начальнику штаба. И тут произошел такой диалог:

— Товарищ старший лейтенант, — обратился ко мне начштаба, — берите ваших людей и любыми путями добудьте мне сведения о противотанковом рве!

— Товарищ гвардии полковник, — ответил я, — разрешите доложить...

— Нет! <зачеркнуто: — был ответ> Отправляйтесь немедленно!

— Товарищ гвардии полковник, — упорствовал я, — разрешите доложить, что эти данные у меня уже есть!

<Зачеркнуто: ?!> Полковник только развел руками. Увидав мои чертежи и схему капрала, он задал мне только один вопрос — о степени их достоверности. Я объяснил ему, как было дело. <Зачеркнуто: Далее все пошло, как тому быть положено, а я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.>

За участие в штурме Кенигсберга я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

В.А. Ромодин¹⁰.

Записал Д. Бертельс.

<Зачеркнуто: Канат Калашевич Курдоев.

Ремонт зенитных орудий на передовой.>

Из воспоминаний зенитчика.

В начале 1943 г., по окончании артиллерийского училища в Ижевске, я был направлен в качестве техника-лейтенанта зенитной арт[иллерийской] дивизии на 2-й Прибалтийский фронт. В то время в Прибалтике находилась в «котле» 30-тысячная немецкая армия, которую мы и стерегли, перемещаясь все время по периметру «котла». В результате у немцев создалось впечатление, что они окружены плотным кольцом наших войск.

Однажды, после одной из передислокаций, наша зенитная часть сама оказалась отрезанной немецкими войсками. Двое суток мы были в окружении и вышли из него только после того, как использовали наши зенитные орудия для стрельбы прямой наводкой по наземным целям. В ходе прорыва пришлось оставить одно наше орудие, и моему подразделению было приказано <зачеркнуто: была дана команда> вывезти это орудие. <Зачеркнуто: И вот под покровом ночи> Ночью, используя рельеф местности и соблюдая полную тишину (немцы были рядом), мы двинулись на грузовике. Сейчас мне даже трудно сказать, сколько времени длилась эта операция, но закончилась она тем, что мы зацепили орудие тросом и благополучно доставили его в расположение нашей части.

А вот еще один случай. Как-то в ходе наступления немцы бросили целую зенитную батарею (4 орудия <зачеркнуто: пушки>). В то время к нашей дивизии присоединились части белорусских партизан, в моем подразделении их было 6 человек. Командование приказало нам изу-

---

¹⁰ Ромодин Вадим Александрович (1912–1984), кандидат исторических наук, историк, историограф, источниковед по Афганистану и Средней Азии. Родился в г. Пишпек Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. В 30-е годы учился в Ленинградском морском техникуме, был штурманом торгового флота В 1937 г. арестован, в 1939 г. освобожден и полностью реабилитирован. Поступил на исторический факультет МГУ. Всю войну служил в Красной армии в должности военного переводчика. Вернувшись после войны в МГУ, окончил в 1948 г. его восточное отделение, а в 1951 г. — аспирантуру. В 1952 г. приступил к работе в ИВ АН СССР в Москве. В 1955 г. был переведен в Ленинград в группу по изучению истории киргизов и Киргизии сектора восточных рукописей ЛО ИВ. В дальнейшем служил в Иранском кабинете. Разрабатывал две научные темы: история народов Средней Азии в позднее Средневековье и Новое время и история духовной культуры Афганистана на базе восточных источников. Преподавал в МГУ и ЛГУ (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 846).

чить эти немецкие зенитки <зачеркнуто: пушки> и обучить партизан стрельбе из них. И вскоре брошенные немцами орудия стали вести огонь по немецким войскам.

За что я получил орден Красной Звезды? Дело было так. Подразделение, которым я командовал, занималось ремонтом зенитных орудий. И вот однажды, после боя, я получил приказ произвести ремонт орудий батареи, весь расчет которой погиб. Когда мы уже закончили ремонт, немцы неожиданно предприняли атаку. <Зачеркнуто: А так как на батарее расчета не было, а были только мы, то мы — малоопытные в этом деле — изготовили.> На батарее были только мы, ремонтники, но мы сумели изготовить орудия к бою и начали вести прицельный огонь по наступающему противнику. Действовали мы успешно, <зачеркнуто: и вскоре> атака была отбита.

К.К. Курдоев¹¹.

Записал Д. Бертельс.

<Зачеркнуто: Любовь Матвеевна Кузьмина.>

От Выборга <зачеркнуто: Ленинграда> до Дальнего Востока.

В 1942 г. я была мобилизована и служила на Ленинградском фронте в 202-й стрелковой дивизии рядовым стрелком и поваром. <Зачеркнуто: Сначала на Ленинградском фронте.> Делать мне приходилось все, что положено делать солдату на фронте — стоять на посту, быть в карауле, стрелять, а еще — варить горячую пищу для солдат. Никогда не забуду <зачеркнуто: не изгладится из моей памяти> штурм Выборга, в котором я принимала участие. Противник отчаянно сопротивлялся, и когда я как-то шла по траншее с командиром части, то казалось, что воздух кишит осколками и пулями. Откровенно говоря, это было очень страшно. Выборг <зачеркнуто: Город> мы взяли, и около года наша дивизия простояла там.

Из-под Выборга нас привезли в Ленинград, переодели в новое обмундирование и посадили в теплушки <зачеркнуто: товарные ваго-

---

¹¹ Курдоев Канат Калашевич (1909–1985), доктор филологических наук, один из основоположников отечественного курдоведения, специалист в области языка, литературы, истории и этнографии курдов. Родился в Карсской области Кавказского наместничества. В 1931 г. окончил общественно-экономический факультет ЛИЖВЯ, затем ЛИФЛИ. В 1936–1939 гг. учился в аспирантуре филологического факультета ЛГУ. До 1941 г. работал в Институте этнографии АН СССР. В 1943 г. окончил Ленинградское артиллерийское училище и до 1945 г. служил в рядах Красной армии. По окончании войны досрочно демобилизован по ходатайству А.А. Фреймана, назначен преподавателем курдского языка на Восточном факультете ЛГУ и принят на работу в ИВ АН СССР. В течение 25 лет (1960–1985) руководил Группой курдоведения.

ны.> Полтора месяца ехал наш эшелон на Дальний Восток. Не помню, как называлось то место, куда нас привезли, помню только, что дальше железнодорожного пути уже не было.

<Зачеркнуто: Я была награждена восемью боевыми медалями, в том числе медалью «За победу над Японией».> Я была награждена восемью медалями, в том числе медалью «За победу над Японией».

Л.М. Кузьмина¹².

Записал Д. Бертельс.

<Зачеркнуто: Интервью с ветераном войны И.И. Цукерманом>
Отступить некуда!

<Написано в правом верхнем углу: Записал П. Грязневич.

В газету не пошло по желанию Цукермана.>

— Вы спрашиваете, что мне больше всего запомнилось, какой эпизод? Таких эпизодов за войну было много. <Зачеркнуто: Вот, видите ли, что я Вам скажу, таких эпизодов за войну, конечно, было много.> Первые увиденные мною немцы? Нет, это прошло как-то стерто... <Зачеркнуто: Были случаи, которые я всегда помню. Но они скорее человеческого или этнографического характера.> Из-под Ленинграда я попал на юг, воевал на Украине. Теперь все это слилось в один поток дней, если хотите — эпизодов <зачеркнуто: событий, как Вы говорите. Был, например, случай, эпизод>. Помню, например, такое. Стояли мы в деревне у одной тетки, она еще первую войну помнила. Сын ее <зачеркнуто: Так у нее сын> прислал письмо: «Мамо, напиши, как тебя зовут...» Понимаете, она всегда была для него просто «мамо», а тут аттестат, наверное, надо было оформлять <зачеркнуто: посылку надо было послать> или еще что. Так вот, а имени-то он не знает. «Мамо» и все! <Зачеркнуто: В деревне ведь <зачеркнуто: редко кого> часто всю жизнь называют или по прозвищу, или по отчеству.> А соседки так вообще называли ее по имени мужа — Андреевна. <Зачеркнуто: Ну вот, сын и пишет: «Мамо, напиши, как тебя зовут...».> Это было на Украине, там мы стояли. Но это скорее человеческого характера случай.

А самый запомнившийся эпизод был в начале войны под Ленинградом. Я о нем всегда рассказываю и даже писал. И ничего другого так не помню, как это. Понимаете, еще начало войны. Мы в полку все молодежь зеленая, студенты. И я сам такой же. <Зачеркнуто: И долж-

---

¹² Кузьмина Любовь Матвеевна (род. в 1917 г.). С 1957 по 1989 г. работала в ЛО ИВ уборщицей (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3., ед. хр. 1087).

ность у меня называлась странно — адъютант батальона. Главная моя задача была кричать: «Вперед! За мной, ребята!» Понимаете, «За мной!...» Мы отступали, <зачеркнуто: тогда было все непонятно. Куда? Что?> даже не знали точно, куда мы отступаем, и вдруг однажды с холма увидели Ленинград. <Зачеркнуто: Мы понимали> Мы вышли на Пулковские высоты и увидели Ленинград. Тут все остановились. Никто не приказывает идти назад, все как-то сами собирались, строились. Отступать некуда! <Зачеркнуто: Мы тоже собрались. Потом машины какие-то подали.>

Подали грузовики, нас подвезли немного. И вот мы опять идем, тут уже у всех такое чувство... Куда отступить-то, понимаете? И мы пошли вперед. <Вставлено: Там были еще какие-то части. Стрельба. Один командир стоял у обочины, махал рукой на запад и кричал: «Туда! Вперед, товарищи! <зачеркнуто: „За Родину, за Сталина!“>>. Помню, было поле, стога сена, мы перебежали, а до немцев, оказывается, рукой подать. Бежим, а нам навстречу, значит, огоньки... Должность у меня тогда называлась странно — адъютант батальона. Главная моя задача была кричать: «Вперед! За мной, ребята!» Понимаете, «за мной!...» Мы атаковали тогда немцев и задержали. Это был один из важных боев. <Зачеркнуто: И мы их задержали здесь.> Ну, я кричал «Вперед! За мной, товарищи!» Тогда меня сильно ранило, в плечо... <Зачеркнуто несколько фраз: По тогдашним понятиям, я допустил слабость, конечно. <Я попросил солдата вынести меня с поля боя.> Что надо было сделать? Иметь, как тогда говорили, последний патрон <для себя>, чтобы не сдаваться врагу. Я попросил солдата вынести меня с поля боя>. Но немцев мы тогда задержали. <Зачеркнуто: Вот вам эпизод какой!>

И.И. Цукерман¹³.

---

¹³ Цукерман Исаак Иосифович (1909–1998), иранист, курдовед. Родился в Минске. С 1929 по 1931 г. работал токарем на заводе «Красный металлист» им. Котлякова в Ленинграде. В 1931 г. начал учиться на кафедре иранской филологии ЛИЛИ (ЛИФЛИ) по курдскому циклу. По окончании учебы в 1934–1940 гг. работал ассистентом и старшим преподавателем филологического факультета ЛИФЛИ. В 1937–1950 гг. состоял старшим научным сотрудником Кабинета иранских языков Института языка и мышления (ИЯМ) им. Н.Я. Марра. В 1940 г. защитил диссертацию. В 1942 г. ушел на фронт добровольцем. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалью «За победу над Германией». В 1951–1957 гг. был доцентом Вильнюсского университета. В 1957–1978 гг. работал в ЛО ИВ АН СССР. Занимался грамматикой курдского языка, прежде всего его северного диалекта курманджи (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 791).

Строки из фронтового дневника¹⁴.

Дневник. Громко сказано. Всего лишь отрывочные записи-заголовки — в наивном расчете, что потом все вспомнится-восполнится. И те — только в период Туапсе — Кубань, как будто не было до того Ленинграда и Мешхеда, а потом Крыма (от Керчи до Севастополя), Карпат, Польши, Словакии... Да и записи все больше «гражданские» — лингвотнпсихологические.

5.11.42. НП — на горушке с видом на горы Семашхо, Два брата, Индюк. Высоты, можно сказать, у немцев. Отсюда они должны совершить прыжок на Туапсе.

6.11.42. Вчера впервые выпили фронтовую. Странный состав. Назвали его «Смерть клопам и тараканам», сокр[ашенно] «Смеклотара». Но достаточно крепкая. Очень нужно — разболелись ноги в суставах, ступни отекли. Настроение хорошее.

30.11.42. Перед нами 204 ГСП 97 ГСД¹⁵. Мюнхенцы, баварцы, описанные еще в «Успехе» Л. Фейхтвангера. Рослые, отборные. Много католиков. Упорные, тупые, жестокие.

11.12.42. Егеря — мюнхенцы теряют много солдат в бессмысленных контратаках. Не могут понять — как это не бегут от них, а встречают хорошим огоньком. Подлизываются в листовках: «Артиллеристы 67-го, вы хорошо стреляете, переходите на нашу сторону».

<Зачеркнуто: 13.12.42. Две бомбы упали в нашем расположении. Убило только одну лошадь. Среднеазиатские ребята из штабной роты набросились, как коршуны. Вмиг растерзали.>

15.12.42. Дело идет к ликвидации «индюкской» группировки немцев. Противник уходит за Пшиш. Конечно, здесь решающую роль сыграла наша дивизия.

<Зачеркнуто: 25.2.43. Станица Ахтырская. Дед Бруяк мне говорит (доверительно): «Тай мы ж не жиды якие або грэки...»>

5.3.43. Абинская. Бабка Анастасия Степановна Шинявская рассказывает. Сын ее еще в первой, империалистической, спрашивает в письме с фронта: «Мамо, как Вас зовут, а то меня спрашивают, а я не знаю, что ответить». И то правда. Муж никогда по имени не звал, все — «чуешь», «ты», а соседи <зачеркнуто: тоже> — «Иваниха», по мужу.

18.3.43. Мингрельская. Утро в избе. Разведчики: «Ну что, будем кашу долбать?» Худенький казачок Витя, лет 4-х: «Я тоже хочу кашу долбать».

¹⁴ Машинопись.

¹⁵ Сокращенные наименования немецких военных частей.

Кашу долбали, мясо рубали, водку пропускали. Это сейчас ее тормозят. — Тормознем бутылку?

7.5.43. Район выс[оты] 118.0. Бомбежка. Жестокий обстрел. Мужественно ведут себя Спирын, Лисицкий. Погиб милый человек рядовой Сидоров. Помнишь его жалобный взгляд? Но он был смел и скромен...

Конец мая (?) 1943. Западный, крутой берег Неберджайки. Много убитых. Раненый узбек тянет: «Му-сул-мо-о-н...» Это чтобы товарищи поскорее вынесли...

И. Цукерман.

<Зачеркнуто: 2.5.75.>

ВЫПИСКА¹⁶

из решения правления и партийного комитета колхоза «Родина» Орловского района Ростовской области от 9 января 1973 года.

СЛУШАЛИ: О присвоении звания «Почетный колхозник» колхоза «Родина» участнику боев за освобождение хутора Островянский от немецко-фашистских захватчиков лейтенанту 503 стрелкового полка, Баевскому Семену Исааковичу.

ПОСТАНОВИЛИ: За участие в боях по освобождению хутора Островянский от немецко-фашистских захватчиков и получившему тяжелое ранение в этом бою лейтенанту 503 стрелкового полка, 91 стрелковой дивизии, 52 армии и за активное участие в политико-воспитательной работе среди колхозников, военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения присвоить звание «Почетный колхозник» колхоза «Родина» товарищу Баевскому Семену Исааковичу.

Председатель колхоза «Родина» В.И. Киричков.

Секретарь парткома колхоза «Родина» А.Д. Цебер.

Печать Сельхозартели «Родина».

У хутора Островянский.

После длительного ночного марша мы вышли к хутору Островянскому, который нам предстояло взять. Рано утром, после артиллерийской подготовки, нашему полку, понесшему большие потери в предыдущих боях, удалось ворваться в хутор <зачеркнуто: Весь день мы> и занять его. К вечеру, как только начало темнеть, появились машины с немецкими солдатами — фашисты решили ввести в бой подкрепления. Мы заняли оборону, немцы подходили все ближе. Я был тогда

---

¹⁶ Машинопись.

лейтенантом, адъютантом командира полка. Во время контратаки меня ранило в руку разрывной пулей. Солдат помог мне добраться до одной хаты, хозяйка нашла марганцовку, помогла промыть и забинтовать рану. Она, как оказалось, запомнила меня.

Прошло 29 лет. В 1973 году меня разыскали <зачеркнуто: колхозники> и пригласили на хутор Островянский. <Зачеркнуто: Решением собрания правление колхоза «Родина» избрало, присвоило мне, избрало, я, правление.> Трудно писать о тех чувствах, которые я испытывал, когда на общем собрании колхоза «Родина» <зачеркнуто: решением колхозников я был избран> мне присвоили звание «Почетный колхозник».

С.И. Баевский¹⁷.

[Описание боевого пути. Специальный материал].

Дунаевская Ирина Михайловна.

Прошла по фронтам Вел[икой] Отечествен[ной] войны с апреля 1942 г. по 9 мая 1945 г. 1942–1944 — Ленинградск[ий] фронт — мл[адший] лейтенант, переводчик. С июля 1944 г. — 2-й Прибалтийский, 2-й и 3-й Белорусский фронты, участвовала в боях в Восточной Пруссии, в частности в штурме Кенигсберга.

Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Воробьев Михаил Васильевич¹⁸.

Рядовой 47-го запасного арт[иллерийского] полка под Ленинградом — январь–февраль 1945 г.

Награды: медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

¹⁷ Баевский Соломон Исаакович, кандидат филологических наук, иранист. Родился в 1923 г. в Могилевской обл. Белорусской ССР. В 1941 г. окончил школу и с началом войны поступил в военное училище. В звании лейтенанта воевал на фронте до января 1943 г., когда был тяжело ранен. Находился в госпитале в Уфе. После демобилизации поступил в Башкирский педагогический институт. Перешел в МГУ, затем на Восточный факультет ЛГУ. В 1956 г. стал сотрудником ИВ. Занимался изучением персидской лексикографии, а также описанием персидских и таджикских рукописей. В 1993 г. эмигрировал в США (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 947).

¹⁸ Воробьев Михаил Васильевич (1922–1995), доктор исторических наук, японист, корейст, историк, археолог, нумизмат, правовед, знаток военной истории и государственного устройства стран Дальнего Востока — Японии, Кореи, Китая. Родился в Петрограде. С 1941 г. — студент филологического факультета ЛГУ. С 1943 г. находился на фронте. Окончил Восточный факультет ЛГУ в 1950 г. По окончании университета работал в ИИМК, ГПБ, затем в ЛО ИВ АН СССР. Преподавал в ЛГУ (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 979).

Кальянов Владимир Иванович.

С 5-го июля — рядовой Народного ополчения на Ленинградском фронте. В январе 1942 г. принимал участие в боях в районе Шушар — Пулковских высот.

Награды:¹⁹.

Баевский Семен Исаакович.

<В правом углу красным карандашом приписано: исп.>

Свой боевой путь начал в звании лейтенанта на Сталинградском фронте. Участвовал в разгроме фашистских войск под Сталинградом (ноябрь 1942 г.), принимал участие в освобождении населенных пунктов Калмыцкой АССР и Ростовской области. 7 января 1943 г. в боях при освобождении хутора Островянский был ранен.

Награды: медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «20 лет Победы», «50 лет вооруженных сил СССР».

Зислин Меер Натанович²⁰.

1944 г. 2-й Прибалтийский фронт, затем в 1945 [г.] Ленинградский фронт — гвардии рядовой минометного взвода и связной.

Награды: медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Макарихина Галина Сергеевна.

С 1944 — 4-й Украинский фронт — Севастополь, Симферополь, регулировщица военной автодороги 15. 1944–1945 гг. — 2-й Белорусский фронт — Польша, Варшава, форсирование Одера, штурм Берлина.

Награды: медали «За взятие (правильно: освобождение. — *Ред.*) Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

---

¹⁹ Здесь в тексте пропуск. В.И. Кальянов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3а, ед. хр. 74а. Л. 6.).

²⁰ Зислин Меер Натанович (1916–2003), кандидат филологических наук, гебраист-историк. Родился в Двинске Лифляндской губернии (ныне Даугавпилс, Латвия). С декабря 1941 по июнь 1944 г. находился в Ташкенте и обучался на историческом факультете Среднеазиатского государственного университета (САГУ). Затем был мобилизован и до ноября 1945 г. служил в Красной армии. В 1945–1948 гг. был студентом исторического факультета МГУ. Затем преподавал в Латвийском педагогическом институте в Риге. С 1955 г. сотрудник ЛО ИВ. Сначала поступил в сектор восточных рукописей, в 1962 г. — в кабинет Ближнего Востока, затем работал в кабинете Древнего Востока. Исследовал еврейско-арабские рукописи, относящиеся к средневековой грамматической литературе. С 1984 г. на пенсии. Эмигрировал в Израиль (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3, ед. хр. 844).

Summary

The Institute of Oriental Studies in 1945.

Preface and publication by S.I. Marakhonova

These materials are believed to have been prepared for the special issue, of the wall newspaper of the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies, RAS, dedicated to the 30th anniversary of the Victory and including war-time memoirs of its veteran members. They were rewritten and edited by D.E. Bertels who was the Institute's "biographer". The notes deal with the memoirs of researchers of the Institute who participated in World War II and of some scholars who stayed in Tashkent where the Institute was evacuated.

Keywords: World War II, The Institute for Oriental Studies, Leningrad Branch, Archives.

Востоковеды и сотрудники Института востоковедения, погибшие в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда

---

1. БАРАБАНОВ Александр Михайлович 1906–1941
2. БЕНДЕР Иосиф Генрихович 1900–1942
3. БОГДАНОВА-БЕРЕЗОВСКАЯ Сарра Михайловна 1903–1942
4. БОРИСОВ Андрей Яковлевич 1903–1942
5. БУНАКОВ Юрий Владимирович 1908–1942
6. ВЕТОШНИКОВА Елена Владимировна 1900–1942
7. ВЛАДИМИРЦОВА Лидия Николаевна 1892–1941
8. ГЕВОРКОВА И.Г. ?–1942
9. ГЕНКО Анатолий Нестерович 1896–1941
10. ГЕЛЬФРЕЙХ Наталья Георгиевна 1893–1942
11. ГИНЦБУРГ Иона Иосифович 1870–1942
12. ГРЕБЕНЩИКОВ Александр Васильевич 1880–1941
13. ГУЛЬБИН Григорий Григорьевич 1892–1941
14. ЕЛКИНА Анна Фоминична 1875–1944
15. ЖУРАВЛЕВ Николай Павлович 1891–1942
16. ЗИМИН Александр Степанович 1880–1942
17. ЗУБАРЕВ Петр Петрович 1905–1942
18. ЗЮЗИН Еремей Данилович 1876–1942
19. ИВАНОВ Павел Петрович 1893–1942
20. ИНОСТРАНЦЕВ Константин Александрович 1876–1941
21. КАЗИН Всеволод Николаевич 1907–1942
22. КЛИМЧИЦКИЙ Сергей Иванович 1900–1942
23. КОКОВЦОВ Павел Константинович 1861–1942
24. КРАСНОДЕМБСКИЙ Валерий Евгеньевич 1907–1942
25. КРАУШ Ольга Александровна 1902–1942
26. КУЗНЕЦОВА Елизавета Ивановна 1905–1942
27. ЛЕМАНОВ Измаил Номанович 1871–1942
28. ЛЮБИН Наум Исаакович 1905–1941
29. МЕДОВАЯ Ефросинья Никитична 1907–1942
30. МУЛЛОКАНДОВ Азарио Эфраимович 1903–1942
31. ПОНОМАРЕВ Александр Иванович 1886–1942
32. РАЗУМОВСКАЯ Евгения Александровна 1906–1943

33. РАЗУМОВСКИЙ Константин Иванович 1905–1942
34. РОМАСКЕВИЧ Александр Александрович 1885–1942
35. РУДЕНКО Борис Тихонович 1896–1942
36. РУДОВ Леонид Николаевич 1888–1941
37. СЕМЕНОВ Даниил Владимирович 1890–1943
38. СТАРОСТИНА Федосья Ерофеевна 1886–1942
39. ФЛУГ Константин Константинович 1893–1942
40. ХЕТАГУРОВ Лев Александрович 1901–1942
41. ЦОВИКЯН Хорен Мкртычевич 1900–1942
42. ЮРАШЕВСКАЯ Александра Карловна 1907–1942
43. ЯКИМОВ Василий Дмитриевич 1904–1941

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ ИВР РАН	—	Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН
АВПР	—	Архив внешней политики России
АМ	—	Азиатский музей
АН	—	Академия наук
БАН	—	Библиотека Академии наук
БСЭ	—	Большая советская энциклопедия
ВАК	—	Высшая аттестационная комиссия
ВВС	—	Военно-воздушные силы
ВОВ	—	Великая Отечественная война (1941–1945)
ГПБ	—	Государственная публичная библиотека
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж
ДВГУ	—	Дальневосточный государственный университет
ИВ АН	—	Институт востоковедения АН СССР
ИВЯ	—	Институт восточных языков при МГУ
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры
ИЛФ	—	Историко-литературный факультет
ИЯМ	—	Институт языка и мышления
КБФ	—	Краснознаменный Балтийский флот
КНИИЯЛИ	—	Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЛАХУ	—	Ленинградское административно-хозяйственное управление
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
ЛДУ	—	Ленинградский Дом ученых
ЛИЛИ	—	Ленинградский институт литературы и истории
ЛИФЛИ	—	Ленинградский институт философии, лингвистики и истории
ЛО ААН СССР	—	Ленинградское отделение Архива АН СССР
ЛО ИВ АН	—	Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МГУ	—	Московский государственный университет
МПВО	—	Местная противовоздушная оборона
ПИЖВЯ	—	Петроградский институт живых восточных языков
РЖО	—	Районный жилищный отдел
РК ВМФ	—	Рабоче-крестьянский Военно-морской флот
РККА	—	Рабоче-крестьянская Красная армия
СПбФ АРАН	—	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>А.Н. Болдырев.</i> Журнал текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР. <i>Предисловие и публикация И.К. Павловой</i>	7
Избранные письма А.Я. Борисова П.К. Коковцову. Из переписки выдающихся русских семитологов. <i>Предисловие и публикация Н.С. Смеловой и Е.О. Шухман</i>	33
<i>Ю.В. Бунаков.</i> О значении так называемой литературной революции Китая. <i>Предисловие и публикация И.Ф. Поповой</i>	70
<i>А.Н. Генко.</i> О переводе адыгейского алфавита на русскую основу. <i>Предисловие и публикация А.И. Алиевой</i>	104
<i>А.В. Гребенищikov.</i> Устав шаманской службы маньчжуров. <i>Предисловие и публикация Т.А. Пан</i>	117
<i>П.П. Иванов.</i> Средняя Азия и Казахстан во второй половине XVIII в. <i>Предисловие публикация Е.И. Серовой</i>	134
<i>В.Н. Казин.</i> «Юн-лэ да дянь»: рукопись библиотеки ЛГУ. Дипломная работа. <i>Предисловие и публикация И.Ф. Поповой</i>	151
<i>В.Е. Краснодембский.</i> Ведда. <i>Предисловие и публикация Е.В. Таноновой</i>	192
<i>В.П. Таранович.</i> К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях города Казани. <i>Предисловие и публикация Т.А. Пан</i>	217
<i>К.К. Флуг.</i> Чао Гун-у и его библиография «Цзюнь-чжай ду шу чжи». <i>Предисловие и публикация И.Ф. Поповой</i>	236
<i>В.Д. Якимов.</i> Хубилганы. <i>Предисловие и публикация И.В. Кульганек и А.В. Попова</i>	286
Институт востоковедения в 1945 г. Воспоминания сотрудников (запись и редакция Д.Е. Бертельса). <i>Предисловие и публикация С.И. Марахоновой</i>	318
Востоковеды и сотрудники Института востоковедения погибшие в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда	340
Список сокращений	342

Научное издание

**Труды востоковедов
в годы блокады Ленинграда
(1941–1944)**

*Утверждено к печати
Институтом восточных рукописей РАН*

Редактор *А.А. Пименов*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *В.И. Мартынюк*
Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

Подписано к печати 29.04.11
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 22,0. Усл. кр.-отт. 22,3. Уч.-изд. л. 21,5
Тираж 800 экз. Изд. № 8441. Зак. № 2274

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6